

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, ПГНИУ, 8–9 апреля 2022 г.)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ
СОЦИОГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО

Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, ПГНИУ, 8–9 апреля 2022 г.)

Пермь 2022

УДК 94(082)
ББК 63.3(0)
А77

Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего [Электронный ресурс] : материалы всеросс. науч. конф. (г. Пермь, ПГНИУ, 8–9 апреля 2022 г.) / Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Электронные данные. – Пермь, 2022. – 3,22 Мб ; 298 с. – Режим доступа: <http://www.psu.ru/files/docs/science/books/sborniki/Aprelskie-tezisy-2022.pdf>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-7944-3939-7

Настоящее издание является сборником материалов всероссийской научной конференции «Апрельские тезисы. Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего», состоявшейся 8–9 апреля 2022 года в Пермском государственном национальном исследовательском университете. В конференции приняли участие молодые исследователи из разных городов России.

УДК 94(082)
ББК 63.3(0)

Издается по решению ученого совета историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета

Рецензенты: доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, археологии Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета, канд. ист. наук, доцент **Л. В. Женина**
учитель истории и обществознания МАОУ «Гимназия № 5» г. Перми, канд. ист. наук **О. В. Грекова**

ISBN 978-5-7944-3939-7

© ПГНИУ, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Всеобщая история

<i>Баченина В. В.</i> Геополитика австрийских пангерманистов: к вопросу о создании единой «германской нации».....	5
<i>Джуган А. В.</i> Врачи в античной литературе – между идеалом и пороком.....	15
<i>Козлова Е. А.</i> Материальная культура Великобритании в трактате Вэй Юаня «Иллюстрированное описание иноземных государств».....	23
<i>Сартакова А. К.</i> Деятельность США и Колумбии в сфере борьбы с наркоторговлей на рубеже XX–XXI веков.....	29
<i>Цыганов О. И.</i> Оценка международного значения червонца Г.Я. Сокольникова в отечественной историографии 1920–2010-х годов.....	39

Отечественная политическая история

<i>Боронин А. Р.</i> Формирование национальных страхов в годы Смутного времени.....	47
<i>Газизуллин Т. А.</i> «Ничего не придумаешь, никакого исхода – тревога, ужас и отчаяние»: антиромановский дискурс консерваторов-интеллектуалов накануне русской революции 1917–1921 годов.....	55
<i>Куськало Ю. В.</i> К проблеме борьбы с проституцией и торговом женщинами в Российской империи конца XIX – начала XX века.....	66
<i>Ломако П. Е.</i> Настроения русских анархистов в августе 1914 – феврале 1917 годов на примере листовок их петроградских групп.....	73

Отечественная социально-экономическая история

<i>Ахматова А. З.</i> Административная деятельность Д.А. Вырубова.....	79
<i>Всеволожский Г. К.</i> Социальное пространство Белгородского пехотного полка в 1720 году.....	85
<i>Ивченко Ю. О.</i> Воспитание в дворянской семье конца XIX века.....	94
<i>Колобова А. В.</i> Служащие на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда (1928–1937 годы).....	102
<i>Назаров А. А.</i> Особенности ориентации погребений у народов финноугорской и самодийской языковых групп по археологическим и этнографическим источникам.....	108
<i>Орлова Е. М.</i> Быт местного населения Гляденовского городища в позднеананьинском этапе раннего железного века.....	120
<i>Пуневский Я. В.</i> Общественное призрение в деятельности ярославского городского самоуправления в 1870–1914 годах.....	131
<i>Шакиров Р. Б.</i> О повседневной жизни матросов Черноморского флота перед второй русско-турецкой войной (1783–1787 годов).....	139

**Историография, источниковедение
и методы исторического исследования**

<i>Гребенищikov А. В.</i> «Извините меня за мои ошибки и каракули»: письмо-автобиография целинницы В.А. Предеиной как объект исторического исследования.....	149
<i>Крутикова Д. Д.</i> Модерн против постмодерна: сущность полемики Ю. Хабермаса и Ж.-Ф. Лиотара.....	159
<i>Рычина К. А.</i> Отражение специфики исландской модерности в сериале «Министр» 2020 года.....	167
<i>Стельмахов Д. А.</i> Проблема гендерного неравенства в работе Симоны де Бовуар «Второй пол».....	178
<i>Свечникова Е. С., Суханова В. О.</i> Особенности репрезентации советского бытия в романе А. Иванова «Пищевлок».....	183

Образы прошлого и настоящего в гуманитарных исследованиях

<i>Белова А. М.</i> Образ революции 1905–1907 годов в Перми на примере материалов периодической печати.....	190
<i>Петрова Т. М.</i> Тема народности в визуальной репрезентации Н. С. Хрущева в советской прессе (1957–1964 годов).....	197

Политические науки

<i>Абрашкин С. Н.</i> Роль губернаторов в реализации региональной культурной политики в 1990-е годы (на материалах Самарской и Ульяновской области).....	207
<i>Боронникова Ю. С.</i> Правовое обеспечение практики биополитики в Российской Федерации в 2010-е годы.....	212
<i>Казаков И. В.</i> Современный политический дискурс США и подходы к его изучению: проблемы и перспективы.....	227
<i>Коровин Д. В.</i> Децентрализованные политические массовые акции протеста: кросс-национальный анализ.....	235
<i>Штейникова И. В.</i> Гендерный вопрос в современной Бразилии.....	247
<i>Субботина А. А.</i> Политический бэкграунд местных после введения конкурсной модели избрания (случай Пермского края).....	258

Теории и практику Digital Humanities

<i>Соколов Ю. В.</i> Дискуссии о российской революции 1917 года в период 100-летнего юбилея революции: методика исследования отечественных веб-форумов.....	272
<i>Винник А. А., Воронцов Ю. А., Субботин М. А., Субботина Н. А.</i> «Атака мертвецов» в музыкальных композициях: анализ популярных музыкальных произведений второго десятилетия XXI века.....	288

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(436)+ 323.1+ 327.35

ГЕОПОЛИТИКА АВСТРИЙСКИХ ПАНГЕРМАНИСТОВ: К ВОПРОСУ О СОЗДАНИИ ЕДИНОЙ «ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ»

Баченина Валерия Вячеславовна
Уральский федеральный университет
им. первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина,
620075, Россия, г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
v.v.bachenina@urfu.ru

Аннотация

Главная цель исследования заключается в анализе ключевых принципов геополитического проекта австрийских пангерманистов в конце XIX в. Данный проект носил прагматичный характер и был направлен на выстраивание новой государственной организации и конструирование национальной идентичности с опорой на определенные коммуникационные концепты.

Ключевые слова

Георг фон Шёнерер; австрийский пангерманизм; Австро-Венгрия; XIX в.; германская нация; национальная идентификация; объединение

Конец XIX в. стал для Австро-Венгрии периодом зарождения и развития новой волны национальных конфликтов. Ядром этих брожений являлось, безусловно, славяно-германское противостояние, укрепившее позиции австрийских пангерманистов во главе с Георгом фон Шёнерером [Ратнер, 1970, с. 6]. «Шёнерианцы» взяли курс на создание новой государственной организации, в которой исключительному положению австрийских немцев придавалось ключевое значение. Но чтобы их сердца зажглись новым пламенем любви к Германской империи, воссоединение с которой было конечной целью всей политики пангерманистов в Австро-Венгрии, необходимо было позволить немцам Австрийской империи осознать свои «немецкие» корни.

Поражение Австрии в австро-прусской войне 1866 г., следствием которого стало объединение германских государств под руководством Пруссии в 1871 г., было важным, однако, болезненным этапом в процессе формирования национальной идентичности австрийских немцев. «Выпадение» из состава герман-

ского мира и формировавшейся германской нации привело к перестройке национального самосознания и поискам выхода из мучительного положения. Феномен «двойной лояльности» – к немецкому прошлому и Габсбургскому дому [Исламов, 2001, с. 36], – затормаживал процессы развития национального самосознания и не позволял преодолеть общегерманскую принадлежность как доминанту самоидентификации австрийских немцев. Спустя многие годы трагического исторического опыта, окончившиеся лишь в середине XX в., жители Австрии смогли возобновить (или лишь начать?) процесс формирования самостоятельной, независимой австрийской нации. Но на рубеже XIX–XX вв. ростки национального самосознания только начинали пробиваться из-под толстой корки общего немецкого прошлого, на что и обратили внимание определенные политические силы в Австро-Венгрии.

Ни для кого не является секретом, что деятельность националистически активных политических групп направлена на создание «эксклюзивного» сообщества, члены которого должны разделять определенные ценности и обладать конкретной идентичностью (национальной, культурной и т.п.). В рамках данного стремления геополитические проекты становятся одним из способов формирования идентичности: на основе единства территории, общего «прошлого», «будущего» и «настоящего» создаётся ощущение общности людей, относящихся к определенной области рождения и проживания.

Кроме этого, выстраивание диалога между государственной властью и политически активными группами и формирование национальной идентичности элиты титульной нации в мультинациональном государстве являются наиболее значимыми факторами для предотвращения конфликтов на национальной почве и базисом для гармоничного развития государства. Стоит отметить, что в свете необходимости решения данных проблем опыт австрийских пангерманистов не теряет своей актуальности, поскольку современный мир наполнен разными проявлениями ментальности, не последнее место среди которых занимает национальная идентичность.

В данном исследовании предпринята попытка проанализировать ключевые принципы геополитического проекта¹ австрийских пангерманистов и механизмы формирования на его основе национальной идентичности австрийских немцев. Замысел наших главных героев отличался от проекта германских пангерманистов, несмотря на то, что оба течения преследовали единую общеизвестную цель.

---

¹ В данном исследовании под «геополитическим проектом» автор понимает совокупность предложений, политических инициатив, установок и целей, логически связанных между собой темой «воссоединения с Германской империей». На основе данных планов автор реконструирует систему взглядов на цели внешней политики австрийских пангерманистов в конце XIX в. Акцент сделан на тех установках, которые непосредственно относятся к заявленной во введении цели.

В рамках исследования представляется важным ответить на такие основополагающие вопросы как: каковы были цель и этапы развития геополитического проекта? На какие темы и концепты опирались австрийские пангерманисты, чтобы не только оформить собственную политическую повестку, но и обратиться к потенциальным союзникам, сторонникам и избирателям? Существовали ли линии взаимосвязи данного проекта с языковой и национальной политикой пангерманистов в Австро-Венгрии? И, наконец, какое влияние геополитический проект, предложенный «шёнерианцами», оказал на процессы формирования национальной идентичности австрийских немцев?

В современной зарубежной и отечественной историографии проблема вклада австрийских пангерманистов шёнерианского направления в создание и развитие чувства сопричастности к определенной нации практически не освещена. Зарубежная историография сконцентрирована на исследовании роли пангерманистов в процессах развития национального самосознания [Kwan, 2013], символике национализма [Hamann, 2012], их оппозиционной деятельности [Whiteside, 1981]. В то же время отечественные исследователи склонны рассматривать австрийский пангерманизм как источник для формирования идей А. Гитлера, а их геополитику – лишь в контексте антигабсбургской политики [Ратнер, 1970].

Историографическое поле исследования находится на стыке таких направлений как история ментальностей, история понятий и интеллектуальная история. Методология исследования включает в себя концепцию «сценариев власти» Р. С. Уортмана, «борьбы культур» С. Мойна и группу теорий нациеведения: этносимволизм Э. Смита и концепцию «этнических границ» Ф. Барта. В основе исследования лежат историко-системный, историко-генетический, реконструкционный («ретроспективный») методы и принципы кросс-культурных исследований.

Источниковая база исследования включает в себя речи и программные документы австрийских пангерманистов, воспоминания современников, а также материалы австрийских и германских газет.

«Его Пангермания должна стать империей Гогенцоллернов» – так описал деятельность Георга фон Шёненера, лидера австрийских пангерманистов, последний губернатор Германской Восточной Африки Генрих Шнее [Schnee, 1943, s. 20]. Стоит лишь отдать должное его наблюдательности, поскольку главной целью геополитического проекта пангерманистов было комплексное решение «германского вопроса» в Австро-Венгрии. Стремление переустроить австро-венгерское государство и закрепить в нём за немцами ведущую роль трансформиро-

валось в необходимость физического отделения «славянских» областей государства и в то же время объединение «немецких» территорий с Германской империей.

Примечательно, что геополитический проект «шёнерианцев», не отличавшийся однородностью или неизменно одинаковым содержанием в период с 1873 по 1885 гг., представляется необходимым разделить на несколько этапов. В основе деления лежат те изменения в содержании их политической и общественной деятельности, которые привели к трансформации характера пангерманских акций, лозунгов и общего курса.

Итак, первым, «вводным», этапом стала пропаганда культа «германства» (1873–1876 гг.). Политическим кумиром Шёненера был один из самых знаменитых канцлеров Германской империи О. фон Бисмарк. В его честь австрийский пангерманист возвёл памятники по всему Вальдфиртелю, от которого он избирался в ландтаг и рейхсрат; организовал строительство в Розенау² башни, на верхнем этаже которой в день летнего солнцестояния разжигали огонь; в близлежащих деревнях трактирщики переделявали по его заказу вывески на своих заведениях: «У князя Бисмарка», «У железного креста», «У фельдмаршала Гинденбурга», «У немецкой стражи на Кампе». В честь Бисмарка сажали дубы, а подросткам в Цветтле³ массово раздавали островерхие прусские каски, сделанные из бумаги [Hamann, 2012, s. 340].

Шённерер умело играл с человеческим любопытством, организуя публичные собрания и шествия, на которых один громкий лозунг сменялся другим. Он не забывал и про символику движения, благодаря которой каждый мог бы узнать «почерк» австрийских пангерманистов: использование васильков, рун, активное исполнение немецких боевых песен и гимнов на их мотив. Ставка на элементы «фёлькиш»-движения, которое стало одной из основ пангерманизма, оказалась успешной.

В этот период Георг фон Шённерер активно занимался политической деятельностью в рейхсрате, что давало ему и его сторонникам новые возможности для агитации и распространения прогерманских и антигабсбургских лозунгов. В частности, лидер австрийских пангерманистов в декабре 1875 г. выступил с заявлением, что «австрийское государство не хочет отказываться от желания быть великой державой». По его мнению, в конечном итоге это приведёт к «печальным результатам» [Цит. по: Ratner, 1970, с. 56]. Спустя год Шённерер в очередной раз повторил требование отказаться от статуса великой державы, дуализма политической организации и сократить расходы на армию [Herwig, 1914, s. 28], дополнив своё выступление важным комментарием. «Мы, австрийские немцы, –

---

² Замок Розенау находится в регионе Вальдфиртель (Нижняя Австрия).

³ Цветтль является одним из культурных центров Вальдфиртеля (Нижняя Австрия).

заявил он перед членами рейхсрата в декабре 1876 г., – не должны упускать из виду, что нашей целью является воссоединение, т.е. теснейший союз с Германией» [Цит. по: *Ратнер*, 1970, с. 58]. Спустя два года Шёнерер пояснил, что его миссия заключается лишь в том, чтобы как «рупор нации» передавать плач по «воссоединению с Германской империей», который он «много раз слышал в Австро-Венгрии» [*Баченина*, 2022, с. 20].

Взаимодействие с бесчисленным количеством кружков и объединений способствовало в 1870–1880-х гг. донесению до общественности самых колоритных инициатив. Это коснулось и частной жизни сторонников движения: детям необходимо давать древнегерманские имена, а среди школьников и студентов пропагандировать культ здорового тела и воздержания, чтобы сохранить здоровье для блага немецкой нации.

Ещё одним органом трансляции необходимых австрийским пангерманистам установок стала система издательств и газет, наиболее известной среди которых была венская газета «Альдойчес Тагблатт» («Alldeutsches Tagblatt»). На ее страницах не только публиковались поздравления и воспевались достоинства Бисмарка и Шёнерера, но и предоставлялась информация о крупных пангерманских мероприятиях, в частности о проведении гимнастических и песенных фестивалей, собраний в пивных, вечеров с чтением докладов. Такими способами австрийские пангерманисты «готовили» немецкоязычное общество Австро-Венгрии к потенциально возможным изменениям.

Второй этап геополитического проекта, период «экономических инициатив», начавшийся в декабре 1876 г. и продолжавшийся по октябрь 1879 г. характеризовался планами по созданию единого экономического пространства между Австро-Венгрией и Германской империей, по усилению интенсивности контактов и проектами торгового и таможенного союзов. Шёнерер подчеркивал в своих выступлениях необходимость создания в первую очередь таможенного союза, который после государственно-правового оформления и включения его статей в содержание конституций Австро-Венгрии и Германской империи, должен был создать предпосылки для реализации планов по «торгово-политическому слиянию обоих государств» [*Unverfälschte Deutsche Worte*, 1899, s. 261].

Этап «отделения-присоединения», длившийся с октября 1879 г. по январь 1881 г., ознаменовался появлением первых программных документов с официально зафиксированными позициями и требованиями. В частности «Моя программа» Г. фон Шёнерера, в которой он выступил за противостояние «семитскому господству денег», предложил выделить территории, населенные венграми, в отдельное государство, которое было бы связано с Габсбургской «Австрией» лишь личной унией [*Политические партии*, 2018, с. 99]. Боснию и Герцеговину, территории которых были заняты Австро-Венгрией в 1878 г., Г. фон

Шёнерер предлагал превратить в автономные области, которые управлялись бы австрийским эрцгерцогом [*Hanisch, 2006, s. 189*]. В качестве альтернативы такому развитию австрийские пангерманисты настаивали на интенсификации экономических и политических контактов с Германской империей как «самым надежным гарантом австро-немецких интересов в монархии» [*Политические партии, 2018, с. 100*].

В 1881 г. австрийские пангерманисты выступили с новым призывом, начинающимся со слов «Немецкие соплеменники!». Основная цель данного обращения заключалась в «мощном пробуждении немецкого племенного самосознания» [*Hanisch, 2006, s. 192*]. Наравне с требованиями расширения избирательного права и отделения школы от церкви, Г. фон Шёнерер настаивал на законодательном укреплении политического союза с Германией, аргументируя это тысячелетней совместной историей немецких областей Австрии в составе Германской империи. Особенно лидер «шёнерианцев» подчеркивал, что именно немцы («*Deutsche Männer*»), «способные заботиться с горячим сердцем о народных нуждах», должны были встать во главе управления делами в государстве [*Hanisch, 2006, s. 193*]. В этот период выкристаллизовывался концепт «немецкости», лежащий в основе геополитического проекта.

Четвертым, «линцским» или «расовым», этапом являлся период с лета 1882 г., когда была подготовлена и принята Линцская программа, до 1885 г., когда в неё были внесены дополнения. Базовым принципом Программы 1882 г. оставалась идея объединения некоторых «коронных» земель бывшей Священной Римской империи, которые вошли после 1866 г. в состав Австро-Венгрии, с Германской империей. Сохранение «немецкого характера» данных территорий объяснялось «историческим развитием» и «современным положением Цислейтании» [*Österreichische Parteiprogramme, 1967, s. 199*]. Исходя из этой необходимости, обосновывалось требование о закреплении за немецким языком государственного статуса [*Kwan, 2013, p. 138*]. Данная связь между языковой политикой и геополитическим проектом имело решающее значение для австрийских пангерманистов, поскольку общность языка являлась одним из главных факторов идентификации членов будущей «единой немецкой нации».

Для комплексного взгляда на проблему трансформации геополитического проекта на последней стадии его развития необходимо обратиться к предвыборному воззванию Г. фон Шенерера 1885 г. В этом документе впервые была сформулирована антисемитская повестка, ставшая в дальнейшем характерной чертой австрийского пангерманизма и оттолкнувшая многих прежних сторонников этого направления: прозвучал призыв к «ликвидации еврейского влияния во всех областях общественной жизни» [*Österreichische Parteiprogramme, 1967, s. 204*].

Однако основной темой документа стал подробный план решения национального вопроса в Австро-Венгрии. Во-первых, земли Австро-Венгерской монархии, которые прежде принадлежали к Германскому союзу, должны образовать независимое и единообразное целое, которое было бы связано с Венгрией лишь личной унией. Во-вторых, Королевство Далмация, а также Босния и Герцеговина должны быть окончательно включены в состав Венгрии. В-третьих, «коронные» земли – Галиция и Буковина, – должны быть объединиться с Венгрией, или получить такой же статус внутри союза венгерских государств, какой имеет Хорватия [Österreichische Parteiprogramme, 1967, s. 199]. Эти меры, как можно заметить, развивали положения «Моей программы» 1879 г. С одной стороны, они были направлены на дезориентацию правящих групп в славянских землях. С другой стороны – должны были обеспечить преобладание немцев в органах управления и в целом на территории «коронных» земель за счёт уменьшения процента «ненемецкого» населения в Цислейтании и снижения финансовой нагрузки на первых (в связи с перераспределением квот для покрытия общих расходов империи) [Hamann, 2012, s. 353]. Таким образом, данный этап ознаменовался провозглашением программы, нацеленной на расчленение империи Габсбургов [Whiteside, 1981, p. 113] и физическим разделением славянского и немецкого населения.

На протяжении почти тридцати пяти лет развития геополитических взглядов и планов австрийских пангерманистов изменялся не только характер их «монолога», риторики, но и ключевые темы-концепты, на основе которых они формулировали свой дискурс. В общем и целом, можно выделить следующие темы коммуникации, связанные с геополитическим проектом и образующие зачастую дихотомические пары: «культурное превосходство немцев» («Überlegenheit»), «язык», «экономический союз», «единство», «немецкий характер», «освобождение, избавление», «чистота нации», «германство» («Deutschtum»), «славянская неполноценность» («Minderwertigkeit der Slawen»), «особое положение» («Sonderstellung»), «неполноценность Габсбургов», «воссоединение с Германской империей» («Wiedervereinigung»), «единая германская нация», «немецкое государство», «борьба против “засилья” евреев». Стоит подчеркнуть, что данные темы не только были актуальны для австрийских пангерманистов в контексте геополитического проекта, но и входили в состав других связанных с ним направлений их политической деятельности: языковая политика, национальный вопрос. Суммируя рассуждения пангерманистов о связи данных тем, можно предпринять попытку реконструкции логики их «монолога». Поскольку политика Габсбургов была направлена на поддержку интересов «неполноценных славян» и поощрение «засилья евреев в прессе и экономике», то «немцы» Австро-Венгрии на основе общности «языка» должны «освободиться», чтобы создать

«немецкое государство», основная ценность которого заключалась в «единстве германской нации». Начав с пропаганды «германства» и обеспечения «особого положения» как для немцев, так и для территорий Галиции и Буковины⁴ в составе Австро-Венгрии (для того, чтобы «очистить нацию») они перешли к созданию «экономического союза», что в совокупности обеспечило бы основу для «воссоединения с Германской империей».

Геополитический проект австрийских пангерманистов носил «прагматичный» характер и являлся органичной частью общего курса их политики: он был направлен на выстраивание новой государственной организации и конструирование «немецкой» национальной идентичности в противовес «не этнической» идентичности Габсбургов. Лояльность к правящей династии, верность императору, ощущение общности прошлого и будущего всех народов Габсбургской империи – всё это было в глазах австрийских пангерманистов не более чем выгодным объектом жесткой и непримиримой критики и насмешки. Для достижения своей цели они проводили коммуникацию с опорой на такие концепты как «язык», «избавление», «воссоединение», «неполноценность славян и Габсбургов», «культурное и расовое превосходство немцев» и многие другие.

Неспособная решить славяно-германский конфликт и взять под контроль усиление пан-движений династия столкнулась с ростом германофилии, бисмаркомании и стремлением создать «великую Пангерманию» под руководством Германской империи со стороны некоторых представителей политической и интеллектуальной элиты, боровшихся против «габсбургской идентичности». На фоне этих настроений проект австрийских пангерманистов во главе с Г. фон Шёнере-ром представлялся сторонникам монархии ужасной химерой: выселение евреев и переселение славян в области с преобладающим славянским населением и объединение немецкоязычных частей Австро-Венгрии с государством Гогенцоллернов должны были привести к катастрофе. Хотя практические результаты их деятельности проявились лишь в 1930-х гг., когда австрийские пангерманисты вместе с их лидером были, казалось бы, оставлены на суд истории, предпосылки к сдвигам в ментальности австрийского общества, подготовившие почву для аншлюса Австрии, закладывались уже в конце XIX в. «Немецкость» и ощущение единства двух немецкоязычных сообществ (австрийского и германского), о которых в сегодняшней Австрии говорят с предельной аккуратностью, пользовались симпатией со стороны политической и интеллектуальной элиты австрийского общества начала XX в. В конце концов, это привело к тому, что ненавистная австрийским пангерманистам «габсбургская» идентичность слилась с

---

⁴ В этом воззвании термин «особое положение» или «особый статус» («Sonderstellung») понимается в том смысле, что Галиция и Буковина должны были получить автономию в составе Цислейтании и не вмешиваться во внутренние дела австрийских немцев.

«немецкой» в уникальном синтезе в сознании молодой нации и до сих пор порождает новые формы мироощущения в рамках уже официальной «австрийской» идентичности.

Библиографический список

Баченина В. В. «Кто сеет ветер – пожнет бурю»: критика идей Г. фон Шёнепера // *Imaginesmundi: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв.* 2022. № 12. Сер. Германика. Вып. 1. С. 18–25.

Исламов Т. М. Империя Габсбургов. Становление и развитие. XVI–XIX вв. // *Новая и новейшая история.* 2001. № 2. С. 10–40.

Политические партии и общественные движения в монархии Габсбургов, 1848–1914 гг. Очерки / отв. ред. О. В. Хавановой. М.: Индрик, 2018. 408 с.

Ратнер Н. Д. Очерки по истории пангерманизма в Австрии в конце XIX в. М.: Наука, 1970. 224 с.

Hamann B. *Hitlers Wien. LehrjahreeinesDiktators.* München: Piper, 2012. 642 s.

Hanisch E., Urbanitsch P. *DiePrägungderpolitischen Öffentlichkeitdurch die politische Strömungen // Die Habsburgermonarchie 1848–1918. Bd. VIII. Politische Öffentlichkeit und Zivilgesellschaft.* Wien : Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2006. 1491 s.

Herwig (E. Pichl). *Georg Schönerer und die Entwicklung des Alldeutschtumes in der Ostmark.* Wien: Selbstverlag des Verfassers, 1914. Bd. 3. 486 s.

Kwan J. *Liberalism and the Habsburg Monarchy, 1861–1895.* New York: Palgrave Macmillan, 2013. 307 p.

Österreichische Parteiprogramme 1868-1966 // hrsg. von B. Klaus. Wien: Verlag für Geschichte und Politik in Wien, 1967. 528 S.

Schnee H. *Georg Ritter von Schönerer. Ein Kämpfer für Alldeutschland, mit ausgewählten Zeugnissen aus Schönerers Kampfzeit für deutsche Einheit und deutsche Reinheit.* Reichenberg : Sudetendeutsche Verlag F. Kraus, 1943. 275 s.

Unverfälschte deutsche Worte. 1899. Num. 2. 261 s.

Whiteside A. *Georg Ritter von Schönerer. Alldeutschland und sein Prophet.* Wien: Verlag Styria, 1981. 344 s.

GEOPOLITICS OF THE AUSTRIAN PAN-GERMANISTS: TO THE ISSUE OF “GERMAN NATION” UNIFICATION

Bachenina Valeriia V.

Ural Federal University, 4, Turgeneva str.,
Ekaterinburg, 620075, Russia,
v.v.bachenina@urfu.ru

Abstract

The primary objective of the research is to concern the key principles of the Austrian Pan-Germanists geopolitical project at the end of the 19th century. This project was in the pragmatic nature and was aimed at building a new state organization and constructing a national identity based on certain communication concepts. The struggle against the official "Habsburg" identity became one of the key propaganda means for the Austrian pan-Germanists.

Keywords

Georg von Schönerer; Austrian Pan-Germanism; Austro-Hungary; XIX c.; german nation; national identification; unification

ВРАЧИ В АНТИЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ – МЕЖДУ ИДЕАЛОМ И ПОРОКОМ

Джуган Арина Васильевна
Пермский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
614015, Россия, г. Пермь, ул. Сибирская 24,
dzhugan44@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются образ античного врача, который имеет противоречивый характер. С одной стороны, в медицине и философии сложилось представление о враче как образце морали и нравственности, как носителе идеи здоровья и блага. С другой – античные комедиографы показывали пороки врачебной профессии: необразованность, шарлатанство, убийства.

Ключевые слова

Врачи; образ идеального врача; шарлатанство; античная медицина; античная литература.

Медицина в силу своей жизненно важной необходимости, которая объяснялась частыми эпидемиями и войнами, способными навредить здоровью человека, еще с древнейших времен приобрела статус «самого благородного из всех искусств» [Гиппократ, 1936, с. 93]. Взлет античной медицинской мысли, который пришелся на V–IV вв. до н. э., связанный с деятельностью Гиппократа и основных медицинских школ – Кротонской, Книдской, Косской, привел к восхвалению врачевания и уважению его представителей. Но и задолго до этого великий древнегреческий поэт Гомер впервые дал характеристику врачам в поэме «Илиада»: «Опытный врач драгоценнее многих других человек; зная вырезать стрелы и язвы целить врачевствами» [Гомер, XI, 514–515]. И этому имелся повод – активными участниками событий были уважаемые врачи-воины Асклепий и его сыновья Подалирий и Махаон, военные хирурги. Более того Диодор Сицилийский в «Исторической библиотеке» упоминал, что сыновья Асклепия пользовались большой славой среди эллинов, которые разрешили им не участвовать в сражениях, чтобы не подвергаться опасностям, и избавили от других повинностей, поскольку польза от врачевания была огромна [Диодор Сицилийский, IV, 71, 4].

Врачевание ценилось не столько как практическая деятельность, сколько как идея гармонии и противоборства здоровья и болезни, как морально-этический идеал для всех остальных искусств и для отдельно взятого человека в том числе. Высоконравственность врачевания отражена в философских сочинениях, написание которых совпадает с моментом расцвета древнегреческой медицины, в классический период. Их особенность заключается в том, что одновременно с похвалой лекаря на него накладывался перечень обязательных требований.

Самым показательным сочинением является «Гиппократов сборник», где большой упор сделан на этику как ядро медицины и конструирование образа врача. Итак, чтобы быть идеальным врачом, нужно совпадать по трем условным категориям: профессиональные и личностные качества врача, а также его отношения с больным. Профессионализм заключался в приобретении знаний и практического опыта, ибо «неопытность – плохое сокровище и плохое имущество для своих обладателей» [Гиппократ, 1936, с. 94]. Личностные качества составляли набор общих социально-значимых одобряемых качеств – это справедливость, доброта, честность, презрение к деньгам и мудрость. Гуманистические начала во взаимоотношениях врача и пациента сформулированы в «Клятве» Гиппократа: «Я направлю режим больных к их выгоде сообразно с моими силами и моим разумением, воздерживаясь от причинения всякого вреда и несправедливости» [Гиппократ, 1936, с. 87]. Также отмечались желательными для лекаря аккуратный внешний вид, приятный запах, серьезное выражение лица, кроткое поведение и минимальные разговоры, касающиеся исключительно медицины. Гармония всех составляющих частей говорила о высоком уровне профессионализма и могла гарантировать врачу заслуженный авторитет, славу и богатство.

Много о медицине рассуждал Платон. Ни один его диалог не обходился без излюбленных обращений к примерам из медицины и сравнения ее с предметом разговора. По мнению Платона, искуснейший врач должен иметь «дело по возможности с большим числом больных» [Платон, 2016, с. 128] и с малолетства изучать науку. Важно, что лекарь у него был носителем идеи здоровья и проводником к благу, а таким мог стать только человек достойный: «Ведь лечат не телом <...> нет, лечат душой, а ею невозможно лечить, если она у врача плохая или стала такой» [Платон, 2016, с. 128]. И даже метод Сократа, главного участника «Диалогов» Платона, аналогичен с медицинским – майевтика (дословно «повивальное искусство»), с помощью которого философ сопровождал человека на пути от незнания к знанию через искусство задавания вопросов. Точно так же античный врач проводил больного по дороге от болезни до здоровья. Философ

признает заимствование врачебных технологий в своих беседах: «А не слышал ли ты, что и я промышляю тем же ремеслом? [Сократ, 1936, с. 25]»

О том, что врач должен владеть тремя основными частями философии: логикой, физикой и этикой, писал римский врач греческого происхождения Гален в трактате «О том, что лучший врач есть также философ». Другой римский врач, Соран Эфесский, занимаясь гинекологией, в главах «О том, кто способен быть повивальной бабкой» и «Какая повивальная бабка есть наилучшая» впервые сформулировал правила для акушерки. Идеальной могла считаться женщина «образованная, сообразительная, обладающая хорошей памятью, трудолюбивая, скромная...» [Соран, 1898, с. 1]. В целом, существовало множество концепций идеального врача, который включал в себя два обязательных пункта – образование и опыт, а лекарь обязывался их выполнять, выполняя заветы «Клятвы» Гиппократов.

Однако греческий идеал врача часто не находил воплощения в действительности: человеческие пороки брали вверх над искусственно созданным образом. К слову, идеал и был создан в противовес происходившему беспорядку в медицине, вызванным нахождением во врачебной среде профанов, выдающих себя за специалистов. По этому поводу Гиппократ выражал неподдельную обеспокоенность и видел причину упадка в безнаказанности врачей: «В государствах одной лишь медицинской профессии не определено никакого другого наказания, кроме бесчестия, но это последнее ничуть не задевает тех, от которых оно не отделимо [Гиппократ, 1936, с. 93]. Гален, описывая подобный кризис в Риме II в., называл причину в поведении его коллег, которое не заслуживает никакого оправдания.

Больше всего критики врачей содержится в римской литературе. В царский период истории (и вплоть до конца III в. до н.э.) врачевателей-профессионалов в Риме не было – лечили дома народными средствами: травами, кореньями, плодами, их отварами и настоями, часто в сочетании с магическими заговорами [Сорокина, 2008, с. 152]. Потоки не отличавшихся образованием и опытом врачей стекались из Греции, Египта, Сирии и др. в целях получения работы и материального достатка. Гален отмечал «профессиональный и моральный упадок медицины в Риме II века, где стремление к легкой наживе и быстрой славе заменило собой заботу о больном» [Гален, 2019, с. 88]. Вскоре греческие врачи завоевали славу обманщиков, шарлатанов и безжалостных убийц и стали объектом для насмешки в литературе.

В целом обращение к медицинским сюжетам в литературе было повсеместным, потому что врачевание являлось доступным и понятным для каждого человека явлением. В лучшем случае к врачам относились несерьезно, шутливо. Например, в древнеримском романе Петрония «Сатирикон» о них говорится: «Лекарь – тот знает, что у народишка в кишках делается, да еще когда лихоманка приходит; хоть я их и терпеть не могу: уж очень часто они меня утятинной горькой потчуют». В худшем – открытая агрессия и ненависть. Старый Катон яро протестовал против приезжих греческих врачей: «Греки, – говорил он, – поклялись убить всех варваров при помощи медицины» [Боннар, 1992, с. 408].

Что касается основных качеств врачей-профанов, то они были противоположны идеалу. Одним из первых, кто высмеивал лекарей, был древнегреческий комедиограф Аристофан. В комедии «Плутос» главные герои решили вылечить от слепоты бога богатства Плутоса, но они столкнулись с отсутствием врачей в городе:

«Блепсидем. А может быть, к нему врача бы нам позвать?

Хремил. Какой же врач найдется в нашем городе?

Вознагражденья нет – так и леченья нет» [Аристофан, 1983, с. 67].

Здесь медицинская помощь показывается далеко не бескорыстной деятельностью, а прямо зависящей от оплаты услугой: презрение к деньгам как одно из главных качеств врача не соблюдается. Далее действие переносится в храм бога медицины Асклепия, где Плутос проходит процедуру инкубации – сон в специальном помещении храма после религиозных ритуалов и жертвоприношений. Однако во время процедуры, когда больные спали, служитель храма нагло обворовал страждущих, забрав все жертвенные подношения богу себе:

«Но тут, глаза поднявши, вижу я, что жрец

Утаскивает фиги и пирожные

От трапезы священной. После этого

Стал обходить проворно алтари кругом –

Не пропустил ли где лепешки жертвенной.

Потом все это посвятил... в мешок себе» [Аристофан, 1983, с. 106]!

Римская комедия изобилует еще большим количеством недостатков у врачей. У комедиографа II в. до н.э. Плавта в комедии «Два Менехма», врач при первом же появлении в комедии изображается хвастливым, лгущим, болтливym человеком, который позволяет себе опаздывать и отнимать драгоценное время больного:

«Сидеть устали кости и глаза глядеть,

А все никак не мог дожидаться лекаря.

Потом, вернувшись, стал он говорить, что он
И Эскулапу излечил полом ноги,
И Аполлону руку. Так что, кажется,
Ваятеля позвал я, а не лекаря.

Да вот он! Будто черепаха, движется» [*Плавт Тит Макций*, 1997, с. 1268].

Далее лекарь в ходе незамысловатой беседы и вовсе называет абсолютно здорового человека безумным.

Помимо обладания далекими от идеала качествами, имело место откровенное шарлатанство, о чем повествует Лукиан Самосский, римский писатель II в., противник религии и самопровозглашенных культов, в своем сатирическом сочинении «Александр или Лжепророк». Во времена жизни Лукиана происходил общий хозяйственный кризис Римской империи, который вызвал к жизни новые верования. Многие нашли в этом золотую жилу, и в данном произведении показано, как знаменитый мистик Александр из Абонотейха использовал культ Асклепия как махинацию и объявил себя его толкователем воли. Он занимался чудесными исцелениями, основанных на вере людей, и ловко уходил от ответственности:

Часто он предрекал больным перед смертью здоровье, а когда они умирали, была уже наготове другая песня:

«Помощи более ты не ищи в своей тяжелой болезни,

Ныне погибель твоя очевидна, ее не избегнешь» [*Лукиан*, 1962, с. 116].

В непрофессионализме обвинял врачей Эзоп, полулегендарный древнегреческий баснописец VI в. до н. э. Осталось несколько переработанных текстов Эзопа на врачебную тему – «Больной и лекарь», «Лекарь и больной», «Лягушка-врач», но большего внимания заслуживает басня «Неумелый врач», где по сюжету врач при каждом удобном случае предрекал больному смерть, вместо того чтобы его лечить. Выздоровевший больной пошутил над врачом и сказал, что Смерть и Аид разгневались на врачей, которые не давали больным умирать, и разыскивали их: «Хотели они и тебя записать, но уж я упал к их ногам и, как ни стыдно мне было, поклялся им, что вовсе ты не врач, и что это напрасно на тебя наклеветали» [*Эзоп*, 1968, с. 151]. Таким образом, не считается врачом тот, кто просто им зовется. Так и Платон говорил о том, что недостаточно знать много лекарств, чтобы нарекать себя лекарем.

Однако не сравнятся упреки в сторону врачей с самым главным обвинением – в убийстве больного. Лукиан в эпиграмме, говоря с позиции врача, пишет: «Собственноручно в Аид низвергаю я многие души [*Лукиан*, 1962, с. 456]». Зна-

менитый римский поэт-эпиграмматист Марциал никогда не упускал случая сравнить врача с убийцей. В его эпиграммах лекари часто меняют род деятельности, которые, по его мнению, схожи с врачебной профессией: «Ты гладиатором стал, а раньше ты был окулистом. Как гладиатор теперь делаешь то же, что врач» и «Врач был недавно Дьявл, а нынче могильщиком стал он. То, что могильщик теперь делает, делал и врач» [*Марк Валерий Марциал*, 1994]. У Марциала гладиатор и могильщик – люди, непосредственно сталкивающие со смертью, становятся для него сродни медицине, которая напротив должна вести к здоровью и жизни.

Итак, совокупность всех негативных качеств создают иной образ врача – хитрого, жадного, необразованного, одним словом, порочного человека. Согласно литературе, такое поведение врача стало настолько обыденным, что прочно укоренилось в сознании античного человека. В комедии Менандра «Щит» описывался случай, когда для обмана потребовалось сыграть врача и для этого герою достаточно переодеться и несвязно говорить:

«Чего ж тут сложного?

Я вмиг вернусь сюда с одним из сверстников,

Дам палку, плащ и накладные волосы –

Пусть вдоволь мелет чушь» [*Менандр*, 1982, с. 185].

Собственно, этим и занялся врач, проговаривая вслух незнакомые ему медицинские термины: «Разлейте желчи явное... Мне кажется... из-за обострения» [*Менандр*, 1982, с. 188].

Представления об античных врачах заключает в себе полярные точки зрения: с одной стороны, недостижимый идеал морали, повсеместный почет и уважение, а с другой – примитивная культура и низкие помыслы, высмеянные в античной комедии и сатире. Обе эти стороны однобоки и гиперболизированы, так как философы в своих сочинениях подкрепляли уже имевшийся социальный статус лекарей, а комедиографы описывали бытовые ситуации в простых понятиях и формах, рефлексировав человеческие пороки. Но, несмотря на полярность мнений, врачами все равно было спасено множество жизней, и даже более того – именно порицаемые греческие врачи часто становились новаторами, энциклопедистами и великими учеными, сумевшими построить римскую медицинскую науку на греческих началах и прославить ее своими открытиями.

Библиографический список

Аристофан: Плутос. М., 1983. 181 с.

Басни Эзопа. Перевод, статья, комментарии М.Л. Гаспарова. М.: «Наука», 1968. 320 с.

Боннар А. Греческая цивилизация. Т.3. От Еврипида до Александрии. М.: «Искусство», 1992. 448 с.

Пролыгина И. В. Гален Пергамский и его трактат «О том, что наилучший врач есть также философ» // Историко-философский ежегодник. Институт философии РАН (Москва). 2019. № 2011, С. 82-92.

Гиппократ. Избранные книги / Пер. с древнегреч. В. И. Руднева/ под ред. В. П. Карпова. М., 1936. 736 с.

Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. СПб., «Наука» РАН, 2008. 572 с.

Диодор Сицилийский. Греческая мифология (Историческая библиотека). М., Лабиринт, 2000. (Серия «Античное наследие»). Пер. с древнегреч. по изданию: Diodori Sicili Bibliotheca Historica. Recognovit Fr. Vogel. Vol. I. Lipsiae, 1888.

Из соч. Сорана Эфесского «О женских болезнях»/ пер. С.Д. Янпольского. – СПб: С.-Петербург. губ. тип., 1898. 12 с.

Лукиан из Самосаты. Избранное. М.: ГИХЛ, 1962. 515 с.

Марк Валерий Марциал. Эпиграммы/ пер. Ф. А. Петровского. СПб., Издательство АО «КОМПЛЕКТ», 1994. [Электронный ресурс] URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1314200001> (дата обращения: 05.04.2022).

Менандр. Комедии. Фрагменты. М.: «Наука», 1982. 574 с.

Плавт Тит Макций. Собрание сочинений в 3-х томах. М.: «Терра», 1997. 2225 с.

Платон. Государство. М.: АСТ, 2016. 448 с.

Платон. Теэтет [перевод с древнегреческого и примечания Сегежникова] / Платон. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 191 с.

Сорокина Т. С. История медицины: учебник для студ. высш. мед.учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 560 с.

DOCTORS IN ANTIQUE LITERATURE – BETWEEN IDEAL AND VICE

Dzhugan Arina V.
Perm State Humanitarian
Pedagogical University, 24, Sibirskaya str.,
Perm, 614015, Russia,
dzhugan44@gmail.com

Abstract

The article examines the image of an ancient doctor, which has a contradictory character. On the one hand, medicine and philosophy have developed an idea of a doctor as a model of morality, as a bearer of the idea of health and well-being. On the other hand, ancient comedigraphers showed the vices of the medical profession: ignorance, quackery, murder.

Key words

Doctors; image of the ideal doctor; quackery; ancient medicine; ancient literature

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ В ТРАКТАТЕ ВЭЙ ЮАНЯ «ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ОПИСАНИЕ ИНОЗЕМНЫХ ГОСУДАРСТВ»

Козлова Екатерина Андреевна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
1011000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20,
eakozlova_9@edu.hse.ru

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию отображения материальной культуры Великобритании в историко-географическом трактате цинского ученого Вэй Юаня (魏源 1794–1856) «Иллюстрированное описание иноземных государств» (海國圖志, «Хайготучжи»). Автором статьи был выполнен перевод и анализ части источника (фрагменты свитков 51, 52, 53); в ходе статьи приведены основные особенности характеристики Вэй Юанем обычаев и быта британцев. Помимо этого, автором приведено сопоставление некоторых деталей материальной культуры Великобритании с китайскими реалиями того времени: например, традиции, связанные с едой и напитками, одеждой, устройством дома. Автором прокомментированы некоторые фрагменты текста, связанные с непривычными для Китая середины XIX века традициями быта и повседневной жизни.

Ключевые слова

Китай; Великобритания; Вэй Юань; имагология; «Иллюстрированное описание иноземных государств»; материальная культура; Опиумные войны.

«Иллюстрированное описание иноземных государств» или «Хайготучжи» (海國圖志, ХГТЧ) – важнейший источник для изучения представлений об иностранцах в Китае середины XIX века. Его автор, цинский ученый Вэй Юань (魏源 1794–1856) видел своей целью создание наиболее полного труда, в котором можно было бы аккумулировать все накопленные китайской наукой сведения об иноземцах: от 50 свитков в первой редакции (1847) трактат расширился к 100 (1852), став, таким образом, масштабнейшим источником знаний о других странах не только в Китае, но и в Японии и Корее. Важную часть работы автора составила систематизация знаний о европейцах: следует помнить, что работа над текстом трактата шла в период конфронтации Китая и Великобритании. Среди интеллектуальной элиты, к которой принадлежал Вэй Юань, существовал запрос на знания о противнике Китая, поэтому представляется актуальными важным

определить, как представляли Великобританию и ее жителей в период Опиумных войн. Следует отметить, что в предшествующих ХГТЧ трудах (например, «Хуан цинчжигун ту» 皇清职贡图, «Изображения данников правящей династии Цин») можно было встретить большое количество мифов и ошибок: в частности, то, что все британцы не воздержанны с алкоголем и табаком; в связи с данной особенностью представляется интересным рассмотреть знания Вэй Юаня о жителях Великобритании, их обычаях и быте.

Внешний облик британцев

Жители Британских островов в тексте Вэй Юаня обладают белой кожей, волосы бывают «всех цветов», а глаза – голубые, карие, черные и белые. Упоминается и рыжий цвет, который стал определенным «отличительным знаком» британцев: в более ранних текстах они назывались 番毛紅 (фаньмаохун, рыжеволосые иностранцы). Вэй Юань описывает типичную прическу: «Подстригая волосы, оставляют их короткими» [Вэй Юань, 1988]. Замечание об отношении британцев к волосам кажется неслучайным: традиционно мужчины в Китае укладывали волосы в пучок и не стригли. Обрезанные волосы отмечаются у варваров южного Китая из-за жаркого климата, но в остальной части страны традиции короткой мужской прически не было. После покорения Китая маньчжурами в 1644 году, новая династия обязала всех мужчин выбривать большую часть головы и заплетать косу, что делало любого обладателя иной прически (в частности, иностранца-европейца) заметным в толпе. В отношении женских причесок указано, что волосы заплетаются и на голове могут быть украшения. В целом о женщинах указано, что их «красота и изящность известны среди четырех морей» и дано гораздо больше информации, чем, например, в более раннем «Хуан цинчжигун ту» (ХЦЧГТ), созданном в 1751–1763 гг. В то же время, в отличие от этого источника ХГТЧ не был снабжен иллюстрациями. Очевидно также, что ко времени создания ХГТЧ рисунки ХЦЧГТ уже не были актуальными: мода довольно сильно поменялась.

Образ британцев, созданный автором, не вызывает отторжения или неприязни, напротив, он скорее положительный: так, например, Вэй Юань упоминает якобы свойственную британцам чистоплотность («стригут волосы, бреют бороду», «несколько раз в день меняют [платье]») и привычку принимать ванну. В тексте нет и распространенных в Китае того времени мифов, например, о том, что у англичан не сгибаются ноги. Положительное восприятие иностранцев в трактате отмечает и Э. Агой [Агой, 2016, с. 166].

Интересно, что в тексте никак не упомянуто то, что у британцев нет важного для Китая обычая бинтовать ноги (纏足, чаньцзу) женщин благородного

происхождения, в то время как в империи эта практика (так называемые «ножки-лотосы») сохранялась даже в первой половине XX века. Представляется вероятным, что, поскольку сам Вэй Юань не встречал англичанок (но, теоретически, мог видеть портрет во время уже упоминавшейся встречи с Питером Анструтером в Нинбо в 1840 году [Mitchell, 1972, P. 191]), у него не было возможности обратить внимания на эту деталь.

Одежда

Описанию одежды посвящено довольно большое количество текста. Несмотря на то, что Вэй Юань в тексте пишет о том, что британское общество делится на три страты (знать, ученые мужи (которых можно отнести к джентльменам в британских реалиях) и простонародье), описывая внешний облик, он не указывает, кого из трех страт описывает. Тем не менее, судя по данным, которыми располагал Вэй Юань (в частности, труды миссионеров, которые были образованными людьми), можно предположить, что это были люди достаточно высокого статуса.

Следует отметить внимание автора к ткани, из которой шьют одежду («обыкновенная одежда – из шерсти», женщины используют «шелк и атлас, а также различные заморские ткани»). Однако на фасонах и цвете автор не останавливается («обычай [в моде] непостоянны, современная одежда изменчива, тысяча фасонов» [Вэй Юань, 1988]). Хотя покрой, в частности, традиционного китайского и маньчжурского женского халата и европейских платьев довольно сильно отличается, Вэй Юань описывает европейские платья похожими: они длинные и многослойные. И мужчины, и женщины носят шляпы дамао 大帽.

В Китае не нашли распространения перчатки и варежки, поскольку этот предмет гардероба описан следующим образом: «женщины облачают руки в шелк» [Вэй Юань, 1988]. Вместо них китайцы использовали длинные рукава и «грелки» – керамические сосуды небольшого размера, внутрь которых насыпался уголь [Li, 2017]. Под описанием тонкого платка, который женщины носят на лице, вероятно, следует понимать вуаль, которую в Китае не носили и которая была непривычным элементом гардероба для автора.

Описание дома

Дома, в которых живут британские подданные, описаны с положительной коннотацией: «высокие и просторные», «большие», «в несколько этажей, «многоэтажные» (что для китайца той эпохи было необычным явлением [Волчкова, 2021, с. 151]). Это может говорить о том, что либо источник Вэй Юаня был сосредоточен на описании наиболее благополучной части общества и знати, либо это было более интересно и важно для самого автора. Отмечается, что стены

«прекрасно выбелены» – такая особенность связана с тем, что побелка считалась в Китае красивой [Титаренко, 2010, с. 72]. «... Так как климат холодный и влажный, запасы весьма глубоко хранятся» [Вэй Юань, 1988]: следует заметить, что здесь, вероятно, подразумевались подвалы, которых в Китае не знали [Лу Вэйцзе, Соловьев, 2010].

Жилища, которые описаны в тексте, как уже отмечалось, с наибольшей вероятностью, принадлежат людям благородного происхождения: их стены «оклеены разноцветной бумагой», есть камин, «на полу цветные ковры из войлока, окна полностью из стекла», а на стенах также висят картины с изображением гор и вод. Необходимо заметить, что Вэй Юань неодобрительно относится к европейскому искусству: он отмечает, что для европейцев главное в искусстве – это внешнее подобие, что противоречит китайским направлениям 写意 «се-и» и 白描 баймяо, отрицающим внешнее сходство с изображаемым. Он находит в европейском искусстве «много пустого и мало истинного», отмечая в то же время, что важные для китайской культуры «Четверокнижие» и «Пять канонов» переведены на английский язык.

Прием пищи и напитков

О ежедневном рационе британцев Вэй Юань пишет так: «[Этот] народ принимает пищу три раза, утром пьют чай, кофе и др., вместе с булочками, печеньем, и сливочным маслом; после полудня – обед из говядины, баранины, курятины, свинины, рыбы и овощей. Полагают, что голландский картофель среди всех стран наилучший» [Вэй Юань, 1988]. Интересно, что нет никаких подробностей о чае (например, сорт), который традиционно является распространенным в Китае напитком, а также нет пояснений о том, что такое кофе (в тексте указано как 加啡, цзяфэй), который стал выращиваться и распространился в Китае только на рубеже XIX–XX веков [Индустрия кофе..., 2021]. Следует отметить, что в Китае говядина, которую употребляют европейцы («говядину почитают отборным яством» [Вэй Юань, 1988]), была практически табуирована для еды [Fu, Wu, 2012, P.52], в отличие от, например, свинины или рыбы (карпов). Это было связано с тем, что быки являлись главными помощниками в хозяйстве, и есть говядину было неэтично, поэтому «отборное яство», скорее всего, встретило бы недоумение современников Вэй Юаня.

В тексте подчеркивается, что британцы используют нож и вилку и не прибегают к помощи палочек. Автор не выказывает явного удивления этому обстоятельству и не отмечает наличие у британцев ложек.

«Во время обеда британцы пьют легкое столовое вино, а после трапезы переходят к выдержанным винам на десерт» [Вэй Юань, 1988]. В Китае же обычно

к столу подавали только один сорт вина, который пили подогретым [Малявин, 2008, С. 135]. Именно виноградное вино попало в Китай из западных стран, а традиционным вином было рисовое. Следует также отметить, что в Китае вино использовалось для проведения различных ритуалов. Однако, описывая далее евхаристию, автор никак не отмечает того, что при проведении этого обряда используется освященное вино.

В более ранних источниках (в частности, «Хуан цинчжигун ту») в отношении британцев используется стереотип: они описываются как любители табака и спиртного. Вэй Юань не упоминает табак вообще, а «без меры пьют на пиршествах» только «жители острова Эрлань» (т. е. ирландцы). В Китае состояние опьянения традиционно связывалось с искусством и вдохновением (можно вспомнить, например, поэта Ли Бо (701–762), каллиграфа Ван Сичжи (303–361) и др., о роли вина в творческом процессе которых существует множество различных историй), однако в данном случае пьянство оценивается исключительно негативно. В отношении остальных жителей же Британских островов (англичане, шотландцы, уэльсцы) такой характеристики нет. Также указано, что, если простой народ (то есть англичане?) каждый день питается только картофелем, то ирландцы еще более бедны.

Также в тексте нет упоминаний о молоке или других молочных продуктах (кроме сливочного масла), которые традиционно не употреблялись в пищу в Китае, однако распространены в странах Европы.

Подводя итог, можно сказать, что, во-первых, жители Британских островов описаны в большей степени с положительной коннотацией: они чистоплотны, аккуратны, носят одежду из хорошей ткани. Во-вторых, исходя из деталей описания, с большей вероятностью Вэй Юань создает образ состоятельных представителей верхних слоев общества. В-третьих, интересно, что, несмотря на довольно сильную разницу обычаев и традиций, в тексте практически не заметно, что автора удивляет обычай англичан, например, есть говядину, не использовать палочки и т.д.

Библиографический список

Волчкова Е. В. «Ланьдуньшиюн» (Десять напевов о Лондоне) – анонимный китайский поэтический сборник начала XIX в. // Вестник Московского университета. Сер. 13. Востоковедение. 2021. № 3. С. 150–160.

Вэй Юань. «Хайготучжи», цзюань 51 [魏源。海国图志。卷 51.] «Иллюстрированное описание иноземных государств», свиток 51: [Электронный ресурс] URL: <https://zh.wikisource.org/wiki/%E6%B5%B7%E5%9C%8B%E5%9C%96%E5%BF%97> (Дата обращения: 10.03.2022)

Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 6. Искусство / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2010. 1031 с

Лу Вэйцзе, Соловьев А. К. Особенности и состояние традиционного жилища в Северном Китае // Жилищное строительство. 2010. № 11. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-sostoyanie-traditsionnogo-zhilischa-v-severnom-kitae> (дата обращения: 1.03.2022)

Малявин В. В. Повседневная жизнь в Китае в эпоху Мин. М.: Молодая гвардия, 2008. 576 с

Agoy E. Portrayal of Foreigners in Traditional Chinese History and Literature. University of Oslo, 2016. 181 p

Fu C., Wu J. Origins of Chinese Food Culture. Singapore: Asiapac Books, 2012. 52 p.

Li H. Culture Insider: How ancient Chinese people warmed their hands in winter. [Электронный ресурс] URL: <https://global.chinadaily.com.cn/a/201711/01/WS5a0d0f58a31061a7384081e3.html> (Дата обращения: 03. 02. 2022)

Mitchell P. M. The Limits of Reformism: Wei Yüan's Reaction to Western Intrusion // Modern Asian Studies. 1972. Т. 6. №. 2. С. 191.

THE MATERIAL CULTURE OF GREAT BRITAIN IN WEI YUAN'S 'ILLUSTRATED TREATISE OF MARITIME KINGDOMS'

Kozlova Ekaterina A.
National Research University
«Higher School of Economics», 20,
Myasnitskaya str., Moscow,
1011000, Russia,
eakozlova_9@edu.hse.ru

Abstract

The article is devoted to the research of the reflection of Great Britain's material culture in the historical and geographical treatise of the Qing scholar Wei Yuan (魏源 1794–1856) "Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms" (海國圖志 'Haiguo Tuzhi'). The author of the article translated and analyzed a part of the source (the pieces of scrolls 51, 52, 53); in the article there are the main features of the representation of the British customs and everyday life in the treatise. In addition, the author compared some details of the material culture of Great Britain with the Chinese realities of that period: for instance, traditions related to food and drinks, clothing, housekeeping. The author commented on some pieces of the text related to the unusual for Chinese customs of everyday life.

Key words

China; Wei Yuan; «Illustrated Treatise of Maritime Kingdoms»; Great Britain; imagology; the Opium wars

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ США И КОЛУМБИИ В СФЕРЕ БОРЬБЫ С НАРКОТОРГОВЛЕЙ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ

Сартакова Анна Константиновна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
asartakova18@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена анализу взаимоотношений Соединенных Штатов Америки и Колумбии в сфере борьбы с наркоторговлей. Проблема незаконного транзита наркотиков находится в сфере повышенного внимания как ведущих мировых государств и международных организаций, так и академического сообщества. Основным «потребителем» колумбийского кокаина являются Соединенные Штаты Америки, именно поэтому особое внимание уделяется исследованию внешнеполитических стратегий американских президентов в латиноамериканском регионе. В данной статье рассматриваются инициативы, направленные на борьбу с незаконной наркоторговлей, созданные лидерами США, начиная от Рональда Рейгана (1981–1989) и заканчивая Дональдом Трампом (2017–2021).

Ключевые слова

Борьба с наркоторговлей; США; Колумбия; «План Колумбия», наркокартели.

Актуальность: На рубеже XX–XXI вв. наркомания и наркоторговля стали глобальной проблемой современного общества, встав рядом с угрозой ядерной войны и глобальным потеплением. В 2020 году почти 275 млн. человек употребляли наркотические вещества на постоянной основе, и на данный момент их число постоянно растет (2021). В 2021 году в США смертность от передозировки наркотиков выросла на 28,5%, достигнув рекордных 100 тысяч (2021). Основным поставщиком кокаина в Соединенные Штаты Америки является Колумбия. Тема сотрудничества США и Колумбии в сфере борьбы с наркоторговлей неоднократно освещалась и продолжает освещаться как российскими, так и зарубежными исследователями. Несмотря на многолетнюю борьбу, количество производимых наркотиков в Колумбии не снижается, а даже растет: в 2020 году объем производимого кокаина вырос на 8% и достиг исторического рекорда (2021). В связи с этим Колумбия по-прежнему остается основным экспортером кокаина в мире, что делает тему американо-колумбийских отношений наиболее актуальной.

Субъекты осуществления наркоторговли в Колумбии: Основными агентами наркоторговли в Колумбии являлись и продолжают являться такие организации, как наркокартели. Свою мировую известность наркокартели получили именно благодаря колумбийским наркобаронам. Термин «наркокартель» первоначально использовался для названия колумбийских организованных преступных групп, основной деятельностью которых является незаконная наркоторговля, а потом стал широко распространяться по всему миру.

В истории колумбийской и международной наркоторговли наркосиндикатами являются Медельинский и Калийский картели. Они появились в 1970-х годах и просуществовали практически до середины 1990-х. В 1993 году был ликвидирован Медельинский картель, а через пять лет, в 1998 году, картель Кали прекратил свое существование. После уничтожения этих крупных «игроков» появилась тенденция к дроблению картелей. Уже к 2002 году, по некоторым оценкам, насчитывалось около 300 более мелких наркосиндикатов. [*Rosen, Jonathan Daniel; Zepeda Martínez, Roberto, 2014*]

Полноправным преемником Медельинского картеля и картеля Кали можно считать картель «Северная долина», который действовал с 1990 по 2012 годы. Основателями данного преступного наркосиндиката являлись Орландо Хенэо, Франко Монтигес, Диего Леон Монтойя Санчес. Последний привлек особое внимание правоохранительных структур США: за информацию о местонахождении Диего Монтойи Государственный департамент США объявил награду свыше 5 млн. долларов за информацию о местонахождении Диего Монтойи. В тот момент Монтойя стал вторым наиболее разыскиваемым международным преступником после Усамы бен Ладена (2007). Согласно информации, опубликованной на сайте Государственного департамента США, за 14 лет (с 1990 по 2004 гг.) картель «Северная долина» экспортировал в США свыше 500 тонн кокаина на общую сумму, превышающую 10 миллиардов долларов (2007).

Параллельно с картелем «Северная долина», расположенным в департаменте Валье-дель-Каука (его столицей является уже вышеупомянутый город Кали, который также «обладал» наркосиндикатом), существовал картель «Северное побережье» (1980-е – 2010 гг.). Данная преступная организация обладала собственными лабораториями по производству наркотического вещества и имела собственные каналы и способы его транспортировки. Например, кокаин мог перевозиться в ящиках из-под лекарств, чтобы скрыть специфический запах [*Воробьев & Неймарк, 2020*].

Еще одним субъектом, связанным с незаконной наркоторговлей, являются партизанские организации. Внутренний конфликт, активными участниками которого были данные группировки, в прямом смысле раздирает страну около полувека (1964-2016), стал одной из причин, по которой Колумбия обратилась за помощью к своему соседу – Соединенным Штатам Америки. Основными партизанскими группировками являются Революционные вооруженные силы Колумбии – FARC (Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia), Армия национального освобождения – ELN (Ejército de Liberación Nacional), Народная армия освобождения – EPL (Ejército Popular de Liberación), Движение 19 апреля – М-19 (Movimiento 19 de Abril). В 1990-х гг. Народная армия освобождения и Движение 19 апреля были ликвидированы, и на арене остались 2 самые крупные организации – FARC и ELN. Именно с ними воюют правительственные войска совместно с американскими коллегами. В 1997 году FARC и ELN были признаны террористическими организациями на территории Соединенных Штатов Америки. В сентябре 2001 года к ним «присоединились» Объединенные силы самообороны Колумбии – AUC (Autodefensas Unidas de Colombia). Кроме США FARC и ELN признаны террористическими организациями на территории непосредственно самой Колумбии, в Перу, Канаде и на пространстве Европейского Союза. Куба и Венесуэла, наоборот, считают, что данные организации борются за независимость своей страны.

Повстанческие движения также являются достаточно крупным субъектом, связанным с наркоторговлей в Колумбии. Однако в отличие от наркокартелей партизанские организации не участвуют в производстве наркотиков, получая деньги за счет сбора налога с крупных наркоторговцев и контроля над каналами транспортировки наркотических веществ как внутри страны, так и за ее пределами. Полученные в результате участия в наркоторговле деньги зачастую используются для покупки оружия иррегулярных вооруженных формирований. Именно этот факт вызывает всеобщее опасение.

Политико-институциональные и правовые изменения в США и Колумбии: Постоянно прогрессирующее число наркозависимых в США заставило правительство страны начать активную деятельность по борьбе с незаконной наркоторговлей. Так, в апреле 1986 года в США была выпущена Директива о решениях по национальной безопасности № 221, подписанная Рональдом Рейганом (1981–1989 гг.). Данный документ включил наркоторговлю в список потенциальных угроз национальной безопасности США. В директиве было отмечено, что наркоторговля создает угрозу демократии и разлагает политические и судебные институты. Кроме того, «международная торговля наркотиками угрожает

национальной безопасности Соединенных Штатов» и дестабилизирует демократических союзников. Именно данный нормативно-правовой акт создал легальную основу для экономического и военного сотрудничества США и Колумбии (1986). Таким образом, наркоторговля и наркопотребление превратились из серьезной социальной проблемы в приоритет национальной безопасности и внешней политики США.

В период президентства Рональда Рейгана также вводится такой инструмент борьбы, как «сертификация». С 1986 года Конгресс запретил некоторые виды помощи государствам, которые не имеют сертификации, обязав президента передавать список стран, активно участвующих в производстве или транзите наркотиков. Чтобы получить «сертификат», который показывает благонадежность государства в борьбе с незаконным наркобизнесом, страны должны выполнять ряд требований. Например, ликвидировать определенное количество посевов, сократить количество производимых наркотиков, уничтожить лаборатории и другие места производства веществ, активно сотрудничать с американскими службами и т.д. Невыполнение данных действий грозит государству десертификацией и, как следствие, лишением американской помощи и наложением торговых и иных экономических санкций. Механизм выдачи «сертификатов» заставит другие страны более активно включиться в борьбу с незаконным наркотрафиком [Жирнов, Шереметьев, 2005].

Продолжателем антинаркотической политики стал преемник Рональда Рейгана Джордж Буш-старший (1989–1993). Именно в период его президентства «война против наркотиков» приобрела международный и в какой-то степени милитаристский характер. В 1989 году по обвинению в наркоторговле был свергнут фактический президент Панамы Мануэль Норьега. Политический деятель был экстрадирован на территорию США и по решению суда провел 20 лет в тюрьме (2012).

В этом же 1989 году была реализована Андская инициатива. Ее действие развернулось на территории «андского треугольника» – региона, являющегося одним из крупнейших рынков производства наркотиков и состоящего из Колумбии, Боливии и Перу. Данной программой было предусмотрено увеличение экономической, военной и иной помощи, а также предоставление торговых преференций. Кроме того, было подписано соглашение, которое предусматривало снижение пошлин на некоторые виды товаров данного региона. Комплекс мер, осуществляемый посредством Андской инициативы, позволил в какой-то мере осуществить комплексный подход к борьбе с незаконным наркотрафиком. Благодаря данной программе удалось добиться снижения количества производимого

и поступаемого кокаина, но не привело к существенному улучшению ситуации [Жирнов, Шереметьев, 2005].

Внесла свой вклад в «крестовый поход против наркотиков» и администрация президента Билла Клинтона (1993–2001).

В ноябре 1999 года Конгрессом США был принят Закон о выявлении иностранных наркобаронов (Foreign Narcotics Kingpin Designation Act). Данный законодательный акт предоставлял некоторым структурам полномочия по выявлению крупных иностранных наркоторговцев и позволял применять экономические и другие санкции к ним и их организациям (1999). Отчасти благодаря этому закону США начали более активно проводить экстрадицию наркобаронов [Манухин, 2020].

Если говорить о документах, которые создают правовое обеспечение отношениям Колумбии и Соединенных Штатов, то главным из них будет «План Колумбия». В 1999 году Андрес Пастрана, президент Колумбии, представил программу, которая могла бы помочь в исправлении тяжелой ситуации, сложившейся в стране. Кроме активной незаконной наркоторговли, которая представляла собой угрозу национальной безопасности не только самой Колумбии, но и других стран, в том числе и США, страну раздирали внутренние военные конфликты, которые колумбийские власти не могли решить самостоятельно. В своем документе Андрес Пастрана предложил комплексный пакет мер, направленный на разрешение сложившейся ситуации. Программа была нацелена на подъем экономики, улучшение качества жизни граждан страны и реформирование вооруженных сил Колумбии, которое должно было увеличить боеспособность армии, усилив тем самым уровень безопасности в государстве. Кроме того, проект предполагал и борьбу с наркотрафиком путем уничтожения плантаций коки либо вручную, либо с помощью опыления различными веществами.

Белый Дом одобрил инициативы Андреса Пастраны и выделил более миллиарда долларов на реализацию «Плана». Колумбия получила больше половины всех средств. За последующие 19 лет, с 1999 по 2018 гг., Соединенные Штаты Америки потратят на борьбу с наркотиками в Колумбии более 10 миллиардов долларов (2018). 80% полученных средств шли на армию и другие силовые структуры, что придавало «войне против наркотиков» милитаризованный характер.

Джордж Буш-младший (2001–2009), занявший место президента после Б.Клинтона, как и другие его предшественники, включился в борьбу с наркоторговлей и предложил свою стратегию, получившей название «Андская региональ-

ная инициатива» (АРИ). Программа начала выполняться в 2001 году после одобрения Конгрессом США. Почти половина всех выделяемых в рамках АРИ средств получила Колумбия как основной субъект производства наркотических веществ. В 2002 году предполагалось, что более 70% всей помощи пойдет на укрепление сил безопасности, то есть в большей степени будут обеспечиваться подготовка подразделений колумбийской армии, модернизация материально-технического оснащения армии и так далее. По сути, Андская инициатива представляет собой продолжение «Плана Колумбия», подписанного в 1999 году [Жирнов, Шереметьев, 2005]. Однако, несмотря на программу Андской региональной инициативы, в период второго президентского срока Дж. Буша-младшего началось постепенное снижение финансовой помощи Колумбии [Шишков, 2015].

Барак Обама (2009–2017), президенту от Демократической партии, досталось обширное наследие борьбы с незаконной наркоторговлей. Одним из ключевых моментов обсуждения вопроса о решении вопроса наркотрафика стала встреча американских лидеров в 2012 году. Проблема незаконной наркоторговли, уже долгое время связывающая Колумбию и Соединенные Штаты Америки, стала одним из вопросов, стоявших на повестке Шестого Саммита Америк, который состоялся в апреле 2012 года в Картахене (город на северном побережье Колумбии). Данный саммит объединяет глав государств Северной Америки (Канада, США), Центральной Америки и Карибского бассейна и Южной Америки. В 2012 году в саммите приняли участие лидеры 36 стран. Данная встреча стала первой межамериканской дискуссией о борьбе с наркотиками, на которой обсуждались различные методы: от новой борьбы до полной легализации наркопроизводства и наркопотребления. Соединенные Штаты Америки еще до начала саммита подтвердили свою позицию, которая заключается в невозможности создания легального рынка наркотических веществ, так как это, по мнению американской стороны, приведет к еще большему наркопотреблению (2012).

Новый виток американо-колумбийских отношений начался при Дональде Трампе (2017–2021). В 2018 году был объявлен «Год Америк» – в латиноамериканские государства прибыли с визитом вице-президент США, госсекретарь и министр обороны США, последний из них не посещал Латинскую Америку около 20 лет [Яковлев, 2020]. Однако новый этап отношений Вашингтона и Боготы связан отнюдь не с этим. С приходом Д. Трампа к власти было объявлено о сокращении финансирования внешнеполитических программ, не приносящих результатов в обозримом будущем. Кроме того, администрация нового хозяина Белого Дома поставила под сомнение усилия по борьбе с незаконной наркоторговлей. Дональд Трамп

даже угрожал Колумбии лишить ее «сертификата», который обеспечивает финансирование различных (по большей части антинаркотических) программ [Манухин, 2020].

За десятилетия борьбы Соединённых Штатов с наркотиками произошли изменения в политико-институциональном устройстве страны. Так в 1988 году под контролем Белого Дома было создано Управление национальной политики в области контроля над наркотиками (Office of the National Drug Control Policy, ONDCP). Данная структура, являясь компонентом Исполнительного аппарата президента США, работает над сокращением потребления наркотиков и его последствий. Также Управление финансирует и координирует деятельность различных правительственных учреждений, коалиций и правоохранительных органов. Кроме того, оно занимается разработкой национальной стратегии контроля над наркотиками.

В 1973 году было основано Управление по борьбе с наркотиками при министерстве юстиции США (Drug Enforcement Administration, DEA). «Миссия» данной структуры заключалась и заключается в обеспечении соблюдения законов и правил Соединённых Штатов о контролируемых веществах. Это ведомство участвовало в перехватах партий наркотиков за рубежом [Манухин, 2020]. На данный момент, Управление по борьбе с наркотиками министерства юстиции США имеет 92 зарубежных офиса в 69 странах.

Бюро по контролю и борьбе с наркотиками за рубежом при госдепартаменте США (Bureau of International Narcotics Control and Law Enforcement Affairs, INL) было создано в 1978 году для сокращения незаконного оборота наркотиков на территории Соединённых Штатов. На данный момент ведомство борется не только с наркоторговлей, но и с транснациональной преступностью и коррупцией.

Колумбия же не подверглась подобным институциональным изменениям. Основным способом борьбы с незаконной наркоторговлей была экстрадиция наркобаронов и других лиц, связанных с перевозкой наркотиков, на территорию США, где их и подвергали законному и вполне справедливому наказанию. На территории Колумбии наркобароны практически не могли получить меру пресечения в соответствии с местным законодательством: судей, чиновников и иных лиц, связанных с судопроизводством, часто подкупали. Так, например, в 2002 году 97% преступлений остались ненаказанными, а 3 млн. дел не были доведены до конца [Жирнов, Шереметьев, 2005]. Пабло Эскобар, крупнейший наркобарон Колумбии, вёл свою деятельность в соответствии с девизом: Plata o plomo (исп. серебро или свинец). Люди, несогласные с Пабло, получали от него либо большое денежное вознаграждение,

граждение для благоприятного решения дела, либо были убиты в случае несговорчивости с «королем кокаина». Многие наркобароны, в том числе и Пабло Эскобар, действительно боялись возможности быть экстрадированными в США, так как в таком случае наказание непременно последовало бы. Достаточно известна фраза, также ставшая неким девизом у наркоторговцев: «Лучше смерть в Колумбии, чем тюрьма в США». По некоторым данным, её авторство тоже принадлежит Эскобару.

Из-за коррумпированности некоторых людей, занимавших властные посты в Колумбии, создание каких-то новых правительственных структур, борющихся с незаконной наркоторговлей, бесполезно и нецелесообразно. Именно поэтому делами о производстве и транспортировке наркотиков занимается только полиция Колумбии. Иногда привлекаются вооруженные силы страны совместно с «коллегами» из США.

Выводы: Таким образом, наркобизнес, получивший наибольшее распространение на территории Колумбии, в значительной степени повлиял на политико-институциональное устройство Соединенных Штатов Америки, нежели самой Колумбии. Президенты США, начиная с Рональда Рейгана, вне зависимости от партийной принадлежности, придавали проблеме незаконной наркоторговли большое значение и делали ее одним из приоритетов своего внешнеполитического курса в Латинской Америке. Однако несмотря на все усилия, прилагаемые обеими сторонами, ситуация не изменилась коренным образом, и Колумбия до сих пор остается основным экспортером кокаина в мире.

Библиографический список

Воробьев С. В., Неймарк М. А. Истории борьбы с наркобизнесом в Латинской Америке // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. С. 197–213.

Жирнов О. А., Шереметьев И. К. Новое издание панамериканизма: латиноамериканская политика Дж.Буша// [Электронный ресурс] URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_15549713_95136849.pdf (дата обращения: 19.05.2022)

Манухин А. А. Подход США к сотрудничеству с Колумбией и Мексикой в деле противодействия наркотрафику [дневник] // Латинская Америка. Т. 12. 2020. С. 6–25.

Манухин А. А. Содействие выходу из внутреннего вооруженного конфликта и постконфликтному развитию на примере отношений Колумбии и США (часть 2) [дневник] // Латинская Америка. Т. 12. 2020. С. 150–196.

Наиболее разыскиваемый в США колумбийский наркобарон задержан в кустах [Электронный ресурс] URL: <https://www.gazeta.ru/social/2007/09/11/2148129.shtml?updated> (дата обращения: 11.05.2022)

ООН: пандемия привела к буму на рынке наркотиков // Новости ООН. [Электронный ресурс] URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/06/1405302> (дата обращения: 7.04.2022)

США подтверждают свою позицию против легализации наркотиков – Байден. [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20120306/585980649.html> (дата обращения: 18.05.2022)

Шишков А. С. Политика администрации Б. Обамы в латинской Америке // Проблемы национальной стратегии. 2015 [Электронный ресурс] URL: <https://riss.ru/journal/31/> (дата обращения: 28.05.2022)

Яковлев П. П. Политика Д. Трампа в Латинской Америке: итоги и перспективы. [Электронный ресурс] URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-d-trampa-v-latinskoj-amerike-itogi-i-perspektivy> (дата обращения: 20.05.2022)

Colombia coca crop area expanded to 245,000 hectares in 2020 – report. [Электронный ресурс] URL: <https://www.euronews.com/2021/06/26/us-colombia-drugs> (дата обращения: 7.04.2022)

Colombia: U.S. Counternarcotics Assistance Achieved Some Positive Results but State Needs to Review the Overall U.S. Approach. [Электронный ресурс] URL: <https://www.gao.gov/assets/gao-19-106.pdf> (дата обращения: 8.05.2022)

H.R.3164 –Foreign Narcotics Kingpin Designation Act [Online]. [Электронный ресурс] URL:- <https://www.congress.gov/bill/106th-congress/house-bill/3164/all-info> (дата обращения: 3.03.2022)

Montoya-Sanchez D.L.U.S. Department of State. 2007. May 11, 2022. [Электронныйресурс] URL: <https://www.state.gov/narcotics-rewards-program-target-information-brought-to-justice/diego-leon-montoya-sanchez-captured/> (дата обращения: 11.05.2022)

National Security Decision Directive 221. The White House. [Электронный ресурс] URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=463177> (дата обращения: 7.04.2022)

Rosen J. D., Zepeda M. R. La Guerra contra las Drogas en Colombia y México: estrategias fracasadas // *Ánfora*. 2014. 37 : Vol. 21. P. 179-200.

Time for Obama to join the debate over the failed war on drugs. [Электронный ресурс] URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2012/apr/07/drugs-obama-latin-america> (дата обращения: 23.05.2022)

US annual drug overdose deaths hit record levels. [Электронный ресурс]
URL: <https://www.bbc.com/news/world-us-canada-59253091> (дата обращения:
7.04.2022)

THE ACTIVITIES OF THE USA AND COLOMBIA IN THE FIGHT AGAINST DRUG TRAFFICKING IN THE XX-XXI CENTURIES

Sartakova Anna K.
Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
asartakova18@gmail.com

Abstract

The article analyzes the relationship between the United States of America and Colombia in the fight against drug trafficking. The problem of illegal drug transit attracts a lot of attention from leading States, international organizations and the academic community. The main consumer of Colombian cocaine is the United States of America. That is why special attention is paid to the study of the foreign policy strategies of American presidents in the Latin American region. This article discusses initiatives aimed at combating illegal drug trafficking created by US leaders, starting from Ronald Reagan (1981-1989) and ending with Donald Trump (2017 –2021).

Key words

Fight against drug trafficking; USA; Colombia; "Plan Colombia", drug cartels

ОЦЕНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ЗНАЧЕНИЯ ЧЕРВОНЦА Г.Я. СОКОЛЬНИКОВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ 1920–2010-Х ГОДОВ

Цыганов Олег Игоревич
Глазовский государственный
педагогический институт им. В.Г. Короленко»,
427620, Россия, г. Глазов, ул. Карла Маркса, 29,
tsyganov.oleg2018@yandex.ru

Аннотация

В данной статье предпринята попытка проследить, какое международное значение для Советского Союза имело создание Г. Я. Сокольниковым твердой и устойчивой советской денежной единицы – червонца.

Ключевые слова

Валюта; Г. Я. Сокольников; денежная реформа; историография; конвертируемость; международное значение; червонец

В ноябре 2022 года исполняется ровно 100 лет с начала знаменитой денежной реформы (1922–1924 гг.) наркома финансов Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (далее – РСФСР) Григория Яковлевича Сокольника. В канун большого юбилея особенно актуально будет поговорить об этой реформе, основной целью которой было создание не только твердой и устойчивой валютой внутри страны, но и прорыв «экономической блокады» с последующим выходом Советского государства на международный рынок.

Предварительный историографический обзор работ историков и экономистов показал, что в научно-исследовательской среде вопросам изменения международных отношений СССР с буржуазными странами после создания Г.Я. Сокольниковым свободно конвертируемой валюты («червонца») уделяется незначительное внимание.

Таким образом, выбор данной темы был обусловлен исследовательской актуальностью, неразработанностью темы, личным интересом автора.

Цель статьи – на основе историографического обзора работ отечественных историков и экономистов выяснить, какое значение для молодой Советской Республики в международных отношениях в 1920-е гг. имело создание Г.Я. Сокольниковым твердой и устойчивой советской валюты.

Для достижения цели решались **следующие задачи:**

- составить краткое описание денежной реформы Г. Я. Сокольникова;
- выделить основные точки зрения историков и экономистов по вопросу о значении червонца;
- оценить результаты финансовой реформы;
- сравнить общие и частные сведения о реформе и ее последствиях.

Источниковую базу работы составили:

1. Опубликованные письменные источники (исследования ученых), которые типологически (по способу публикации, жанру исполнения и стилистике изложения) могут быть разделены на две группы:

А) научные монографии, статьи, исследования советских и российских историков, экономистов и нумизматов;

Б) материалы периодической печати (журнал «Огонек» 1920-х гг.), которые позволяют проникнуться духом эпохи, объективно взглянуть на описываемые нами события.

Весь комплекс источников, таким образом, дает возможность подробно ознакомиться с денежной реформой Сокольникова, сформировать общее представление об этом историческом событии и его последствиях.

2. Изобразительные (визуальные) источники – изображения золотых монет и банкнот, помещенные в журналах и монографиях отечественных нумизматов. Эта группа обеспечивает возможность воочию взглянуть на червонец Г. Я. Сокольникова и имеет вспомогательное значение.

Очень содержательное и при этом лаконичное описание реформы приводится в полном курсе истории России Е. Ю. Спицына. В третьем томе «Россия – Советский Союз 1917–1945 гг.» [Спицын, 2019] отмечено, что переход большевиков на рельсы новой экономической политики, предполагал проведение крупномасштабной финансовой реформы. Для ее подготовки и проведения нарком финансов РСФСР Г. Я. Сокольников привлек целый ряд выдающихся русских экономистов и банкиров бывшей Российской империи – В. В. Тарновского, Н. Н. Кутлера, Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского и других. После завершения всех подготовительных мероприятий началась непосредственная реализация реформы, которая прошла в два этапа.

На первом этапе (ноябрь 1922 – конец 1923 гг.) финансовой реформы Госбанк РСФСР выпустил в обращение знаменитые «червонцы» – первые устойчивые денежные знаки, обеспеченные на 25% драгоценными металлами и иностранной валютой, а на 75% – краткосрочными векселями и легкорезализуемыми товарами (О.Ц. – лес, зерно, нефть) [Катасонов, 2014, с. 257, Спицын, 2019].

По справедливому замечанию доктора экономических наук А. И. Колганова, «стабильность червонца поддерживалась, во-первых, за счет строгого контроля над размерами эмиссии и, во-вторых, за счет золотовалютных интервенций» [Деньги, кредиты, бюджет России: история и современность, 2014, с. 44].

На втором этапе реформы (апрель 1924 г.) из наличного обращения на всей территории страны были изъяты все советские денежные знаки и через установленный механизм обмена введены новые казначейские билеты – советские рубли (1 червонец = 10 советским рублям) [Спицын, 2019].

Говоря о значении и последствиях финансовой реформы Г. Я. Сокольникова, целесообразно упомянуть работы (В. Л. Гениса, Е. А. Пехтеревой, Л. П. Белковец, М. А. Рогачевской, М. Е. Бурова). Именно в них обсуждаемым в статье вопросам уделено особое внимание. Совокупно авторские выводы можно охарактеризовать следующим образом. Во-первых, введение в обращение червонцев, а затем выпуск весной 1924 г. казначейских билетов и чеканка разменной серебряной и медной монеты позволили окончательно прекратить эмиссию бумажных совзнаков, обеспечили стабилизацию цен и удешевление товаров. Американский и канадский экономист К. Поланьи по достоинству оценивал «детище» Григория Яковлевича: «Русский большевик Сокольников стал первым государственным деятелем послевоенной Европы, которому удалось восстановить стоимость валюты своей страны в золотом эквиваленте» [Поланьи, 2002, с. 37].

Во-вторых, на советском внутреннем рынке перед червонцем капитулировали американский доллар и английский фунт стерлингов. Его поразительная устойчивость вызывала изумление повсюду в мире, а успех денежной реформы в СССР ставился в пример другим странам. Высокую оценку реформе дал Дж. М. Кейнс. Он писал: «Россия дает нам поучительный пример параллельного существования здоровых денег для крупных оборотов и разменных денег для повседневных нужд, несмотря на их прогрессирующее обесценение» [Кейнс, 1925, с. 33].

В-третьих, без иностранной помощи, в условиях финансовой блокады Советское государство создало полноценную, единую на всей территории СССР, устойчивую конвертируемую валюту. Американская пресса писала об этом так: «Великан пробуждается! Русская валюта – одна из немногих, которая котируется несколько выше курса доллара. Ничто более не сможет задержать окончательного восстановления СССР» [Белковец, 2016, с. 17].

В-четвертых, уже в 1925 г. советский червонец официально котировался на валютных биржах Вены, Каунаса, Константинополя, Милана, Ревеля, Риги, Рима, Тегерана, Улан-Батора, Харбина и Шанхая. Широкие операции с червонцами производились в Англии, Германии, Голландии, Польше, США, во многих других странах. Агентство Юнайтед Пресс сообщало, что червонцы котируются выше всякой другой европейской валюты [*Генис*].

В-пятых, о новой русской валюте появились статьи в зарубежной прессе. Более двадцати иностранных банков-корреспондентов Государственного банка РСФСР открыли у него счета в червонцах, и запросы из-за границы продолжали поступать [*Рогачевская*, 2021]. Для подтверждения вышесказанного, приведем отрывок из известного английского журнала «The Economist», который рассматривал создание червонца как меру величайшей важности: «Преимущества стойкой валюты, созданной посредством введения червонца, так велики, что окончательно перевешивают неудобства... Денежный эксперимент, произведенный в России... должен быть признан огромным шагом вперед по направлению к нормальным и стойким условиям» [*Соколов*].

В-шестых, благодаря реформе, удалось улучшить торговый баланс страны: активное сальдо в 61 млн. 1923 г. заменило пассивное в 192 млн. руб. 1922 г. [*Каценеленбаум*, 1924].

Особо хотелось бы выделить статью немецкой писательницы Лили Кайт, помещенной в одном из номеров журнала «Огонек» в 1923 г. В ней автор делится своими впечатлениями о Москве, ее жителях и об общем состоянии и настроении в городе. Л. Кайт с восхищением писала: «С удивлением смотришь по приезду из Берлина... что погони за долларами – здесь явление почти незнакомое. Предложение доллара здесь как будто даже больше спроса, и доллар должен был теперь капитулировать перед замороженным червонцем. Это явление начинает убеждать даже иностранцев... выписывать аккредитивы не в долларах, а в червонцах. За первые две недели пребывания одного моего знакомого доллар поднялся на 12%, а червонец на 30%» [*Кайт*, 1923]. Наблюдения Л. Кайт как будто очевидны: советский червонец образца 1923 г. признавался иностранцами, скорость роста червонца в этот момент превышала скорость роста доллара более чем в 2 раза. Заметки немецкой писательницы позволяет увидеть большую историю глазами не профессионального историка, но «обычного писателя», приехавшего в СССР посмотреть на «десять дней, которые потрясли мир».

Таким образом, денежная реформа 1922–1924 гг. позволила не только покончить с финансовым кризисом внутри страны, но и поднять международный авторитет Советского Союза.

Весьма интересно в этом ключе наблюдать за отношениями, которые складывались между Великобританией и СССР в условиях международного непризнания последнего буржуазными странами. Как известно, 22 января 1924 г. впервые в истории Англии было сформировано лейбористское правительство, которое стояло за возобновление широких дипломатических и экономических отношений с Советским Союзом. По справедливому замечанию ряда авторов (А. А. Щелоков, А. С. Соколов, И. Г. Спасский, М. А. Рогачевская), прежде всего эти отношения выразились в решении обоих государств разместить заказы на чеканку части тиража серебряных монет крупного номинала в Великобритании. В частности, часть тиража серебряных полтинников чеканилась на Лондонском монетном дворе (ее можно опознать по инициалам «ТР» (Томас Рос) на гурте). Другая часть, медные пятаки, выполнялась на английской фирме «Birmingham limited» в кооперации с «The King's Norton Metal Company». На наш взгляд, производство части тиража советской монеты в Великобритании имело не только экономическое, но и политическое значение. Еще недавно Советская Россия находилась в дипломатической изоляции, а теперь в Лондоне чеканились монеты с гербом СССР.

Особого внимания для понимания положительных результатов денежной реформы Г. Я. Сокольникова на международном уровне заслуживают работы авторов, у которых приведены статистические данные, характеризующие экономическую ситуацию как на внутреннем рынке Советского Союза, так и на валютных рынках буржуазных стран. Это работы А. А. Щелокова, А. Ж. Габдулиной, З. С. Каценеленбаума, Л. А. Муравьевой, М. А. Рогачевской. Обобщая их выводы, можно сказать, что, во-первых, к концу 1923 г. червонец на внутреннем рынке полностью вытеснил из платежного оборота золотую монету и иностранную валюту и стал основной валютой страны. Например, если к 1 января 1923 г. червонцы составляли еще только 3% денежной массы, то к 1 июля их доля поднялась уже до 37%, а к 1 октября – до 74% [Рогачевская, 2021, с. 453].

Во-вторых, червонец Г. Я. Сокольникова стал обеспечиваться иностранной валютой. К примеру, на 16 октября 1924 г. бумажных червонцев было выпущено на 557,5 млн. руб. (из них: 131 млн. руб. обеспечивался золотом, 7 млн. – платиной, 103 млн. – американской, английской и шведской валютами, остальная сумма – ценными товарами) [Щелоков, 1986, с. 16].

В-третьих, за годы финансовой реформы золотое обеспечение червонца никогда не падало ниже 50% [Советский Витте].

В-четвертых, в 1924 г. соотношение червонца с долларом было 1:1,9, с фунтом стерлингов – 1:8,68 [Советский Витте]. Более того, если на 2 января 1924 г. курс доллара на Московской бирже составлял 2 руб. 20 коп., то к 1 апреля 1924 г. он достиг 1 руб. 95,5 коп. и на этом уровне оставался [Муравьева, 2003, с. 101]. В 1925 г. валютные курсы уже на Нью-йоркской бирже относительно доллара составляли: доллар – 100%, фунт стерлингов – 99, франк – 20,6, червонец – 100,1% [Габдулина, 2012, с. 44].

В итоге можно с уверенностью сказать, что в результате финансовой реформы Г. Я. Сокольникова червонец превратился в наиболее дорогую валюту на мировом рынке. Это выражалось в том, что произошло установление активного сальдо торгового баланса. Кроме того, червонец стал не только международно-признанной денежной единицей, но и обеспечивался иностранными валютами (фунтом стерлингов, франком, маркой). Он был одним из самых конвертируемых и котируемых валют в мире, которая вызывала у иностранцев больше доверия, чем доллар. И, наконец, самое важное. Благодаря советскому червонцу, наряду с политической блокадой Советского Союза, была прорвана и экономическая. Следствием этого явилась целая полоса международного признания буржуазными странами Советского Союза. В этих положениях сконцентрированы основные оценки отечественной исследовательской традиции последних ста лет.

Библиографический список

Адрианов Я. Монеты РСФСР и СССР регулярного выпуска 1921–1957 годов // *Albo Numismatico*. Классический альбом для монет / ООО «Альбо Нумисматико». М., 2013. С. 3–15.

Белковец Л. П. Ликвидация дипломатической изоляции СССР (от признания де-факто к признанию де-юре) // *Наука. Мысль: электронный периодический журнал*. 2016. № 8-1. С. 9–24.

Буров М. Е. Г. Я. Сокольников – первый нарком финансов СССР // *Вестник СГСЭУ*. 2009. № 5. С. 167–170.

Габдулина А. Ж. Червонец новой экономической политики СССР в 20-х гг. XX в. // *Наука и современность*. 2012. № 15-2. С. 43–47.

Генис В. Л. «Упрямый нарком с Ильинки» (О Г.Я. Сокольникове) // *Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди*. [Электронный ресурс] URL: https://royallib.com/read/popov_n/otkrivaya_novie_stranitsi.-html#918936 (дата обращения 17.03.2022).

История внешней политики СССР. Т. 1. 1917–1945 / А. В. Березкин, [и др.] / Под ред. А. А. Громыко и Б. Н. Пономарева. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Наука.

1980. [Электронный ресурс] URL: <https://booksee.org/book/782806> (дата обращения 01.03.2022).

Кайт Л. Русские впечатления иностранца // Огонек. 1923. № 21. С. 12–13.

Катасонов В. Ю. Экономика Сталина / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 416 с.

Каценеленбаум З. С. Денежное обращение России. 1914–1924. М.-Л.: Экономическая жизнь, 1924. 192 с.

Кейнс Д. М. Трактат о денежной реформе. М.: Экономическая жизнь, 1925. 108 с.

Колганов А. И. Финансы НЭПа: Уроки для современной России // Деньги, кредиты, бюджет России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г.Я. Сокольникова / МФЮА. М.: ООО «ИПЦ «Маска», 2014. С. 43–46.

Муравьева Л. А. Денежная реформа 1922-1924 годов // Финансы и кредиты. 2003. № 4 (118). С. 94–102.

Пехтерева Е. А. Экономика России // Деньги, кредит, бюджет России: история и современность: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 125-летию со дня рождения Г.Я. Сокольникова / МФЮА. М.: ООО ИПЦ «Маска», 2014. С. 177–182.

Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Перевод с английского А.А. Васильев, С.Е. Федорова и А.П. Шурбелева. Под общей редакцией С.Е. Федорова. СПб.: Алетейя, 2002. 320 с.

Рогачевская М. А. Денежная реформа Г.Я. Сокольникова // Историко-экономические исследования. 2021. Т. 22. № 3. С. 432–460.

«Советский Витте». К 130-летию первого наркома финансов СССР Г.Я. Сокольникова (1888–1939). Денежная реформа 1922–1924 гг. // [Электронный ресурс] URL: <http://www.library.fa.ru/page.asp?id=43> (дата обращения 17.03.2022).

Соколов А. С. Вопросы денежного обращения и кредита в англо-советских отношениях начала 1920-х годов.// [Электронный ресурс] URL: https://histrf.ru/read/articles/voprosy-dieniezhnogho-obrashchieniia-i-kriedita-v-anghlo-sovietskikh-otnoshieniia-kh-nachala-1920-kh-ghodov#_ednref26 (дата обращения 15.02.2022).

Спасский И. Г. Русская монетная система // [Электронный ресурс] URL: https://booksafe.net/read/spasskiy_ivan-russkaya_monetnaya_sistema-201981.html#p68 (дата обращения 03.04.2022).

Спицын Е. Ю. Россия – Советский Союз. 1917-1945 гг.: Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. Книга III. М.: Концептуал, 2019. 440 с.

Щелоков А. А. Монеты СССР. М.: Финансы и статистика, 1986. 190 с.

**ASSESSMENT OF INTERNATIONAL IMPORTANCE
CHERVONETS G.YA. SOKOLNIKOV
IN THE RUSSIAN HISTORIOGRAPHY OF THE 1920-2010'S.**

Tsyganov Oleg I.
Glazov State Pedagogical Institute,
29, Karla Marksa str.,
Glazov, 427620, Russia,
tsyganov.oleg2018@yandex.ru

Abstract

This article attempts to trace the international significance for the Soviet Union of G. Y. Sokolnikov's creation of a solid and stable Soviet monetary unit, the chervonets.

Key words

Currency; G. Y. Sokolnikov; monetary reform; historiography; convertibility; international importance; chervonets

---

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

УДК 930.85

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ СТРАХОВ В ГОДЫ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ

Боронин Артем Романович
Московский государственный
университет им. М.В. Ломоносова,
119991, Россия, г. Москва, ул. Ленинские горы, 1
boronin.artemm@gmail.com

Аннотация

В статье раскрывается зависимость традиционных ценностей и национальных страхов на примере эпохи Смуты. Автор рассматривает Смутное время в качестве периода, способного продемонстрировать оформленность и гибкость русской духовно-политической мысли, влияние которой в конечном итоге помогло преодолеть кризис. Основной частью работы является анализ ключевых проблем в литературных источниках Смутного времени, через которые утверждается традиция как несущая конструкция Российского государства. Также в статье анализируются сформировавшиеся к эпохе Смуты идейные концепты, которые оказали влияние на духовно-политическое сознание литераторов начала XVII века. Автор приводит воззрения современников событий в качестве подтверждения существования некоторых общих тенденций восприятия причин Смуты. Особенное внимание уделено религиозным и легендарным основаниям подобного восприятия.

Ключевые слова

Россия; Смутное время; традиционные ценности; национальные страхи; история социально-политических учений.

Русская национальная идентичность начала складываться задолго до времени Смуты, однако именно указанную эпоху можно воспринимать в качестве того рубежа, который явно демонстрирует достижения русского духовно-политического сознания. В некотором отношении данное рассуждение сводится к пониманию Смуты как проверки на прочность тех сформировавшихся традиционных ценностей, которые в совокупности с наличием у русского народа собственной государственности в будущем смогли стать основанием для многочисленных попыток указать Россию как цивилизацию, отдельную от Востока и Запада, то есть совершенно самобытную. Основополагающую роль при исследовании

подобных ценностей имеет анализ национальных страхов, что предполагает ответ на вопрос: что первично для национального политического сознания? Или иначе: боязнь за что преобладала в нем?

Вероятно, самой существенной трагедией в миропонимании русского человека был слом монархической традиции, которая выразилась в пресечении династии Рюриковичей и последующем процессе разложения основных институтов власти. Рюриковичи представлялись преемственными древним империям, что нередко строилось на родословной московских монархов, которую литераторы того времени возводили к первому императору Римской империи. А. А. Зимин утверждает, что стремление «найти родственника» в Римском государстве вызвано Флорентийской унией, в результате которой греки «испроказились» [Зимин, 1982, с. 157–158], из-за чего пресечение династии видится потерей исторической целостности Русского государства. Исследуя духовно-политическую мысль XVII века, Е. В. Вальденберг замечает интересное рассуждение у Ивана Тимофеева, что правители Смутного времени являются не царями, а «самоцарями» «чрез подобство наскакающих на царство», а потому венчаны на царство они не от Бога и благодати от Него не имеют. То есть страна, находящаяся в Смуте, не имеет того, кто бы мог ответить за нее перед Богом, кто мог бы нести крест единственного православного государства [Зимин, 1982, с. 296]. Это также видно в «Новой повести о преславном Российском царстве», в котором правители названы «кривителями», а главным страхом является внутренняя измена, семибоярщина, против которой и звучит призыв к вооружению. Не останавливаясь подробнее на феномене, стоит лишь указать, что после Смуты тревога по поводу национальной измены высших лиц (часто за исключением фигуры правителя) сохранится в русском политическом сознании, что достаточно позднее отразится даже в появлении термина «семибанкирщина».

Подтверждением стремления в среде служилых людей установить именно монархическое правление являются свидетельства источников, которые характеризуют иные формы правления не только в качестве пагубных, но и еретических, что связано и религиозностью политического сознания, а именно с верой в богоустановленность царской власти и необходимость нахождения «истинного» царя [Перевезенцев, 2018, с. 8]. По этой причине воцарение Лжедмитрия I, приглашение на трон польского королевича Владислава нередко воспринимались как предательство и осквернение веры. Историк О. А. Державина рисует важные детали сознания XVI–XVII веков, анализируя мысли И. Тимофеева, она приводит следующие слова: как душа неотделима от тела, так от царя неотделимо его царство; царство это дом, а царь хозяин дома. Потому события Смуты расцениваются им

как великое бедствие, за которое ответственно все царство. Именно от наличия «истинного» (наследственного или избранного всей землей) царя в царстве зависит нормальное течение жизни [*Державина*, 1951, с. 369–370]. Что характерно, даже положительные качества монарха не способствуют благополучию царства, если сам монарх ложный («через подобство наскакающий на царство») [*Державина*, 1951, с. 387]. Особенно данные страхи отразились в «Плаче о пленении и конечном разорении Московского государства», в котором, повествуя о многочисленных злодеяниях Лжедмитрия I, автор более всего обращает внимание на его преступления против чистоты и господства в России православной веры: «И хотел после этого разорить православную христианскую веру и святые церкви, завести костелы латинские и установить лютеранскую веру». Также в этом источнике говорится и о «нечестивом» польском короле, по окончании рассуждения о котором произносится мысль достаточно важная для понимания дальнейшего развития русского политического самосознания: «Сами ведь знаете, что издавна православная наша христианская вера греческого закона ненавистна иноплеменным странам!». При этом важно понимать, что и сам образ царской власти в годы Смуты значительно изменился в сравнении с правлением династии Рюриковичей: вместо наследования царский титул стал выборным; негодных царей стали свергать; появились различные документы (например, крестоцеловальная запись В. И. Шуйского), которые ограничивали царскую власть [*Вальденберг*, 2006, с. 290]. В этом сломе традиций и проявилась подобная боязнь ошибиться, выбрать недостойного человека в правители, что, в свою очередь, держится на страхе измены собственным традициям и ценностям. Более того, к моменту Смуты в русском книжничестве уже сформировались идеи об избранности Русской земли, миссия которой заключалась в сохранении Православной веры.

Будучи последним оплотом Православия, Русское государство в эпоху Смуты не могло не проявить апокалиптические настроения, связанные с падением вселенского царства. Именно боязнь за утрату благодати, потерю последнего царства, является одним из наиболее заметных настроений эпохи. Видный теоретик монархической идеи, Л. А. Тихомиров, пишет, что царство было таким домом, в котором все жители отдали власть одному, но не из страха перед тираном, а из уважения к тому, кому предстоит ответить за состояние дома перед Богом. Само же «царство» являлось последним всемирным государством, которое к тому же руководилось «воплощенной душой нации» – царской властью [*Тихомиров*, 1998, с. 245]. Кроме того, путь к состоянию «царства» хотя и был совершенно логичным для развития российского государства, но потребовал

больших усилий от московских правителей: Р. П. Дмитриева пишет, что царский титул снаружи государства нужно было еще завоевать, а внутри убедить через централизацию и легенду о царском происхождении. Именно по этой причине появляется «Сказание о князьях владимирских» [Дмитриева, 1955, с. 25–26]. В нем снова утверждается идея о всемирном царстве, на которое был венчан еще далекий предок Ивана Грозного – Октавиан Август [Дмитриева, 1955, с. 96–97]. Само установление царства было подготовлено рядом идеологических мероприятий: разработка чина венчания, легенда о приобретении Владимиром Мономахом царских регалий и происхождении от Октавиана Августа [Дмитриева, 1955, с. 142]. Различные источники, утверждающие особенную роль Русского государства (например, «Повесть о белом клобуке», послания Филофея, и «Сказание о князьях владимирских») сохраняли статус первой столицы мира за Римом, но утверждали, что царство (как некое мистическое явление) ушло с римской и греческой земель из-за их осквернения и преемственно перешло к России. При этом царство с каждым переходом развивалось, явившись наиболее полно русскому народу. Похожие идеи сообщает «Сказание о Вавилоне-граде», в котором, правда, идея о первенстве Рима уже не звучит. Подробно это сказание исследовал М. А. Алпатов, который видит мысль о первенстве именно Вавилона традиционным проявлением популярной в Средние века теории о четырех мировых монархиях. Что интересно, последовательность мировых монархий в «Сказании» совершенно в стороне оставляет Рим, переходя через Византию к Московскому царству. При этом само «царство», пусть и странствующее, но при каждом переходе развивается, отчего Вавилон – Константинополь – Москва представляются ступенями всемирной истории. Обладатели (в виде государств) царства могут стареть, чем и вызвана возможность перехода, а сам переход осуществляется не только незримым образом, но и через царские регалии, которые московскому царю достались еще от Навуходносора [Алпатов, 1973, с. 167–168]. Поэтому «обладание» царством было значительной ценностью для духовно-политического сознания XVI-XVII веков, отчего утрата царства означала скорый конец мира.

В такие периоды истории для политической мысли и самосознания важны фигуры защитников веры и Отечества. В эпоху Смуты таким защитником предстал М. В. Скопин-Шуйский, чья жизнь прервалась весьма неожиданно и в обстоятельствах довольно неоднозначных, что повлекло за собой мнения об отравлении талантливой полководца. Данные события нашли отражение в «Писании о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского», в котором основной мыслью является страх остаться без последнего защитника Русской Земли.

В произведении словами «солнце к солнцам зашло» образно говорится о смерти М.В. Скопина-Шуйского, по причине которой в форме плача задается вопрос: «Покинул ты этот свет, предпочел быть воином Небесного Царя, а нас на кого оставил?». Вопрос этот именно всенародный, потому как «ко двору его стекаются и власть имущие, и всем распоряжающиеся, и управляющие царскими делами и народными, стекаются и нищие, и убогие, и вдовицы, и слепые, и хромые». Для них он был Навином, по слову которого остановилось солнце и рухнул Иерихон, поэтому остаться без такого помощника для людей того времени означало осиротеть. Еще ярче отражается страх остаться без защитников в Повести о видении иноку Варлааму в Великом Новгороде, в котором сообщается, что некоторому монаху было видение, как все святые Новгородской земли и сама Богородица покидают Великий Новгород, оставляя его «безбожным немцам за грехи наши...».

Со страхом остаться без защитников наиболее связана боязнь оказаться недостойными, грешными в такой мере, в какой некогда были Содом и Гоморра. В «Видении некоему мужу духовному» благовещенского протопопа Терентия слова Христа звучат приговором для русского народа: «Не говорил ли я вам, что нет истины ни у царя, ни у патриарха, ни у всего священнического чина, ни во всем моем народе Нового Израиля?». В уже упомянутой «Новой повести о преславном Российском царстве» автором в укор себе и своему народу произносится: «По ошибке своей и слабости, славой мира сего прельстился и к ним, врагам, прилепился, ради суетной славы и тленного богатства, как и прочая братия наша. Все мы, того ищущи, от того и погибли. Если бы того не искали, от Бога бы все не отпали, и душами и телом не пали бы, и не пропали». Более того, согласно уже последующим источникам, именно этот страх перед собственной греховностью (который, конечно, имеется не всегда и появляется не сразу, а только в моменты чрезвычайного напряжения политической и духовной ситуации), то есть покаяние, помог человеку Смуты наконец выйти из нее.

Однако вопрос покаяния гораздо сложнее, чем может показаться, так как помимо желаний к исправлению, выраженного в подавляющем большинстве источников данной эпохи, требуется чистота служителей церкви, чья праведность могла бы вдохновлять народно-освободительное движение на позднем этапе Смуты. С одной стороны, обществу был известен патриарх Московский и всея Руси Гермоген, который «стоит один против всех них, как муж-исполин, без оружия и без воинского ополчения, только учение, как палицу, держа в своей руке против великих агарянских полчищ и побеждая всех» (из «Новой повести о пре-

славном Российском царстве»), но все же имелись и иные образы священнослужителя, которые отражали страх, что вера, наиболее ценное в жизни русского человека начала XVII века, может исказиться, а духовенство впасть в развращение. В «Видениях Евфимия Чакольского 1611-1614 гг.» критикуется священнослужитель, который допускает к причастию клятвopреступников и двоеженцев, а также позволяет посещать церковь нетрезвым людям. Кроме того, говорится, что и священники «сами по ночам пьют». Согласно произведению, именно от накопления такого рода прегрешений Богородица в видении заставила Евфимия (главное действующее лицо «Видений...») «рукавом попа по глазам хлестать». Пример недостойного поведения священнослужителей показывает также «Житие Иринарха Ростовского», в котором описано, как монастырская братия несправедливо обвинила старца перед игуменом, после чего «по наущению сатанинскому и по немилосердию игумен Ермоген старца ограбил и из монастыря изгнал, не помянув Бога».

Слагая сказанное выше, вполне возможно говорить, что традиционные ценности сильно связаны с описанными национальными страхами, большинство из которых в различных своих вариациях, порой весьма далеких от изначальных, имеют и современную представленность. Такие страхи могут жить, пока живы соответствующие им традиции. В эпоху Смуты это были страхи: утраты чистоты веры, дающей смысл существования; собственной греховности; цивилизационного порабощения; национальной измены высших лиц; исчезновения защитника веры и Отечества. Однако более многих видится страх не найти «истинного» правителя, который смог бы вернуть государство на путь традиции. Выражаясь иначе, страх не найти «истинного» царя можно считать страхом никогда не выйти из Смуты.

Библиографический список

Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа XII-XVII вв. М.: Наука, 1973. 476 с.

Библиотека литературы Древней Руси / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкинский дом); под. ред. Д. С. Лихачева и др. Т. 14: Конец XVI –начало XVII века. СПб.: Наука, 1997. 758 с.

Вальденберг В. Е. Древнерусские учения о пределах царской власти: Очерки русской политической литературы от Владимира Святого до конца XVII века. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. (Серия «Университетская библиотека Александра Погорельского»). 368 с.

«Видение некоему мужу духовному» благовещенского протопопа Терентия // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. Т. 15. СПб.: Наука, 2006. 530 с.

Видения Евфимия Чакольского 1611–1614 гг. // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. Т. 15. СПб.: Наука, 2006.

Волков В. А., Кузьмин А.Г. Смутное время. М., 2012. 349 с.

Державина О. А. Дьяк Иван Тимофеев и его «Временник» Тимофеев И. Временник. Подготовка к печати, пер. и ком. О.А. Державиной. Под редакцией В. П. Адриановой-Перетц. М.-Л.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 524 с.

Дмитриева Р. П. Сказание о князьях владимирских. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1955. 215 с.

Житие Иринарха Ростовского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. Т. 15. СПб.: Наука, 2006.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI вв. М., Мысль, 1982. 333 с.

Новая повесть о преславном Российском царстве // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. Т. 15. СПб.: Наука, 2006.

Перевезенцев С. В. «Власть» и «Земля» в смутное время // Русская политология. 2018. № 1 (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vlast-i-zemlya-v-smutnoe-vremya> (дата обращения: 24.10.2021).

Писание о преставлении и погребении Михаила Скопина-Шуйского // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. Т. 15. СПб.: Наука, 2006.

Плач о пленении и конечном разорении Московского государства // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко. Т. 15. СПб.: Наука, 2006.

Тихомиров Л. А. «Монархическая государственность», М.: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир», 1998 г. 672 с.

FORMATION OF NATIONAL FEARS DURING THE TIME OF TROUBLES

Boronin Artem R.

Moscow State University, 1, Lenin's mountains str.,
Moscow, 119991, Russia,
boronin.artemm@gmail.com

Abstract

The article reveals the dependence of traditional values and national fears on the example of the Time of Troubles. The author considers the Time of Troubles as a period capable of demonstrating the formality and flexibility of Russian spiritual and political thought, the influence of which ultimately helped to overcome the crisis. The main part of the work is the analysis of key problems in the literary sources of the Time of Troubles, through which tradition is established as the supporting structure of the Russian state. The article also analyzes the ideological concepts formed by the time of the Time of Troubles, which influenced the spiritual and political consciousness of the writers of the early 17th century. The author cites the views of contemporaries of the events as confirmation of the existence of some general tendencies in the perception of the causes of the Troubles. Particular attention is paid to the religious and legendary grounds for such a perception.

Key words

Russia; Time of Troubles; traditional values; national fears; history of socio-political doctrines

**«НИЧЕГО НЕ ПРИДУМАЕШЬ, НИКАКОГО ИСХОДА –
ТРЕВОГА, УЖАС И ОТЧАЯНИЕ»: АНТИРОМАНОВСКИЙ ДИСКУРС
КОНСЕРВАТОРОВ-ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ НАКАНУНЕ
РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917–1921 ГОДОВ**

Газизуллин Тимур Алмазович
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
timuralgaz25@gmail.com

Аннотация

В статье автор обращается к историографическому вопросу о месте теоретиков русского консерватизма в революции 1917–1921 гг., а также оценивает реакционность монархического идеала консерваторов-интеллектуалов в связи с распространением в публичной сфере предреволюционного периода антиромановского дискурса. Теоретическая рамка предполагает использование подхода Квентина Скиннера для выявления существенных черт монархического идеала. Оценка реакционности последнего осуществляется посредством применения модели Альфреда Хиримана. В результате автор подчеркивает, что антимодернистская природа русской консервативной теории традиционалистского типа на протяжении всего-позднеимперского периода стремилась предотвратить отхождение монархии Романовых от «природных» основ Русского царства.

Ключевые слова

Русский консерватизм; Романовы; монархия; Л. А. Тихомиров; К. Н. Пасхалов; революция.

Русский консерватизм в канун перемен был периферийным идейным направлением. Мы не можем давать ему «шанс» сохраниться в тех формах, которые сковывались межпоколенческими противоречиями. Повышение же интереса к истории данной идеологии сопровождается стремлением исследователей оправдать, защитить от нападок консерватизм по причине собственных симпатий к нему [Минаков, 2017, с. 38; Смолин, 2012, с. 9, 19, 21]. Тем самым складывающиеся в последнее время подходы к изучению позднеимперского консерватизма перенимают советский опыт апологетического описания направлений общественной мысли. Данная проблема понятна в контексте активного роста публикаций по рассматриваемой теме. Хотелось бы, чтобы отечественная историография выработала тот инструментарий, который позволил бы детализировать консерватизм. Это важно именно для того, чтобы, с одной стороны, история кон-

серватизма стала органичной частью истории Революции, а с другой – объяснение различий в риторике правых думцев, публицистов и мыслителей не происходило из утвердившихся тезисов либеральной эмигрантской историографии.

Обращение к консервативной мысли важно именно в силу того обстоятельства, что сторонники русской сакрализованной монархии на протяжении продолжительного времени вынуждены были «молчать». Когда же за последние тридцать лет они получили возможность явиться нашим современникам, то возникла проблема непонимания тех, кто оказался под обоюдным давлением Царского села и Таврического дворца. Сам процесс распада империи оказывался уже не самодостаточным, понимался как промежуточный период между романовской монархией и новой устойчивой системой в лице РСФСР (Советской России) [Минаков, 2017, с. 41; Репников, 2014, с. 461].

Таким образом, консервативная мысль важна нам не просто в узком вопросе осмысления распада интеллектуального поля русской правой, но в накоплении и усвоении тех доводов, которые были заглушены доминировавшими мировоззренческими парадигмами. Возвращение к консерваторам-интеллектуалам требует осознания установленных пределов современного политического мышления.

Во-первых, по мере перехода от первых попыток описать предреволюционный период истории русского консерватизма к поиску оснований поражения правых отечественная историография начала вычленять внутри консервативной среды различные группировки и течения в зависимости от методов защиты монархии или борьбы с ней [Репников, 2014, с. 407, 408, 505-506]. Это обязывает нас сегодня на локальном примере теоретиков консерватизма провести условные границы между думскими националистами и кабинетными традиционалистами. Во-вторых, не прекращающиеся попытки объяснить, почему позиции монархического лагеря резко ослабели в конце 1916 г., все еще тесно связаны с социальными иерархическими структурами русского общества [Иванов, 2020, с. 434]. Отсюда происходит размывание интеллектуального и политического аспектов.

Исходя из выше перечисленных положений, мы можем указать на необходимость выработать такой взгляд на консерватизм, который бы позволил изучать наследие правых интеллектуалов целостно, углубляясь по мере необходимости в идейные конструкции отдельных консерваторов. Тем самым важно предложить интерпретационную модель, в которой идеи и политические действия теоретиков рассматривались бы без устоявшегося требования к широкому описанию окружающей социальной среды. Связи между интеллектуальным и социальным крайне слабы и неустойчивы по причине взаимообусловленности идей и слухов. Именно поэтому под контекстом следует подразумевать совокупность

символических концептов, приобретающих упорядоченное существование в ходе мыслительного акта субъекта.

Введение

Теперь же мы можем перейти непосредственно к постановке проблемы. Очищение мышления от революционного дискурса ставит под вопрос реакционность консерватизма. В этой связи мы не пересматриваем достигнутое, но подготавливаем исследовательский инструментарий для минимизации уязвимых стереотипных представлений уже внутри самой историографии. Отсюда и задаемся вопросом о сущности антиромановского дискурса консерваторов-интеллектуалов.

Характеристика монархического идеала является одним из этапов исследования, его воспроизведение является лишь одной из задач, т.к. ключевым моментом становится проблема реакционности консервативных интеллектуалов.

Целью настоящего рассмотрения является выявление реакционных элементов в монархическом идеале русских теоретиков консерватизма в контексте антиромановского дискурса. Для достижения поставленной цели мы обращаемся к контекстуализму Квентина Скиннера. Это предполагает критическое осмысление тезиса о логической стройности и внутренней связности концептов той или иной политической теории [Скиннер, 2018, с. 60, 80]. В нашем случае монархический идеал консерваторов-интеллектуалов оказывается неким веберовским идеальным типом, благодаря которому наше исследование сможет избежать разорванности индивидуализированных концептов Л. А. Тихомирова и К. Н. Пасхалова.

Кембриджская школа интеллектуальной истории испытала влияние лингвистического поворота. Это выразилось в том, что Квентин Скиннер признает самодостаточность языка, рассматривает взаимовлияние социальных практик и дискурса [Скиннер, 2005, с. 145, 151].

Монархический идеал в предреволюционный и собственно революционный периоды был включен в процесс языковых практик, что выразилось в усвоении образов, созданных в оппозиционной среде думцев и либеральной печати [Репников, 2007, с. 409, 412; Лукьянов, 2001, с. 141, 144]. Эта ситуация существенно отличается от деревенской жизни Пасхалова в имении под Тулой, где минимальная коммуникация позволяла резче и болезненнее, чем в городе воспринимать публиковавшиеся речи думцев, сохраняя при этом в переписке прежний возвышенный стиль [«Не понимают...», 1995, с. 37].

Нами было сказано об идеологических направлениях в понимании отечественной историографией русского консерватизма. Мы подчеркиваем, что само-

достаточность предреволюционной вариации рассматриваемого нами идейного течения может быть понята, когда консерватизму будет предоставлено место в истории Революции 1917–1921 гг. Тем самым он обретает все те черты, которыми в настоящий момент уже снабжены «истории» либерализма и социализма, т.е. воссозданное поле интеллектуального производства, сведения о повседневной жизни, убедительные интерпретационные модели сравнения воззрений представителей разных направлений внутри консерватизма [Российский либерализм..., 2007].

Квентин Скиннер говорит о важности очищения мышления исследователя от доминирующих и доминировавших идейных построений, т.к. мы в таком случае будем создавать образ изучаемого течения, исходя из критериев, нравственных принципов альтернативных позиций [Скиннер, 2006, с. 10]. Обнаружение контекста может быть верифицировано в том случае, если мы на всех этапах исследования будем осуществлять критическое осмысление того материала, который нами первоначально упорядочивается.

Как мы указали выше, консерватизм ноября 1916 – марта 1917 гг. вписывается в общую логику революционного процесса, а позднеимперское поле интеллектуального производства рассматривается в качестве некоего культурного багажа. Это предполагает, во-первых, выявление различных социокультурных сред бытования, во-вторых, формулирование монархического идеала русского консерватизма предреволюционного периода на основе переписки и сочинений, в-третьих, детализация конкретных интерпретаций «полноценной» русской монархии. Все три элемента системы связаны; один уровень, более масштабный, предполагает и локальный.

После осуществления описанных предварительных процедур мы вправе подойти к оценке реакционности монархического идеала. Для этого мы воспользуемся подходом Альфреда Хиршмана, предложившего анализировать европейский реакционизм через призму трех тезисов об извращении, тщетности, опасности проводимых реформ. Таким образом, теоретическая рамка нашего исследования носит двусоставный, внутренне непротиворечивый и иерархический характер.

Хронологические рамки охватывают период с ноября 1916 по март 1917 гг. Выбор начальной границы обусловлен активизацией консерваторов после ряда агрессивных выступлений Шульгина, Пуришкевича и Маркова [Первая мировая..., 2014, с. 438, 443, 454]. Завершение же обусловлено началом преследования консерваторов, которые уже не могли взаимодействовать на всей территории

европейской части России. Более того, отречение Николая существенно подрывало заинтересованность консерваторов защищать режим, который их самих и без того не устраивал [Лукьянов, 2001, с. 155; Минаков, 2017, с. 40].

Воссоздание контекста циркуляции идей

Консерватор-интеллектуал оказался к 1916 году в парадоксальной ситуации. С одной стороны, он был отодвинут на задворки политической сцены, с другой же – обладал авторитетом, позволявшим налаживать контакты с петербургскими сановниками [Лукьянов, 2007, с. 53]. В этих условиях пределы допустимого политического участия сливались с границами, установленными для всех борющихся группировок, но вместе с тем неформальная коммуникация позволяла даже отказаться от прямого вмешательства в общественную дискуссию ради активного убеждения бюрократии в необходимости сопротивления парламентариям, оппозиционной печати. Это вовсе не означало, что желание консерваторов подавить думцев сопровождалось поддержкой дуалистической монархии в том виде, в котором последняя пребывала к началу 1917 г. Неоднозначность положения выражалась в совмещении претензий к имперской системе с желанием лишь идейно направлять единомышленников на путь «исправления» русской монархии [«Не понимают...», 1995, с. 37]. Различия в понимании идеального состояния последней обнаруживаются нами в степени лояльности к самодержавию.

Говоря о различных социокультурных средах, мы выделяем три пространства: деревня, провинциальный город и столицы (Москва и Петроград). Деревня изолировала консерватора от суеты городской жизни. Это не означало, что коммуникация с Петроградом прерывалась, а печать не достигала имения или провинциального частного дома. Скорее здесь важно увидеть отсутствие того городского лавочника или рабочего, который, стоя в очереди или беседуя со знакомым, распространял слухи.

Жизнь в городе становилась вызовом, на который антимодерной по духу консервативной мысли нужно было отвечать. Агрессивные и неприличные высказывания в адрес династии и Правительства, фиксируемые Л. А. Тихомировым, сокрушали оставшиеся надежды [Тихомиров, 2008, с. 314]. Институт императорской власти все чаще обвинялся в неспособности дать России победу в войне.

Усвоение городскими консерваторами революционизированного языка выражалось в смещении на второй план традиционалистских концептов сакральной монархии. Доминирование националистической риторики в правоконсервативной печати оказалось по сути уступкой либерализму, усиливавшемуся по мере складывания различных форм русской коллективной субъектности.

Монархия же при этом объективировалась, ее посредническая функция огрублялась. Становится тогда понятным, почему Тихомиров и Пасхалов не отправляли статей в издательства, жили изолированно, понимая отсутствие доступа к печати [Там же, с. 283]. Одновременно с этим статьи М. О. Меньшикова, идеолога национализма, все более поддерживали Думу и общественность [*Репников*, 2014, с. 429; Публицистика М. О. Меньшикова..., 2014, с. 281-282].

Каков же тогда монархический идеал теоретиков русского консерватизма?

Интеллектуалы обычно не стремятся к получению непосредственных властных полномочий, однако, выступая в роли идеологов, они создают смыслы борьбы. В нашем случае важно понять, что теоретикам русского консерватизма было крайне неуютно в реформированной монархии Романовых, ибо смысл и направленность реформ, по мнению того же Пасхалова, не соответствовали истокам православного царствования [*Пасхалов*, 2008, с. 434]. Более умеренный Тихомиров при всем несогласии с защитниками самодержавия к началу революции смирился с конституционалистскими новациями в структуре политической системы [*Тихомиров*, 2008, с. 348]. Оба варианта православного монархизма исключали секулярное понимание свободы, прав и обязанностей. Можно назвать это архаикой, и многие называют, но нас интересует основание логики консерваторов-интеллектуалов.

Образы допетровской России с соборами, патриаршеством, корпорациями, может быть, были притягательны рядовым членам Союза русского народа. Теоретики же видели в православной монархии внутреннюю ось всего общежития. Активное же посягательство на сакральное начало со стороны думского Прогрессивного блока пробуждало либо агрессивную реакцию, либо осознание необходимости взаимных уступок и договоренностей между оппозицией и бюрократией. Примечательно, что самого императора никто не воспринимал всерьез.

Объективация монархии при желании ей повиноваться есть яркое свидетельство того факта, что реакционность консерваторов-интеллектуалов следует искать не во всем их идейно-политическом наследии, а именно в той области, где предлагаемые методы управления, легитимации и подавления встречали сопротивление со стороны династии и апатичной сановной бюрократии.

Тем самым революция была представлена в дискурсе консервативном, а специфика его заключалась в разорванности между идеалом и действительностью, тем совокупным образом, который складывался у интеллектуалов в процессе соприкосновения с этой действительностью. В результате монархический идеал, никогда не бывший единым, еще более разрывался между традиционалистским и национал-реформистским направлениями.

В качестве ядерного концепта выступал исторический континуитет времен; к нему примыкали принцип добровольного служения монарха и подданных общему делу защиты Православной ойкумены, а также безусловность иерархии и естественность неравенства.

Недовольство или даже раздражение поведением Николая, двора, бюрократии, генералитета прорывалось и у консерваторов-интеллектуалов. Одновременно с этим традиционалист Пасхалов был избавлен от каждодневного контакта с городским плебсом, находил в себе силы для диалога с «дубровинцами», а потому критика сопровождалась призывами к действию, тогда как Тихомиров убедился в неотвратимости Революции, подвергся влиянию возбужденной Москвы [Репников, 2014, 407; Тихомиров, 2008, с. 312].

Контекст раскрытия монархического идеала в предреволюционный период выражался в невиданной доселе деградации православного правосознания. Государь, принуждавший подданных к необоснованному повиновению своей воле, сановники, рассчитывавшие своими силами управиться с оппозицией и указать монарху на его подлинное место, думцы, сознававшие свой потенциал и отвергавшие божественное право, как пережиток, интеллектуалы, видевшие в сановниках своих покровителей – все они оказались в ситуации, в которой заключение нового договора было спасительным, но недоступным решением. Вопрос о грядущей властной конструкции и политической форме актуализировался, а сохранение status quo оказывалось недостижимым.

Оценка реакционности монархического идеала

Тезис об опасности предполагает, что уже достигнутое будет утрачено [Хиришман, 2021, с. 173]. Заигрывание Николая с оппозицией, потакание ее интересам, неспособность усмирить думцев – все это разочаровывало интеллектуалов, желавших, чтобы в военное время государственная машина работала, как у немцев. Вопрос о расширении полномочий представительства, переустройства дуалистической системы в парламентарную репрезентировался как неприемлемый именно в силу несоответствия между существовавшим режимом и «подлинной» монархией. Ломка устоев государственной жизни угрожала созданием искусственной модели, еще более оторванной от интересов русского народа, чем уже имевшаяся. Отсюда претензии к династии были обусловлены апатией Царского села в деле отстаивания своего исключительного права на статус Верховной власти. Гражданско-секулярному мирозерцанию практически ничего не противопоставлялось, а апеллирование к православию становилось недостаточно, ибо население, номинально нарекаемое христианским, в лице отдельных своих представителей могло и вовсе не иметь никакого отношения к религии.

Тезис о тщетности понимается Хиршманом как бессмысленность преобразований [Хиршман, 2021, с. 53, 159]. В случае с нашим исследованием отрицательное отношение интеллектуалов к политической системе 1906 г. и продолжительное и целенаправленное изолирование сторонников русской монархии сформировали в сердцевине консервативного течения достаточно несговорчивую линию, которая не располагала на свою сторону, но одновременно с этим монополизировала статус подлинной монархической ориентации [Лукьянов, 2001, с. 137, 139]. Ярким представителем такого подхода к защите самодержавия являлся К. Н. Пасхалов, не желавший и слышать о конституции [«Не понимают...», 1995, с. 38].

Л. А. Тихомиров же с началом революции смирился с ограничением монархии, вероятно, даже отказался от требования той конституции, которая бы соответствовала русскому пути развития. В этом смысле освободительный дискурс, питавшийся учениями самой разнообразной идейной направленности, не просто проник в поле интеллектуального производства консерваторов, но и модифицировал консерваторов-интеллектуалов.

В первых двух рассмотренных нами тезисах прослеживается реакционность идеологическая, но не программная, как бы странно это не звучало. Обоснование или, возможно, оправдание своих действий комбинирует различные концепты для выгодного представления своего курса. Война кардинально сместила акценты в политическом мышлении жителей европейской части России, а потому и аргументация теоретиков консерватизма даже в своей узкой среде наполнилась тезисами о нежизнеспособности искаленного Первой революцией самодержавия. Штюрмерия, распутинщина стали благодатной почвой для произрастания и в консервативной среде антиромановских настроений. Династия в контексте войны опорочила институт монархии, за который и Тихомиров, и Пасхалов держались, как за осевой столп всего существования России. В любом случае поверхностные правовые напластования не должны были лишать политическую форму легитимности.

Третий тезис об извращении по Хиршману предполагает, что изменения приведут лишь к ухудшению существующего [Хиршман, 2021, с. 16]. Как раз таки здесь консерваторы-интеллектуалы не реакционеры. Взаимодействие Пасхалова с Маклаковым интересно тем, что член Государственного совета не считал возможным возврат к самодержавию, вместе с тем восхищался членами кружка Римского-Корсакова, которые до конца верили в свои силы [Падение царского..., 1925, с. 89]. Тем самым традиционализм и национал-реформизм дополняли и удерживали друг друга, хотя приведенный пример является скорее уникальным, чем широко распространенным.

Надежды интеллектуалов, связанные с решительностью сановников, вполне понятны, если мы видим желание победоносно завершить войну и не допустить распада страны. Однако формально реакционность монархического идеала в предреволюционный период связывается с апеллированием к домодерной традиции. Если же мы углубимся в политическую теорию консерватизма, то и формальный реакционизм снимается, ибо противопоставление прогресса реакции оказывается результатом освободительного дискурса, некоей мировоззренческой парадигмы, которая порывала с историческим континуитетом. Именно Русское царство являлось одной из ипостасей идеала, и проблема консерватизма заключалась именно в неспособности осознать свою привязанность к конкретной политической форме.

Выводы

Реакционен не смысл предлагавшихся мер, а идейное обоснование, сковывавшее революционизированную мысль интеллектуалов в силу их обращенности к тому историческому моменту, когда самодержавие являлось возвышенным волевым актом русского народа.

Монархический идеал либо атрофировался, увядал, либо же модифицировался так, как это произошло у консерваторов-политиков, которые в результате более глубокого погружения в освободительный дискурс смогли переступить через свои прежние принципы и указать на невозможность реализации народных чаяний при постоянных препятствиях со стороны непоследовательного Правительства. Интеллектуалы не считали себя обязанными повиноваться воле Царского села и защищать Николая, т.к. им в целом свойственна объективация властных структур, но они при помощи языка десакрализации смогли обосновать свое неприятие существовавшего порядка. Судьба консерватизма не столь отличается от русского либерализма, ибо обе идеологии не могли существовать без обособленного поля интеллектуального производства.

Библиографический список

Иванов А. А. Пламенный реакционер Владимир Митрофанович Пуришкевич. СПб.: Владимир Даль, 2020. 621 с.

Лукиянов М. Н. Российский консерватизм в конце XVIII – начале XX века: лекции по спецкурсу для студ. спец. «История». Перм. ун-т. Пермь, 2007. 68 с.

Лукиянов М. Н. Российский консерватизм и реформа, 1907-1914. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2001. 212 с.

Минаков А. Ю. Основные вехи истории русского консерватизма XIX–XXI вв.: учебное пособие по спецкурсу для студентов исторического факультета.

Воронежский государственный университет. Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2017. 75 с.

«Не понимают величия русской государственной идеи»: Переписка К. Н. Пасхалова 1914-1917 гг. / Публ. Ю. И. Кирьянова // Источник. 1995. № 6. С. 4–40.

Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / ред. П. Е. Щеголева. 2-е изд, испр. М. ; Л. : Гос. изд-во, 1924-1927. Т. 3 : Допросы и показания: А. В. Герасимова, А. И. Спиридовича, В. Н. Воейкова, Н. А. Маклакова, М. С. Комиссарова, П. Г. Курлова, М. И. Трусевича, А. А. Вырубовой, О. А. Лохтиной, С. М. Белецкого, И. Л. Горемыкина, С. Е. Виссарионова, Н. С. Чхеидзе. 1925. IV. 506 с.

Пасхалов К. Н. Русский вопрос / Сост., предисл. и коммент. Д. Стогова / Отв. ред. О. Платонов. М.: «Алгоритм», 2008. 720 с.

Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914-1918 гг. в 4-х т.: Т. 2: Консерваторы: великие разочарования и великие уроки / отв. ред. А. В. Репников. 652 с.

Публицистика М. О. Меньшикова в 1917 г. / Вступ. ст., публ. и прим. В.Б. Трофимовой, Е.В. Алёхиной // Литературоведческий журнал. 2014. № 35. С. 272–311.

Репников А. В. Консервативные концепции переустройства России. М.: Academia, 2007. 520 с.

Репников А. В. Консервативные модели российской государственности. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 527 с.

Российский либерализм: идеи и люди / 2-е изд., испр. и доп., под общ. ред. А. А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2007. 904 с.

Скиннер К. Значение и понимание в истории идей // Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. С. 53–122.

Скиннер К. Свобода до либерализма; пер. с англ. А. В. Магуна; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 120 с.

Скиннер К. Язык и политические изменения // Логос. № 3 (48). 2005. С. 143–152.

Смолин М. Б. Всеобъемлющий идеал Льва Тихомирова // Тихомиров Л. А. Религиозно-философские основы истории. 6-е издание, значительно дополненное / М.: Издательство «ФИВ», 2012. С. 5–22.

Тихомиров Л. А. Дневник Л. А. Тихомирова, 1915-1917 гг. / Российский гос. архив социально-политической истории, Центр по разраб. и реализации межархивных программ документальных публикаций федеральных архивов, Гос.

архив Российской Федерации, Ин-т общественной мысли; сост. А. В. Репников. М.: РОССПЭН, 2008. 438 с.

Хиршман А. О. Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность / пер. с англ. Д. А. Узланера; под науч. Ред. А. А. Смирнова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». 2-е изд. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2021. 208 с.

**«ANXIETY, HORROR AND DESPAIR»: OPPOSITION DISCOURSE
OF CONSERVATIVE INTELLECTUALS ON THE EVE
OF THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917–1921**

Gazizullin Timur A.
Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
timuralgaz25@gmail.com

Abstract

The author of the article studies the problem of the place of the theorists of Russian conservatism in the Revolution of 1917–1921, assesses the reactionary nature of the monarchism of conservatives. The research methodology is based on the approach of Quentin Skinner. The method allows us to identify the characteristics of the monarchical ideal. The Alfred Hirschman model is used to assess the reactionary nature of conservative ideas. As a result, the author believes that the anti-modern nature of the Russian conservative theory was turned on the eve of the Revolution against the deprivation of the Romanov monarchy from its "natural" concepts.

Key words

Russian conservatism, Romanov dynasty, monarchy, L. A. Tikhomirov, K. N. Paskhalov, revolution

К ПРОБЛЕМЕ БОРЬБЫ С ПРОСТИТУЦИЕЙ И ТОРГОМ ЖЕНЩИНАМИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Куськало Юлия Владимировна
Уральский федеральный университет
620083, Россия, г. Екатеринбург, ул. Ленина 51,
juliabauer17@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается проблема проституции и торговыми женщинами в Российской Империи в начале XX в., через призму организации Первого Всероссийского съезда по борьбе с торговлей женщинами и его причинами. На основе Трудов Съезда, а также журналов «Союз Женщин» и «Женский вестник», делаются выводы об основных причинах проституции и намеченных отечественным женским движением способах борьбы с проституцией.

Ключевые слова

Феминизм; проституция; Первый Всероссийский съезд по борьбе с торговлей женщинами; Российское общество защиты женщин; В. К. фон Анреп; Е. М. Ольденбургская; «Женский Вестник»

Российское женское движение начала XX в. характеризуется активным созданием общественных женских организаций, выпуском собственной периодической печати, проведением различных съездов. Борьба с проституцией, торговлей женщинами с целью разврата и распространяющиеся в следствии венерические заболевания в начале XX в., были одними из основных направлений деятельности отечественного феминизма. Данная проблема не теряет актуальности и в наши дни, решение ее невозможно в полной мере без обращения к опыту прошлых поколений. Актуальность данной темы определяется и тем, что в отечественной историографии интерес к гендерным исследованиям появился лишь сравнительно недавно, представленный в работах за авторством С. Г. Айвазовой, Н. А. Мицюк, Н. Л. Пушкаревой, Л. П. Репиной [Айвазова, 1998; Мицюк, 2013; Пушкарева, 2002; Репина, 2002] и др., однако не исчерпывающий всех вопросов, связанных с историей женского движения в Российской Империи, и в частности деятельности женских общественных организаций, посвященной борьбе с проституцией.

13 января 1900 г. министром внутренних дел Д. С. Сипягиным было утверждено Положение о Российском Обществе защиты женщин (далее РОЗЖ). Общество образовалось из числа лиц, объединившихся в 1899 г. для подготовки

участия России в Международном конгрессе в Лондоне по вопросу борьбы с торгом женщинами с целью разврата. Председательницей избрали принцессу Евгению Максимилиановну Ольденбургскую. Деятельность Общества была намечена в двух главных направлениях: «содействие предохранения женщин от вовлечения в проституцию и возвращение падших женщин к честной жизни» [Боровитинов, 1911 с. 23]. В первую очередь Общество стремилось уберечь еще не «падших» женщин от вовлечения в проституцию, для осуществления данной цели Общество организовало отделы предупреждения, расследования и юридический. Отдел предупреждения расклеивал объявления и организовывал для приезжих женщин места для проживания, встречал женщин, прибывших в Санкт-Петербург в поисках работы, на вокзалах [Речь В. А. де Плансона..., 1911, с. 40]. Отдел расследования оказывал женщинам помощь в поисках работы, отправлял домой тех, кто оказывался в безвыходном положении в Санкт-Петербурге, предоставлял место работы и финансовую поддержку; юридический отдел принимал участие в разработке законодательных и административных мероприятий, касающихся женщин. Несмотря на некоторые успехи, данные мероприятия не имели массового успеха из-за нехватки сотрудников в отделах, малограмотности женщин и отсутствия возможности привлекать к ответственности владельцев домов терпимости и сводников из-за существования государственного надзора за проституцией.

Вскоре, после образования Общества, его члены возбудили перед правительством ходатайство о недопущении в дома терпимости несовершеннолетних девушек. 6 июня 1901 г. министерство внутренних дел уведомило, что циркуляром было сообщено всем губернаторам и градоначальникам о недопущении в дома терпимости лиц младше 21 года. Кроме того, Комитет РОЗЖ добился участия во Врачебно-полицейском Комитете, во время обсуждения общих мер, касающихся проституции. Сделано это было для того, чтобы иметь возможность отговаривать женщин от занятия проституцией, пришедших на регистрацию в Комитет Надзора [Речь В. А. де Плансона..., 1911, с. 39].

Самым важным шагом на пути борьбы с проституцией была идея организации Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. 7 мая 1908 г. члены Общества созвали в Каменоостровском дворце совещание под председательством А. А. Сабурова, участие в котором приняли около пятидесяти представителей санкт-петербургских и провинциальных органов Общества защиты женщин и представители иных Обществ. 8 мая 1908 г. совещание единогласно постановило созвать Съезд 3–6 января 1910 г. [Съезд по борьбе..., 1909, с. 30]. Необходимость данного съезда подчеркивал и тот факт,

что на государственном уровне проблема фактически не решалась: 8 мая 1908 г. в Государственной Думе обсуждалась проблема проституции, «однако депутаты посвятили вопрос не ему, а перебранке и обвинению друг друга в отвратительных поступках и устроили скандал» [Покровская, 1909, с. 114].

Изначально Съезд планировался на январь, однако к октябрю 1909 г., организаторы получили лишь 30 докладов, что было незначительным числом в сравнении с 5000 разосланных приглашений. Одной из причин отсутствия докладов было параллельное проведение Всероссийского съезда по борьбе с алкоголизмом. Организаторы посчитали, что проведение двух съездов одновременно принесет только вред, т. к. лишит многих возможности участия в Съезде. [Боровитинов, 1911, с. 27]. Дабы у всех желающих была возможность принять участие в обоих съездах, организаторы приняли решение перенести съезд на апрель, о чем были извещены все приглашенные.

Подготовительные мероприятия, программу съезда и пр. активно размещали на своих страницах периодические издания женских общественных организаций. Среди которых, печатный орган Всероссийского Союза Равноправности женщин (далее ВСРЖ) – журнал «Союз Женщин», и журнал, издававшийся врачом М. И. Покровской – «Женский вестник», который фактически являлся печатным органом Российского Женского взаимно-благотворительного общества (далее РЖВБО). Основной целью данных обществ являлось достижение женщинами равноправного положения в обществе, и в первую очередь обретения политических прав. Однако, одними лишь политическими правами ВСРЖ и РЖВБО не ограничивались, вопросы женского образования и экономического положения женщины, в том числе женского труда, являлись основными направлениями их деятельности. Борьба с проституцией была прописана в Уставах обоих Обществ, как одна из самых серьезных проблем женщин на пути к равноправию.

Впервые, для широких масс, вопрос проституции был поднят именно ВСРЖ и РЖВБО на организованном, при их поддержке, в декабре 1908 г. Первом Всероссийском женском съезде. Двумя основными причинами проституции были обозначены: 1) нравственные причины; 2) экономический фактор [Покровская, 1909, с. 33]. Несомненно, данные факторы играли огромную роль в процессе роста проституирующих женщин, согласно переписи поднадзорных проституток 1 августа 1889 г., в Российской Империи насчитывалось 17.603 проститутки, из которых 83,5% происходили из бедных семей, а каждая пятая являлась круглой сиротой. Около 5%, опрошенных прежде работали домашней прислу-

гой, что в 5 раз больше, чем женщин, ранее занятых в других сферах деятельности [Елистратов, 1907, с. 6]. Обусловлено это было тем, что закон никоим образом не регулировал труд прислуги – отсутствие четкого графика рабочего дня, времени на отдых, предоставления удовлетворительного помещения и питания. Однако только двумя данными причинами распространение проституции не ограничивалось, основным фактором, по мнению М. И. Покровской, являлось отсутствие у женщин «права голоса в законодательном учреждении» [Покровская, 1909, с. 36–37]. В своем выступлении на Съезде, Покровская говорила, что широкое распространение женского образования, улучшение условий труда, страхование женщин во время и после беременности, введение закона, наказывающего мужчин за пользование услугами проституток и пр. не будет издан до тех пор, пока «только мужчины обладают законодательной властью» [Покровская, 1909, с. 39]. По окончании Съезда была принята резолюция, согласно которой признавалось, что искоренение проституции возможно лишь при условии обретения женщинами политических прав, немедленной отмене регламентации проституции и закрытии домов терпимости [Общеполитическая резолюция..., 1909, с. 823]. Однако после Съезда никаких практических действий, способствующих борьбе с проституцией, организаторами Съезда так и не было принято. Однако 25 декабря 1909 г. РОЗЖ добились утверждения спроектированного ими закона о мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата.

Незадолго до начала Съезда по борьбе с торгом женщинами, 13 апреля 1910 г. в аудитории сельскохозяйственного музея РЖВБО, Российская Лига Равноправия Женщин и Петербургский клуб Женской Прогрессивной Партии, провели публичное собрание, с целью вызвать как можно больший интерес женщин к съезду.

Организационной Комиссией была составлена программа Съезда, разделенная на три секции: 1. Причины вызывающие и содействующие развитию проституции (экономические причины, алкоголизм, бесправное положение женщины, заброшенность детей и низкое понимание обществом вопроса проституции); 2. Меры общественной борьбы (борьба с алкоголизмом, просветительская деятельность, развитие нравственных взглядов в обществе); 3. Законодательные и административные меры по борьбе с проституцией (уничтожение домов терпимости, преследование сводничества, вопросы о плюсах и минусах государственной регламентации проституции) [Съезд по борьбе..., 1909, с. 29]. Председатели общества направили обращения к министрам внутренних дел, иностранных дел, юстиции, промышленности и торговли. Все министры назначили представителей на Съезде.

Съезд по борьбе с торгом женщинами торжественно открылся 21 апреля 1910 года. Председателем Съезда был выбран В. К. фон Анреп – российский врач, член III Государственной Думы, вице-председательницами были избраны знаменитые деятельницы отечественного феминизма В. П. Тарновская, А. П. Философова, А. Н. Шабанова, секретарем стала М. И. Покровская. Открытие Съезда председатель В. К. фон Анреп завершил такими словами: «Проституция составляет результат, в огромном подавляющем большинстве, нищеты, голода, холода, невозможности часто и трудолюбивой женщине обеспечивать себе кусок хлеба» [Речь Председателя Съезда..., 1911, с. 32].

По итогам Съезда было заслушано 44 доклада, по каждой из секций приняты резолюции, в которых были отражены основные выводы и дальнейшие задачи в борьбе с проституцией. По итогам первой секции участники пришли к выводам, что «проституция – зло социальное и причинами ее являются бедность, невежество, женское бесправие, общественный разврат, двойная мораль и т.д.» [Покровская, 1910, с. 115]. По итогам второй и третьей секций было принято решение создать особую организацию для борьбы с проституцией, бюро труда, кассы взаимопомощи и ссудо-сберегательные, провести закон о нормировании отдыха домашней прислуги и женщин, служащих у частных лиц, признать равноправие женщин и т.д., а также поставить на повестку дня вопросы о закрытии домов терпимости и борьбы со сводничеством.

В вопросе государственной регламентацией проституции, участники Съезда разделились на две группы: одни выступали за немедленную отмену регламентации, другие же считали, что ее нужно лишь реорганизовать. Свои резолюции по этому вопросу представили заведующий третьей секцией Съезда М. М. Боровитинов, предложивший создать особую комиссию для обсуждения вопроса регламентации, и представительницы женских организаций, выступившие за отмену регламентации. Съезд почти единогласно поддержал резолюцию женских организаций, против выступили только сам М. М. Боровитинов и регламентист Де-Сеньи. В 1913 г. Петербургский клуб Женской Прогрессивной Партии внес в Государственную Думу законопроект об отмене врачебно-полицейского надзора за проституцией и закрытии притонов, выработанный профессором А. И. Елистратовым [Борьба с проституцией, 1913, с. 265]. Однако, начавшаяся в июле 1914 г. Первая мировая война, сместила вопрос проституции на второй план, выдвинув на авансцену вопросы возможного содействия женского движения государству в военное время. Со страниц журналов женских органи-

заций практически исчезли статьи посвященные проблеме проституции. А пришедшая вслед за войной, Октябрьская революция 1917 г., не позволила осуществить намеченные Съездом и женскими организациями цели.

Библиографический список

Айвазова С. Г. Русские женщины в лабиринте равноправия: очерки политической теории и истории. Документальные материалы. М.: РИК Русанова, 1998. 405 с.

Боровитинов М. М. О работах по устройству Съезда и о программе его занятий // Труды I-го Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. Санкт-Петербург: Типо-Литография С.-Петербургской Одиночной Тюрьмы, 1911. С. 23–31.

Борьба с проституцией // Женский Вестник. 1913. № 12. С. 265–266.

Елистратов А. И. Бедность и проституция // Союз Женщин. 1907. № 10. С. 5–7.

Мицюк Н. А. Женщины российской провинции XIX-начала XX в.: воспитание, образование, социокультурное пространство и повседневная жизнь (на материалах Смоленской губернии). Смоленск: Свиток, 2013. 415 с.

Резолюции второй секции [Тексты резолюций] // Труды I-го Всероссийского женского съезда при русском женском общества в С.-Петербурге. СПб.: б/и., 1909. С. 821–823.

Покровская М. И. К борьбе с проституцией // Женский Вестник. 1909. № 5–6. С. 113–114.

Покровская М. И. Как женщины должны бороться с проституцией // Женский Вестник. 1909. № 2. С. 33–39.

Покровская М. И. Первый всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами // Женский Вестник. 1910. № 5–6. С. 114–119.

Пушкарёва Н. Л. Русская женщина: история и современность. М.: Ладомир, 2002. 522 с.

Репина Л.П. Женщины и мужчины в истории: Новая картина европейского прошлого. Очерки. Хрестоматия. М.: РОССПЭН, 2002. 349 с.

Речь В. А. де-Плансона о деятельности Российского Общества защиты женщин за первые десять лет его существования и о ближайших его задачах // Труды I-го Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. Санкт-Петербург: Типо-Литография С.-Петербургской Одиночной Тюрьмы, 1911. С. 34–42.

Речь Председателя Съезда В. К. фон-Анрепа // Труды I-го Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами. Санкт-Петербург: Типо-Литография С.-Петербургской Одиночной Тюрьмы, 1911. С. 31–34.

Съезд по борьбе с торгом женщинами // Союз Женщин. 1909. № 7–8. С. 29–31.

THE PROBLEM OF COMBATING PROSTITUTION AND TRAFFICKING IN WOMEN IN THE RUSSIAN EMPIRE AT THE TURN OF THE CENTURY

Kuskalo Yulia V.
Ural Federal University
Yekaterinburg, 620083, Russia,
Juliabauer17@mail.ru

Abstract

The article deals with the problem of prostitution and trafficking in women in the Russian Empire at the beginning of the 20th century through the prism of the First All-Russian Congress on Combating Trafficking in Women and its causes. On the basis of the Congress Proceedings, as well as the journals "Union of Women" and "Zhensky Vestnik", conclusions are made about the main causes of prostitution and the ways of combating prostitution outlined by the domestic women's movement.

Key words

Feminism; prostitution; First All-Russian Congress on Combating Trafficking in Women; Russian Society for the Protection of Women; V. K. von Anrep; E. M. Oldenburgskaya; Zhensky Vestnik

НАСТРОЕНИЯ РУССКИХ АНАРХИСТОВ В АВГУСТЕ 1914 – ФЕВРАЛЕ 1917 ГОДОВ НА ПРИМЕРЕ ЛИСТОВОК ИХ ПЕТРОГРАДСКИХ ГРУПП

Ломако Петр Евгеньевич

Государственный социально-гуманитарный университет
140411, Московская область, г. Коломна, ул. Зеленая, 30
pet.lomako@yandex.ru

Аннотация

На основе листовок русских анархистов периода Первой мировой войны в статье предпринята попытка сделать обзор выпуска обозначенных агитационных материалов в августе 1914 – феврале 1917 годов, а также рассмотрена тематика прокламаций самого крупного издательского центра интересующего нас периода – Петрограда.

Ключевые слова

Первая мировая война; русские анархисты; Петроград; листовки.

Первая мировая война стала переломным событием второго десятилетия XX века, что проявилось в изменении характера войны и границ государств, гибели империй. В печатных материалах различные политические силы пытались проанализировать происходившие события, выразить свою позицию. В стороне от этих событий не остались и анархисты.

Важнейшим источником истории русского анархизма дореволюционного периода являются листовки, в которых представители этого течения чаще всего пропагандировали свои идеи: этот вид наглядной агитации был проще в изготовлении и распространении. Но на данный момент эти материалы зачастую используются как источник или иллюстрация для исторических исследований и не изучаются отдельно. Большую работу по вводу листовок в научный оборот провел В. В. Кривенький, опубликовавший в 1999 году сборник документов «Анархисты. Документы и материалы», однако в российских архивах, в частности в фондах ГА РФ, еще остаются прокламации, не освещенные историками. В настоящей работе мы постараемся частично восполнить этот пробел и рассмотреть выпуск русскими анархистами листовок с начала Первой мировой войны до Великой российской революции, а также изучить их тематику на примере прокламаций, выпускавшихся в Петрограде.

В настоящий момент известно 35 листовок, созданных русскими анархистами за 2,5 года Первой мировой войны. Почти половина из них (15) вышла в

Петрограде, 7 – в Москве, 4 – в Женеве, по одной в Бежице, Париже, Лондоне и Цюрихе, а еще у 5 на настоящий момент невозможно определить место создания. Из всех прокламаций было выпущено за пять месяцев 1914 года, 17 – за 1915 год, 11 – за 1916 год и 1 за два месяца 1917 года. Таким образом, в годы Первой мировой войны до Великой российской революции пик создания рассматриваемых нами изданий анархистов пришелся на 1915 год, после чего начался спад (см. рис. 1), причину которого следует искать в тематике изданий.

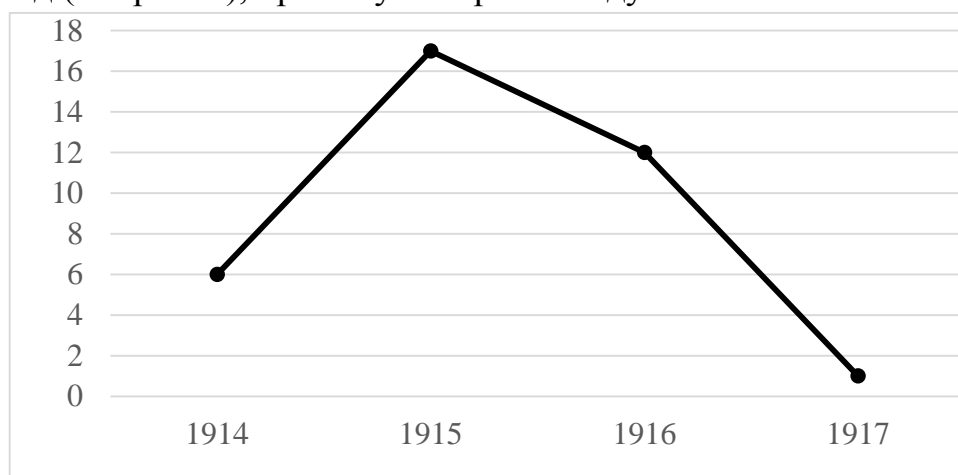

Рис. 1. Выпуск русскими анархистами листовок в августе 1914 – феврале 1917 гг.

Большее половины воззваний в общих чертах повторяли тематику таких же агитационных материалов, выпущенных в годы Первой русской революции. Анархисты призывали рабочих «разрушить прежде жилые здания и кипящие ядовитыми разложениями фундаменты государств и республик в любой их форме», так как они существуют «только для истребления как человечества, так и всего созданного человеческим гением в течение многих прошедших веков» [Северная группа анархистов (группа анархистов-коммунистов) ко всем трудящимся..., 1999, с. 397–398]; агитировали «с оружием в руках добиться своих человеческих прав на началах ... анархического коммунизма» [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7378. Л. 1.]; солдатам наказывали направить оружие «против правительства, всякой власти и капитализма» [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7373. Л. 1.]. Также анархисты протестовали против расстрелов рабочих демонстраций, массовых арестов и ссылок, называя такие действия правительства «кровавым спектаклем», указывая, что «на рабочую массу возлагается новый налог: налог крови» [Петроградская организация анархистов. Товарищи!..., 1999, с. 414–415], в этом контексте освещали забастовку на заводе «Феникс», после которой «сотни товарищей выброшены из завода с риском пропасть» [Северная группа анархистов. Товарищи!..., 1999, с. 415–416]. Кроме того, пролетариату в листовках разъяснялись

основы анархического учения, говорилось, что «история человечества есть история рабства и грабежа работников господствующими классами», однако рабочие могут решить этот «социальный вопрос» путём уничтожения государства «объединением всех работников в одну мощную армию», политическим террором и экспроприацией [Северная группа анархистов. Основы анархизма..., 1999, с. 411–414]. Петроградские анархисты обращались к истории, в частности, к Первой русской революции, после начала которой «палачи и насильники, во главе с полоумным Николаем II-м, справляют свои дикие оргии, сооружают виселицы, нагромождают горы трупов, заточают в тюрьмы, отправляют в Сибирь, на каторгу сотни тысяч людей», однако все эти ужасы «стусеивались перед новым бедствием – войной, несущей миллионы жертв», которую «надпрекратить ... и направить оружие против своих действительных врагов – власти и капитала» [Группа рабочих анархистов-коммунистов (г. Санкт-Петербург)...., 1999, с. 399]. Отличием являлось то, что вся агитация была связана с идущей Первой мировой войной, на ее примере показывалась несостоятельность и ненужность государства как общественного института.

Первой мировой войне и была посвящена оставшаяся часть листовок. Заявлялось, что единственные враги всех рабочих «"Власть и капитал", которые пьют последние ... соки» пролетариев [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7383. Л. 1.], что капиталисты втянули народы в войну «насилием, обманом и лживыми фразами об объединении народа с властью и его лучшим будущим» [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 13243. Л. 1.], а также «сумели одурачить массы посредством патриотического и государственного гипноза, втянуть их в механизм насилия и дисциплины, поддерживая страхом повиновение. Господа сделали массы орудием своего внешнего разбоя, который назвали священной войной. С шумом и треском господа напускали патриотический дурман, стремясь ценою крови подвластных рабов удовлетворить свои алчные аппетиты» [Петербургская группа анархистов. Война и революция..., 1999, с. 401–402]. Анархисты объявляли, что «цель войны зависит не от того или иного правительства, а от политика, при котором масса находится на положении безгласного скота, а всеми делами распоряжается хищная и алчная шайка господ», поэтому «война нужна и выгодна господам-банкирам, купцам, фабрикантам и разным паразитам» и «когда правительство захватывает новые земли», то туда «стекается хищная орда ставленников власти и капиталистов, орда, которая на ниве, орошённой кровью, извлекает новые источники обогащения, а рабочая масса ... получает голод и нищету» [Северная группа анархистов. О войне..., 1999, с. 409–411], потеряв «самых лучших сыновей» [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7350. Л. 1.].

В прокламациях анархисты проводили агитацию против других партий, в частности социал-демократов, заявляя, что эти «жалкие слуги буржуазии ... обещают кисельные берега молочные реки», но на самом деле просто рвутся к власти [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7383. Л. 1.], «своей тактикой помогают обессилить трудовые массы, бросаясь на очевидную провокацию и этим давая возможность вырывать передовых рабочих из рядов пролетариата» [Северная организация анархистов..., 1999, с. 418]. Одна из листовок представляет собой публикацию стихотворения «Город» члена анархистской группы, которое так же носит антимилитаристский характер:

«Душные улицы города смрадного.

Нет ветерочка степного, прохладного.

<...>

Давят людей капитала объятья;

Слышатся стоны и злобны проклятья

Женщин, мужчин, стариков и детей,

Бедных сирот, и больных матерей –

Слез уже нет, и не выплакать горя,

Крови народной не высушить моря,

И за добычей златого тельца

Бойни кровавой не видно конца.

<...>

Но уж предвестники слышатся рая,

С дальнего севера с дикого края.

Слышите, новые люди идут,

Новые песни и гимны поют». [ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7379. Л. 1.]

Таким образом, петроградские анархисты призывали к революции, апеллируя к последствиям мировой войны, по отношению к которой они заняли ярко выраженную антимилитаристскую позицию. Используя растущее недовольство рабочих войной, русские анархисты стремились найти сторонников, активно выражая протест против кровопролития. При этом они осуждали действия других партий, в частности социал-демократов, которые, по словам анархистов, косвенно помогали царскому правительству. Однако статистика показывает, что с 1916 года началось падение количества выпущенных прокламаций, что может быть связано как с усилением репрессивного аппарата Российской империи, так и с тем, что у анархистов не получилось завладеть умами рабочих из-за недостаточного количества агитационных материалов и повторения, пусть и с изменениями, довоенной риторики, что в изменившейся политической ситуации уже

работало хуже. Кроме того, свою роль сыграл фактор падения активности анархистов на территории Российской империи после Первой русской революции в 1908–1913 годах, что обусловило невысокую популярность анархизма в годы Великой российской революции.

Библиографический список

Гект. пр. [Партия Анархистов] Ко всем рабочим // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7350. Л. 1.

Гект. пр. К работн. Проснись турд. изнур. нар. (гр. Анарх.-Ком.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7388. Л. 1.

Гект. пр. Тов.! Миллион.челов. искалеч. (гр. Анарх. Ком.) // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7383. Л. 1.

Группа рабочих анархистов-коммунистов (г. Санкт-Петербург). // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883-1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. № 255. С. 399.

На п/маш. коп. пр. Петерб. Гр. Анар.-Ком. Тов. рабочие. Насилием, обманом // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 13243. Л. 1.

Петербургская группа анархистов. Война и революция. // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883-1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. №257. С. 401–402.

Петроградская организация анархистов. Товарищи! // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883-1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. №268. С. 414–415.

Печат. пр. Бр. Солд. Вот уже полтор. год. (Сев.орг. Анархист.)// Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7373. Л. 1.

Печат. пр. Город. Душн. ул. (раб.Анарх.)// Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7379. Л. 1.

Печат. пр. Раб. Трубоч. Вот уже тринад. м-цев. (Сев.орг. Анарх.)// Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1741. Оп. 1. Д. 7378. Л. 1.

Северная группа анархистов (группа анархистов-коммунистов) ко всем трудящимся. // Анархисты. Документы и материалы. Т. 1. 1883-1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. №253. С. 397–398.

Северная группа анархистов. О войне. // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883–1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. № 266. С. 409-410.

Северная группа анархистов. Основы анархизма. // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883-1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. № 267. С. 411–414.

Северная группа анархистов. Товарищи! // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883–1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. № 269. С. 415–416.

Северная организация анархистов. // Анархисты. Документы и материалы. Том 1. 1883-1916 гг. / Под ред. В.В. Кривенького. М., 1999. Док. № 273. С. 418–419.

**THE SENTIMENTS OF RUSSIAN ANARCHISTS
IN AUGUST 1914 –FEBRUARY 1917 ON THE EXAMPLE
OF LEAFLETS OF PETROGRAD ANARCHISTS**

Lomako Petr E.
State Social and Humanitarian University,
30, Green st., Kolomna,
Moscow region, 140411, Russia
pet.lomako@yandex.ru

Annotation

Based on the leaflets of Russian anarchists of the period of the First World War, the article attempts to review the release of the designated propaganda materials in August 1914 –February 1917, and also examines the subject of the proclamations of the largest publishing center of the period of interest to us – Petrograd.

Keywords

First World War; Russian anarchists; Petrograd; the leaflets

УДК 353

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Д. А. ВЫРУБОВА

Ахматова Аминат Заурбековна
Кабардино-Балкарский
государственный университет им. Х.М. Бербекова,
360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173,
amiak.03@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается административная деятельность Дмитрия Алексеевича Вырубова, окружного начальника Терской области (конец XIX – начало XX в.). Как региональный администратор, пользовался практически неограниченной властью и осуществлял контроль над всей общественно-политической жизнью Нальчикского округа Терской области.

Ключевые слова

Терская область; Дмитрий Алексеевич Вырубов; окружное управление; административные и полицейские функции.

Жизнь и общественно-политическая деятельность Д. А. Вырубова, его военная карьера и культурно-просветительские практики не становились предметом специального исследования в историографии. Однако в научных исследованиях в той или иной степени уже затрагивались отдельные аспекты деятельности Д. А. Вырубова, в основном связанные с «собирательством древностей» и его археологическими разысканиями. Также попутно современные исследователи упоминали о региональной политике окружного начальника, что представляет для нас большой интерес.

Основу исследования составили архивные данные из фондов Центрального государственного архива Кабардино-Балкарской Республики и Центрального государственного архива Республики Северная Осетия-Алания. В ходе исследования привлекались сборники документов, в которых размещены материалы о регулировании земельных споров в Нальчикском округе в последней трети XIX в., государственно-правовом развитии народов Кавказа в исследуемый период, характере взаимодействия различных уровней управленческой иерархии в ходе практического исполнения правительственных установок. Важное место в

системе исторических источников занимают статьи периодических изданий. В газетах «Кавказ», «Терек», справочнике «Кавказский календарь».

В последней четверти XIX в. в соответствии с решениями императора должность начальника Терской области занимали дворянин из Вологодской губернии А. М. Смекалов (1887–1890 гг.) и дворянин из Тамбовской губернии С. В. Каханов (1890–1899 гг.). Назначаемый им окружной начальник не мог быть представителем коренных национальностей, в связи с чем, и произошло командирование озургетинского уездного начальника Кутаисской губернии Д. А. Вырубова 23 мая 1887 г. в Нальчик [ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 53. Д. 38.].

В 1888 г. Вырубовым была определена структура аппарата управления: старшим помощником был назначен подполковник М. А. Цугулиев, младшим помощником – ротмистр В. И. Гидулянов, делопроизводителями – М. И. Черницкий и Ф. А. Кадигроб, переводчиком – Д. Е. Лавров, окружным врачом – Н. К. Кириллов, ветеринарным врачом – Р. Н. Костанянц. Приставами участков были назначены: 1-го – подполковник П. Е. Ловен, 2-го – капитан Г. С. Сосняковский, 3-го – Д. Ф. Бородин, 4-го – капитан А. И. Есипов, 5-го – капитан П. И. Рыбинский; полицейским приставом – Ф. С. Кургускин, его помощниками – Н. С. Мошняков и А. В. Воскобойников [Кавказский календарь на 1888 год. Адрес-календарь, 1887, с. 106.].

Окружное правление во главе с Вырубовым выполняло военные, административно-полицейские и общественно-политические функции.

Начальник в военное время мог формировать новые воинские подразделения из числа местных жителей, организовывать поставку лошадей в кавалерийские части, реквизировать у населения скот и сельхозпродукты для нужд фронта. В мирное время он следил за состоянием боевой готовности тех воинских подразделений, которые дислоцировались в пределах его округа.

Обширными были административные и полицейские функции окружного начальника. Он руководил работой всех подразделений административной системы округа, контролировал исполнение обязанностей помощников по управлению, участковых начальников, сельских старшин. При этом он руководствовался соответствующими инструкциями для должностных лиц, «Положением об управлении сельскими обществами», «Временными правилами Горских словесных судов» и распоряжениями вышестоящей администрации [Анчабадзе, 2012, с.42].

Окружное управление контролировало и выборы сельских должностных лиц. Оно было полномочно не допускать к должностям людей с сомнительной репутацией и отстранять от работы служащих, не соответствующих занимаемым

должностям. Когда сельские общества избирали угодных администрации людей на должности старшины, оно грозило им назначением правительственных старшин [Калмыков, 1995, с.34].

В соответствии со своими полномочиями Вырубов принимал самое активное участие в разрешении актуальных проблем социально-экономического и политического развития Нальчикского округа.

Одной из первоочередных задач стояла проблема строительства горных колесных дорог в Балкарских обществах, которые были крайне необходимы жителям высокогорных аулов и российской администрации. Была осознанная многовековая необходимость улучшить сообщение с плоскостными районами, которые поставляли все необходимое, что не производилось в горных аулах. Сооружение дорог потребовало колоссальных усилий всех жителей Балкарии, поддержки руководства округа и области: саперами, порохом, инженерными решениями.

26 декабря 1883 г. сход балкарского общества постановил на свои средства построить колесную дорогу Чегет-Эль-Кашхатау по ущелью Зылги-Тар. 28 июня 1887 г. после указа Александра III было начато строительство. Дорожные доверенные Балкарского общества Асламурза Абаев, Геурги Кюйгенов и Умар Темукуев в течение девяти лет занимались всеми проблемами дороги. Совместно с местным старшиной Анзором Айдебуловым они не раз отправляли прошения окружному начальнику Д. Вырубову о согласовании вопросов финансирования строительства дороги [ЦГА РСО-А. Ф. 270. Оп. 62. Д. 1999. Л. 90, 95.]. В свою очередь Вырубов пересылал все донесения и прошения начальнику Терской области на утверждение. Так, он направил следующее донесение от 15 июня 1887 г. за № 6790 во Владикавказ: «Настоящую переписку, представляя в строительное отделение Терского областного правления, имею честь донести, что, так как владикавказский 2-й гильдии купец Харлампий Панайотович Муратанов, взявший на себя устройство новой Балкарской колесной дороги, согласно условию, заключенному 7 мая сего года с доверенными Балкарского общества, приступает к разработке дороги 15-го сего июня и общество Балкарское на устройство этой дороги действительно нуждается в займе в 20 тысяч рублей, то, дабы оно не понесло значительные убытки в продаже своего скота, имеющего в настоящее время самую низкую цену, я со своей стороны полагаю бы выдать этому обществу просимую их дорожными доверенными ссуду денег в 20 тысяч рублей, так как дорога эта, кроме принесения обществу значительной пользы будет весьма полезна еще и стратегическом отношении» [ЦГА КБР. Ф. И.-6. Оп. 1. Ед. хр. 33. Т. 1. Л. 174.].

Как видно, Вырубов контролировал ход строительства и был заинтересован в прокладке транспортных сетей. 18 июня 1893 г. состоялась торжественная сдача в эксплуатацию колесной дороги в присутствии начальников Терской области и Нальчикского округа. Дорога связала поселок Кашхатау с селением Чегет-Эль, по ней можно было добраться из Балкарского общества по Черекскому ущелью на равнину. Дорога создала лучшие условия для перегона скота на плоскость, для подвоза хлеба, необходимых товаров, продажи произведенной продукции.

В сфере землепользования и землевладения кабардинцев и балкарцев издавна складывался узел социальных, экономических, политических и межэтнических противоречий, требующий постоянного внимания окружного правления. С окончательным включением Кабарды в административно-политическую систему Российской империи в 1822 г. вопрос о «закреплении за кабардинским народом издавна состоящих во владении его пастбищных мест по рекам Золке и Этоке» [Аграрные отношения, с. 65.] неоднократно заявлялся общественными представителями перед коронными властями и даже императором.

В 1887-1889 гг. Съездом доверенных сельских обществ под председательством начальника округа Д. А. Вырубова обсуждались различные варианты правил пользования Зольскими и Нагорными пастбищами. В это время не только регламентация, но и регулирование земельных отношений в Нальчикском округе входит в число направлений деятельности Съезда доверенных. Его решения в основном касались землепользования предгорными угодьями, которые в документах рассматриваемого периода известны как кабардинские запасные пастбищные земли. Через распределение, пропорциональное количеству дворов, они находились в совместном пользовании кабардинских и балкарских обществ. Такое положение порождало определенные поземельные противоречия, в урегулировании которых Съезд доверенных также играл определенную роль. Непосредственно землераспределительные функции Съезд доверенных делегировал специальным поземельным депутатам: четырем от кабардинцев и одному от балкарцев. Их обязанности предполагали разграничение общественных пастбищных и лесных угодий на местности. И хотя «действующие по выбору» поземельные депутаты не устраивали многих землепользователей, но окружная администрация старалась не вмешиваться в этот процесс, отклоняя большинство жалоб на их деятельность [Крикунов, с.42].

В ходе путешествия императорской семьи по Кавказу во время пребывания Александра III во Владикавказе осенью 1888 г. представители от сельских об-

ществ Большой и Малой Кабарды подали на высочайшее имя прошение об окончательном закреплении за кабардинским народом на праве собственности запасных пастбищных земель и лесов. Институционализированный 21 мая 1889 г. принцип совместной эксплуатации общественных пастбищ стал фактором углубления хозяйственных и поземельных связей кабардинских и балкарских сельских обществ, в рамках которых формировались экономические предпосылки единства административно-политического пространства региона.

Будучи начальником Нальчикского округа Д. А. Вырубов принимал участие в переписи населения Российской империи в округе. Получив в октябре 1895 г. предписание начальника Терской области о необходимости проведения переписи [УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 43. Л. 1-2 об.], окружной начальник приложил все усилия для объективного учета местного населения. По результатам переписи общая численность населения Нальчикского округа составляла 102 915 человек: кабардинцев – 64 746, балкарцев – 23 184, русских – 4 811, украинцев – 4 745, прочих национальностей – около 5 тыс. человек.

Таким образом, Д. А. Вырубов, как региональный администратор, пользовался практически неограниченной властью и осуществлял контроль над всей общественно-политической жизнью Нальчикского округа Терской области. Должностные полномочия позволили ему сосредоточить все силы на развитие округа и решение проблем местного населения. Вырубов занимался вопросами строительства колесных дорог в Балкарских обществах, организации всеобщей переписи населения в округе, решением земельных конфликтов и споров, контролировал деятельность местных учреждений.

Библиографический список

Аграрные отношения у народов Северного Кавказа в российской политике XVIII – начала XX века. Архивные материалы и научные исследования в 2-х томах. Т. II. / сост. П. А. Кузьминов. Нальчик, 2008. 65 с.

Анчабадзе Ю. Д. Политическая культура адыгов: традиционные институты и их эволюция (вторая половина XIX в. – 1920-е годы). М., 2012. 42 с.

Кавказский календарь на 1888 год. Адрес-календарь. Тифлис, 1887. 106 с.

Калмыков Ж. А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – начале XX в. Нальчик, 1995. 34 с.

Крикунов В. П. К истории социально-экономического развития Кабарды в период мировой империалистической войны // Ученые записки Кабардинского научно-исследовательского института. Т. 8. Нальчик, 1953. С. 42.

Предписание начальника Терской области и наказного атамана Терского казачьего войска начальнику Нальчикского округа Д. А. Вырубову № 2215 от 7 октября 1895 года о проведении в округе переписи населения. Гор. Владикавказ // УЦГА АС КБР. Ф. И-6. Оп. 2. Д. 43. Л. 1-2 об.

ЦГА КБР. Ф. И.-6. Оп. 1. Ед. хр. 33. Т. 1. Л. 174.

ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 53. Д. 38.

ЦГА РСО-А. Ф. 270. Оп. 62. Д. 1999. Л. 90, 95.

ADMINISTRATIVE ACTIVITY OF D.A.VYRUBOV

Akhmatova Aminat. Z.

Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov,
173 Chernyshevsky str., Nalchik, 360004,
amiak.03@mail.ru

Abstract

The article examines the administrative activities of Dmitry Alekseevich Vyubov, the district chief of the Tersk region (late XIX –early XX century). As a regional administrator, he enjoyed virtually unlimited power and exercised control over the entire socio-political life of the Nalchik district of the Tersk region.

Keywords

Tver region; Dmitry Alekseevich Vyubov; district administration; administrative and police functions.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО БЕЛГОРОДСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА В 1720 ГОДУ

Всеволожский Георгий Константинович
Уральский федеральный университет
им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
620002, Россия, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19,
goshavs@mail.ru

Аннотация

В данной статье автором предпринимается попытка рассмотреть консолидацию дворянства в правление Петра Великого как следствие совместной службы. Военная служба первой четверти XVIII века в силу своей продолжительности наложила отпечаток на обретение потомками разных служилых групп XVII века дворянского самосознания. В рамках этой попытки рассматриваются социальные отношения в офицерском корпусе Белгородского пехотного полка. Уточняется специфика службы в Северную войну, родовые, территориальные и служебные связи в полку, а также совместно пережитые офицерами сражения и их последующие восприятие.

Ключевые слова

Российское дворянство; Северная война; офицерский корпус Петровской армии; «офицерские сказки»; микроистория.

Первая четверть XVIII века являлась временем масштабных петровских преобразований, затронувших все стороны жизни общества, в том числе и его структуру [Анисимов, 1982, с. 135]. В социальной сфере можно отметить деятельность Петра по созданию единого служилого сословия – «шляхетства», позднее дворянства – из разнообразных служилых групп XVII века. Однако процесс создания нового сословия не может быть описан декларацией Петровских указов. Важно выявить непосредственные факторы дворянской консолидации.

Учитывая, что почти всю первую четверть XVIII века дворяне находились в регулярной армии, созданной для нужд Северной войны, разумной видится попытка поискать факторы консолидации в их службе. Интересно было бы увидеть служебные перипетии от лица самих дворян. Разумеется, дворяне этого периода не оставили обилия мемуарной литературы. Поэтому для решения задачи привлечены офицерские «сказки», поданные в 1720 году в Военную коллегияю. «Сказки» представляют собой краткое описание офицером своей семьи, службы и имеющихся поместий. Вместе с тем сказки используются многими офицерами для репрезентации, показать свои заслуги перед Государем. Отметим и то, что некоторые податели сказок пытались использовать их как челобитные, говорили

о своих проблемах. В этом исследовании используются «сказки», опубликованные в сборнике под редакцией К. В. Татарникова [Офицерские сказки первой четверти XVIII века..., 2015, с. 1281–1322].

Было решено взять «сказки» офицеров Белгородского пехотного полка, написанные в декабре 1720 года (всего 43 человека) и рассмотреть их как замкнутую систему. Становится возможным изучить совокупность социальных отношений и социальных практик. Масштаб и направленность исследования обуславливают использование методов микроистории и системный подход.

Изучаемой единицей в данной части станет Белгородский пехотный полк и его офицерский корпус в 1720 году. Полк это выбран не случайно. Созданный в начале 1697 года в Преображенском как четвертый московский выборный солдатский полк, в 1720 году он квартировался в провинции. Проявив героизм в Полтавской битве, зарекомендовав себя прекрасным пехотным полком, в 1720 году стоял гарнизоном. Одним словом, полк находился и в самом центре великих побед, и вдали от войны, и менял места дислокации по несколько раз в год, и стоял по несколько лет в одном городе. Белгородский пехотный полк, обладая такой яркой и славной историей, может показать всевозможные аспекты дворянской службы.

Исследовательская цель – поиск факторов консолидации дворян в их повседневной служебной деятельности. Для этого мы попробуем увидеть разные виды связей для офицеров. В данном случае связями мы будем считать элементы биографии, формирующие общность. К таким мы отнесем родственные связи, служебно–биографические связи (то есть, совместно пережитые битвы и иные военные тяготы), наконец, территориальные связи.

Начнем, однако, с истории самого полка. Информация о полке присутствует в сборнике М. Д. Рабиновича по полкам петровской армии [Рабинович, 1977, с. 25], однако носит справочный характер. Ранние годы (1697–1705 годы) полка изучены достаточно хорошо. В 2012 году появилась статья В. В. Пенского и Т. М. Пенской, посвященная этому периоду [Пенской, Пенская, 2012, с. 431–455].

Полк был образован в 1697 году в Преображенском генералом А. М. Головиным из солдат Преображенского и Семеновского полков, а также новонабранных солдат, шедших в службу добровольно. С 1698 г. полк находился под командованием стольника и полковника, затем бригадира Саввы Васильевича Айгустова.

До 1700 года полк нес гарнизонную службу в Белгороде и Воронеже. Читая сказки офицеров, служащих в полку с момента его основания (а их, к слову, 3

человека), уточняем, что в 1699 и в 1700 годах полк квартировался в Белгороде, но в каждый из этих годов отправлялся в Воронеж для охраны верфей, на которых строились корабли, отправляющиеся позднее в Азов. Полк находился в Воронеже до момента спуска кораблей на воду.

В 1700 году после поражения под Нарвой, Петр приказал полку Айгустова отправиться на защиту Пскова. В марте 1701 года полк прибыл в Псков, откуда незамедлительно отправился на русско-шведскую границу в Печерский монастырь, где совершенствовал укрепления. Осенью в монастырь прибыл Б. П. Шереметев с главными силами, отправив несколько партий вглубь шведской территории для их опустошения и разорения. Айгустов вел партию численностью в 5260 человек, костяком которой был его полк, а также черкесские казаки. Данная акция была отмечена в указе Петра I Шереметеву как успешная.

В 1702 году Шереметев снова вторгся в Лифляндию. 17 июля состоялось сражение под Гуммельсгофом, в котором Шереметев снова разбил Шлиппенбаха. В этот раз сражение было очень кровопролитным и напряженным. Полк Айгустова был одним из тех полков, которые сдерживали основной удар шведской армии.

В мае 1703 года полк Айгустова в команде Н. фон Вердена взял Ямбург. После этого полк принялся строить земляную крепость. В процессе постройки приходилось отбивать редкие шведские атаки. 28 сентября, окончив постройку, полк вернулся в Печерский монастырь, где был распущен на зимние квартиры.

В 1704 полк принял участие в осадах Дербта и Нарвы. При штурме Дербта полк Айгустова, в котором в то время находилось 991 солдат, потерял 70 человек, а еще 200 получили ранения. В 1705 году полк участвовал в Польском походе, во взятии города Митавы.

В 1706–1709 годах полк также находился в постоянном движении. В 1706 году полк был в Полоцке, Витебске, Вильне, Киеве и Остроге. В 1707 году полк побывал в Бресте, Витебске. В 1708 году – полк сражался в бое при Головчине, в сражении при Добром. В 1709 под Опошней и наконец под Полтавой. В Полтавской битве полк под командованием Айгустова, ставший называться к тому времени Белгородским полком, защищал русские редуты, которые выдержали самую первую атаку шведской пехоты. Айгустов был отмечен после битвы Петром I.

В 1710 полк участвовал во взятии Риги. В 1711 – в Турецкой акции. В 1712–1713 годах полк был в первом Померанском походе, взял города Тенниг и Штеттин. В 1715 году полк квартировался в Смоленске и Дорогобуже, также поучаствовал во втором Померанском походе. В 1716 году был на транспорте

при Копенгагене. 1717 год полк провел в Польше. В 1718 году через Смоленск полк пришел к Нарве, где стоял ко времени подачи сказок в 1720 году.

Итак, что мы можем наблюдать? Из приведенной выше истории мы видим, что почти все время с начала Северной войны полк находился в постоянном движении, побывал в Лифляндии, в Польше, в Дании, на Украине, на Турецкой акции. И надо понимать, что данные логистические чудеса совмещались с непосредственным исполнением воинского долга – с битвами. Наиболее интенсивными на сражения были периоды 1700–1704 годов, когда полк потерял большое количество солдат и офицеров, что видно из сказок, большое количество подателей которых пришло в полк именно после сражений 1704 года (а также периода после нападения Карла XII на Россию в 1708 году до Полтавской битвы, где полк также потерял большую часть личного состава). После Полтавской битвы интенсивность сражений снижается, полк начинает задействоваться как вспомогательный, выполняет транспортную функцию, наконец становится гарнизоном в Нарве. Тем не менее даже после Полтавы полк каждый год участвует в длительных переходах. Интересно и то, что в первые годы Северной войны полк активно участвует в строительстве укреплений. Это можно связать с отсталостью России в фортификационном деле к началу XVIII века и привлечения всех сил для укрепления обороны старых крепостей.

Перейдем теперь к социальному пространству Белгородского полка в 1720 году. В контексте нашей темы ключевым вопросом, помимо понимания собственно контекста социального существования петровских офицеров, является то, как служба в петровской армии способствовала или не способствовала дворянской консолидации.

Количество офицеров в полку почти полностью соответствует предписанному указом 1711 года штату полка. В полку наличествует 1 полковник, 1 подполковник, 2 майора (вместо 1), 7 капитанов (вместо 8), 8 поручиков, 8 подпоручиков, 8 прапорщиков. Также в полку служили адъютант, квартирмейстер, провиантмейстер, полковой обозный, писарь, аудитор, профос и лекарь. Некоторое расхождение связано с появлением новой должности. Вместо одного майора появилось 2 должности: премьер-майор и секунд-майор. Всего в офицерском корпусе полка служило 43 человека.

Начнем с родственных связей. В полку существует 3 рода, представленных двумя или более представителями. Это Гомзяковы, Мещериковы и Айгустовы. Гомзяковы представлены капитаном Андреем Гомзяковым, подпоручиком Игнатием Гомзяковым и прапорщиком Лазарем Гомзяков. Неизвестно, являются

ли они близкими родственниками, но точно можно утверждать, что они из одного рода. Все трое, говоря о своих поместьях пишут, что они находятся в Коломенском уезде. Службу Гомзяковы начала в 1704–1705 годах. Первым в 1704 году начал службу Андреян, который сразу попал в Белгородский пехотный полк и прошел вместе с ним все его кампании. В 1705 году службу начали Игнатий и Лазарь. Оба пишут о том, что были высланы из недорослей. Возможно, их забрали одновременно. Потом их дороги разминулись на долгое время. Игнатий служил в полку полковника Ергольского. По его словам, там он был в учении и изучал военный артикул. В 1708 году после расформирования полка он по разбору А. И. Репнина попал в Белгородский полк, с которым также провел все последующие кампании. Последним из Гомзяковых в Белгородский полк в 1716 году попал Лазарь. Он в отличие от Игнатия был взят в драгуны в Домовую роту Б. П. Шереметева, где и служил до 1716 года. Стоит отметить, что он участвовал во многих знаковых сражениях для Белгородского полка, а именно под Полтавой, при взятии Риги, во втором Померанском походе, после которого по рассмотрению был переведен в Белгородский полк. Вполне возможно, что на перевод сказалось его желание служить с родственниками, которых он мог встретить на транспорте в Померании.

Обратимся теперь к роду Мещериковых. Он представлен двумя братьями, которых зовут Алексей и Иван. Старший брат Иван находится в звании секунд-майора. Младший, Алексей, в звании капитана. Мещериковы были царедворцами. По словам Ивана, он служил в царедворцах еще с Азовских походов. Так или иначе, но в 1704 братьев написали в солдаты и отправили в Казань, где набирал полки полковник Александр Сергеев, прославившийся жестокостью по отношению к башкирам. Братьям повезло не участвовать в карательных походах Сергеева, так как их полк, руководил которым Федор Нармоцкий, отправился в Москву. Далее по разбору боярина Тихона Стрешнева братья отправились в польское местечко Оршу. С 1705 года братья вместе служили в Переяславском полку. В январе 1709 году оба брата попали в плен после сдачи города Веприка. Братья, как и другие русские пленные были переправлены в Старые Санжары, где находились до июня, когда были освобождены Астраханским пехотным полком при содействии запорожских казаков. Полк был раскасован незадолго до Полтавской битвы. Оба брата были переведены в Белгородский полк, в котором и встретили сражение. История со сдачей города не отразилась на их карьере, братья продолжили служить в Белгородском полку, каждый из них получил с 1709 года одно повышение. Можем отметить, что всю службу братья провели вместе. Все наследство –18 дворов –принадлежит старшему брату Ивану, о чем

сообщает в своей сказке Алексей. Иван в своей сказке также рассказывает о своей челобитной, лежащей в Поместном приказе с 1715 года, то есть 5 лет, и до сих пор нерассмотренной. По словам Ивана, деревни, полученные им как приданое жены, подлогом были проданы Кузьме Загряжскому, оттого он (Иван) разорен без остатка. Здесь мы можем наблюдать, как во время длительного отсутствия дворянина по причине военной службы, в его поместьях начинают действовать всякого рода мошенники, распоряжающиеся имуществом без его ведома.

Перейдем теперь к роду Айгустовых. На момент подачи сказок в полку состоит лишь один представитель этой фамилии, однако ранее их число достигало трех представителей. Как известно, с 1698 г. полк находился под командованием стольника и полковника, затем бригадира Саввы Васильевича Айгустова. Именно под руководством Саввы Васильевича полк участвовал в кампаниях начала Северной войны. Его роль при Полтаве была оценена самим Петром I. И многие офицеры, сражавшиеся под Полтавой в Белгородском полку, пишут, что стояли в редутах именно Айгустова. Однако в 1711 году Савва Васильевич дезертировал. Датирован приказ мартом 1711 года, в котором Петр требует найти сбежавшего бригадира. В вину тому ставился грабеж мирного населения в польских походах. После 1711 года следы Айгустова теряются. В данный момент в полку служит подпоручик Алексей Айгустов. В полк он пришел в 1708 году, начав службу солдатом. Карьерный рост юного Айгустова был достаточно скорым. Каждый год Алексей получал новое звание. В 1709 году по рассмотрению бригадира Айгустова он стал урядником, в 1710 году – прапорщиком, в 1711 – подпоручиком. Неясно, можно ли связывать столь скорый карьерный рост с протекцией влиятельного родственника, но факт остается фактом. Тем более, что с тех пор, как бригадир Айгустов оставил полк, Алексей не получил ни одного повышения, так и оставшись подпоручиком к 1720 году. Также в Белгородском полку до 17 октября 1713 года служил капитан Михаил Айгустов. Однако 17 октября вместо него поручиком стал Кузьма Подкуров.

Приведенный выше анализ показывает, что родственные связи в Белгородском полку были представлены достаточно слабо. Из 43 человек всего 5 (12%) имело родственников в полку. Также мы увидели, как могла развиваться служебная траектория родственников. Они могли служить по отдельности, но постепенно оседать в одном полку как Гомзяковы, могли служить вместе все время как Мещериковы, а также могли служить сначала вместе, а потом в силу различных причин расходиться по разным полкам. По сути, сценарии службы родственников были очень разнообразные. Нельзя сказать также, что родственники имели

какое-то значение в полку непосредственно как социальная группа. Тем не менее, при наличии должности, они могли продвигать своих менее успешных родственников по службе.

Перейдем теперь к служебно-биографическим связям. Как писалось выше, к ним мы отнесли совместное участие в битвах, возведение укреплений, иные вместе перенесенные тяготы военного времени. К таким событиям мы отнесем Ингерманландскую кампанию 1700–1704 годов, Полтавскую битву, строительство Санкт-Петербурга и других крепостей на северо-западе России. Посмотрим теперь, какое количество офицеров в 1720 году обладают такими служебно-биографическими связями. Со времен Ингерманландской кампании в полку осталось всего лишь 3 (7%) человека. Однако если добавить к этому количеству офицеров, которые сражались в ту же самую кампанию, но в других полках, то получится более весомое число – 13 (30%) человек. Сколько же человек в полку сражалось в Полтавской битве? Здесь число значительно больше. Если брать только офицеров, сражавшихся непосредственно в Белгородском полку, то мы получим 17 (40%) человек. Если добавить офицеров, которые были на Полтавской битве в составе других полков, то получим 33 человека (77% офицерского состава). Также 8 (19%) офицеров участвовали в возведении фортификационных сооружений.

А что же считают сами офицеры? Офицерские сказки в целом написаны сухим языком. Перечисление битв и званий. Но некоторые сражения, видимо важные для подателя, сопровождались комментариями. Эти комментарии представляют собой некую героическую самопрезентацию офицеров. Какие же сражения были для них важны?

Подполковник Петр Роберт пишет, что «на Полтавской баталии командовал 2 батальонами», то есть, выполнял задачу, которую выполняют полковники. Премьер-майор Иван Яковлев пишет, что «на полтавской баталии был майором в первой линии». Другие офицеры также отмечают свое участие в Полтавской битве. Многие из тех, кто сражался в Полтавском сражении непосредственно в Белгородском полку, отмечают, что стояли в редуте с господином Айгустовым, который видимо в тот день действительно проявил себя с лучшей стороны, стойко держался вместе со своим полком против неприятеля. Что интересно, упоминают его офицеры, знавшие бригадира лично. Так о господине Айгустове пишет тогдашний полковой квартирмейстер ныне капитан Федор Лужин, тогдашний адъютант ныне поручик Филипп Холин, а также несколько капитанов, которые были тогда поручиками и капитанами. В то же время тогдашний солдат

ныне подпоручик Игнатий Гомзяков просто упоминает свое участие в сражении, не говоря о тогдашнем командире ни слова.

Разумеется, не только Полтавской битвой гордились офицеры. Поручик Иван Домогацкий рассказывает, что «при Опошне взял в плен шведского майора, а затем капрала». Он же пишет, что, будучи в 1709 году подпоручиком «в Полтавской битве был за капитана, так как того убили, а поручика ранили». Мы видим, что офицеры всячески старались подчеркнуть свою способность в экстренной ситуации взять ответственность на себя, причем даже выше, чем полагается по званию. Упоминается также героизм при штурме Нарвы, в битве под Батуриным, возведение фортификационных сооружений.

В целом отметим все-таки важное значение для истории полка именно Полтавской битвы, а также легендарного командира бригадира Айгустова.

Взглянув на историю полка, мы можем обнаружить, что 20 лет полк почти всегда находится в движении. Оттого постоянная формулировка в сказках о том, что «данный офицер в полку был безотлучно все время». Об отлучках написало всего два офицера. Однако их признание и длительность отлучек лишь подтверждает правило. Так, премьер-майор Иван Яковлев «за 20 лет был в поместье полтора месяца». Секунд-майор Иван Мещериков «отпущен в дом с 1704 года всего на месяц». Длительное отсутствие в поместье вполне может объяснить факт подложной продажи деревень жены, о которых мы говорили, разбирая род Мещериковых.

Отметим, что всего 10 человек из числа офицеров являются помещиками, которые знают или приблизительно представляют, чем они владеют. В основном сказок называют уезды, где находятся поместья их рода, но на вопрос о количестве крепостных душ зачастую отвечают, что не имеют понятия, так как не были дома уже по 15–20 лет. Однако вряд ли в родных поместьях царил мир и покой. Помимо подложной продажи имеются случаи бегства крестьян. Об этом упоминает прапорщик князь Петр Щетинин.

В целом отметим плохую осведомленность офицеров о делах, происходящих в их родовых поместьях, замкнутость на полковой жизни.

Стоит назвать и полки, в которых служили белгородские офицеры до Белгородского полка. Среди самых частых упоминаний мы читаем Преображенский (5 раз), Бутырский (5 раз), Нарвский (4 раза).

Что касается территориальных связей, то они в полку выражены уже очень слабо. Можно отметить, что из Белгородского разряда в полку служит всего 4 человека, все остальные представители самых разных уездов центральной России.

Подведем итоги. Ни родовые, ни территориальные связи не оказали, да и не могли оказать сильного влияния на формирования единого консолидированного сословия. На дворянскую консолидацию оказали влияние совместно пережитые кампании, а также участие в знаковых сражениях. Это участие имело для офицеров большое значение. В сказках они стремились подчеркнуть героизм именно в этих битвах. На дворянскую консолидацию оказали влияние общие социально-экономические условия, в основном офицеры были небогатыми помещиками и сильно зависели от оклада.

Библиографический список

Анисимов Е. В. Податная реформа Петра I. Л., Наука. 1982. 298 с.

Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Полевая армия. Сборник документов в 2 тт. Т. 1 / сост., вступ., оформ. К.В. Татарникова. М.: Старая Басманная, 2015. 1352 с.

Пенской В. В., Пенская Т. М. Первые годы существования Белгородского пехотного полка // История военного дела: исследования и источники. 2012. С.431–455.

Рабинович М. Д. Полки петровской армии 1698–1725. Краткий справочник. М, 1977. 112 с.

SOCIAL SPACE OF THE BELGOROD INFANTRY REGIMENT IN 1720

Vsevolozhskii Georgii K.
Ural Federal University,
19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia,
goshavs@mail.ru

Abstract

In this article, the author attempts to consider the consolidation of the nobility during the reign of Peter the Great as a result of joint service. The military service of the first quarter of the 18th century, due to its duration, left its mark on the acquisition by the descendants of various service groups of the 17th century of noble self-consciousness. As part of this attempt, social relations in the officer corps of the Belgorod infantry regiment are considered. The specifics of service in the Northern War, tribal, territorial and service ties in the regiment, as well as the battles experienced jointly by officers and their subsequent perception are specified.

Key words

Russian nobility; Northern War; officer corps of the Petrine army; "skazki"; microhistory.

ВОСПИТАНИЕ В ДВОРЯНСКОЙ СЕМЬЕ КОНЦА XIX ВЕКА

Ивченко Юлия Олеговна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Институт истории
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 5,
ivchenko.yuli@yandex.ru

Аннотация

В статье автор анализирует воспитательные практики, которые сложились к концу XIX в. Исследование построено на архивных материалах семьи А.В. Половцова, а именно на детских дневниках Ксении Анатольевны Половцовой, хранящихся в Российском государственном историческом архиве и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Автор приходит к выводу о том, что отношения в дворянских семьях к концу XIX в. демократизируются, в качестве нормы устанавливается партнерская модель семьи. В статье освещаются неформальное семейное взаимодействие, обучение, физическое воспитание, взаимоотношения и другие аспекты воспитательной практики.

Ключевые слова

Воспитание; дворянство; дворянское воспитание; XIX век; Половцовы; история повседневности.

В современном обществе признается важная роль обучения и воспитания, особо акцентируется его социализирующее, ценностно-ориентационное и мировоззренческое значение. Первым агентом социализации ребенка является семья, что способствует усвоению социальных норм и установок, системы ценностей и нравственных идеалов, исходящих от родителей и родственников, поэтому исследователи придают огромное значение семейному воспитанию, типам и моделям семейных взаимоотношений, которые влияют на потребности и убеждения подрастающего поколения.

Данная проблематика долгое время развивалась в рамках педагогических наук, в настоящее время предмет исследования сместился в социально-антропологические, исторические, культурологические дисциплины. Воспитание рассматривают через междисциплинарную призму, привлекая методологию, теоретическую базу, подходы из различных направлений. Актуальность изучения заключается в повышенном внимании к воспитанию детей, в связи с чем замечен рост исследований, конференций, круглых столов, грантовых проектов, публикаций.

Среди ключевых исследователей стоит выделить Игоря Сергеевича Кона и работу «Ребенок и общество», Валентину Александровну Веременок исследованием «Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX–начало XX в.)», Анну Валерьевну Белову с трудом «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в.), Наталью Александровну Мицюк и диссертацию «Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX – начале XX века: историко-антропологический и социокультурный аспекты»), Наталью Львовну Пушкареву и работы по истории повседневности и гендерной истории, Александра Борисовича Лярского («"Простите, дорогие папа и мама": родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века») и другие.

В процессе исследования были использованы архивные материалы семьи Анатолия Викторовича Половцова, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве и в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки. Хронологические рамки источниковой базы определяются серединой XIX – начала XX вв., которые позволяют сделать выводы о воспитательных практиках XIX столетия, используя сравнительно-исторический метод. Основу исследования составили детские дневники дочери, Ксении, которые были написаны в 1894–1900 гг., начиная с 7 лет. Новизна исследования заключается в реконструкции воспитательного процесса на основе «детских источников», то есть на материалах, написанных непосредственно в раннем возрасте. Отметим, что подобные материалы встречаются крайне редко и являются ценными источниками для воссоздания многосторонних аспектов, связанных с обучением, воспитанием, историей семьи.

Большинство исследователей приходит к выводу, что семейные взаимоотношения с пореформенного времени в значительной степени демократизируются [Миронов, 2003]. Данный процесс наблюдается в России с последней трети XVIII в., с распространения идей Жан-Жака Руссо и переводной детской литературы [Кошелева, 2000, с. 16]. А.В. Белова отметила, что к середине XIX в. формируется партнерская модель семейных взаимоотношений [Белова, 2014, с. 177]. К концу XIX в.–началу XX в. такая модель семьи возводится в норму, что способствует закреплению в обществе мнения о том, что детство имеет свои специфические особенности, которые необходимо признавать, также период детства перестают считаться девиантными. Таким образом, смягчается воспитание в дворянских семьях и наблюдается демократизация семейных отношений в других сословиях. Ребенка стремятся не только выучить наукам, а, в свою очередь,

родители стараются понять наклонности, влечения, свойства характера [Веремко, 2009].

В семье Половцовых передавалась традиция ведения дневников, что в принципе было распространенной практикой в дворянских семьях. При этом можно утверждать, что ведение дневника стало обязательным элементом повседневного распорядка дня. Такой вывод сделан, благодаря записке, в которой Анатолий Викторович Половцов обозначил процесс записи в дневник утреннее время как часть занятий [Записки А.В. Половцова..., л. 1-15]. В процессе изучения детских дневников замечено, что дочь Анатолия Викторовича, Ксения, дописывала страницы дневника, события нескольких дней перед приездом отца, который проверял дневник: «После чая я писала очень много дневник чтобы кончить до папы у Кирилла в комнате» [Половцова, 1900, л. 108]. С другой стороны, в дневниках видны исправленные ошибки, которые связаны с пометами на полях, оставленных отцом. Таким образом, ведение дневника не только развивало способность формулировать предложения (первоначально по-русски, затем на французском и немецком), выражать свои мысли и переживания, также дневник служил грамматическим упражнением, для улучшения правописания.

Безусловно, записи в первых дневниках были под определенным контролем отца, что наводит на мысль о необъективности изложения мыслей ребенка. На наш взгляд, это не может умалять искренность написания первых дневников, так как в семье поддерживались теплые и близкие отношения, дети могли поделиться с родителями всем, что происходило в их жизни. Также в ходе изучения и сравнения дневника с письмами сверстникам и записными книжками, которые не проверяли родители, мы не выявили резких различий с информацией, содержащейся в дневниках. В силу малого возраста дети не испытывали дискомфорта из-за чтения личных дневников. Есть упоминания, что тетради отправляли по почте родителям, когда они были за границей или надолго уезжали [Письма Екатерине Николаевне..., л. 4.].

Воспитательный процесс XIX в. тесно связан с учебной практикой, а именно с домашним обучением. Планированием занятий занимался также отец, Анатолий Викторович, опираясь на программы гимназий, в которые детей хотели отдать учиться [Половцова, 1898, л. 17]. Начальное обучение осуществляли родители, прививавшие детям потребность систематично учиться, также старались заинтересовать предметом изучения. Так, Анатолий Викторович дополнял свои домашние уроки посещениями в музеи, театры, оранжереи и зоопарк. После прохождения античной истории, детей повели в Эрмитаж и на постановку «Юлий Цезарь», после изучения Отечественной войны – на выставку В.В. Верещагина,

где экспонировалась серия картин, посвященная военным событиям 1812 г., для закрепления сведений из окружающего мира посещали зоопарк и оранжереи. Детям позволялось не сдерживать свою физическую активность, поэтому занятия чередовали игры. Часто можно встретить такие записи: «Вечером мы бегали как сума[сше]дшия, но было очень весело» [*Половцова*, 1900, л. 135]. На игры выделялись даже отдельные часы в ежедневном расписании [Записка А.В. Половцова..., л. 1-15]. Причем активное участие в играх принимали родители, няня и прислуга, такое взаимодействие выражено в слове «возня», которое фигурирует почти на каждой странице дневников.

Подобные записи очень важны для реконструкции не только повседневного досуга семьи, но и для характеристики семейных отношений. Буду ребенком, Анатолий Викторович в 1850-е гг. записал, что отец и родственники ругали за игры, не разрешали баловаться: «Я с Юлей много много шалил дурачился. Это Бабушке не понравилось» [*Половцов*, 1858, л. 5]. Причем написание слов «Папенька», «Маменька» всегда были написаны с большой буквы. В конце века дочь Анатолия Викторовича будет писать совершенно другие строки: «играли в петнашки папа, няня, Валя, Лили, Маша Ник., Кирюша и я» [*Половцова*, 1895, л. 66]. Общее игровое пространство расширяло неформальное взаимодействие между родителями и детьми, которое до пореформенного времени имело крайне низкое значение. Также Ксения в дневниках упоминает своих родителей как «мулинька», «пулинька», «папочка» и «мамочка», что свидетельствует о позитивной динамике в отношениях между родителями и детьми.

Движение в сторону демократизации началось с пореформенного времени. Женщины-матери стали больше интересоваться жизнью детей, непосредственно вмешивались в воспитание и содействовали развитию ребенка. Частым явлением стали семейные вечера, совместное времяпровождение приобретало все большую ценность, взрослые находили удовольствие бывать рядом с детьми (безусловно, позитивная динамика прослеживалась на протяжении всего XIX в., особенно с 1830-х гг.). А.В. Белова считает, что до середины XIX в. семья внушала идеи о предназначении девушки, навязывала брак как единственный путь реализации женщины. По мнению А.В. Беловой до середины XIX в. образ дворянина-отца не был развит, воспитание считалось больше женским занятием, заботы и уход за детьми осуществляли матери [*Белова*, 2014, с. 121]. Явление «новых отцов» выразилось в то, что отцы стали больше интересоваться жизнью детей, прививали деятельный образ жизни [*Белова*, 2014, с. 183]. Несмотря на службу и занятость отца (Ксения упоминает, как отец занят дома работой или уходит на

службу), Анатолий Викторович находил время для развития своих детей. Свобода, которая была предоставлена детям, не должна была ограничивать детское развитие, чтобы установить здоровое мироощущение, понять влечения, желания и склонности собственных детей, у которых складывался собственный внутренний мир.

Анатолий Викторович представлял пример отца в «новых идейных» семьях [Веремenco, 2009, с. 111–112]. Анатолий Викторович постоянно занимался с детьми, ходил на прогулки, отводил на занятия, выезжал с детьми на выставки, проводил экскурсии, организовывал поездки и в целом досуг детей. Анатолий Викторович представляет глубоко неравнодушного человека, который переживал за будущее детей, в связи с этим он всегда сопровождал предварительной беседой все поездки, чтобы у детей был отклик, он разъяснял детям все возникшие вопросы, читал и проводил для них лекции. Так Анатолий Викторович профессионально увлекался археологией и собирательством, детей он также посвящал в свое дело: «Папа рассказывал про кусочек статуи Гермеса, которая папала с острова Парос (оттуда) в Крым (в землю), а потом к нам в папин кабинет» [Половцова, 1895, л. 42]. Папа часто шутил с детьми, что нашло отражение в дневниках: «За обедом папа (расз) рассказывалглупости, что Сибирская корона выскочила из кореты и побежала; за ней бежали кричали и так и не поймали» [Половцова, 1894, л. 54 об. – 55].

Родители давали детям поручения, постепенно их увеличивая, стараясь привить ответственность: «У нас родились морския свинки и мама поручила мне их кормить потому (к), что у них умерла мать» [Половцова, 1894, л. 45 об. – 46.]. Родители предоставляли достаточно большую степень автономии. Прослеживается положительный вклад родителей, которые разделяли домашние обязанности. Ксении было важно показать, что она сделала что-то «сама». Здесь хотим отметить, что Ксения к 8 годам уже могла кроить, шить на швейной машинке себе юбку и вещи для куклы Аликс [Половцова, 1895, л. 174 –174 об.].

С середины XIXв. признается важность физического воспитания. Появляется организованная система занятий для укрепления и совершенствования физического состояния. Дети в возрасте 5-8 лет занимались гимнастикой, затем начинались уроки танцев. В городском пространстве, а также дома появляются гимнастические снаряды, гимнастические площадки. Гимнастика означала спортивные приспособления для физических упражнений [Половцова, 1895, л. 92]. В зимнее время физическая активность увеличивалась за счет катания на коньках, в теплое время – за счет прогулок, верховой ездой, катанием на лодках в приусадебном пространстве.

Особенность дворянского воспитания характеризует профессиональная деятельность сословия, поэтому и детям прививались такие качества как любовь к Отечеству и императору, патриотизм, чувство собственного достоинства, которое подчеркивалось значением давней родословной, подвигами предков. Мальчиков воспитывали, прививая им воинственность, смелость и отвагу. Частым подарком на день рождения, день ангела были солдаты, игрушечное оружие, таким образом, у детей формировались целые военные формирования из солдат, которые были задействованы детьми на игровом параде или смотре войск императором. Девочкам прививали скромность, учтивость и вежливость. Несмотря на развитие естественных способностей девочки, она могла претендовать в будущем на работу домашней учительницы, классной дамы.

Таким образом, дворянское воспитание имело свои архаичные элементы и отличалось от воспитательных практик других сословий. Если получение образования признавалось к концу XIX–началу XX в. почти всеми сословиями, то направление развития личности ребенка в дворянской семье, его самоопределение, привитие социальных норм определялось установками, крепко закрепившимися за дворянским сословием. Родители способствовали формированию детской личности. Поручения, беседы, игры, усвоение социальных норм, поведения взрослых укрепляли самостоятельность и осознание своей идентичности, своего места в семье, в обществе, в окружающем мире. Дневники К.А. Половцовой обладают большим информативным потенциалом и представляет собой репрезентативный источник по истории детства. Большинство дневников и документов, созданных Ксенией и Кириллом Половцовыми, не были введены в научный оборот, поэтому исследование непосредственно детских источников семьи Половцовых имеет большую ценность в процессе реконструкции повседневной жизни дворянских детей конца XIX в.

Библиографический список

Белова А. В. «Четыре возраста женщины»: повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. СПб., 2014. 480 с.

Веретенко В. А. Дворянская семья и государственная политика России (вторая половина XIX – начало XX в.). Изд. 2-е, доп. и испр. СПб., 2009. 682 с.

Детский дневник (альбом) К.А. Половцовой (1894 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2036. Л. 92.

Детский дневник (альбом) К.А. Половцовой (1895 г.) // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2037. Л. 265.

Детские дневники (тетради) К.А.Половцовой «Воспоминания раннего детства», написанные в 1898 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2041. Л. 327.

Записки А. В. Половцова о расписании дня и распределении занятий своих детей Ксении и Кирилла Половцовых // Российский государственный исторический архив. Ф. 1654. Оп. 1. Д. 2039. Л. 15.

Кон И. С. Ребенок и общество: учеб. пособие для студентов Высших Учебных заведений. М., 2003. 336 с.

Кошелева О. Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи Просвещения XVI–XVIII вв.: учеб. пособие по педагогической антропологии и истории детства. М., 2000. 320 с.

Лярский А. Б. «Простите, дорогие папа и мама»: родители, дети и борьба с подростковыми самоубийствами в России конца XIX – начала XX века. СПб., 2017. 599 с.

Мицюк Н. А. Материнство у дворянок Центральной России во второй половине XIX – начале XX века: историко-антропологический и социокультурный аспекты: дисс. ... докт. ист. наук. М., 2016. 768 с.

Половцова К. А. Письма(21) Екатерине Николаевне Половцовой. Преображенское, Борисовка, Петербург. На рус., нем. и фр. яз. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки(ОР РНБ). Ф. 601. Оп. 1. Д. 1103. Л. 45.

Мицюк Н. А. Родительский дневник – важный источник репрезентации истории семьи, материнства и детства в дореволюционной России // Вестник Пермского университета. 2015. №4 (31). С. 56–63.

Мионов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб., 2003. 548 + 583 с.

Половцов А. В. Дневник. 12 мая – 29 июня 1858 г. Автограф. С исправлениями В.А. Половцова. Тетрадь 3-я. // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (РГИА). Ф. 601. Оп. 1. Д. 45. Л. 21.

EDUCATION IN A NOBLE FAMILY OF THE END OF THE 19TH CENTURY

IvchenkoYulia O.

St. Petersburg State University,
Institute of History, 5, Mendeleevskaya line,
St. Petersburg, 199034, Russia,
ivchenko.yuli@yandex.ru

Abstract

In the article, the author analyzes the educational practices that developed by the end of the 19th century. The study is based on archival materials from the family of A.V. Polovtsov, namely, on the children's diaries of Xenia Anatolyevna Polovtsova, stored in the Russian State Historical Archive and in the Department of Manuscripts of the Russian National Library. The author comes to the conclusion that relations in noble families are being democratized, and the partnership model of the family is being established as the norm. The article highlights informal family interaction, training, physical education, relationships and other aspects of educational practice.

Key words

Education; nobility; noble education; XIX century; Polovtsovs; history of everyday life

СЛУЖАЩИЕ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ПИЩЕВОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЛЕНИНГРАДА (1928-1937 ГОДЫ)

Колобова Анастасия Вячеславовна

Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7-9,
kolobova.asia@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается социальный состав и структура служащих на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда в годы первых пятилеток. Особое внимание уделяется социальным характеристикам рядовых работников административных отделов фабрик и заводов, анализируется уровень их материального достатка и положение на предприятиях.

Ключевые слова

Пятилетки; пищевая промышленность; социальный состав; индустриализация; служащие; кадры.

В СССР конца 1920-х – начала 1930-х гг. коллектив любого промышленного предприятия делился на группу «рабочих» и группу «служащих», которые в известной мере друг другу противопоставлялись. Вопреки официально провозглашенной диктатуре пролетариата, принадлежность к категории «служащих» была более престижной, чем принадлежность к рабочему классу. Однако группа «служащих» была неоднородной по своему составу. К служащим принадлежали и делопроизводители, и машинистки, и счетоводы, и заведующие отделами на фабриках и заводах. Социальный состав и структура служащих предприятий пищевой промышленности Ленинграда до сих пор остается не изученной. В советской историографии данная проблема рассматривалась с точки зрения формирования и становления новой научно-технической интеллигенции [Волков, 1975; Лутченко, 1973; Сандин и др., 1973]. В работах современных авторов основное внимание уделяется руководящему составу фабрик и заводов, главным образом директорскому корпусу предприятий [Кучер, 2004; Лейбович, 2016; Павлов, 2010]. В этой связи, чтобы раскрыть содержание понятия «служащие», необходимо обращаться к историческим источникам, в первую очередь, к документам, отложившимся в архивах Санкт-Петербурга. Не меньшее значение имеют статистические издания [Всесоюзная перепись..., 1928, Т. 9; Труд в СССР..., 1936], а также материалы многотиражной печати. Цель исследования: дать общее пред-

ставление о составе и структуре служащих предприятий пищевой промышленности Ленинграда, уделив особое внимание категории мелких служащих фабрик и заводов.

В официальных документах изучаемого периода понятие «служащие» использовалось как некоторая данность, не требующая дополнительных объяснений. Одно из немногих определений содержалось в статистическом сборнике, составленном по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года. В нем, в частности, говорилось, что к «служащим» относятся все лица наемного труда, которые заняты умственным трудом или физическим трудом, напрямую не связанным с производством или перемещением материальных ценностей [Всесоюзная перепись..., 1928. Т. 9., с. 5].

В архивных документах наряду со списками служащих встречались списки на административно-технический и инженерно-технический персонал предприятий, списки специалистов. По большому счету, данные группы, взятые вместе, и составляли категорию «служащих». При этом каждая из них включала целый набор самых разных должностей, предусмотренных штатным расписанием.

К административно-техническому персоналу относились лица, ответственные за управление предприятием: директор и его помощники, заведующие отделами и цехами, начальники цехов, мастера. Рядовые сотрудники административных отделов (счетоводы, бухгалтеры, учетчики, нормировщики, машинистки и пр.) также принадлежали к административно-техническому персоналу.

В группу инженерно-технических работников входили представители среднего технического персонала: механики и техники. К ИТР принадлежали инженеры разной специализации, в том числе главный инженер и главный механик фабрики или завода.

Наиболее разнородным был состав специалистов. К ним могли быть причислены как выпускники вузов и ВТУЗов, так и рабочие, которые, не имея среднего или высшего специального образования, обладали большим опытом работы. Он позволял им занимать должностимехаников, техников, а иногда и заведующих технической частью или производством.

Несмотря на разношерстный состав «служащих», рабочие предприятий пищевой промышленности Ленинграда считали, что к ним относятся сотрудники административных отделов фабрик и заводов. По мнению производителей, большую часть рабочего времени служащие бездельничали. В их представлении количество служащих требовалось сократить. Руководство предприятий вынуждено было объяснять рабочим, кто считается служащим и сколько служащих занято на фабрике или заводе. Например, директор одного из колбасных заводов

говорил следующее: «Что касается наличия штата служащих, то он необходим в связи с требованиями вышестоящих органов правительства, а также для точного и регулярного учета производства. Рабочих в данное время: производственников – 176, служащих – 76, и подсобных – 77. В число служащих включаются кладовщики, врачи, архивариусы, хозяйственный персонал и другие, почему количественно и велик штат служащих» [ЦГА СПб. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 423. Л. 2 об.].

В действительности количество служащих на предприятиях пищевой промышленности Ленинграда в 1928-1937 гг. оставалось не большим. Согласно имеющимся статистическим данным, и в годы первой, и в годы второй пятилетки количество служащих было существенно ниже числа рабочих. Например, в январе 1930 г. количество рабочих составляло 17809 человек, служащих – 1956 [ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 1. Д. 15. Л. 32]. В январе 1936 г. на предприятиях было занято 44720 рабочих и 5576 служащих [Труд в СССР..., 1936, с. 232].

Значительная часть служащих, как и большинство рабочих, занимала подчиненное положение по отношению к вышестоящему руководству.

Как и большинство рабочих рядовые сотрудники административных отделов фабрик и заводов происходили из рабоче-крестьянской среды. В основной массе еще до революции они порвали с сельским хозяйством. И мелкие служащие, и рабочие преимущественно имели низшее образование. Их трудовая деятельность была связана с выполнением работы, не требующей высокой квалификации. Однако в отличие от производственников большинство работников административных подразделений имели в прошлом опыт канцелярской или делопроизводственной работы.

Оклады мелких служащих были вполне сопоставимы с заработной платой рабочих. Например, средний заработок рабочего на кондитерской фабрике им. К. Самойловой составлял от 52 до 68 рублей [ЦГА СПб. Ф. Р-1203. Оп. 25. Д. 3. Л. 16]. Зарплата счетовода на предприятии равнялась 65 рублям [ЦГА СПб. Ф. Р-1203. Оп. 28. Д. 3. Л. 29]. Заработок производственников не самой высокой квалификации иногда был выше заработной платы сотрудников заводской администрации. Вследствие этого некоторые рабочие отказывались от выдвижения даже на ответственные должности. В отчете Союза «Пищевкус» о выдвижении за 1929 г. указывалось, что на руководящей работе выдвиженцы получают меньше, чем на производстве. «Подручный булочника зарабатывает 160–180 рублей в месяц, заведующему пекарней платят 130-150 рублей, на советской работе – 115-130 рублей», – сообщалось в документе [ЦГА СПб. Ф. Р-6261. Оп. 14. Д. 165. Л. 21].

Возможности карьерного роста для мелких служащих также были ограниченными. В противоположность рабочим их почти не выдвигали на ответственные должности. Кампания по выдвижению была ориентирована, главным образом, на производственников. Исключение составляли счетоводы. Среди них встречались работники со средним образованием. Имеющаяся квалификация открывала перед ними неплохие карьерные перспективы. Счетовод со средним образованием однажды мог стать заведующим столом личного состава, заведующим расчетным столом или заведующим тарифно-нормировочным бюро. Однако конкуренцию ему составляли рабочие, члены фабрично-заводских комитетов, а также рабочие, состоявшие в ВКП(б). Соответственно занять престижную должность было не так просто.

В годы первой пятилетки на предприятиях развернулась борьба за рационализацию аппарата и сокращение расходов на его содержание. Ее проявлением стало увольнение работников фабрик и заводов. Первым делом руководство предприятий избавлялось именно от мелких служащих. Вследствие проведения кампании на предприятиях сокращалось количество счетоводов, машинисток и делопроизводителей. В случае увольнения мелкие служащие практически не могли рассчитывать на помощь со стороны профсоюзных организаций, поскольку большинство из них не являлись членами профессиональных организаций.

Альтернативой увольнению для многих становился переход на работу на производство. Выбирая между безработицей и рабочей специальностью, сотрудники административных отделов нередко отдавали предпочтение второму варианту. Скажем, рассыльная консервного завода «Пищевик» в 1928 г. была переведена работницей в жестяничную мастерскую [ЦГА СПб. Ф. Р-1508. Оп. 3. Д. 3. Л. 10-11]. На фабриках и заводах пищевой промышленности смена социального положения была частым явлением. В 1928 г. партийный комитет фабрики им. К. Самойловой даже составил список членов и кандидатов ВКП(б), которые перешли из одной категории в другую. Из десяти человек семь ранее трудились по нерабочим специальностям [ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 176. Л. 87].

Итак, подводя итоги нужно сказать, что состав служащих на предприятиях пищевой промышленности был разнообразным. К ним принадлежали представители административно-технического и инженерно-технического персонала, специалисты. Однако далеко не все служащие занимали руководящие должности. Изрядное их количество было рядовыми исполнителями поручений вышестоящих лиц. Несмотря на кажущееся привилегированное положение служащих

на фабриках и заводах, состояние работников административных отделов немногим отличалось от состояния производственников. В некоторых случаях рабочие обладали даже большими возможностями, чем мелкие служащие.

В то же время следует отметить, что в данный период времени граница между рабочими и служащими была проницаемой. Рабочие в результате кампании по выдвижению вливались в аппарат управления предприятий, а мелкие служащие, попав под сокращение штатов, нередко переходили на работу на производство. Обе социальные группы еще не оформились, чем отчасти может объясняться крайне уязвимое положение рядовых сотрудников административных отделов фабрик и заводов.

Библиографический список

Волков В. С. Коммунистическая партия и техническая интеллигенция в период строительства социализма в СССР (1928-1937 гг.): Курс лекций. Л., 1975. 168 с.

Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г.: в 10 т. М., 1928. Т. 9. 92 с.

Кучер В. Н. Формирование директорского корпуса предприятий металлургической промышленности в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века (по материалам Магнитогорского металлургического комбината): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 25 с.

Лейбович О. Л. Охота на красного директора: (о директоре авиамоторного завода № 19 Иосифе Израилевиче Побережском). Пермь, 2016. 232 с.

Лутченко А. И. Создание инженерно-технических кадров в годы построения социализма в СССР. 1926-1958 гг. Минск, 1973. 238 с.

Павлов К. С. Социальный облик директорского корпуса советских металлургических заводов в 1930-1940-е гг.: (По материалам Челябинской области): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Челябинск, 2010. 27 с.

Сандин Б. И., Волков В. С., Клишин С. Ф., Микшин В. В., Трусъ В. И. Коммунистическая партия – организатор подготовки инженерно-технических кадров (1928-1937 гг.). Л., 1973. 251 с.

Труд в СССР: Статистический справочник / Под ред. А. С. Попова. М., 1936. 388 с.

Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-1203. Оп. 25. Д. 3. Л. 16 (Таблица среднемесячной зарплаты квалифицированного рабочего с младшим обслуживающим персоналом, служащих и административно-технического персонала за 1927-1928 годы).

ЦГА СПб. Ф. Р-1203. Оп. 28. Д. 3. Л. 29 (Информация в Правление Ленинградского Государственного треста пищевой промышленности на № 296/с от 22/11-1928 г.).

ЦГА СПб. Ф. Р-4965. Оп. 1. Д. 15. Л. 32 (Состав фабрично-заводского персонала по полу и возрасту по данным учета на 1-е января 1930 г.).

ЦГА СПб. Ф. Р-6261. Оп. 14. Д. 165. Л. 21 (Сведения о работе Ленинградского Союза «Пищевкус» о выдвижении за 1929 год).

Центральный Государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. Р-1053. Оп. 1. Д. 176. Л. 87 (Список членов и кандидатов ВКП(б), у которых изменено социальное положение после проверки).

ЦГА СПб. Ф. Р-1820. Оп. 1. Д. 423. Л. 2 об. (Протокол № 6 заседания производственного совещания при 1-м Государственном колбасном заводе им. тов. Стружкина от 24 августа 1927 г.).

ЦГА СПб. Ф. Р-1508. Оп. 3. Д. 3. Л. 10-11 (Анкетный лист Сомовой Людмилы Дмитриевны).

EMPLOYEES AT LENINGRAD FOOD INDUSTRY ENTERPRISES (1928–1937)

Kolobova Anastasiia V.
St. Petersburg State University,
7-9 Universitetskaya Embankment,
St Petersburg, Russia, 199034,
kolobova.asia@mail.ru

Abstract

The article examines the social composition and structure of employees at the food industry enterprises of Leningrad during the first five-year plans. Special attention is paid to the social characteristics of ordinary employees of administrative departments of factories and plants, the level of their material wealth and the situation at enterprises is analyzed.

Keywords

Five-year plans; food industry; social composition; industrialization; employees; personnel

ОСОБЕННОСТИ ОРИЕНТАЦИИ ПОГРЕБЕНИЙ У НАРОДОВ ФИННО-УГОРСКОЙ И САМОДИЙСКОЙ ЯЗЫКОВЫХ ГРУПП ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИМ ИСТОЧНИКАМ

Назаров Артем Алексеевич
Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
nazarovartem454@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается ориентация погребений народов финно-угорской и самодийской языковых групп, проживающих на территории России. Народы были разделены по территориальному признаку на народы северо-западной России, Урало-Поволжья и северо-западной Сибири. Сделаны выводы об эволюции погребального обряда, в том числе и ориентации погребений; наличии общих для нескольких народов обрядов ориентации погребений: относительно водоема, солнца и захоронение умершего головой на север. У народов северо-западной Сибири присутствуют обряды ориентации погребений, которых нет у остальных территориальных групп. Это ориентация погребений в зависимости от занятий при жизни и относительно других объектов на кладбище, таких как тропинки между могилами или костер, куда живые родственники приходят на поминки.

Ключевые слова

Этнография; археология; погребальный обряд; ориентация погребений; народы финно-угорской и самодийской языковых групп.

Сегодня ориентация погребений продолжает оставаться важной частью погребальной обрядности народов финно-угорской и самодийской языковых групп. Особенно большое значение ориентации погребений придают малые народы северной Сибири, поскольку они были и остаются наименее подвержены влиянию православных русских обрядов. Поскольку народы финно-угорской и самодийской языковых групп проживали и проживают на довольно обширной территории, в исследовании можно выделить три группы народов финно-угорской и самодийской языковых групп по территориальному признаку: народы северо-западной России, Урало-Поволжья и северо-западной Сибири.

Из народов северо-западной России я рассматривал карел и вепсов. Карелы, в основном, проживают на территории Карельского перешейка, в акватории Ладожского, Онежского озер и Сегоозера [Жуковская, Мокишин, 1998].

Карельские могильники XII–XIV вв., расположенные в районе современного Приозерска около реки Вуоксы исследовались Т. Швиндтом в конце 1880-х

гг. Также средневековый карельский могильник Тууккала вблизи города Санкт-Михель в восточной Финляндии исследовал в то же время и А. Гейкель. Погребения на этих могильниках ориентированы головой на север, лица погребенных повернуты в сторону юга. По наблюдению Т. Швиндта, могильники расположены на песчаных всхолмлениях, имеющих наклон в сторону юга [*Шаскольский, 1957*].

Вепсы также живут на территории Карелии, основное место их расселения – юго-западное побережье Онежского озера [*Жуковская, Мокшин, 1998*]. Характерным погребальным обрядом для средневековых вепсов (веси) являются трупоположения или трупосожжения в курганах.

Для могильников веси конца IX – начала XI вв., расположенных в центральной части Приладожья, характерно небольшое количество трупоположений, ориентированных по всем сторонам света. Для приладожской культуры веси X–XI вв., ареал которой включал юго-восточное Приладожье и части Прионежья по рекам Сясь, Тихвинка, Воронежка, Паша, Капша, Оять и Свирь, характерна южная ориентация с отклонениями на запад и восток. Южная ориентация преобладает и в погребальном обряде веси южной Карелии по рекам Олонке, Тулоксе и Видлице, где распространены курганы видлицкого типа. На курганных могильниках XI–XIII вв., находившихся на Олонецком перешейке появляется западная и восточная ориентация [*Кочкуркина, 2003*]. Объяснить такую кардинальную разницу погребальной обрядности родственных народов, проживающих рядом, можно тем, что погребения ориентировались, вероятно, относительно водоемов, поскольку в их эпосе путь в страну мертвых лежит по реке [*Шаскольский, 1957*].

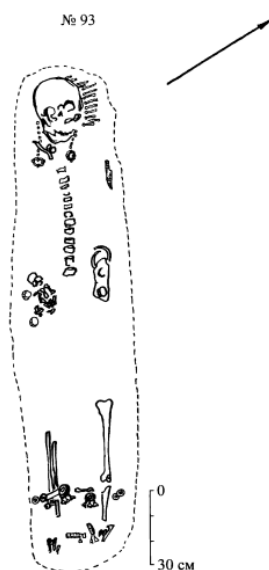

Рис. 1. План погребения № 93 могильника Тюм-Тюм [*по Ошибкиной, 2010*]

К народам финно-угорской и самодийской языковых групп Урало-Поволжья можно отнести коми (коми-зырян), коми-пермяков, удмуртов, мордву и марийцев.

Территорией проживания марийцев является междуречье Волги и Ветлуги [Жуковская, Мокшин, 1998]. Для памятников азелинской культуры, например, могильника Тюм-Тюм III–IV вв., который находится на реке Вятке, характерны трупоположения в ямах, преобладает западная с отклонениями ориентация погребений (рис. 1) [Ошибкина, 2010].

Однако в V–XVI вв. на древнемарийских могильниках господствует северная ориентировка погребений. По этнографическим источникам это, как и у коми-пермяков, связывается с восприятием загробного мира как холодного, заснеженного места на севере. Это подтверждается марийской традицией помещения гроба на сани, существовавшей до середины XX в. С XVI в. у горных марийцев северные ориентировки меняются на западные, что может быть связано с контактами с русским населением [Яфаева, 2014].

Значительная часть мордвы живет в бассейнах рек Мокши и Суры [Жуковская, Мокшин, 1998]. Погребальный обряд мордвы в средневековье разнообразен: встречаются грунтовые и курганные захоронения, трупоположения и трупосожжения, зачастую даже на одном могильнике, как примеры здесь можно привести Абрамовский и Армиевский могильники. Ранние могильники мордвы III–VII вв., принадлежащие к тешской группе памятников древнемордовской культуры, находятся в бассейне реки Тешы. Могильники, как правило, располагаются на возвышениях: надпойменных террасах, коренном берегу, останцах или на пологих склонах. Погребальный обряд изучался на основе материалов могильников Абрамовского, Стексово II, Кужендеево, Погиблово, Красное III, Заречная II. Погребения на них, в основном, ориентированы на север с отклонениями, однако есть те, которые ориентированы на запад, юг и юго-восток, что предположительно связано с погребением относительно солнца в разное время суток [Ставицкий, 2013].

На других группах древнемордовских памятников, таких как примокшанская и верхнесурская преобладают погребения, ориентированные в восточном и северо-восточном направлении. Для более поздних могильников X – начала XI вв., например, Армиевского могильника, характерна западная и северо-западная ориентация [Булкова, Ирушкина, 2017].

Коми-зыряне живут на территории современной Республики Коми в районе рек Вычегды и Печоры, в Заволочье [Жуковская, Мокшин, 1998]. Для коми, живших по реке Ваге, в XI–начале XII вв. свойственно наличие как ингумаций,

так и кремаций, однако в XII–XIII вв. происходит полный переход к трупоположениям, захоронения грунтовые. До XII в. преобладает южная и юго-восточная ориентировки, а с XII в. появляется западная. На могильниках коми XII–XIV вв., находящихся в междуречье Сухоны и средней Ваги господствует уже западная ориентация погребений, нечасто встречаются южные и юго-восточные ориентировки, что, в целом, схоже с ориентировками вепсов [*Рябинин, 1995*].

Обычаи коми, зафиксированные в этнографических источниках также очень схожи с обычаями народов северо-западной России. Так в погребальном обряде коми большую роль играли силы природы, к примеру, лес и вода. Кладбищенский лес («шойнаяг»), как правило, находится около водоема: ручья, реки, болота или озера. Погребения коми ориентированы на водоем, что по-видимому отражает их восприятие воды как границы миров, пути в загробный (нижний) мир, а также представления о воде как о символе нижнего мира [*Королев, 2000*].

Коми-пермяки живут в бассейне Верхней Камы и по ее притокам: рекам Иньве, Косе и другим [*Жуковская, Мокшин, 1998*]. Для могильников родановской культуры XII–XV вв. таких как Плотниковский, Антыбарский, Амбор I, Лимеж характерны трупоположения в ямах. На могильниках присутствуют в основном северные ориентировки погребений. Ориентация погребений на север прослеживается и в этнографии: коми-пермяки традиционно хоронят своих умерших головой на север, так как север из-за холодных ветров оттуда ассоциируется у них со страной смерти: еще в начале XX в. у иньвенских коми-пермяков бытовало суеверие, якобы если на выгоне скота животное лежит головой на север, то в скором времени оно должно околоть [*Оборин, 1970*].

Удмурты проживают, в основном в междуречье Камы и Вятки на территории Удмуртской республики. Выделяют две группы удмуртского народа – северных удмуртов (ватка) и южных (калмез). Северные и южные удмурты различаются диалектами, культурой, некоторыми особенностями культуры и быта, однако различия эти невелики [*Жуковская, Мокшин, 1998*]. Погребальный обряд средневековых удмуртских могильников изучался на основе публикаций А.П. Смирнова, В.Ф. Генинга, В.А. Семенова, М.Г. Ивановой.

В настоящее время зафиксировано около 40 памятников, однако степень их исследованности неодинакова. Большинство могильников находится в бассейне реки Чепцы, остальная часть – в бассейне реки Вятки. Для средневековых удмуртских могильников характерны ингумации в ямах, кремации встречаются редко. В конце I тыс. н.э. определенной общей ориентации не существовало: на каждом могильнике были свои ориентировки погребений. В начале II тыс. н.э. на

могильниках начинает преобладать северная ориентация с отклонениями на северо-запад и северо-восток, например, на Кузьминском или Подборновском I могильниках. На данный момент исследовано более 100 удмуртских могильников XVI–XVIII вв. Они располагаются по всему району современного проживания удмуртов. Могильники данного периода можно разделить на две группы: северные, которые находятся в бассейне р. Чепцы и верховьях р. Вотки, правого притока реки Сивы и южные, находящиеся на территории южной Удмуртии и северного – северо-восточного Татарстана: бассейны рек Кильмези, Казанки, правые притоки удмуртского течения Камы, низовья Вятки и верховья Меши. В XVI–XVIII вв. исчезают кремации, однако преимущественной ориентацией погребений остается северная с отклонениями, но довольно часто присутствуют погребения, ориентированные на запад и юго-запад. Редко встречается восточная, южная и юго-восточная ориентация (рис.2) [Шутова, 2001].

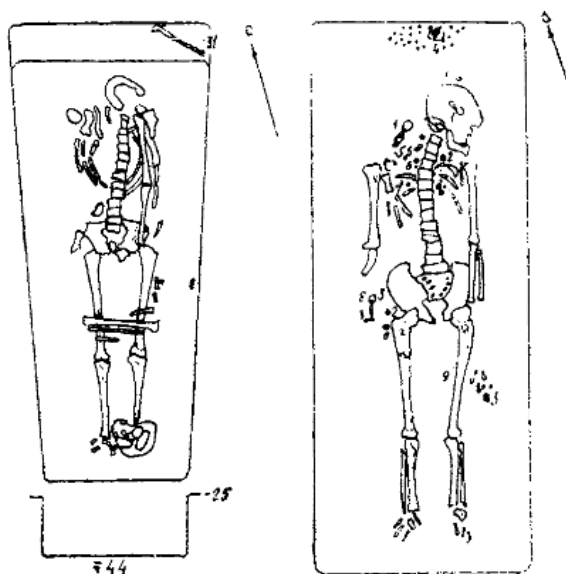

Рис. 2. План погребений №17 и №18 Нязь–Ворцинского могильника (XVI–XVIII вв.)
[по Шутовой, 2001]

С распространением христианства у удмуртов наблюдается связь ориентации погребений с культом солнца. По данным этнографии, в XIX–XX вв. умерших хоронили либо головой на запад, чтобы умерший лицевым отделом был обращен на восток (на восход солнца): либо головой на восток, чтобы умерший лицевым отделом был обращен на запад (на закат солнца); либо головой на север, чтобы лицо умершего, обращенное на юг, освещалось солнцем на протяжении всего дня. У южных удмуртов также преобладали погребения, ориентированные на север, хотя присутствовала и восточная, и западная ориентация. По мнению Н.И. Шутовой здесь прослеживается связь с культом солнца, характерная для удмуртской погребальной обрядности. Она также проявляется в запрете выносить тело покойного из дома до полудня и после захода солнца. В погребальной

обрядности также есть сходство с марийцами, например, обычай везти гроб на кладбище на санях. Современные удмуртские погребения ориентированы головой на запад [Шутова, 2001].

Таким образом, мы можем говорить об обрядовой разнородности уралоповолжских народов финно-угорской языковой группы. Однако здесь можно выделить общие черты: например, представление коми-пермяков и марийцев о мире мертвых, как о холодном заснеженном месте и потому ориентацию их погребений головой на север.

Народы финно-угорской и самодийской языковых групп северно-западной Сибири – это ненцы, манси, ханты и селькупы.

В настоящее время ненцы расселены на довольно больших территориях, так можно выделить тундровых ненцев, проживающих в тундровой зоне от полуострова Канин нос, до Гыданского полуострова, они являются коренным населением Ямало-Ненецкого автономного округа, и лесных ненцев. Лесные ненцы живут в таежной зоне Ямало-Ненецкого округа по рекам Пур и Таз, на севере Ханты–Мансийского автономного округа, на юге и юго-западе Таймыра [Леонтьева, Бугаева, 2013].

На могильнике археологического комплекса Зеленый Яр, который датируется XIII в. и расположен в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа, преобладает южная и юго-западная ориентация погребений [Гусев, 2016, с. 13-17]. По этнографическим данным, в настоящее время ненцы хоронят своих умерших головой на запад, в сторону заката [Харючи, 2009], что основано на движении солнца, с которым ненцы связывают переход человека в мир мертвых (страну предков), но есть и исключения: обдорские ненцы хоронят покойного головой на восток [Лар, 2007].

Сегодня можно выделить две группы манси: северные, которые живут по р. Северная Сосьва и верховьям Лозьвы, и восточные, которые расселились на р. Конде с притоками [Попова, 2013]. Для средневековой мансийской релкинской культуры, которая датируется VI–IX вв., характерны курганные трупосождения либо грунтовые трупоположения. Памятники релкинской культуры находятся от рек Вах и Васюган на севере до реки Омь и Новосибирска, от водораздела рек Васюган и Иртыш на западе до реки Енисей на востоке. На каждом могильнике преобладает своя ориентация погребений. На могильниках Релка, Тимирязевский II и Красный Яр I погребенных хоронили головой на юго-восток с отклонениями к югу либо востоку, тогда как на могильниках Тимирязевский I и Юрт-Абалык VIII преобладает северо-восточная ориентация (рис 3) [Чиндина, 1991].

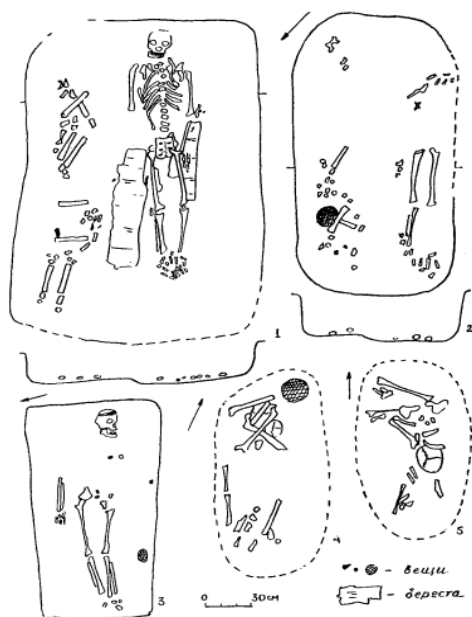

Рис. 3. Планы погребений курганов Релкинского могильника (VI–IX вв.) [по Чиндиной, 1991]

По этнографическим данным, погребальный обряд разных групп мансийского народа отличается. Восточные манси охотников и оленеводов хоронят головой на север, а рыболовов – на юг, то есть, на ориентацию погребений влияет деятельность человека при жизни. Северные манси же ориентируют надмогильные сооружения к костру, расположенному по центру кладбища, куда манси собираются на поминки [Федорова, 2009].

Современные ханты расселены в бассейне Средней и Нижней Оби. Можно выделить северных, южных и восточных хантов [Мартынова, 2000]. Погребальным обрядом, типичным для хантыйского народа, являются грунтовые трупоположения. В XVII–XX вв. восточные ханты, оставившие такие кладбища как Кинтусовское I и Кинтусовское II на правом берегу р. Вандрас, а также кладбище у Соровского озера, хоронили своих умерших головой на юго-запад, реже юг. Для кладбищ восточных хантов конца XIX–начала XX вв., таких как Усть-Балыкское, Каркатеевское и Мамонтовское, расположенных по р. Большой Балык в Нефтеюганском районе Ханты-Мансийского автономного округа, характерна северо-восточная ориентировка [Рындина и др., 2008].

Это можно объяснить тем, что по этнографическим источникам у хантов один из вариантов ориентации погребений – ориентация умершего параллельно течению реки, поскольку река у них также как у коми-зырян, вепсов и карел играет роль пути в загробный мир [Федорова, 2007]. У северных хантов погребения ориентированы головой к тропинкам между могилами – пути, по которому умерших привозят на кладбище, а живые приходят туда на поминки [Федорова, 2009].

Селькупов также можно разделить на северных и южных. Северные (тазовские и туруханские) живут на верхнем и среднем течении р. Таз и в бассейне р. Турухан. Южные (нарымские селькупы) живут по средней Оби и ее притокам [Тучкова, 2020]. По археологическим данным для палеоселькупов XVI–XVII вв. характерна бинарность погребального обряда: захоронения являются как ингумациями, так и кремациями и производились в ямах и нарымскими селькупами в курганах, также присутствовал наземный способ захоронения.

На южных селькупских курганных могильниках, таких как Барклай и Кустовский XVI–XVII вв., умершие ориентированы на юго-восток [Ожередов, 2009]. Для наземных могильников Тургайский II, Тургайский III, Тургайский V, Балагачевский, Лукьяновский, Максимоярский, Урликовский и Усть-Озернинский, расположенных по р. Кеть и нижнему течению р. Чулыма характерна восточная с отклонениями ориентация погребений. На памятниках XII–XIV–XVII вв., находящихся в бассейне р. Тым и представленных грунтовыми могильниками Бедеревский Бор I, II, III, Чистый Яр, Пыль-Карамо ориентация погребений разнообразна присутствует как восточная (Бедеревский Бор III), так и южная (Бедеревский Бор II) [Боброва и др., 2016]. Для северо-селькупского могильника Кикки–Акки XIX в., находящегося в верховьях р. Таз, характерна ориентация погребений на юго-восток (рис. 4) [Пошехонова, Адаев, 2016].

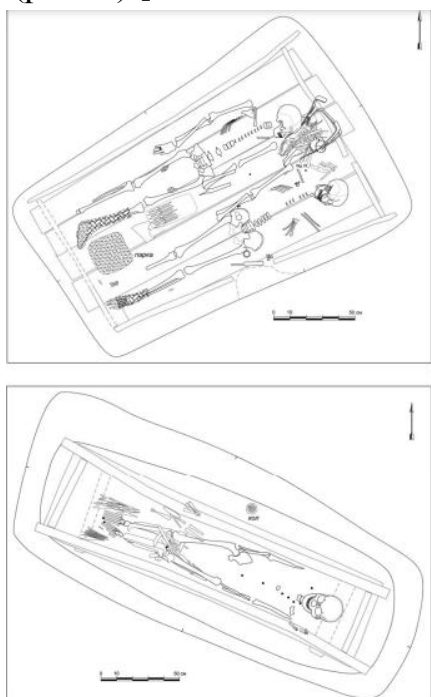

Рис. 4. План погребений № 5 и № 6 могильника Кикки-Акки (XIX в.)
[по Пошехоновой, Адаеву, 2016]

Такую разницу в ориентировке погребений можно объяснить обычаем хоронить умерших параллельно реке головой – вниз по течению, фиксирующимся по этнографическим данным. Сегодня на селькупских кладбищах присутствует

южная ориентация погребений, хотя и нередко встречаются другие ориентировки, что можно объяснить высокой вариативностью селькупского погребального обряда [Степанова, 2015].

Погребальный обряд и ориентация погребений народов финно-угорской и самодийской языковых групп менялись в разные периоды их существования и в настоящее время остаются разнообразными. Для народов Урало-Поволжской территориальной группы характерна ориентация умерших головой в сторону севера. У коми-пермяков и марийцев это связано с представлениями о северной холодной стране мертвых. Общей чертой ориентировок погребений части народов финно-угорской и самодийской языковых групп северной Сибири, например северных манси и северных хантов, является обеспечение возможности общения живых и умерших родственников. Солярный культ, проявляющийся в том числе и в ориентации погребений на солнце, представлен у народов двух территориальных групп удмуртов и мордвы Урало-Поволжской и ненцев северо-западной Сибири. И, наконец, обычай захоронения относительно реки характерен для народов финно-угорской и самодийской языковых групп северо-западной России (карелы и вепсы), Урало-Поволжья (коми) и северо-западной Сибири (ханты и селькупы). Однако в северо-западной Сибири этот обряд, характерный для всех территориальных групп приобретает свою специфику, связанную с ориентацией погребений головой по направлению вниз течения реки.

Библиографический список

Боброва А. И., Рыкун М. П., Тучков А. Г., Чернова И. В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.) Томск: Изд-во Том. гос. пед. ун-та, 2016. С. 25-55.

Булкова Е. В., Ирушкина А. Д. Эволюция мордовского погребального обряда. Пенза, 2017. С.253-261

Гусев А. В. Исследования на археологическом комплексе «Зеленый Яр» в 2016 г. // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. № 3 (92). Салехард, 2016. С. 13-17.

Жуковская Н. Л., Мокшин Н. Ф. От Карелии до Урала: Рассказы о народах России: Книга для чтения по курсам «История родного края», «Народоведение». М.: Флинта: Наука, 1998.320 с.

Королев К. С. Предки коми-зырян: внутренний мир и окружающая среда // «Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы»: материалы междунар. науч. конф., Сыктывкар, 17-19 мая 2000 г. Сыктывкар, 2000.С. 178–181.

Кочуркина С. И. Весь по археологическим материалам. // Прибалтийско-финские народы России. М., Наука, 2003. С.333-341.

Лар Л. А. Представления о смерти и погребальные обряды ненцев в XVIII – начале XX в. // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. № 49. вып 13. Екатеринбург, 2007. С. 89-103.

Леонтьева А. В., Бугаева К.М. История и культура ненецкого народа. // Арктика и Север. № 12. Архангельск, 2013. 10 с.

Мартынова Е. П. Ханты: этническая и социальная структура в XVII – в начале XX века. М., 2000. 462 с.

Оборин В. А. Этнические особенности средневековых памятников Верхнего Прикамья // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1970. Вып. 9: Памятники Ломоватовской культуры. С. 4.

Ожередов Ю. И. Некоторые особенности погребального обряда поздне-средневековых селькупов Нарымского Приобья // Сибирский сборник-1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб, 2009. С. 81-82.

Осипова Т. В. Погребения с разрушенными костяками в средневековых могильниках Окско-Сурского междуречья: автореф. дис. канд. ист. наук. Пенза, 2006. 28 с.

Ошибкина С. В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм: Материалы охранных исследований. Т. 13. М.: ИА РАН, 2010. 212 с.

Попова С. А. Этническая история и мифологическая картина мира манси: автореф. дис. канд. ист. наук // Ханты-Мансийск: Изд-во «Юграфика», 2013. С. 38–39.

Пошехонова О. Е., Адаев В. Н. Погребальная и поминальная пища в североселькупском захоронении XIX в.: опыт этноархеологического анализа. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2016. № 3 (34), Тюмень. 2016. С. 1–4.

Рындина О. М., Боброва А. И., Ожередов Ю. И. Ханты Салымского края: культура в археолого-этнографической ретроспективе. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2008. 412 с.

Рябинин Е. А. К этнической истории Русского Севера (чудь заволочская и славяне) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб. 1995. С. 13–42.

Ставицкий В. В. Погребальный обряд тешской группы мордовских могильников III–VII вв. // Поволжская археология. 2013. №2 (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pogrebalnyy-obryad-teshskoy-gruppy-mordovskih-mogilnikov-iii-vii-vv> (дата обращения: 08.05.2022).

Степанова О. Б. Традиционные наземные погребальные сооружения северных селькупов. СПб., 2015. 73 с.

Тучкова Н. А. Этническая история и фольклор селькупов: проблема корреляции данных // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2020. №1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnicheskaya-istoriya-i-folklor-selkupov-problema-korrelyatsii-dannyh> (дата обращения: 08.05.2022).

Федорова Е. Г. О конструкции погребальных сооружений северных манси. // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб, 2009. С. 70-74.

Федорова Е. Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири // Реки и народы Сибири. СПб: Наука, 2007. С.216-237.

Харючи Г. П. Традиции и инновации в погребальном обряде ненцев // Сибирский сборник – 1. Погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. Кн. 2. СПб, 2009. С. 45-50.

Чиндина Л. А. История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья (релкинская культура) // Томск: Изд-во Томского ун-та, 1991. 261 с.

Шаскольский И. П. Ежегодник Музея истории религии и атеизма: Т I. / АН СССР; Музей истории религии и атеизма; отв. ред. С. И. Ковалев. М. – Л.: АН СССР, 1957. 256 с.

Шутова Н. И. Дохристианские культовые памятники в удмуртской религиозной традиции: Опыт комплексного исследования / Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, 2001. 304 с.

Яфаева Г. М. Похоронно-погребальная обрядность прибельской группы восточных марийцев // Вестник ЧелГУ. 2014. №12 (341). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pohoronno-pogrebalnaya-obryadnost-pribelskoj-gruppy-vostochnyh-mariytsev> (дата обращения: 07.04.2022).

**FEATURES OF THE ORIENTATION OF BURIALS AMONG
THE PEOPLES OF THE FINNO-UGRIC
AND SAMOYED LANGUAGE GROUPS ACCORDING
TO ARCHAEOLOGICAL AND ETHNOGRAPHIC SOURCES**

Nazarov Artem Alekseevich
Perm State University, 15 Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
nazarovartem454@gmail.com

Annotation

The article examines the orientation of the burials of the peoples of the Finno-Ugric and Samoyed language groups living in Russia. The peoples were divided along territorial lines into the peoples of northwestern Russia, the Ural-Volga region and Northwestern Siberia. Conclusions are drawn about the evolution of the funeral rite, including the orientation of burials; the presence of common rites for several peoples of the orientation of burials: relative to the reservoir, the sun and the burial of the deceased with his head to the north. The peoples of north-western Siberia have rituals of burial orientation, which the other territorial groups do not have. This is the orientation of burials depending on the occupation during life and relative to other objects in the cemetery, such as paths between graves or a bonfire, where living relatives come to the wake.

Keywords

Ethnography; archeology; funeral rite; orientation of burials; peoples of the Finno-Ugric and Samoyed language group.

БЫТ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ ГЛЯДЕНОВСКОГО ГОРОДИЩА НА ПОЗДНЕАНАНЬИНСКОМ ЭТАПЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Орлова Елизавета Михайловна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
orlihaliza@gmail.com

Аннотация

В статье представлена реконструкция хозяйственно-культурного типа у местного населения Гляденовского городища. Модель хозяйственного уклада основывается на результатах археологических, археозоологических и археоботанических исследований, проведённых на Гляденовском городище. Быт местного населения Гляденовского городища определялся наличием пастушьего скотоводства с небольшой долей земледелия, где охота и собирательство оставались подспорьем.

Ключевые слова

Ананьинская культура; Пермское Прикамье; ранний железный век; Гляденовское городище; хозяйственно-культурный тип; археозоология; археоботаника.

Гляденовское городище (костище) расположено в 1,5 км. к востоку от д. Федотово и в 2 км. к западу от д. Малое Савино Пермского района Пермского края. Городище находится на мысе коренного берега р. Нижняя Мулянка, впадающая в р. Каму в 3,5 км. южнее городища. Гляденовское городище состоит из трёх уровней: Верхней площадки, размеры которой достигали 200х120 м. и которая сейчас полностью разрушена карьером для добычи гравия. Далее на запад мыс резко сужается и на протяжении около 300 м понижается почти на 30 м. Следует вторая площадка – средняя, ограниченная вторым валом и небольшим рвом с запада, на которой находится Гляденовское костище (размеры 100х150 м). К западу от второго вала, который ограничивал верхнюю и среднюю площадки, простирается третья (нижняя) площадка городища [Васильева, 2019]. В 2015–2017 гг. на стрелке мыса городища была выявлена система укреплений из двух сильно заплывших валов, перерезающих площадку городища поперек, а также продольного вала вдоль края оврага в западной части городища. Было исследовано сооружение в виде оборонительной башни [Коренюк, Перескоков, 2017].

Впервые раскопки на памятнике были проведены под руководством председателя Пермской ученой архивной комиссии Н. Н. Новокрещенных

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10050 «Ранний железный век и эпоха Великого переселения народов в Приуралье: адаптация, миграция и культурная трансформация в изменяющейся природной среде»).

и С. И. Сергеева в 1896–1897 гг. В ходе раскопок было получено большое количество вещевого материала и памятник считался исследованным. Работы были возобновлены в 80-х гг. под руководством А. Д. Вечтомова 1981–1984 гг., А. Ф. Мельничука 1995–1997 гг., А. Н. Лепихина 2001 г. В результате этих исследований выяснилось, что площадь костеносного слоя и распространения находок на много больше, чем считалось ранее, городище же практически не исследовалось. Первым, кто начал раскопки нижней, полностью сохранившейся площадки городища, был С. Н. Коренюк (раскопки 2003–2006 гг.). В 2005 г. в раскопе II им были выявлены очертания постройки, уходящие в стенку раскопа [Коренюк, 2006]. В 2019–2021 гг. под руководством А. В. Васильевой и М. Л. Перескокова работы на раскопе II были продолжены, обнаружены конструкции жилищно-хозяйственного комплекса¹.

Гляденовское городище появляется в позднеананьинское время в конце VI в. до н.э. и функционирует до IV в. до н.э. Самая ранняя система укреплений была возведена на рубеже VI–V вв. до н.э. Она включала вал с напольной стороны, и валы со стороны стрелки мыса, состояла из двух бревенчатых стен, пространство между которыми заполнялось глиной. После чего она была разрушена и построена недалеко от старой заново более технически оснащённой: городище имело уже четыре вала поперечных и вал вдоль оврага. В вал были врезаны башни, представляющие собой бревенчатую прямоугольную конструкцию с выходом вовнутрь городища, новая оборонительная стена была снаружи и внутри огорожена валами. Такая система опережала защитные сооружения ананьинской эпохи, возможно, поэтому городище являлось центром с производственным и культовым назначением, что послужило местом возникновения культового святилища в последующей эпохе [Васильева и др., 2021].

На нижней площадке городища между вторым и третьим валами расположился жилищно-хозяйственный комплекс. В него входило жилое стационарное сооружение с делением на 2 секции, меньшая секция являлась тамбуром, с наличием отопительного устройства – очага (каменка) и столбовых ям, расположенных по углам и в центре постройки, образующих балочную конструкцию, держащую крышу, техника сооружения стен – каркасно-столбовая. Площадь постройки по основанию 19 кв. м. [Орлова, 2020]. Две перпендикулярные канавки, являющиеся остатками конструкций стен из брёвен, отделяющих комплекс от других построек на нижней площадке городища. Расположенные столбовые ямы

---

¹ Автор благодарит С. Н. Коренюка, А. В. Васильеву, М. Л. Перескокова за разрешение работать с неопубликованными материалами.

рядом с перпендикулярными канавами относились к конструкциям стены и служили «контрфорсами», а разрыв канавки являлся, вероятно, входом в жилище. Напротив, входа зафиксированы очертания печи, аналогичной по форме и технике строения с отопительным устройством из жилой постройки, и они расположены параллельно друг другу.

К хозяйственной части комплекса относится постройка, выявленная по очертаниям, соединяющаяся линией с основанием жилого сооружения. Предположительно имеющая прямоугольную основу, техника строительства стен аналогична стенам жилой постройки. Возможно, столбовые ямы, расположенные по периметру и в центре постройки, были опорой конструкций перекрытия, схожей с балочной системой перекрытия жилища. Отсутствие отопительного устройства определяет её как хозяйственное сооружение (стойло?) [Орлова, 2021]. Аналогичное строение стен имеет конструкция, выявленная в раскопе 2021 года, предположительно, являющаяся зернохранилищем, на это указывает большое количество найденных зерновок, колосовидных вилок и фрагментов керамики.

Комплекс построек Гляденовского городища имеет аналогии по ряду признаков с хронологически близкими жилищами Прикамья и Западной Сибири раннего железного века. Прямоугольное основание, наземный тип постройки, техника строительства стен, наличие очага типа каменки, а также размещение ее рядом с жилым сооружением аналогично комплексу хозяйственно-жилых построек Аргыжского городища, Заюрчимского VI поселения [Черных, 2008, 2010] и городища Дикая Яма [Берлина и др., 2018].

Керамический комплекс городища раскопа II представлен 80 сосудами, выявленными по венчикам. Все сосуды делятся на 5 типов [Васильева и др., 2015]: сосуды чашевидной формы (тип 3 Б) 14 экз. (17,5%), со слабовыраженной шейкой, плавно переходящей в тулово (тип 2 А) – 37 экз. (46%) и с короткой шейкой и раздутым туловом (тип 2 Б) 17 экз. (21%), с выраженной шейкой (тип 1 А) 8 экз. (10%) и с вогнутой шейкой (тип 1 Б) 4 экз. (5%). Часть сосудов имеют воротничок на шейке 21 (26%). Большую часть коллекции составила неорнаментированная посуда – 43 сосуда (54%), количество орнаментированных сосудов 37 (46%): 7 венчика (9%) орнаментированы по срезу резным, 1 ямчатым (1%) и 1 шнуровым (1%) узорами, по шейке 17 (21%), украшенные зубчатым 6 (7,5%), резным 2 (2,5%), ногтевыми вдавлениями 1 (1%), шнуровым 6 (7,5%), треугольные вдавления 1 (1%), гребенчатый 2 (2,5%), ямчатым 3 (4%). На сосудах присутствуют элементы узора: треугольные вдавления 2 (2,5%), шнуровой 3 (4%), одиночные ямки 1 (1%), ямчатый 3 (4%), штамп галочкой 1 (1%), орнамент

и 1 (1%) со сквозным отверстием². Также на городище была найдена бронзовая круглая бляшка с одним ушком [*Лепихин, Мельничук, 1999*], антропоморфная фигурка светло-коричневого цвета, представляющая собой прямой столбик с небольшим устойчивым основанием с головой, изображающая голову коня, бронзовая бляшка с насечками. Вся керамика и вещевой инвентарь относится к ананьинской культуре и может быть датирована концом VI–IV вв. до н.э. [*Коренюк и др., 2014; Васильева и др., 2015*]

У местного населения городища в этот период существовало производящее хозяйство, куда входило скотоводство и земледелие. Особенности животноводства были установлены с помощью археозоологических исследований, проведённых биологом И.А. Варовым [*Варов, 1993*]³. Основными видами среди домашних животных являлись лошадь и крупный рогатый скот. Характеристика костных остатков этих видов показала, что их мясо составляло основной рацион питания древних людей. Половина костей принадлежало молодым лошадям и жеребяткам, что связано с массовым забоем скота перед зимой. Предполагается, что люди придавали лошади огромное значение, благодаря её выносливости, умению приспособиваться к суровым зимам и самостоятельно добывать себе корм – это очень удобный вариант для местного населения в условиях, когда нет возможности делать огромные кормовые запасы на зиму. Лошади, жившие в Среднем и Верхнем Прикамье, были схожи с лошадьми лесной полосы Восточной Европы, но более малорослыми (1,28–1,32 м. в холке) [*Андреева, 1967*]. Археологические данные также подтверждают высокую роль лошади в хозяйстве, где её не только употребляли в пищу, но также она служила ездовым животным – находки удил, псалий и стремян. Также на Гляденовском городище появляются фигурки лошадей и предметы, связанные с образом коня – фигурка всадника [*Коренюк и др., 2018*]. Особи крупнорогатого скота в сравнении с соседними регионами были малорослые из-за суровых зимних условий и возможности прокорма. На Гляденово количество костей мелкого рогатого скота было выше остатков свиньи. Содержание свиней зимой было очень трудным, поэтому их количество в стаде совсем небольшое. Невозможность прокормить в зимнее время сводилась к тому, что до $\frac{3}{4}$ от всех свиней забивали в молодом возрасте [*Андреева, 1967*]. В рацион питания козы и овцы вряд ли входили, а вот шерсть их очень ценилась – многочисленные находки пряслиц на городище это подтверждают. Если их мясо и употреблялось, то в незначительном количестве. Козы у ананьинцев ценились больше овец. Возможно, появлению мелкого рогатого скота у ананьинцев

---

² Процентное соотношение посчитано от общего количества сосудов.

³ В качестве археозоологических источников использовались результаты опубликованных исследований по остеологическим остаткам животных, собранных с Гляденовского городища, проведённых И.А. Варовым.

поспособствовали контакты с более южными племенами Предуралья [*Петренко, 2007*]. Животные содержались на придомовой территории, хозяйственная постройка из комплекса могла иметь данное функциональное назначение. Охота на дикую фауну у ананьинцев была весьма разнообразной – были найдены остатки около 10 видов диких млекопитающих: лось, бобр, олень, медведь, россомаха, заяц, рысь, волк, что, по-видимому, определялось природными условиями. Большинство из них пушные звери (бобр, заяц, медведь, рысь), которые отлавливались более ради меха, нежели мяса. По мнению А.В. Збруевой мех диких зверей был товаром обмена с южными племенами, также он мог идти на одежду [*Збруева, 1952*].

В период существования городища на территории Прикамья происходили погодные изменения, связанные с сокращением пастбищ, что негативно отразилось в ведении пастушьего животноводства. В это время появляются хорошо укрепленные городища, одним из таких было Гляденовское городище. Это связано с военно-социальными конфликтами в среде ананьинского общества и, возможно, с борьбой за сокращающиеся кормовые базы (пастбища) для скота. Можно сделать вывод, что в ананьинскую эпоху большое значение для местного населения играло животноводство, на что указывает значительная доля костей домашних видов, обнаруженных на памятниках. Это связано с демографическими процессами, которые привели к небольшому увеличению населения на ананьинских поселениях, что естественно повысило долю домашнего скота, чтобы прокормиться. Охота не утрачивала своего значения, а лишь отходила на второй план [*Коренюк и др., 2018*].

С целью исследования использования растительных ресурсов населением Гляденовского городища были отобраны пробы на макроостатки. Образцы объемом 2 и 10 л отбирались из разных участков комплекса: из жилища (2 пробы, всего 4 литра), хозяйственной постройки (6 проб, всего 12 литров), придомовой территории (18 проб, всего 124 литра), из рва, находящегося рядом с комплексом (4 пробы, всего 8 литров) 2 хозяйственной постройки (6 проб, всего 60 литров) и с края нижней площадки городища (2 пробы, всего 4 литра)⁴. Сохранность археоботанического материала соответствует 2,5 по пятибалльной шкале. В общей сложности удалось определить 808 растительных остатков, которые относятся к злаковым (Poaceae), розоцветным (Rosaceae), сосновым (Pinaceae), амарантовым

---

⁴ Образцы подверглись флотации (Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых сотрудников) / отв. ред. Е. Н. Черных, Т. Н. Мишина. М.: ИА РАН, 2016. 384 с.) для выделения карбонизированных растительных остатков. Определение растительных остатков проводилось с помощью специальных атласов (Bertsch K. Fruchte und Samen: ein bestimmungsbuch zur pflanzenlcunde der vorgeschichtliche zeit. Ravensburg. Verlag Ferdinand enke stuttgart. 1941. 298 p.; Kohler-Schneider M. Verkohlte Kultur- und Wildpflanzenresteaus Stillfried an der March // M. Kohler-Schneider als Spiegel spätbronzezeitlicher Landwirtschaft im Weinviertel, Niederösterreich. 2001.16 s.).

(Amarantháceae), мареновым (Rubiaceae), адоксовыми (Adoxaceae), гречишным (Polygonáceae), бобовым (Fabáceae), капустным (Brassicáceae), заразиховым (Orobancháceae), гвоздичным (Caryophylláceae) семействам. Остатки растений встречались в карбонизированном, минерализованном и не карбонизированном виде. Культурные злаки представлены 15 зерновками ячменя (*Hördeum*) и 85 пшеницы двузернянки (*Triticumdicocum*), дикорастущие злаки – 1 зерновка щетинника (*Setária*), 7 костра (*Brómus*) и пырея ползучего (*Elytrígiarépens*). Кроме того, были найдены колосовидные вилки пшеницы двузернянки (158). Из плодовых растений встретились 85 костянок малины обыкновенной (*Rúbusidáeus*), 35 косточек бузины (*Sambucus*) и 6 костянок земляки лесной (*Fragáriavésca*). Наибольшее количество составляют рудеральные растения: марь белая (*Chenopódiumálbum*) и подмаренник (*Gálium*) доминируют в спектрах (198 и 122 семян, соответственно). Также в небольшом количестве были выявлены горец (*Polýgonum*), горошек заборный (*Viciasepium*), горчица полевая (*Sinapisarvensis*), мята водная (*Menthaaquatica*), льнянка (*Linaria*), щавель (*Rúmex*), дрёма двудомная (*Silénediódica*), лютик стелющийся (*Ranunculusrepens*). Из прочих определённых растений были найдены семена чистотела большого (*Chelidóniummájus*), дымянки (*Fumaria*), василистника (*Thalíctrum*), будры (*Glechóma*). В пробах были также выявлены иглы хвойных растений ели (*Picea*) и пихты (*Abies*). Почти в каждой пробе были выявлены микоризообразующие грибы *Cenococcumgeophilum* (общее количество 520 штук)⁵.

---

⁵ Автор выражает благодарность научному консультанту – Dr. rer. nat. Л. С Шумиловских за помощь в проведении археоботанических анализов.

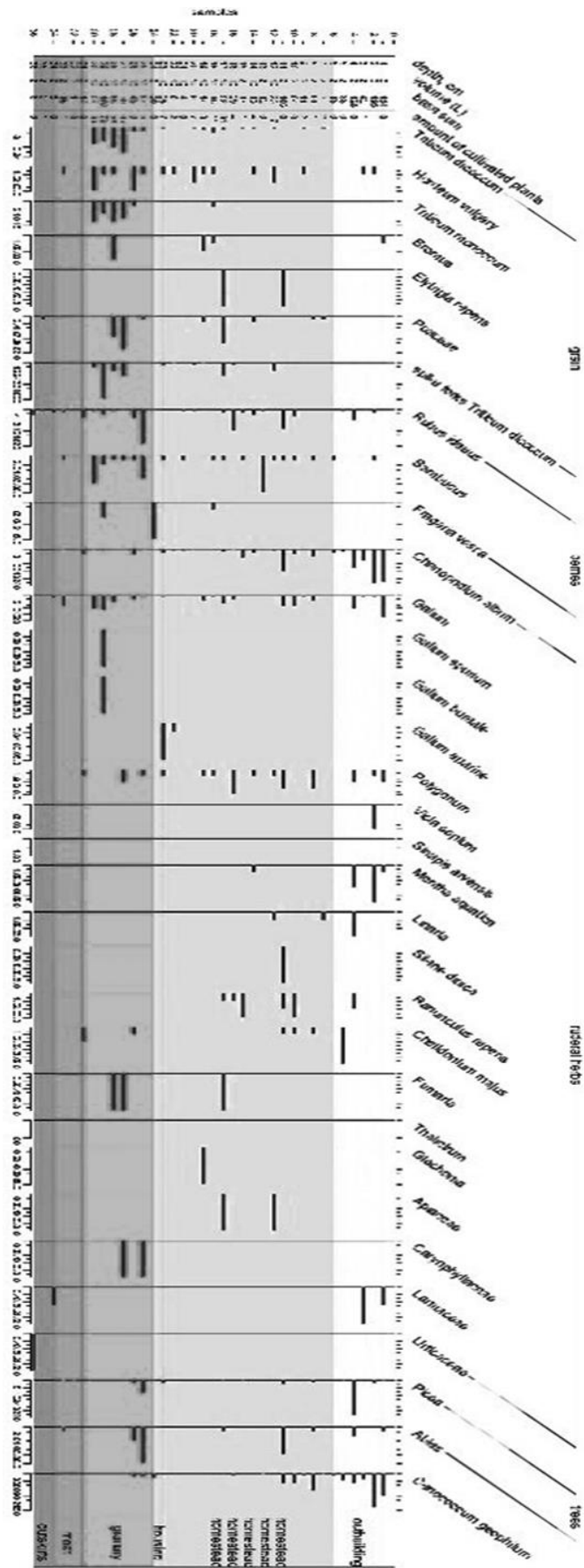

График 1. Археоботаническая диаграмма Гляденовского городища

Спектр растительности, представленный в пробах, отобранных из хозяйственной постройки, придомовой территории, рва и с окраины нижней площадки городища схож по наиболее встречающимся видам (марь белая, горец, подмаренник, чистотел большой, крапива двудомная, малина обыкновенная, бузина травянистая, ячмень, ель, пихта). Отличия этих спектров в количестве образцов – в культурных слоях из хозяйственной постройки видовой состав шире и концентрация семян растений в одном образце выше, чем в слоях с придомовой территории. Культурные злаки встречаются на придомовой территории – зёрна пшеницы двузернянки и её колосовидные вилки, ячмень также присутствуют в слоях из рва. Наличие растений из второй хозяйственной постройки отличается тем, что здесь в большом количестве встречаются зёрна пшеницы (*Triticum dicoccum*) и её колосовидные вилочки, немного зёрен ячменя, что может характеризовать её как место, где возможно хранили зерно. Спектр растительности из слоёв жилища очень беден – небольшое количество маревых и земляники лесной. Объем изученного материала сильно различается. Тем не менее, можно предположить, что зола и обугленные остатки выносились из жилища и возможно размещались в хозяйственном помещении (стойло).

Находки культурных растений свидетельствуют, что ячмень и пшеница двузернянка употреблялись в пищу древним населением городища. Кроме того, плодовые растения малина, бузина и земляника могут указывать на существование собирательства. Группа рудеральных растений, которые составляют большинство определённых видов, указывают на локальный характер представленной в спектрах растительности, типичной для мест обитания человека. Находки остатков хвой ели и пихты, доминирующих в ландшафтной растительности того времени, указывают использование веток в качестве топлива [Орлова, 2022].

В позднеананьинский период на территории Среднего Приуралья, когда существовало Гляденовское городище, происходил переход от суббореального к субатлантическому периоду (около 2500 тыс. л.н.) [Shumilovskikh and other, 2020], который характеризовался похолоданием климата и распространением подтайги с доминированием ели и пихты, иглы которых были найдены в разных частях поселения. Большое разнообразие сорных трав указывают на сильное изменение окружающей среды человеком – вырубка деревьев ради получения топлива для обогрева или для воспроизводства металлургической деятельности. Некоторые виды (дымянка, подмаренник цепкий, донник, костёр) возможно произрастали в зоне посева культурных злаков и могли быть случайно занесены на территорию городища.

Археоботанические данные, найденные на Гляденовском городище, дают общее представление о растительности, которая произрастала на поселении в период его функционирования. Сравнительно небольшое количество определённых видов растений не позволяет нам также утверждать о их предназначении в деятельности человека, кроме употребления культурных злаков (ячменя и полбы) и ягод (малины и земляники) в пищу. В случае с сорными растениями можно сказать, что они являются маркерами высокой антропогенной деятельности в период функционирования городища [Орлова, 2022]. Найденные колосовидные вилки пшеницы подтверждают тезис Збруевой о существовании земледелия в позднем ананьино [Збруева, 1952].

Таким образом, местного населения проживало в схожих жилищно-хозяйственных комплексах с другими поселениями ананьинского времени. Жилищно-хозяйственный комплекс датируется концом VI–V вв. до н.э. и функционирует параллельно с системой укрепления [Орлова, 2021]. В конце IV в. до н.э. на средней площадке городища начинает функционировать Гляденовское костыще, которое существует вплоть до V в. н.э. уже в гляденовскую эпоху. Найденный керамический и вещевой комплекс позволяет датировать строение не ранее концом VI–IV вв. до н.э. Основой хозяйственно-культурного типа у местного населения Гляденовского городища является комплексное хозяйство, включающее в себя экстенсивное пастушье животноводство с лошадьёю и крупнорогатым скотом во главе поголовья скота и с небольшой долей подсечно-огневого земледелия, с второстепенной функцией охоты – добыча пушнины. Основным возделываемым видом была пшеница двузернянка, также присутствовал ячмень. В пищу употреблялись культурные злаки (ячменя, эммер) и плодовые растения (малина, бузина, земляника). Высокая антропогенная деятельность в период функционирования городища подтверждается маркерами рудеральных растений.

Библиографический список

Андреева Е. Г. Животные Прикамья ананьинского времени // Ученые записки Пермского гос. университета. 1967. Вып. 148. С. 171–186.

Берлина С. В., Цембалюк С. И., Новиков И. К. Городище Дикая яма на Среднем Тоболе // Результаты изучения материалов археологических исследований, Тюмень, Курган, 2018. С.7–20

Варов А. И. Археологозоологические аспекты изучения костыщ // Археологические культуры и культурно-исторические общности Большого Урала. Екатеринбург, 1993

Васильева А. В. Отчёт о раскопках Гляденовского городища (костища) в 2019 г. Архив КАЭ ПГНИУ. Рукопись. Пермь, 2020. 301 с.

Васильева А. В., Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. Болгарское IX селище – памятник финала ананьинской культуры в окрестностях г. Перми // Повожская археология. №2 (12). Казань, 2015. С. 134–159

Васильева А. В., Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. Основные итоги 120-летнего изучения Гляденовского городища-костища// Гляденовское городище-костище в контексте культур раннего железного века и эпохи великого переселения народов лесной полосы Евразии: сборник научных статей / отв. редакторы С. Н. Коренюк, М. Л. Перескоков; Пермский государственный национальный исследовательский университет. Пермь. 2021. С. 8–57.

Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. №30. М., 1952. 328 с.

Коренюк С. Н. Отчёт о раскопках Гляденовского городища (костища) в 2005 г. Архив КАЭ ПГНИУ. Рукопись. Пермь, 2006.

Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. Планиграфия Гляденовского городища// Ранний железный век от рубежа эр до сер. I тыс. н.э. Динамика освоения культурного пространства. Материалы IV науч. кон. «Археологические источники и культурогенез». СПб., 2017. С. 77–79

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Возникновение и развитие производящей экономики в таежной зоне Среднего Приуралья (поздний энеолит – начало раннего средневековья) // Тверской археологический сборник. Материалы 18-го – 20-го заседаний научно-методического семинара «Тверская земля и сопредельные территории в древности». Вып. 11. Тверь, 2018. С. 18–30.

Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Динамика эволюции керамических комплексов среднего и позднего этапов ананьинской культуры в Осинском Прикамье (на примере Гремячанского поселения-святилища) // «Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы». Серия «Археология евразийских степей». Вып. 20. Казань: Отечество, 2014. С. 292-302.

Орлова Е. М. Археоботанические исследования Гляденовского городища // LIV УПАСК: Астрахань. АГУ. 2022. С. 164–165.

Орлова Е. М. Комплекс жилых и хозяйственных построек с нижней площадки Гляденовского городища// LIII УПАСК: мат. всерос. конф. Оренбург: ОГПУ, 2021. С. 149–150

Орлова Е. М. Постройка из раскопа II 2005/2019 на нижней площадке Гляденовского городища // LI УПАСК: материалы Всерос. конф. Пермь. ПГНИУ, 2020. С. 200–202.

Петренко А. Г. Становление и развитие основ животноводческой деятельности в истории народов Среднего Поволжья и Предуралья (по археозоологическим материалам) // Археология Евразийских степей. Вып. 3. Казань, 2007. 144 с.

Черных Е. М. Жилища Прикамья (эпоха железа). Ижевск, 2008. 272 с.

Черных Е. М. Жилища начала железного века в Волго-Камье // Российская археология. 2010. № 3. С. 51–60.

Shumilovskikh L. S., Schmidt M., Pereskokov M. L., Sannikov P. U. Postglacial history of East European borealforests in the mid-Kama region, pre-Urals, Russia // BOREAS. 2020. Vol. 49, N. 3. P. 526–543.

THE LIFE OF THE LOCAL POPULATION OF THE GLYADENOVSKOE HILLFORT AT THE LATE ANANYINSKY STAGE OF THE EARLY IRON AGE

Orlova Elizaveta M.

Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia
orlihaliza@gmail.com

Abstract

The article presents the reconstruction of the economic and cultural type of the local population of the Glyadenovskoe hillfort. The model of the economic structure is based on the results of archaeological, archeozoological and archeobotanical studies conducted at the Glyadenovskoe hillfort. The way of life of the local population of the Glyadenovskoe hillfort was determined by the presence of pastoral cattle breeding with a small share of agriculture, where hunting and gathering remained a help.

Keywords

Ananyino culture; Perm region; Early Iron Age; Glyadenovskoe hillfort; economic and cultural type; archeozoology; archaeobotany

ОБЩЕСТВЕННОЕ ПРИЗРЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЯРОСЛАВСКОГО ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В 1870–1914 ГОДАХ

Пуневский Ярослав Викторович
Ярославский государственный университет
им. П.Г. Демидова,
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14/2,
moskva221090an@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается общественное призрение как одно из основных направлений деятельности ярославского городского самоуправления. В этом контексте изучается состояние детских приютов, богаделен, ночлежных домов в городе. Большое внимание уделяется вкладу купеческого большинства ярославской городской думы в дело общественного призрения путем создания благотворительных капиталов и пожертвований. Изучение источников показывает, что деятельность ярославского городского самоуправления в сфере общественного призрения была активной, включала разнообразные направления и давала определенные результаты, которые выражались в увеличении количества учреждений общественного призрения, находящихся в ведении городского самоуправления, а также лиц, получавших поддержку, согласно решениям ярославской городской думы.

Ключевые слова

Городское самоуправление; ярославская городская дума; общественное призрение; богадельня; детский приют; ночлежный дом; пособие; помещение; содержание; капитал.

Общественное призрение в Ярославле в рассматриваемый нами период остается почти не изученным. Стоит отметить статью Б.В. Успенского, М.В. Мазаева и П.А. Шиханова [Успенский, Мазаева, Шиханов, 2004]. По городской реформе 1870 г. деятельность в сфере общественного призрения была прямо отнесена к компетенции органов городского самоуправления. На протяжении рассматриваемого нами периода местные власти, по мнению Е.И. Холостовой, освоили огромный пласт многоликой сферы [Холостова, 2011, с. 112].

Благотворительная деятельность требовала от городской управы ощутимых расходов. В 1874–1883 г. расходы городской думы на общественное призрение составили 1,28–3,82 %, то в 1884–1892 гг. они составляли 5–10% расходной сметы. За 1901–1912 гг. более 15 учреждений общественного призрения получали пособие от городской управы. Пособие на содержание Александровского приюта превышало 10000 рублей [Отчеты Ярославской городской управы за 1874–1912].

В 1879 г. в Ярославле был открыт дом призрения сирот, названный в честь императора Александра II. Приют располагался прямо в здании городских учреждений и предназначался для мальчиков. Изучение делопроизводственной документации приюта позволяет рассмотреть доходную часть его бюджета и оценить вклад городского самоуправления в его содержание. Например, в 1891 г. доходы приюта, составившие 3217 рублей, складывались из пособия на содержание александровского дома призрения в размере 2144 рубля, процентов с благотворительного капитала приюта в размере 116 р., 2 р. из кружки для сбора пожертвований, а также процентов с капитала, завещанного Н.Г. Виноградовым в размере 954 рубля [Отчеты Ярославской городской управы за 1874–1912].

В 1877 г. открыт дом призрения им. П.А. Соболевой. В отличие от александровского открытие этого дома призрения стало возможным благодаря пожертвованию П.А. Соболевой. Кроме того, предусматривалась возможность учреждения в доме сирот стипендий имени других жертвователей. Прошение П.А. Соболевой А.А. Виноградовой об учреждении дома для беднейших сирот на свои средства обсуждалось на заседании думы 2 сентября 1877 г. Соболева жертвовала каменный 2-этажный дом на Голубятной улице с прилегающим к дому садом и капитал в размере 10 000 рублей, внесенный в ярославский общественный банк под 6,5 % годовых и десять билетов Восточного займа по 1000 рублей каждый. 16 ноября 1877 года городской голова выражал «от ярославского общества искреннюю благодарность за столь полезное пожертвование в пользу города» [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 124. Л. 2–8].

Ряд инициатив по общественному призрению поступал в городскую управу от губернатора. Так, 23 августа 1875 г. ярославский губернатор предлагал городскому общественному управлению принять участие в сборе пожертвований в пользу погорельцев г. Плутска Дожинской губернии. Циркуляр с аналогичной просьбой был направлен в городскую управу и в сентябре 1875 г. только теперь объектом пожертвований должны были стать погорельцы г. Брянск Орловской губернии [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 85. Л. 6–8]. Согласно циркуляру Ярославского губернатора от 26 марта 1899 г., который предназначался городским управам и городским головам: «одним из важнейших условий развития дела призрения и правильной его постановки справедливо признается участие в нем возможно большего числа местных деятелей ... лучшим способом для привлечения таких деятелей ... оказывается организация местных, небольших по размеру попечительств о бедных. Первые такие попечительства возникли в Москве вследствие ходатайства городской думы ... их цель заключалась в сборе

пожертвований, раздаче пособий и наблюдения за призреваемыми. В ответ городская управа написала губернатору о том, что комитет для призрения неимущих, существовавший в Ярославле, тождественен по целям с такими попечительствами, о которых шла речь в его циркуляре [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 905. Л. 1–6].

Значимым направлением деятельности городских властей было содержание ночлежных домов. Первый ночлежный дом был открыт органами городского самоуправления в 1885 году. Его учреждение стало возможным благодаря благотворительной подписке. К 23 августа 1883 г. подписка на учреждение ночлежного приюта достигла 5500 рублей. Кроме того, около 500 р. планировалось получить от Ярославской большой мануфактуры [Журналы ярославской городской думы за 1883 год, 1884, с.187]. Итоги сбора средств были подведены на заседании думы 23 февраля 1884 г. Всего было собрано 6200 рублей. Управа предлагала возвести для приюта двухэтажное деревянное здание на участке городской земле возле Вознесенских казарм. На верхнем этаже предполагалось устроить 100 мужчин, а на нижнем – 40 женщин. Расходы на возведение и обустройство здания ночлежного дома составили 8500 рублей [Журналы ярославской городской думы за 1885 год, 1886, с. 69–312].

Отчетная документация ночлежного дома позволяет детализировать расходную смету. Так, в 1891 г. на содержание ночлежного дома городской управой было потрачено 1970 рублей. Из них: 300 на жалование, 161 на отопление, 68 на освещение, 304 на мелочные расходы и содержание в чистоте, 186 на чистку отхожих мест, 212 на мелочный ремонт здания и земляные работы, 155 покупка еды, 425 штукатурные и малярные работы, 71 на покупку газет, книг и канцелярских принадлежностей, 64 на проведение молебнов и всенощных, 20 на обеспечение водой. Содержание второго ночлежного дома, за тот же период, составило 861 рубль [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 3163 Л. 21–22]. Некоторые, по большей части отрывочные данные содержатся в делопроизводственной документации и о количестве посетителей ночлежных домов. К примеру, за 1912 г. в первом ночлежном доме переночевало 812 человек.

При ночлежном доме существовала бесплатная читальня. Люди жертвовали 535 книг, а также некоторую сумму денег. Время чтения назначалось после вечерней молитвы не более двух часов [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 2091. Л. 4–6]. По праздничным дням устраивались чтения с туманными картинками [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 3163. Л. 24]. В 1912 г. проведено 33 чтения. Служащие городской управы отмечали, что ночлежники требуют книги в основном светского содержания, на «духовные журналы и книги спрос бывает не велик».

Большой проблемой была опасность пожаров в ночлежных домах, поскольку они были деревянными. Интересны следующие сведения источника: домовладельцы нередко просили отвести для ночлежного дома другое место «так постройку ночлежного дома находим для себя опасной в пожарном отношении». В качестве аргументов они сообщали: «как нам известно они курят всю ночь и так как курение производится тайком, то курильщики из опасения чтобы не попасться на глаза зрителю, бросают горящие окурки папирос куда придется, не заботясь о том, что окурки могут произвести пожар».

Следует отметить, что городские ночлежные дома не раз горели, потому что располагались в кварталах, где почти все дома были деревянными. Этот вопрос обсуждался в думе 8 июня 1888 г., однако прошение домовладельцев не было удовлетворено [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 450. Л.11].

В 1899 г. за счет пожертвования Е.Я. Пастуховой смежное с Ольгинским приютом двухэтажное каменное здание было приспособлено для сиротского ночлежного отделения при этом приюте. Здание было довольно вместительным, вдвое превышающим по размерам уже существующие помещения приюта. Более того Е.Я. Пастухова снабдила помещение мебелью, утварью и хозяйственными принадлежностями для детей [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 907. Л. 1–2].

Большим подспорьем городской управе в деле общественного призрения были капиталы, пожертвованные частными лицами. В 1899 г. гласный городской думы Д.А. Друженков подарил городу двухэтажный дом на Духовской улице для помещения детского приюта, который он считал нужным учредить, а также капитал 75 000 рублей [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д.911. Л. 1–1об.]. Капитал был внесен на счет городской управы с правом «пользоваться им займообразно на погашение городских займов или на удовлетворение других городских потребностей, но с тем, чтобы на капитал этот начислялось в пользу приюта 5% годовых без права понижения городом указанного размера процентов». В результате при городским общественным управлением был учрежден сиротский дом, названный в честь Д. А. и А. Н. Друженковых. Постоянным членом совета дома был городской голова. Более того, в 1909 г. по завещанию Е.П. Соболевой в сиротский дом имени Д. и А. Друженковых был направлен капитал в размере 3000 рублей [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 1336. Л.2].

Другим благотворительным капиталом, который могли использовать в городской управе был капитал Н.Н. Понизовкина, полученный 1 мая 1889 года. Он состоял из: 1). 100 000 р. в неприкосновенный капитал на нужды г. Ярославля 2). 10000 рублей в капитал на богадельни г. Ярославля 3). 5000 рублей в капитал

на ночлежные дома г. Ярославля. 4). 10 000 рублей в комитет для призрения неимущих для оказания помощи «преимущественно бедным чиновникам и семействам их» [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 904. Л.1].

10 августа 1890 года ассигновано 50 рублей в пособие бедным жителям 3 части города Ярославля для прокормления коров, которые вследствие обнаружения эпидемии были поставлено на стойло, а их владельцы лишились возможность продавать молоко. 18 ноября 1891 года городской голова счел нужным заказать 1000 билетов благотворительной лотереи в пользу населения местностей, пострадавших от неурожая 1891 года [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 524 Л. 4–5]. В феврале 1897 г. в городской думе возник вопрос о единовременном или постоянном пособии лицам, освобождающимся из мест заключения. 14 февраля вопрос был передан на рассмотрение финансовой комиссии [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 818. Л. 1–1об.]. К сожалению, результат его рассмотрения установить не удалось.

Поддержку от городской управы получали 3 городских богадельни, самой крупной из которых была Леонтьевская богадельня. Согласно описи имущества Леонтьевской богадельни на февраль 1891 г. оно состояло из: 7 святых икон, шкафы, часы, вешалки, кровати, тюфяки, простыни, обувь и одежда, предметы обихода, 1 каток [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 573. Л. 2–3]. Расход на богадельни также частично компенсировался привлечением частных пожертвований. Например, 22 ноября 1912 года принято завещание потомственной почетной гражданки Л.Ф. Бушковой в пользу Леонтьевской богадельни в размере 1500 рублей «на улучшение пищи призреваемых» В соответствии с решением городской думы пожертвование было причислено к неприкосновенному капиталу богадельни [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 1553. Л. 2–2об.]. О количестве призреваемых в самой крупной – Леонтьевской богадельне говорят следующие выборочные данные: в 1894 г. в богадельне содержалось 204 человека из них 59 мужчин и 145 женщин [ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 3149. Л. 1об–2].

Содержание некоторых лиц в городской богадельне оплачивало уездное земство. Впрочем, 10 января 1913 г. подобное прошение земства было отклонено. «Если мы пустим в богадельню чужих, хотя бы за плату, куда же деваем своих, имеющих более права на призрение, чем уроженцы уезда», заявил гласный городской думы Н.П. Ерыкалов. В то же время городской голова заметил, что устав Леонтьевской богадельни не ограничивает круг призреваемых исключительно жителями города [ГАЯО. Ф. 509. Оп.1.1. Д. 3164. Л. 2–3].

В 1873 г. создана специальная комиссия для осмотра здания богаделен, определения необходимости улучшений их, а также способов производства такого улучшения [Журналы Ярославской городской думы за 1874 год, 1875, с. 82]. В 1877 г. была учреждена должность надзирателя при Леонтьевской богадельне с окладом 10 рублей в месяц, до этого времени [Журналы Ярославской городской думы за 1877 год...1878. с. 32]. В 1901 г. обсуждался вопрос о необходимости ремонта отхожих мест при Леонтьевской богадельне [Журналы Ярославской городской думы за 1901 год, 1902, с. 125–126]. Было решено позаимствовать 2018 р. из капитала Н.Н. Понизовкина под 4% годовых при условии обязательного погашения займа через 10 лет.

Следует отметить деятельность ярославского городского самоуправления по призрению раненных и больных воинов. Во время русской-турецкой войны 1877 – 1878 гг. раненым и больным войнам при выходе из городского лазарета городской управой выплачивалось пособие «по три рубля каждому кроме той суммы, которая будет приходиться на его долю из кружки, вывешенной с этой целью на дверях лазарета» [Журналы Ярославской городской думы за 1877 год, 1878, с. 226]. В 1904 г. десять сирот офицеров и нижних чинов, умерших от ран и болезней во время войны с Японией было освобождено от платы за обучение в городской торговой школе [Журналы Ярославской городской думы за 1904 год ..., 1905. с. 312]. Учреждения общественного призрения города пользовались услугами городского водопровода, который находился в ведении городского самоуправления. В 1887 г. водопровод был проведен в Ольгинский приют [Журналы Ярославской городской думы за 1887 год, 1888, с. 202].

Инициативами по общественному призрению отметились гласные ярославской городской думы. Купец А. П. Коренев отпускал муку для бедных жителей по соглашению с городской управой. В 1894 г. на 300 р., внесенных на счет городской управы гласными думы, известным предпринимателем Г. М. Огняновым и двумя его родственникам был дан поминальный обед для бедных граждан города в день погребения императора Александра II [Журналы Ярославской городской думы за 1887 год, 1895, с. 520–521].

Представители городского самоуправления входили в попечительский совет Александровского и Соболевского дома призрения сирот. Кроме того, требовалось ежегодное предоставление финансовых отчетов в ярославскую городскую управу, что было одним из условий предоставления денежных пособий. Например, в 1909 г. в городской думе обсуждалось уменьшение пособия Ольгинскому приюту «хотя бы до 1000 рублей» на том основании, что «Ольгинским

приютом до сего времени никаких отчетов в думу не предоставлялось» [Журналы Ярославской городской думы за 1909 год, 1910, с. 397]. Выслушав возражения ряда гласных, дума решила оставить прежний размер пособия, но обусловила его получение своевременным доставлением отчетов о состоянии приюта и его денежных средств в городскую управу.

Таким образом, общественное призрение – важное направление деятельности ярославского городского самоуправления. Деятельность городской думы и управы в этом направлении была разнообразной и довольно масштабной. Она выражалась как в выплате денежных пособий и помощи, так и в привлечении благотворительных капиталов частных лиц и контроля за их распределением. Изучение благотворительной деятельности местного самоуправления дает ценный опыт взаимодействия городских властей и общественности в столь значимой для общества социальной сфере.

Библиографический список

ГАЯО. Ф. 509. Оп. 1.1. Д. 85, Д. 124, Д. 450, Д. 524, Д. 573, Д. 818, Д. 904, Д. 905, Д. 907, Д. 911, Д. 1336, Д. 1553, Д. 2091, Д. 3149, Д. 3163, Д. 3164.

Журналы Ярославской городской думы за 1873 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1874. 320 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1877 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1878. 312 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1883 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1884. 436 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1884 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1885. 276 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1887 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1888. 376 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1894 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1895. 254 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1901 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1902. 302 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1904 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1905. 256 с.

Журналы Ярославской городской думы за 1904 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1905. 301 с.

Отчеты Ярославской городской управы за 1874 – 1912 гг. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1874 – 1912.

Отчет Ярославского городского александровского дома призрения для мальчиков сирот и состоящего при нем ремесленного Ольги Соболевой училища за 1890 год. Ярославль: изд-во Ярославской городской управы, 1891. 67 с.

Успенский Б. В. Мазаева М. В. Шиханов П. А. Из истории благотворительности и меценатства в ярославском крае // Ярославский педагогический вестник. 2004. С. 185 – 191.

Холостова Е. И. Социальная работа: история, теория и практика. М.: Юрайт, 2011. 905 с.

CHARITY WORK AS ONE OF THE MAIN DESTINATIONS OF THE ACTIVITY OF YAROSLAVL LOCAL CITY ADMINISTRATION

Punevsky Yaroslav V.

Yaroslavl State University, Sovetskaya str.,
Yaroslavl, 150000, Russia,
moskva221090an@gmail.com

Abstract

The article considers public charity as one of the main activities of Yaroslavl city self-government. In this context, the state of orphanages, almshouses, and night shelters in the city is being studied. Much attention is paid to the contribution of the merchant majority of the Yaroslavl City Duma to the cause of public charity through the creation of charitable funds and donations. The study of the sources shows that the activity of the Yaroslavl city government in the field of public charity was active, included various directions and gave certain results, which were expressed in an increase in the number of public charity institutions under the jurisdiction of the city government, as well as persons who received support, according to the decisions of the Yaroslavl City Duma.

Keywords

City self-government; Yaroslavl city Duma; public charity; almshouse; orphanage; night shelter; allowance; premises; maintenance; capital

О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МАТРОСОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ПЕРЕД ВТОРОЙ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНОЙ (1783–1787 ГОДОВ)

Шакиров Руслан Булатович

Глазовский государственный педагогический институт,
427621, Россия, г. Глазов, ул. Первомайская, 25
ruslanz32168@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка дать комплексную характеристику повседневной жизни служителей Черноморского флота перед второй русско-турецкой войной (с 1783 по 1787 гг.). Работа является актуальной, и представляет научный интерес, поскольку на данный момент в отечественной историографии не существует работ по данной теме. Анализ источников показал, что матросы круглый год жили на кораблях, позже для них были построены казармы. Питались они простой и питательной пищей, хранили вещи в «магазинах». Главной составляющей повседневности матросов была служба, во время которой они занимались «неусыпными работами», ходили в «практическое плавание», участвовали в официальных мероприятиях первых лиц государства. У «служителей» было и свободное время. В основном они проводили его на корабле, пели песни, плясали и любовались красивыми видами.

Ключевые слова

Повседневность; быт; служба; матросы; адмирал; Ушаков; Черноморский флот.

Черноморский флот был создан 2 (13) мая 1783 года после присоединения полуострова Крым к Российской империи. Во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. относительно молодая флотилия под командованием контр-адмирала Ф.Ф. Ушакова смогла победить превосходящую турецкую эскадру в сражениях у Фидониси, Керченском, мыса Тендра, Калиакрии. В конечном итоге успешные действия Черноморского флота стали одной из причин окончания войны, и подписания выгодного для России «Ясского» мирного договора. Колоссальную роль в военных действиях сыграли матросы Черноморского флота. Однако помимо профессиональной деятельности в жизни матросов была и бытовая составляющая. Каждый день после завершения служебных обязанностей они занимались своими повседневными делами.

В настоящее время повседневность флотских служащих представляет значительный исследовательский интерес. Несмотря на это ежедневной жизни и быту служителей Черноморского флота конца XVIII века не уделялось должного внимания. Историографический анализ показал, что на данный момент в отечественной науке не существует работ, в которых исследователи изучали бы выделенную тему. Большая часть внимания уделялась изучению победоносных сра-

жений адмиралов российского флота, в частности, Ф. Ф. Ушакова, его флотоводческой деятельности. Однако с развитием новых методологических подходов в истории проблематика армейской и флотской повседневности набирает популярность. Например, в некоторых случаях предпринимаются попытки изучить быт матросов [Бочаров, 2016, с. 61–65].

В силу вышесказанного исследование данной темы достаточно актуально и значимо. Стоит отметить, что история повседневности как направление позволяет изучить частности и подробности матросского быта, их каждодневные, монотонные и «неожиданные» действия, эмоции и переживания.

В рамках настоящего исследования повседневность понимается как «отрасль исторического знания, предметом изучения которой является сфера человеческой обыденности в ее историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах», как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве цельного жизненного мира» [Алексеев и др., 2014, с. 312]. Синонимична с таким словом, как будничность, обыденность, ежедневность, регулярно повторяемое действие [Пушкарева, Любичанковский, 2014, с. 8]. Ее основной отличительный и основополагающий фактор – повседневные практики.

Объектом данного исследования являются – матросы Черноморского флота.

Предмет научной работы – повседневная жизнь матросов Черноморского флота перед второй русско-турецкой войной (1783–1787 гг.).

Для изучения служебной части моряков рассмотрен морской устав 1720 года, так как именно в нем были прописаны каждодневные обязанности «служителей». Полную же картину «повседневности» можно получить, исследовав источники конца XVIII века: флагманские журналы, рапорты, служебные письма, «соображения», ордера, приказы. Документы опубликованы в сборнике: «Адмирал Ушаков. Документы» [Адмирал Ушаков..., 1951]. Наибольшую ценность представляют воспоминания И.А. Полномочного [Полномочный, 1889, с. 683–710], так как его сочинения являются единственными из известных мемуаров по указанному периоду, благодаря которому можно обрести полное представление о повседневности матросов, проникнуться духом того времени. И.А. Полномочный написал свои мемуары, опубликованные в журнале «записки императорского одесского общества», на закате своих дней. Информация об этом человеке довольно скудна. Иван Андреев учился слесарному и корабельному делу в Петербурге. После чего, с 1783 г. он проходил военную службу в Херсоне в качестве мастерового на кораблях «Святой Павел», «Александр»,

участвовал в морских сражениях против турок, служил в местном адмиралтействе. Он был лично знаком с адмиралом Ф. Ф. Ушаковым, другими офицерами, матросами, и был прямым участником и свидетелем тех событий, времен и той повседневности, о которой далее будет идти речь.

На основании материалов источников можно выделить два направления повседневной жизни матросов Черноморского флота: служебная часть и быт.

Известно, что исполнение обязанностей и поручений на флоте, было одним из основных занятий на службе у матросов. Их жизнь проходила в реализации различных приказов и заданий. Следовательно, служба матросов будет рассматриваться частью повседневности, для изучения которой необходимо исследовать морской устав от 1720 года, так как именно в нем были прописаны обязанности служителей. Устав начинается словами: «все морское войско должно быть в послушании наших указов...салдаты, канониры, матросы...послушны да будут», а ежели против указа поступят, «то казнены будут смертию» [Книга Устав морской, 1763, с. 1]. Следовательно, матросы обязаны были неукоснительно соблюдать приказы, и поручения командования, то есть делать то, что и занимало большую часть их времени.

Помимо этого по уставу обязанностью служителей была постанковка парусов на корабле, но лишь в том случае, если «нужда и случай потребовать будет» [Книга Устав морской, 1763, с. 4]. Эти паруса необходимо было сушить «как для сбережения оных, так и для учения матросов» [Книга Устав морской, 1763, с. 15]. Сушкой парусов занимались матросы. Руководили процессом офицеры.

Во время исполнения работ на корабле за матросами смотрел шкипер либо подшкипер, «да бы незнающего мог научить, а лениваго наказать». Для того чтобы служители во время исполнения своих обязанностей «с прилежностию работали» к ним приставляли «квартирмистра», который должен был показывать пример и следить за чистотой на корабле [Книга Устав морской, 1763, 84].

По уставу заготовкой провианта, «воды...дров, и прочих вещей», во время стоянок должны были также заниматься матросы. Однако в период эпидемий капитан корабля посылал за провизией офицеров, как более опытных служителей, «да бы матросов не» допустить в те поветренные места [Книга Устав морской, 1763, с. 42]. Также матросы, которых определили на «боты» должны были управлять шлюпками [Книга Устав морской, 1763, с. 85].

Уставом была предусмотрена такая квалификационная характеристика, как «добрый матрос». Для того чтобы достичь этого статуса, необходимо было служить «на море 5 лет» [Книга Устав морской, 1763, с. 45]. Возраст служителя, номинировавшегося на это звание, должен был составлять не менее 20 лет. Все

эти критерии были условны, потому что матрос, соответствовавший им, необязательно мог получить это звание, потому что «кроме долговременной и тщательной работы, или знатной заслуги выслужитца невозможно» [Книга Устав морской, 1763, с. 45]. Из «добрых матросов» капитаны кораблей выбирали «людей в ундер офицеры» [Книга Устав морской, 1763, с. 45]. Скорее всего, матросы были заинтересованы заработать звание «добротного матроса», для последующего избрания в ряды унтер-офицерского состава и получения различных преференций, поэтому исполняли свои обязанности добросовестно и с усердием.

Можно сказать, что служебная часть повседневности матросов состояла из исполнения приказов и поручений командования, поднятия и сушки парусов, заготовки провианта, воды, дров и других вещей.

Опираясь на мемуары Ивана Андреева, мы можем реконструировать повседневность матросов в период эпидемии чумы. Началось все с того, что начали «люди падать вдруг мертвые» [*Полномочный*, 1889, с. 691]. Всех служителей «вывезли из казарм в степь», где они и находились. Другие располагались в карантинной зоне за Днепром. Херсонское Адмиралтейство прекратило работу. «Мертвых как дрова» возили «невольники» и затем выбрасывали в ямы. «Такой был ужас», что матросы и другие служители «друг друга боялись сходить... всякий жизнь свою берег». Зараженные располагались в «карантинах... за балкою». Было разделение на заболевших в легкой форме и тяжелобольных. «Тяжелые» пациенты, скорее всего, лежали под открытым небом без еды и воды, бились в горячке, ожидая смерти, как это происходило с Иваном Андреевым [*Полномочный*, 1889, с. 691]. Полномочный писал, как один из артельщиков, который сожалел нашему мастеровому, принес ему «хлеба кусок и борщу» [*Полномочный*, 1889, с. 691]. Зараженных матросов осматривал лекарь. Если он видел, что служитель идет на поправку (например, отсутствие чумных пятен на теле больного), то приказывал артельщикам изготовить «камышевую конурку» полуземлянку. В этих «конурках и проводили все свое время матросы», выздоравливая, либо умирая от болезни. К зараженным строго запрещалось подходить. По словам Полномочного, лечили их, обмывая уксусом и окуривая мякотью, разводя костер в «конурках» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. Матросов, которые шли на поправку, предусматривалось обеспечить пищей. Можно предположить, что питались они тем же борщом и хлебом. После данной терапии многие как будто ожили.

В команде Ушакова болезнь поборол уже 4 ноября, и многие моряки смогли вернуться к своим прямым обязанностям. Скорее всего, они не общались

с матросами других команд, ибо, по словам Ивана Андреева: только «в последних числах Ноября стало меньше» больных, и лишь «с декабря уже...команды перевели по казармам, Адмиралтейство¹ отперли» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. Несмотря на улучшение эпидемиологической обстановки, в рядах матросов продолжалась профилактика заболевания, так как «пошла работа, только все опасно было» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. По командам «завсегда...курили мякотью пороховой и уксус употребляли» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. Часть матросов продолжала болеть до весны 1784 г. [*Овчинников*, 2018, 147]. По словам Полномочного: «служителей и вольного народу половина только разве осталось» [*Полномочный*, 1889, с. 691].

После победы над пандемией матросы принялись строить корабли на Черном море. Так в «1784-ом году изготовился корабль..."Слава Екатерины"...а в 1785 год поспел...корабль..."Святой Павел" и фрегат..."Егорий". В 1786-м году...поспел в Херсоне новый корабль "Мария Магдалина" и фрегат "Андрей"» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. На «Глубокой пристани» эти суда оснащали вооружением и затем перевозили в Севастополь.

Далее Полномочный рассказывает о поездке в составе команды Ушакова до крепости Очаков в 1785 г.: «Очаков был еще турецкий и к нам приезжали из Очакова их визири и паши, как мы стояли против Кинбурнской крепости, и наши штаб и офицеры ездили в Очаков гулять. Какой прекрасный был город с моря глядеть, –писал о своих впечатлениях Иван Андреев, –настоящая картина: строения, пристани, мечети, сады сильные были до Буга вплоть» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. Следовательно, свое свободное время матросы зачастую проводили на кораблях, любуясь живописными видами.

В мирное время матросы Ушакова занимались выгрузкой корабля и высадкой с одного команд в Севастополе «в корабельной бухте» мыса «Павла» и неусыпными работами. «Ничего еще на нем не было, –вспоминал Полномочный, –а первый корабль Екатерина на другой стороне бухты стоял; у них уже пристань и казармы были построены» [*Полномочный*, 1889, с. 693]. Следовательно, территория полуострова Крым, скорее всего не была полностью освоена к 1785 году. Приехав на место «мы отшвартовались, и пустили нас на берег», –писал Иван Андреев, – мы рады, и побежали любопытствовать по лесу. Лес большой был до самой бухты; всякие разные деревья и мы напали на кизильчак: так осыпаны были деревья, как под красным сукном покрыты; а ягоды крупные, как орехи спелые. Мы попробовали – чрезвычайно вкусны...Я скинул рубашку с себя...и

---

¹ Здесь Полномочный имеет ввиду Херсонское адмиралтейство, которое руководило строительством кораблей Черноморского флота (основано в 1778 году).

набрал полную рубашку; ворот завязал и воротились на корабль. Тут Ушаков увидел, закричал, рассердился на вахтенного – на что пускал, обедаться. На силу его уговорили офицеры, уверяли, что они ели и очень хороши. Он прислал ко мне с констапелем тарелку, я и наклал полную, и он попробовал и расхвалил; потом велел и всем есть» [*Полномочный*, 1889, с. 693]. Из этого следует, что матросы проводили свое свободное время не только на кораблях. Офицеры разрешали им гулять по берегу и даже отдаляться на небольшие расстояния. В ситуации, описанной Полномочным можно сказать, что, скорее всего Федор Федорович был не в курсе отлучки матросов (их отпустили другие офицеры). Помимо этого капитан корабля должен был следить за питанием матросов, поэтому Ушаков рассердился, ибо изначально не знал, какие ягоды ели служители. И только после того, как он лично «попробовал и расхвалил», тогда «велел всем есть». После этого «приезжал к нам на корабле главный Севастопольский командир генерал Макензин, –вспоминал Иван Андреев, –для прибытия нашего с поздравлением...с шутком, и веселились на шканцах, пели песни и шутки представляли» [*Полномочный*, 1889, с. 693].

Потом у служителей корабля «пошла неусыпная работа». Чтобы выгрузить содержимое корабля, необходимо было изготовить пристань. В этих работах Ушаков был «за мастера, офицеры за урядников, унтер офицеры всех званий и рядовые употреблялись в работе, –писал Иван Андреев, –кто с носилками, другие камень носят и землю колья бьют, пашинником застилают и засыпают» [*Полномочный*, 1889, с. 693]. Во время работ Федор Федорович смог грамотно распределить служилых людей. Каждая группа матросов выполняла определенное указание. Ушаков также участвовал в работах, к тому же в качестве мастера и руководителя. Он повышал голос на своих подчиненных, «бил палкою», для того, чтобы матросы в точности выполняли все его поручения и работали на совесть. После окончания работ над пристанью служители «сделали парусинную большую палатку, корабль разснастили и убрали такелаж в палатку, а ротеры и проч. деревянные вещи поклали на пристани и порядочно закрыли» [*Полномочный*, 1889, с. 693]. Команда работала слажено и профессионально.

Приблизительно так выглядела картина быта матросов в мирное время. Однако команда Ушакова могла отличаться от других коллективов, ибо сам флотоводец был феноменом своего времени. Стоит вспомнить, как он, будучи представителем благородного сословия, работал бок о бок с матросами, что по тем временам было немыслимо. Возможно те прогрессивные идеи, которые Ушаков применял в жизни, повлияли на мировоззрение матросов его команды, а значит, отразились на их повседневности.

Тем временем «прошла... осень, и холод сделался более» [*Полномочный*, 1889, с. 693]. Наступила зима 1785–1786 гг. Еще в конце осени служители начали подготовку к зимнему сезону. Известно, что в те годы матросы и «канонеры» зимовали на кораблях (ибо на тот момент казармы еще не были построены) и занимались заготовками камня, для последующего строительства казарм. Мастеровые, в числе которых был и Иван Андреев, также жили на кораблях, ездили на работу в адмиралтейство. Для того чтобы зимой жить на судне, его необходимо было серьезно подготовить. Матросы «сделали в борте рамы со стеклами, ялики закрыли брезентом, –описывал мероприятия, производимые на корабле Святой Павел, Иван Андреев, –а ему (Ушакову – Р.Б.) в каюту сделали камелек каменный и трубу прорубили на юте; и зимовали все на корабле» [*Полномочный*, 1889, с. 693].

Стоит сказать, что корабль представлял не самое лучшее место для зимовки. Скорее всего, капитан корабля «Св. Павел» Ф.Ф. Ушаков считал также. Поэтому уже в 1786 г. началось масштабное по тем меркам строительство казарм на «Павловском мыску» (место, где располагалась команда Ушакова). Работами руководил Федор Федорович, а трудились только служители из его команды, ибо вероятно, на мысе кроме команды корабля «Святой Павел» никто более не располагался. Итак, матросы возвели первые казармы и магазины. Полномочный великолепно описал процесс строительства: «В 1786 г. не выходили никуда корабли и фрегаты ни на рейд, ни в море, а производили работу при берегу; тут мы и казармы построили на мыску первые, и магазины сделали на пристани каменные, для уклажи корабельных вещей; потом и назван Павловский мысок, что мы первые поселились на нем» [*Полномочный*, 1889, с. 694]. В этом же 1786 году прибыл «вновь построенный» корабль «Мария Магдалена»² и фрегат «Андрей».³ Последовав примеру команды Ушакова, коллективы прибывших кораблей начали строить пристани и казармы [*Полномочный*, 1889, с. 694].

Помимо этого матросы участвовали в различных официальных мероприятиях. Так, например, во время похорон генерала Макензина, его хоронили «с большой церемонией и пальбой пушечной» [*Полномочный*, 1889, с. 694].

В 1787 году «пожаловала к нам... Царица Екатерина... в Херсонь, а оттуда... в Севастополь» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. В обыденности матросов появилось неожиданное и радостное событие. Полномочный писал: «В 1787 году все вооружились и вышли на Севастопольский рейд, стали по бухте, разделены

---

² Корабль «Мария Магдалена» располагался в корабельном ряду близ «Святого Павла».

³ Фрегат «Андрей находился» в нижней бухте рядом с Херсонским адмиралтейством.

были на две эскадры... ждали царицу» [*Полномочный*, 1889, с. 694]. «И мы ожидали: стояли все корабли и фрегаты на рейде по бухте; и Она пожаловала из Аккермана на шлюпке мимо флота; и тут делали пушечную пальбу, честь, по реям стояли, ура! кричали, юнги по плотинам сидели» [*Полномочный*, 1889, с. 692].

После служители занялись своими привычными обязанностями, а именно военными учениями. Контр-адмирал Войнович составил инструкцию для капитана бригадирского ранга П. Алексиано и Ф. Ф. Ушакова, «для практического плавания с эскадрами», в которой он предписывал отправиться первому «не далее Тарханова-Кута», а второму к острову Фидониси [Адмирал Ушаков..., 1951, с. 44–45]. Основной целью плавания предполагались военные учения. Во время экспедиции «бригадиры» должны были постараться «в практике молодых офицеров и всех служителей, штурманов, подштурманов и штурманских учеников» [Адмирал Ушаков..., 1951, с. 45]. Все вышеперечисленные служители должны были продемонстрировать свои умения «в знании такелажа, в правлении парусами, в исчислении пути, в положении на карты всякого рода, в наблюдениях, в исправном ведении журналов, в экзерциции пушками и ружьями, а наконец и в тактических действиях» [Адмирал Ушаков..., 1951, с. 46]. Ушакову и Алексиано предписывалось наладить работу по контролю над штурманами и подштурманами, а особенно за «учениками» и после окончания экзерциций подать рапорты Марко Ивановичу. Помимо этого Войнович «за удобный случай» предписывал при благополучном ветре изучить побережье Черного моря «к пополнению карт». Так же по возможности необходимо было «стараться узнать о течении моря» [Адмирал Ушаков..., 1951, с. 45].

Для сохранения здоровья матросов во время экспедиции Войнович распорядился «покупать...свежее мясо и зелень», которым кормили служителей^{4,13}. Помимо этого командирам эскадр предписывалось «на судах, сколько можно, чаще курить уксусом и порохом и стараться, дабы служители от болезней предохранены были» [Адмирал Ушаков..., 1951, с. 46]. Также Марко Иванович наставлял, чтобы флотоводцы соблюдали «крайнейшую предосторожность...дабы не сообщаться с судами, идущими из заповетренных мест» [Адмирал Ушаков..., 1951, с. 46], для сохранения здоровья экипажей. В итоге Черноморский флот разделился на две эскадры. «Граф Войнович пошел под Козлов, – писал Иван Андреев, – а мы с Ушаковым...к Феодонисии для обучения служителей» [*Полномочный*, 1889, с. 692]. После чего команды вернулись в Севастополь. Матросы Федора Федоровича подошли к бухте и отдали честь из пушек вернувшемуся Марку Ивановичу, «и он нам также ответил, и стали на якорь».

---

⁴ Войнович учел успешный опыт Ушакова по борьбе с чумой в 1784 году.

Таким образом, на основании приведенных источников можно воссоздать картину повседневности матросов Черноморского флота перед второй русско-турецкой войной. С 1783 по 1784 гг. значительная часть матросов Черноморского флота страдала от эпидемии чумы, находясь под открытым небом, без еды и воды. В простых камышовых полужемлянках, проводили свое время служители, шедшие на поправку. Лечили их, окуривая мякотью и оmyвая уксусом, а кормили борщом и хлебом. Для тепла в помещениях разводили костры.

После того, как пандемию удалось побороть (с 1784 по 1787 гг. включительно), служители преступили к своим служебным обязанностям и бытовым делам. В мирное время мастеровые и матросы занимались строительством кораблей, выгрузкой суден, высадкой с оных команд. Помимо этого, каждая из команд строила для своих кораблей пристань, а после окончания строительства парусинные палатки, в которых хранился разнащенный такелаж корабля. Вскоре вместо палаток стали строить «магазины».

В этот период матросы жили на корабле круглый год. В конце осени они занимались подготовкой судна к зимовке. Отопления у служителей не было, только у капитана Ушакова был «камелек» в его каюте. Федор Федорович и другие капитаны решили улучшить условия для подчиненных. В связи с этим в теплое время года матросы занимались заготовкой камня для строительства казарм.

Кроме «неусыпных работ» служители ходили в практическое плавание в море, где занимались военной подготовкой, демонстрировали знания географических карт и другие умения. В практических плаваниях матросы питались мясом и зеленью, дабы пребывать в бодрости духа и выполнять все поручения грамотно и четко. Помимо этого матросы участвовали в официальных мероприятиях. Например, в похоронах генерала Макензина они принимали участие в церемонии и палили из пушек в его честь. Не стоит забывать и о визите Екатерины Великой в Крым. Когда императрица приехала матросы «делали пушечную пальбу, честь, по реям стояли, ура... кричали».

Помимо всего вышесказанного у матросов было свободное время. В основном они проводили его на кораблях, любясь живописными видами. Были случаи, когда приезжало начальство, чтобы поздравить команду; матросы веселились на шканцах, пели песни. Иногда служителей отпускали прогуляться вдоль берега и даже отдалиться на небольшие расстояния. Например, матросы могли гулять в лесу и лакомиться вкусными ягодами.

В целом повседневная жизнь моряков перед второй русско-турецкой войной представляла собой их военную службу и разного рода работы по устройству быта.

Библиографический список

Адмирал Ушаков. М., 1951. Т. 1. 772 с.

Бочаров А. А. Быт матросов военно-морского флота России в дальних походах середины XIX столетия // Военно-исторический журнал. 2016. № 8. С. 61–65.

Книга Устав морской. 1720, апреля 13. СПб., 1763. 215 с.

Овчинников В. Д. Личность адмирала Ф.Ф. Ушакова и влияние его деятельности на строительство и применение отечественного флота: дис. ... д-ра ист. наук / В. Д. Овчинников. М., 2018. 527 с.

Полномочный И. А. Род мой и происхождение. Краткие автобиографические записки офицера Черноморского флота Ивана Андреева Полномочного (1764–1833) // Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1889. Т. 15. С. 683-710.

Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2014. С. 7-21.

Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. 504 с.

ABOUT THE EVERYDAY LIFE OF THE SAILORS OF THE BLACK SEA FLEET BEFORE THE SECOND RUSSIAN-TURKISH WAR (1783-1787)

Shakirov Ruslan B.
Glazovsky State Pedagogical Institute,
15, Pervomayskaya str.,
Glazov, 427621, Russia,
ruslanz32168@gmail.com

Abstract

The article attempts to give a comprehensive description of the daily life of the Black Sea Fleet servants before the second Russo-Turkish War (from 1783 to 1787). The work is relevant and of scientific interest, since at the moment there are no works on this topic in Russian historiography. Analysis of sources showed that the sailors lived on ships by an year, later barracks were built for them. They ate simple and nutritious food, kept things in "magazines". The main component of the sailors daily routine was the service, during which they were engaged in "hard work", went on a "practical voyage", participated in official events of the first persons of the state. The "sailors" also had free time. Mostly they spent it on the ship, singing songs, dancing and watching beautiful views.

Key words

Everyday life; life; service; sailors; Admiral; Ushakov; Black Sea Fleet

---

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 94(47).084.9

«ИЗВИНИТЕ МЕНЯ ЗА МОИ ОШИБКИ И КАРАКУЛИ»: ПИСЬМО-АВТОБИОГРАФИЯ ЦЕЛИННИЦЫ В.А. ПРЕДЕИНОЙ КАК ОБЪЕКТ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Гребенщиков Александр Васильевич
Ярославский государственный
педагогический университет им. К.Д. Ушинского,
150000, Россия, г. Ярославль, ул. Республиканская, д.108/1,
grebenshikov_al@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой результаты комплексного анализа уникального исторического эго-документа – письма целинницы Варвары Андреевны Предеиной в партийный архив Ярославского обкома КПСС в 1984 г. По мнению автора статьи, документ является подтверждением концепций «наивных писем», «тихой архивной революции» и может свидетельствовать о некоторых особенностях периода «позднего социализма». В частности, в письме нашли отражение особенности «жизненных миров» советской женщины, практики повседневности, особенности коммуникации общества и государственных институтов сохранения наследия.

Ключевые слова

Освоение целинных земель; источники личного происхождения, «наивное письмо»; «тихая архивная революция»; «жизненные миры»; практики повседневности; «поздний социализм».

Программа по освоению целинных и залежных земель в СССР, реализованная в 1954-1960-х гг., является одним из наиболее ярких процессов «оттепели». Кампания разрабатывалась с целью решить зерновую проблему: к началу 1950-х гг. в стране возникло несоответствие между поступавшим в распоряжение государства зерном и ростом потребностей в нем [Зеленин, 1998], что послужило главной причиной взятия курса на экстенсивный путь развития аграрного сектора экономики. Эпопея, в ходе которой было распахано более 40 млн. га [Зеленин, 1998] в некоторых районах Урала, Поволжья, Северного Кавказа, Сибири, Северного Казахстана, поддерживалась властями в течение всего десятилетия нахождения у власти Н. С. Хрущева, для ее осуществления только в первые годы

в указанные районы выехало около 1 млн. человек на длительное время, а в периодических уборках урожая приняло участие более 3 млн. студентов, рабочих, военнослужащих [Томилини, 2009].

Масштаб программы и возникающие относительно ее реализации и результатов дискуссии являются главными причинами сохранения интереса к ней со стороны научного сообщества. Анализируя советскую/российскую и зарубежную историографию данной проблемы, можно сделать вывод об общем векторе развития, который заключается в сохранении акцента на экономическом и политическом эффектах программы. Тем не менее, в последнее время появляются исследования, посвященные социокультурным аспектам феномена: «Целина, эта заново созданная этноконтактная территория, новая малая родина, возникшая в пределах большой советской родины, добавила советской идентичности свои яркие краски» [Поль, 2004].

Во многом рассмотрение новых тем связано с расширением источниковой базы за счёт включения в научный оборот эго-документов, материалов «устной истории», визуальных изображений, которые позволяют, в том числе, выходить на более широкие исторические контексты. Историческая контекстуализация этих материалов становится возможной сквозь призму концепций «этнографии идеологии»¹ [Юрчак, 2007], «новой биографики»² [Репина, 2011], «микроистории», «гендерной истории». Отсюда особый интерес для научного сообщества может представлять письмо-автобиография участницы программы освоения целинных земель Варвары Андреевны Предеиной, написанное в 1984 г. в партийный архив Ярославского обкома КПСС [Воспоминания первоцелинников-ярославцев (фотографии). – ГКУ ЯО ГАЯО ЦДНИ. Ф.4773. Оп.6. Д.340]. Данный документ, представляющий собой «многослойный» источник, рассматривается

---

¹ Согласно А. В. Юрчаку, в подходе «этнография идеологии» внимание уделяется тому, «как советские люди взаимодействовали с идеологическими дискурсами, ритуалами и смыслами, как осуществлялось на практике их членство в различных организациях, что из себя представляли языки, на которых они общались в различных контекстах, как они интерпретировали различные нормы, правила и практики советской повседневности и какие типы идентичности, взаимоотношений возникали в этом контексте». См.: Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение. // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/pozdnij-soczializm-i-poslednee-sovetskoe-pokolenie.html> (дата обращения: 10.12.2021).

² Согласно Л.П. Репиной, в «новой биографике» «речь идет о концентрации внимания на частном, индивидуальном, уникальном в конкретных исторических судьбах и, одновременно, – об изначально заданной принципиальной установке на выявление специфики и вариативности разнородного социального пространства, полного спектра и пределов тех возможностей, которыми располагает индивид в рамках данного культурно-исторического контекста». См.: Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. С.280. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1780406#280 (дата обращения 20.12.2021).

сквозь призму концепций «наивных писем» [Неклюдов, 2011] и «тихой архивной революции» [Клоц, Ромашова, 2021].

Согласно С. Ю. Неклюдову, «наивная литература» – это прозаические и поэтические опусы неумелых людей, подражающих образцам «высокой» словесности. Вероятно, основным прозаическим жанром «взрослых» авторов является собственное жизнеописание. Подобные повествования создаются с назидательными целями, они содержат изложения житейских наблюдений и рассказы о накопленном жизненном опыте [«Наивная литература» ..., 2001]. Данный источник, содержащий большое стихотворное произведение о жизни на целине, представляет собой как раз пример «наивного письма».

Под «тихой архивной революцией» исследователи А. Р. Клоц и М. В. Ромашова предлагают понимать интерес граждан к архивам как к форме сохранения личной и семейной памяти и архивистов и историков к личным архивам «простых людей». Начало данной тенденции, являющейся частью «ретроспективного поворота», датируется 1970-ми годами, однако завершиться и радикально изменить отношение государственных архивов к личным фондам она не смогла [Клоц, Ромашова, 2021]. Тем не менее, результат «тихой архивной революции» – материалы эго-документов, – могут являться для историков ценной информацией. Письмо В. А. Предеиной, по мнению автора статьи, является примером, подтверждающим данную концепцию.

Источник является откликом В. А. Предеиной на призыв архива к целинникам о предоставлении материалов для сборника по истории областного комитета ВЛКСМ и представляет собой полностью исписанную школьную тетрадь, 11 фотографий, вырезанную заметку из местной газеты о супруге. Уникальной чертой документа является то, что многие аспекты целинной жизни участница программы описывает в объемном поэтическом произведении собственного сочинения – «Балладе про целинный совхоз “Молодогвардейский”», состоящей из ста пяти строф. Кроме того, Варвара Андреевна дает краткие сведения о себе, муже, детях, коллегах-работниках совхоза, изложенные в автобиографическом стиле. Одновременно в собственной биографии автор упускает некоторые важные составляющие. Например, документ умалчивает о времени и точном месте рождения Предеиной, но содержание указывает на то, что ее детство пришлось на военные годы, которые были проведены в детском доме в Вологодской области. Несмотря на отсутствие отдельных деталей, перед нами предстает описание отрезка жизни рядовой советской женщины эпохи «позднего социализма», сконструированное ей самой. Относительно небольшой по объему текст дает нам уникальную возможность прикоснуться к частной жизни рядового участника

масштабного проекта и рассмотреть «жизненные миры»³ советской обывательницы через особенности структуры источника и целый ряд отраженных в нем аспектов: тридцатилетний опыт нахождения на целине, ценностные ориентации, взгляды, спектр идентичностей, практики повседневности. Эта уникальность источника – новая оптика для рассмотрения частных миров как участников целинной эпопеи, так и, возможно, более широкого социального слоя – советских женщин эпохи «позднего социализма».

Источник свидетельствует, что до целинной кампании Варвара Андреевна (девичья фамилия Коржиченко) жила в небольшом райцентре Ярославской области – городе Гаврилов-Яме. В 1949 г. закончила школу фабрично-заводского ученичества (ФЗУ), после которой работала на льнокомбинате «Заря Социализма», где была принята в ряды ВЛКСМ. В первый год реализации целинного проекта (1954) она отправилась в Северо-Казахстанскую область в числе добровольцев. На целине Варвара Андреевна вышла замуж, родила пятерых детей (разница между старшим и младшим примерно 18 лет). За тридцать лет она неоднократно меняла профессию (предположительно, по причине многодетности): в первые годы освоения целины трудилась помощником комбайнера, затем «работала 8 лет дояркой, учётчиком натоку, весовщиком, зимой (...) каждый год чистили зерно. Работала и в садике, няней, воспитательницей, и прачкой. Сейчас работаю заправщицей на ГСМ. Вообще шла, где требовались рабочие руки», была награждена медалью «За освоение целинных земель», памятным знаком «25 лет целине».

Этот пласт информации предоставляет нам возможность не просто реконструировать наиболее важные этапы биографии актора, но и сделать вывод о жизненном цикле участников кампании, который можно представить в виде схемы: (детский дом) – школа ФЗУ – работа – (целина) – создание семьи воспитание детей – работа. Безусловно, данную схему нельзя назвать универсальной для всех участников эпопеи, но наличие в ней двух важных составляющих: работы и семьи и их сопряженность подтверждается и жизнеописанием коллег по совхозу («Люба Ескина у нее двое детей. У Марии с Александром двое детей. У Маши Симак восемь детей. Работают они все здесь кто кем. Люба Е. техничка

---

³ Под «жизненными мирами» в данном исследовании понимается *когнитивная и субъективная сфера, где человек воспринимает и интерпретирует окружающую среду, принимает собственные решения, совершает непосредственные действия и выносит оценочные суждения, касающиеся его самого и других*. См.: Дивисенко К.С. Социальные исследования жизненного мира. // Социологический журнал. 2014. № 1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-issledovaniya-zhiznennogo-mira/viewer> (дата обращения: 12.02.2022).

в конторе. Маша З. штукатур маляр в строй бригаде»). Другими словами, важнейшее место в жизни позднесоветской женщины-целинницы занимают именно работа и семья, нередко – многодетная, что не являлось причиной завершения трудовой деятельности.

Выявить ценностные ориентации автора письма можно по нескольким параметрам: содержательным особенностям, мотивации участия в программе и отклику на призыв архива о сборе информации, стилю и структуре изложения материала, дополнительным материалам к письму.

Особое внимание в письме Варвара Андреевна уделяет жизнеописанию мужа: мы узнаем и дату рождения, и малую родину, и образование, и национальность Предеина Анатолия Петровича, имеем визуальное представление о нем (на 4 из 11 снимков изображен А. П. Предеин), узнаем о его трудовых достижениях из газетной вырезки и рукописи: «Анатолий имеет за заслуги орден Трудового Красного знамени, Орден Октябрьской революции, Орден Трудовой славы III степени, имеет три медали ВДНХ, медаль за освоение целины. Значки, ударник пятилетки, ударник 10 пятилетки, дипломы, грамоты». Перечисление достижений супруга и личных, упоминание о наградах в стихотворном произведении («Совхоз наш был не из последних, / Помним директора те твёрдые слова. / Работать будите по-комсомольски / И получите медали, ордена»), наличие фотоснимка процедуры вручения премии, позволяют не только сделать предположение о наградной системе как инструменте взаимодействия власти и общества, но и включить государственные награды в систему ценностей: о них говорится даже до жизнеописания детей и личной трудовой биографии Предеиной. Однако это может объясняться стремлением автора показать свой статус, право говорить от имени целинников, что, скорее, раскрывает особенности коммуникации власти и общества. После описания детей («Старшая дочь Рита, родилась в 1957 году, 11 ноября. Замужем, двое внуков. Владимир сын рождения 1960 г. Живёт в г. Омске женат. Анатолий Анатольевич 1965 г. токарь в совхозе. Татьяна учится в 8 классе, 1969 г. И сын Саша учится в третьем классе»), В. А. Предеина описывает свой трудовой опыт и коллег, упуская информацию о своих внуках.

В тексте не говорится о мотивации участия в целинной программе В.А. Предеиной, но сам отклик, а также реакция на призыв архива и другие подобные кампании по сбору информации («Ещё в 1964 году приехали с г. Петропавловска, корреспондент. Попросили в музейный архив областной, чтоб я там вложила свой фонд») позволяют предположить, что для женщин было важно принимать участие в государственных проектах, заявить о себе, своей судьбе,

показать ее значимость в построении социалистической системы: «Серым городишко показался, / А теперь езжай-ка посмотри, / Не узнать, какой он стал красивый, / после нашей с вами целины!»).

Биографические сведения Варвары Андреевны раскрывают также широкий спектр женских специальностей в эпоху «позднего социализма» и отношение к труду: профессиональная деятельность женщин была связана с производством, с техникой, с животноводством, с людьми, а отношение к данным специальностям было исключительно положительным, физический (и не только) труд воспринимался как неотъемлемая часть жизни («Учётчик, повар, тоже специальность. / Бухгалтер, столяр или бригадир, / Все смежные профессии освоить / И в звании ты будешь командир»). При этом представления о гендерном профессиональном предназначении все-таки присутствуют, однако их нельзя назвать ярко выраженными. Скорее следует говорить о высокой степени интеграции женщин в «мужские» специальности в сельском хозяйстве. Это подтверждается частым обращением Предеиной к техническим и сельскохозяйственным дефинициям: «Работала я в бригаде 4 года, и на тракторе С-80, ДТ-54, ХТЗ». Стоит отметить и, в целом, положительное отношение к управленцам совхоза: «Недолго был директором Науменко, / Хорошие успехи совхоз при нём давал. / Его забрали работать в управление, / Другой директор Базарбаев стал. / Не скажем ничего о нём плохого / В бригады спозаранку приезжал, / Чуть свет на базах его увидишь, / И на току он часто пропадал».

Обоснование и различные социальные роли на целине не могли не отразиться на особенностях идентичности В. А. Предеиной. Сам факт отклика на обращение архива свидетельствует о неутраченной за десятилетия региональной идентичности (что также находит подтверждение в тексте документа: «А вообще-то 22 семьи вместе с нами ярославскими, немного»). В то же самое время источник свидетельствует о ярко выраженной ролевой: целина стала не просто этапом жизни, она стала местом встречи и объединения. Подтверждение этому можно найти в стихотворном произведении: «Не надо войны нам, не надо! / Мы голос целинный даём», а также в повествовательной части источника: участники программы определяются особым термином – «целинщики». При этом прослеживается и локальная идентичность – отдельно взятого совхоза «Молодогвардейский»: «Улицы, покрытые асфальтом, / Деревья зеленея в ряд стоят. / Хорошеет наш Молодогвардейский, / по соседству в совхозах говорят». Важно подчеркнуть: внутри совхоза сложно проследить профессиональную идентичность, что, вероятнее всего, связано с широким спектром профессий.

Особая составляющая идентичности актора – память о Великой Отечественной войне: последние три строфы в стихотворении ярко свидетельствуют об этом («Война в наше детство прокралась / Пойди отыщи дом родной. / Детдом замещал дом родной нам, / Совхоз заменил наш дом. / Войны сорок два года нету, / Побил бы войну лучше гром. / Не надо войны нам, не надо! / Мы голос целинный даём / За мир и безбрежное небо. / О мире мы песню споём»). Другими словами, Предеина является представителем особой социальной группы – «дети войны», причем личная трагедия – сиротство, добавляла этой идентичности дополнительные черты. Можно выделить и особую «комсомольскую» идентичность, которая отражается в обеих частях рукописи: «Комсомол прославился делами, / за хлеб целинный орден получил. / И так из года в год ведётся / Стране мы хлеба Казахстанского даём. / В нужде мы никого не оставляем, / с Партией в одну ногу идём», однако она не выражена ярко, что объясняется тем, что на целину выезжали только по комсомольским путевкам. Обобщая, можно сделать вывод о многослойности идентичности советских женщин-целинниц, в которой особое место занимали связь с малой родиной, совхоз, который являлся особой социокультурной общностью, и личная память о войне.

Особый интерес в изучении источника вызывает стилистический анализ рукописи. Во-первых, сам факт написания объемного стихотворного произведения свидетельствует о глубокой заинтересованности В. А. Предеиной быть услышанной и отразить особенности целинной жизни и судьбы целинников, с другой стороны – о стремлении быть замеченной со стороны архива и быть зафиксированной в сборнике. О втором мотиве может также свидетельствовать большое количество имен, наличие информации об участниках программы, приложение к письму последних фотографий. Во-вторых, наличие орфографических, пунктуационных ошибок, стилистических несоответствий (главным образом, в стихотворном произведении), а также отсутствие четкой структуры свидетельствуют о малограмотности автора, о спешном создании рукописи, но в то же время усиливают выводы за счет неотредактированного отражения наиболее важных для актора аспектов. В-третьих, «отчетный» стиль в описании биографии супруга, детей, некоторых работников совхоза позволяют сделать вывод о влиянии государства на взгляды и ментальность общества, существовании в «позднем» СССР шаблонов в представлении себя и круга ближайших людей: «Замуж здесь вышла в 1956 г. за Предеина Анатолия Петровича. Сам он со Свердловской обл. Родился в 1936 г., русский. В 1955 г. весной закончил Камышловское училище широкого профиля. С группой ребят 27 человек были направ-

лены к нам в совхоз». В-четвертых, излишняя подробность в описании отдельных составляющих («В 1954 г. директором совхоза был: Лизунов Иван Михайлович, парторг Кирсанов остальные инициалы забыла. Комсорг был Саша Розенков, гл: агроном Андреев Всеволод Петрович») свидетельствует о частой рефлексии целинного опыта, необходимости держать в памяти наиболее важные события и явления, связанные с окружающими людьми.

Анализ источника позволяет сделать ряд выводов о влиянии государства на формирование мировоззрения и повседневность советских людей и отношение к этим практикам со стороны общества. В первую очередь следует говорить о привлечении общества к масштабным государственным проектам. В.А. Предеина не сообщает о конкретной личной мотивации участия в целинном проекте, но свидетельствует о добровольности участия («Девушки сказали хором: / «Мы ведь тоже в комсомоле, / По путевке комсомольской / Мы хотим на целину») и регулярной поддержке проекта государством («Тракторам ДТ приходит помощь, / Ленинград нам К-700 шлёт. / Кировский завод их выпускает, / Зимой и летом их работа ждёт»). Во вторую очередь следует говорить о различных видах стимулирования целинников. Можно выделить такие способы как государственные награды (ордена, медали, грамоты, дипломы), премии, статьи в печатных органах. Наконец, можно выделить сбор информации музеями и архивами как способ коммуникации власти и общества. Вероятно, через подобные практики целинники пытаются рассказать о себе, своих проблемах, а возможно, заявить о своей судьбе и попытаться остаться в памяти людей, о чем свидетельствует стремление донести информацию в архив. Причем общественное начало здесь преобладает: для женщины важнее оставить материалы «домашнего архива» государству, чем сохранить для членов своей семьи. В то же время следует отметить небрежное отношение государственных институций к мотивам и деятельности людей: несмотря на просьбу В. А. Предеиной вернуть фотокарточки, они так и хранятся в фондах архивах уже почти 40 лет, а материалы письма так и не были опубликованы. Причины отсутствия интереса архива к материалам актора также неизвестны. Вероятнее всего, для советского архива биография В. А. Предеиной типична, не представляет героики, не может вызвать широкого интереса. Данное несоответствие запросов архивов и интенций носителей опыта представляет собой доказательство конфликта о критериях социалистического наследия.

Таким образом, «наивное письмо», созданное В. А. Предеиной – уникальное свидетельство эпохи, позволяющее рассмотреть целый ряд важных черт и особенностей «позднего социализма»: «жизненные миры» и особенности идентичности целинников (главным образом женщин), практики повседневности

(особенности целинного быта, женских профессий, сбора биографической информации со стороны государственных учреждений), особенности коммуникации власти и общества.

Обобщая различные аспекты исследования, считаем возможным еще раз подчеркнуть: советские граждане испытывали потребность в осмыслении собственного и чужого жизненного опыта, самовыражении, сохранении информации о своей семье и ближайшем окружении, в создании и трансляции собственного жизненного и творческого наследия через взаимодействие с государственными институтами наследия (архивами, музеями). В этом взаимодействии граждане стремились отразить особенности семьи, трудовой деятельности и рабочего коллектива, подчеркнуть уникальность представляемой социальной группы, степень признания, желание и возможность быть нужным советскому обществу. Идентичность участников целинной эпопеи как особой социальной группы позднего социализма была связана с малой родиной и комсомолом, местом жизни и работы, памятью о событиях Великой Отечественной войны.

Библиографический список

Воспоминания первоцелинников-ярославцев (фотографии). // Государственное казенное учреждение Ярославской области «Государственный архив Ярославской области» «Центр документации новейшей истории». (ГКУ ЯО ГАЯО ЦДНИ). Ф.4773. Оп.6. Д.340.

Дивисенко К. С. Социальные исследования жизненного мира. // Социологический журнал. 2014. №1. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-issledovaniya-zhiznennogo-mira/viewer> (дата обращения 12.02.2022).

Зеленин И. Е. Целинная эпопея: разработка, принятие и осуществление первой хрущевской «сверхпрограммы». // Отечественная история. 1998. № 4. С. 109–122.

Клоц А., Ромашова М. «Так вы живая история?»: советский человек на фоне тихой архивной революции позднего социализма // Антропологический форум. 2021. № 50. С. 169–199.

«Наивная литература»: Исследования и тексты / сост. С.Ю.Неклюдов. М., 2001. С. 4–21. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/publications.htm> (дата обращения: 15.12.2021).

Поль М. «Планета ста языков». Этнические отношения и советская идентичность на целине / пер. с англ. Н. Космарской. // Вестник Евразии. 2004. № 1. С. 5–33.

Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX-XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rfbr.ru/rffi/ru/books/o_1780406#280 (дата обращения: 20.12.2021).

Томилин В. Н. Кампания по освоению целинных и залежных земель в 1954–1959 гг. // Вопросы истории. 2009. № 9. С. 81–93.

Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение. // Неприкосновенный запас. 2007. № 2. [Электронный ресурс]. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/2/pozdnij-soczializm-i-poslednee-sovetskoe-pokolenie.html> (дата обращения: 10.12.2021).

**«EXCUSE ME FOR MY MISTAKES AND SCRIBBLES»:
LETTER-AUTOBIOGRAPHY OF PARTICIPANT
OF THE VIRGIN PROGRAM PREDEYNAYA V.A.
AS AN OBJECT OF HISTORICAL RESEARCH**

Grebenshchikov Alexander V.

Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky
150000, Yaroslavl, Respublikanskaya str., 108/1
grebenshikov_al@mail.ru

Abstract

The article presents the results of a comprehensive analysis of a unique historical ego document – a letter from the virgin Varvara Andreevna Predeina to the party archive of the Yaroslavl Regional Committee of the CPSU in 1984. According to the author of the article, the document is a confirmation of the concepts of «naive letters», «quiet archival revolution» and may indicate some features of the period of «late socialism». In particular, the letter reflects the peculiarities of the «life worlds» of the Soviet woman, the practice of everyday life, the peculiarities of communication between society and state institutions of heritage preservation.

Key words

Development of virgin lands; sources of personal origin; «naive writing»; «quiet archival revolution»; «life worlds»; everyday practices; «late socialism»

МОДЕРН ПРОТИВ ПОСТМОДЕРНА: СУЩНОСТЬ ПОЛЕМИКИ Ю. ХАБЕРМАСА И Ж.-Ф. ЛИОТАРА

Крутикова Дарья Дмитриевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Менделеевская линия, 5
dkrutikova810@gmail.com

Аннотация

Где кончается модерн и начинается постмодерн? Успециалистов в данной области нет единого мнения по поводу. Ознакомившись с работами видных теоретиков обоих понятий, мы можем сделать вывод о том, как сильно понятия модерна и постмодерна разнятся в придаваемых им значениях. В ходе написания работы было подтверждено отсутствие единой точки зрения на указанную проблему при достаточно большом количестве научно-исследовательского материала. При рассмотрении теоретических концепций как Хабермаса, так и Лиотара, нами было выявлено, то собственной критикой оба философа сами дают трактовки как модерну, так и постмодерну. В некоторых теориях второе оказывается продолжением первого. Единого мнения по поводу того, окончился ли проект модерна, наступил ли постмодерн и, если наступил, что он из себя представляет, как мы видим в полемике Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса, не существует. Также как отсутствует единое мнение у исследователей означенных теорий и данной полемики, в частности, у Р. Рорти.

Ключевые слова

Постмодерн; модерн; культура постмодерна; плюрализм; метанарратив.

Современную философскую науку, как отмечают многие компетентные исследователи в данной области, характеризует состояние кризиса, возникшего вследствие краха просвещенческих ценностей. Два ведущих духовных проекта последних лет – модерн и постмодерн – так и не дали ответа на вопрос: куда двигаться дальше? Современная философия не смогла определиться с направлением. Возникла другая полемика, появление которой обосновано непосредственно вышеуказанными явлениями. Сложившаяся традиция критики модерна и постмодерна вытекает из воззрений, которые выдвинули видные теоретики обоих понятий: Ю. Хабермас и Ж.-Ф. Лиотар. Начав с осмысления острых проблем современности, оба философа развернули дискуссию, исходя из которой, можно вывести определения для обоих указанных понятий. Проблема же состоит в том, что многие исследователи продолжают противопоставлять модерн и постмодерн. Нам представляется важным ответить на вопрос, обоснованно ли это, а также установить «вписанность» позиций указанных авторов в реалии сегодняшнего дня.

Разработкой проблематики указанной контroversы занимались многие авторы. О модерне, постмодерне и их взаимоотношении писали видные исследователи из самых разных стран. Так, из американских авторов, интересовавшихся полемикой Хабермаса и Лиотара, можно назвать Р. Рорти. Сама же тема модерна и постмодерна волновала практически каждого видного исследователя современности: начиная А. Кожевым, М. Вебером, философами Франкфуртской школы и заканчивая У. Эко, Гваттари, Ж. Делезом и др. Из отечественных авторов можно выделить А. А. Грицанова, И. П. Ильина, В. М. Дианову.

Таким образом, актуальность темы исследования обусловлена отсутствием единой точки зрения на указанную проблему при достаточно большом количестве научно-исследовательского материала. Можно сделать вывод о существовании самых разных точек зрения как на постмодерн, так и на модерн; их рассмотрение мы продолжим.

Итак, выше нами были названы два возможных проекта современности, предложенных двумя выдающимися мыслителями своего времени: концепция постмодерна Ж.-Ф. Лиотара и «незавершенный» проект модерна Ю. Хабермаса. Дискуссия, развернувшаяся вокруг этих теорий, стала одной из центральных в западной философии конца двадцатого века. После второй мировой войны человечество оказалось на распутье, ощутило вдруг под ногами пустоту. И многие интеллектуальные умы принялись искать объяснение происходящему и возможные пути дальнейшего движения. Окончилась ли эпоха модерна, делящаяся еще со времен эпохи поздней античности, или же она переродилась в нечто новое, и наступила эра «пост-» модерна? Характер взаимоотношений этих феноменов можно рассматривать как конкурентный и даже враждебный. Выделим центральные характеристики данных эпох и рассмотрим этапы развернувшейся вокруг них дискуссии.

Изначально в самом слове «модерн» заложено понимание стремления к чему-то новому, ранее не познанному. «Модерн – многосмысловое понятие, употребляемое для обозначения определенных периодов или промежутков времени, а также духовных направлений, характеризующихся чем-то новым, отличным от старого или имевшего место ранее» [Быкова, 2001, с. 95]. И.М. Семашко в работе «Модерн и постмодерн как проекты европейской философии (в работах Юргена Хабермаса и Жака Деррида)» на основе рассмотрения существующих концепций выделяет три возможных значения модерна. Во-первых, модерн рассматривается как широкое понятие Современности (modernity), «охватывающее собой весь период нового, прежде всего христианского, времени, в противопоставлении более

древней сакральной традиции (antiqui)» [Семашко, 2011]. Стоит отметить, современности неоконченной, длящейся определенный промежуток времени и продолжающейся здесь и сейчас. Во-вторых, модерн выступает как «синоним Нового времени (Newage или Neuzeit), исторической эпохи после Античности и Средневековья» [Семашко, 2011]. Это определение отчасти схоже с первым, но имеет в данной трактовке модерн имеет более четко обусловленные историко-временные границы. И, наконец, в-третьих, модерн определяется как «своеобразная мировоззренческая установка, духовный проект Современности» [Семашко, 2011], неоконченный дискурс, который противопоставляет сам себя предшествующим эпохам. Именно такое значение в словосочетание «проект модерна» закладывает Ю. Хабермас. Заметим, что философ принципиально не относит данное понятие ни к какой исторической эпохе. Для него это скорее глобальный настрой целых поколений людей, в данном случае, живущих по правилам, идеалам Просвещения.

В этой же работе Семашко выделяет три возможных интерпретации постмодерна. Первое: постмодерн может пониматься как историческая ситуация, следующая непосредственно после модерна, как некоторое преобразование современной эпохи. Тогда постмодерн понимается как модерн, ложно смягчивший свой категоричный пафос, выступающий от имени ложно-плюралистического сознания. Второе определение, являющееся практически полностью противоположным первым: понимание постмодерна как отрицание модерна, «не-модерна», «анти-модерна», характеризующееся тотальной критикой предшествующего периода и «восстанием против его сущностных основ» [Семашко, 2010]. Это достаточно революционная установка, готовая бунтовать против идеологии модерна и отрицать его существование. И, наконец, третье: когда постмодерн понимается как «автономная, самозамкнутая историческая парадигма; абсолютно новый... путь, равно альтернативный как традиции, так и модерну» [Семашко, 2010]. Мы полагаем, в данном случае уместно говорить о метамодерне, т.е. «конце постмодернизма», явлении спорном и, безусловно, требующем отдельных исследований.

Таким образом, мы наблюдаем, что фундаментальные разногласия заложены в самих определениях указных понятий, значительно разнящихся. И кризис эпохи, ознаменовавший двадцатый век, не только непосредственно вызвал, но впоследствии и обострил эти противоречия.

Далее стоит кратко охарактеризовать философско-культурологические воззрения обоих указанных философов. Так, Ж.-Ф. Лиотар характеризовал со-

временность достаточно пессимистично. Для него основная проблематика постмодерна заключена в утрате метанарративами легитимирующей силы. Это приводит к постановке метавопроса о легитимности: «Чего стоит твоё "чего стоит"» [Лиотар, 1998, с. 133]? Лиотар рассматривает постмодерн как некоторое глубокое изменение, произошедшее в модерне, в результате чего произошла потеря основополагающего смысла, единого укоренения в политике, культуре, идеологии и т.п. В постмодерном обществе нарушается и порядок человеческих взаимоотношений. Здесь стоит говорить о внедрении в нашу жизнь виртуального общения; непосредственные встречи становятся все более редкими, происходят в основном в пространстве информационной сети. Человек оказывается в некотором смысле исключенным из тесного социального контакта. Окруженный плотными информационными полями, он все равно чувствует себя одиноким. Это ощущение усугубляется утратой централизующей современное общество директивной точки. Человеку больше не на кого положиться, отсутствует единый легитимный идеал, который мог бы задать тон всей его жизни. Нам приходится быть судьями самих себя, собственными отцами и авторитетами, поскольку мы теперь живем в «обществе без отца».

Воззрения же Ю. Хабермаса, на наш взгляд, наиболее оптимистичны. Хабермас остро критикует проект модерна, но все же, по его мнению, этот кризис не означает, то это проекта, пусть и незавершенного, стоит отказываться. «Я полагаю, что нам лучше учиться на промахах, сопровождавших проект модерна, на ошибках вычурной программы упразднения культуры, нежели объявлять несостоятельными модерн и сам его проект» [Хабермас, 2000, с. 25] – такова точка зрения философа относительно споров, которые разгорались по поводу модерна. При всех недостатках принципа рациональности, который господствует в мире, мы не должны от него отказываться. Пусть науки, искусства и мораль вычлениют из жизненного мира, пусть традиции переживают кризис, пусть проект в целом требует значительных доработок – Хабермас считает, и вся его научная деятельность является тому подтверждением, что проект можно продолжить и завершить.

Наиболее детально, на наш взгляд, сходства и различия концепций Ж.-Ф. Лиотара и Ю. Хабермаса осветил в своей работе «Хабермас и Лиотар о постсовременности» американский философ, яркий представитель поздней аналитической философии – Ричард Рорти. Исследователь пишет о том, что в труде «Знания и человеческие интересы» Хабермас на основе проекта «демаскировки», всеобщего подозрения Маркса и Фрейда составляет более обширную теорию.

В ответ на это Лиотар, определяющий постсовременность, как мы знаем, как всеобщее недоверие к метанарративам, называет предложение Хабермаса просто еще одним метанарративом, «нарративом освобождения» [Рорти, 1994, с. 115]. По мнению же последнего, современность, лишенная каких бы то ни было стандартов и разграничений, должна отказаться от рациональной критики. Все, что «Хабермас будет считать сохранением теоретического подхода, недоверчивый Лиотар сочтет "метанарративом"» [Рорти, 1994, с. 1156].

Обращаясь к вопросу о современной науке, который особо волновал обоих исследователей, Рорти отмечает, что важным моментом для Хабермаса является универсалистская философия. Философ критикует французских писателей, которые «стремятся устранить противопоставление "истинного консенсуса" "ложному консенсусу"» [Рорти, 1994, с. 116]. Лиотар же заявляет (в работе «Условия постсовременности»), что консенсус – это не конец дискуссии, а лишь особое ее состояние (как постомодерн, по Лиотару, является «мутировавшей» формой модерна). Концом дискуссии Лиотар считает паралогизм.

Рорти полагает, что, по Лиотару, «научное суждение подчиняется правилу, по которому, чтобы считаться научным, суждение должно отвечать набору требований» [Рорти, 1994, с. 117]. Ему противостоит нарративное знание, которое не заботится вопросом о собственной легитимации. Лиотар считает, что только избавившись от метанарративов, легитимация «обнаружит свое место там, где оно всегда и было, – в нарративах первого порядка». Таким образом, именно нарративы определяют, что может и не может быть сказано в культуре, потому что они сами являются частью этой культуры. В связи с этим вместе с Рорти мы видим еще одно разногласие между Лиотаром и Хабермасом: последний хочет «легитимировать то, что он не хочет позволить нарративам, которые скрепляют нашу культуру, делать свое дело» [Рорти, 1994, с. 119]. Таким образом, Лиотаром и еще рядом мыслителей того времени ставится под вопрос коммуникативный проект, а также универсализм, который, по Хабермасу, «жизненно необходим либеральной общественной мысли» [Рорти, 1994, с. 119].

Хабермас считает, что современная наука оказывается движима определенной внутренней динамикой, которую Рорти называет растущей самоуверенностью общества, посвятившему себя «теоретическому любопытству». Современная наука оперирует своими методами не для того, чтобы создавать новое, но в попытке показать, «как эти методы связаны или как они контрастируют с другими методами той же группы или других групп» [Рорти, 1994, с. 121]. Хабермас уверен, что современности не стоит ограничиваться социоисторическими формами социальной критики; философ солидарен с Гегелем в том, что стоит искать

свободный от них внутренний идеал, что нужно вернуться назад и начать все сначала. Рорти не разделяет эту точку зрения. По его мнению, «все, на что может надеяться общественная мысль, – это сталкивать друг с другом различные исторические формы современности» [Рорти, 1994, с. 121]. А проблема «философии субъекта», которая является для Хабермаса фундаментальной, с точки зрения Рорти, несколько искусственна – она возникает из слишком серьезного восприятия Канта.

Возвращаясь к французским мыслителям, Рорти отмечает, что с Хабермасом их связывает убеждение, что история современной философии – «важная часть истории попыток самопереутверждения демократических обществ» [Рорти, 1994, с. 124]. Философ озабочен растущим, по его мнению, «отчуждением», которое существует в современном обществе, и не замечает «роста у людей чувства осознания себя свободными гражданами свободных стран» [Там же].

В работе присутствует и критика взглядов Лиотара. Рорти считает, что основной недостаток воззрений французского философа заключается в чрезмерном отстранении, холодности, отчужденности. «Как будто мыслители, подобные Фуко и Лиотару, так боятся быть пойманными в еще одном метанарративе о судьбах "субъекта", что не могут заставить себя говорить "мы" в течение времени, достаточного для того, чтобы идентифицировать себя с культурой поколения, которому принадлежат» [Рорти, 1994, с. 128]. Американский исследователь присоединяется к мнению Хабермаса: нам нужно меньше сухости и отчужденности. Тем не менее, Рорти соглашается с Лиотаром в том, что нам больше не нужны метанарративы и что исследования коммуникативной компетенции не слишком способствует единения человека с сообществом.

В конце работы Рорти делает вывод, который, на наш взгляд, несколько субъективен. По его мнению, в теории Лиотара больше недостатков, чем достоинств. Для Рорти философ «поддерживает одну из самых глупых левых идей» [Рорти, 1994, с. 130], которая состоит в том, что авангардистский уход от установленных правил и институтов «уже автоматически хорош, так как он обеспечивает "неиспользование" злыми силами, которые "кооптировали" эти институты» [Рорти, 1994, с. 130]. Для Рорти этим Лиотар обесценивает способность к коммуникации, возвеличивает «возвышенное» и зря обвиняет Хабермаса в чрезмерной надежде на искусства и обладанием лишь эстетикой прекрасного. Причем и стремление к возвышенному, и желание коммуникации являются мотивами мышления «конца философии».

Резюмируя, хочется подчеркнуть – Р. Рорти называет определенные уклоны концепций Лиотара «левачеством»; в то же время, ряд исследователей

относят к левым и Ю. Хабермаса. Так, И.М. Семашко, на основе анализа работ о модерне и постмодерне А. Дугина, отмечает, что Лиотара, «анатомирующего мертвые тела "субъективности" и "рациональности", четко вписывается в границы "хаотического иррационализма" новых левых, "разоблачающего логоцентризм и освобождающего детей от эдипизирующих их родителей"»[Семашко, 2010]. В то время как Хабермаса, который пытается дать новую жизнь проекту модерна, относят к старым левым, для которых характерен так называемый «максимальный рационализм».

Библиографический список

Быкова М. Гегелевский феномен современности, или Насколько Гегель близок к модерну // Логос. 2001. № 5–6 (31). С. 95–111.

Дианова В. М. Постмодернистская ситуация в культуре XX века // Философия культуры: Становление и развитие. СПб., «Лань», 1998. С. 351–362.

Лиотар Ж.-Ф. Постмодерн в изложении для детей: Письма: 1982–1985. Перевод с французского, примечания и общая редакция А.В. Гараджи. М.: Рос.гос.гуманит. ун-т, 2008. 145 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной социологии: Алетейя, 1998. 159 с.

Рорти Р. Хабермас и Лиотар о постсовременности // Ступени. Философский журнал. СПб., 1994, № 2(9). С. 115–132.

Семашко И. М. «Модерн»/«Постмодерн»: история контroversы в работах Юргена Хабермаса и Жана-Франсуа Лиотара // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. Вып. 8. В 2 частях. 2010. № 1 (11). Ч. 1. С. 56–64.

Семашко И. М. Модерн и постмодерн как проекты европейской философии: в работах Юргена Хабермаса и Жака Деррида: Дис. на соискание ученой степени кандидата философских наук. Саратов, 2011. 170 с.

Семашко И. М. Проект модерна и современность (о критике философии Гегеля в работах Ю. Хабермаса) // Философские науки и Культурология. Исторические науки. Вып.3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2010. С. 14–20.

Хабермас Ю. Модерн – незавершённый проект // Политические работы. М., 2000. С. 7–32.

Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. Двенадцать лекций. – М.: Весь Мир, 2008. 416 с.

Habermas J. Theorie und Praxis. Sozialphilosophische Studien. Neuwied –Berlin, 1963. 376 p.

Lyotard J.-F. *The Differend: Phrases in Dispute*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1998. 232 p.

Rorty R. *Mind-Body Identity, Privacy and Categories*. In.: *Review of Metaphysics*. 1965. V. 19. P. 24–54.

MODERN VS POSTMODERN: THE ESSENCE OF THE POLEMY OF J. HABERMAS AND J.-F. LIOTAR

Krutikova Darya D.
Saint Petersburg University, Mendeleev line 5
Russia, Saint Petersburg
dkrutikova810@gmail.com

Abstract

Where does modernity end and postmodernity begin? Experts in this field do not have a unanimous opinion about it. After becoming acquainted with works of prominent theorists of both concepts, we can conclude how much the concepts of modern and post-modern differ in the meanings attached to them. While writing the work, the absence of a unified point of view on this problem was confirmed with a sufficiently large amount of research material. When considering the theoretical concepts of both Habermas and Lyotard, we found that both philosophers themselves give interpretations of both modern and postmodern by their own criticism. In some theories, the second turns out to be a continuation of the first. There is a consensus on whether the project of modern has ended, whether postmodern has come and, if it has come, what it is like, as we see in the controversy of J.-F. Lyotard and J. Habermas, does not exist. Just as there is no consensus among researchers of the aforementioned theories and this controversy, in particular, R. Rorty.

Key words

Postmodern; modern; postmodern culture; pluralism; metanarrative

ОТРАЖЕНИЕ СПЕЦИФИКИ ИСЛАНДСКОЙ МОДЕРНОСТИ В СЕРИАЛЕ «МИНИСТР» 2020 ГОДА

Рычина Ксения Александровна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
ksaenetesis@gmail.com

Аннотация

Массовая культура часто становится отражением особенностей той среды, в которой она была произведена. Исландский сериал «Министр» 2020 года отражает актуальные проблемы исландского общества: в политике, экономике, в культурной сфере с точки зрения самих исландцев. В статье проведён анализ, каким образом в сериале показаны проблемы каждой из данных сфер жизни общества. Данный вопрос рассматривается с точки зрения концепции множественных модерностей. В сериале репрезентируется экологическая проблематика через образ птичьего заповедника, рассматривается проблема туризма и «устаревшей» демократии на примере парламентских выборов. Также затрагивается актуальная проблема мигрантов из Восточной Европы и критикуется закрытость Исландии от не-западного мира, которая имело место быть до кризиса 2008 года.

Ключевые слова

Исландия; исландская культура; модерність; множественные модерности; сериал «Министр»; репрезентация общества

Медиа-продукция, например, кинофильмы, телесериалы, всегда оказываются зеркалом реальности. В продукции массового производства репрезентируется современное общество, культура, политические кризисы или актуальные для мира проблемы. Так, исландский сериал «Министр» иллюстрирует специфику исландского региона, показывает особенности исландского общества и его отношения к проблемам глобального мира и современности.

Данная работа посвящена анализу исландского телесериала «Министр» (2020 год) как поля дискурса о специфике модерности Исландии. Актуальность работы связана с тем, что в настоящее время для многих стран, в том числе и для Исландии, становится важной проблематика идентичности.

Оценкой места Исландии в современном мире занимаются как исландские исследователи, так и зарубежные. Например, туристический дискурс является актуальным для страны и разбирается исландскими специалистами, например, Анной Дорой Сэйдорсдоттир, Майклом Холлом и Маргрет Вендт в статье «От кипячения до замерзания? Взлет и падение Международного туризма в Исландию в эпоху сверхтуризма» [*Sæþórsdóttir, Hall, Wendt, 2020*]. Авторы в данной

статье поднимают вопрос о том, как изображена туристическая сфера Исландии в масс-медиа и является ли проблема сверхтуризма реальной. Исландию рассматривают как объект изучения в рамках вопроса о медиасфере и проводят сравнение между Исландией и другими странами северной Европы. Этому посвящено исследование Вальгердур Йоханнсдоттир, Рагнара Карлссона и Рогви Олавсона, авторов статьи «Особенности медиа-систем в странах Западной Северной Европы» [Jóhannsdóttir и др., 2021. p. 102–123]. Рассматривается также и политическое развитие Исландии в сравнении с другими странами северного региона. Так, Шефн Вильгельмсдоттир и Гуннар Хельги Кристинссон в своей работе делают акцент на том, как изменяется доверие населения к исландским политикам до кризиса 2008 года и после [Vilhjálmsdóttir, Kristinsson, 2018. p. 211–233]. Сравнение в политической сфере происходит не только со странами северной Европы или западным миром. Но и со странами Восточной Европы. Так, Инга Минельгаите и Роми Фредерик Литтрелл в статье «Предпочтительное поведение лидера страны» сравнивают образы исландских и литовских политиков, анализируют то, как экономика этих стран влияет на образы их лидеров [Minelgaite, Littrell, 2016]. Целью их исследования являлось сравнение образов политиков в культурно-однородных и культурно-неоднородных странах.

Говоря о взаимоотношении Исландии со странами северной Европы, стоит упомянуть исследования, касающиеся рассмотрения Исландии как части северного проекта. Например, статья Йохана Хёглунда и Линды Андерсон посвящена нордическому колониализму в рамках стран Скандинавии и, в частности, Исландии [Höglund, Andersson, 2019]. Поскольку теория множественных модерностей связана с упомянутым колониальным дискурсом, то также стоит отметить работы Кристин Лофтсдоттир, посвящённых изучению Исландии в рамках постколониализма и построения национальной идентичности [Loftsdóttir, 2018].

В качестве методологии данного исследования была выбрана теория множественных модерностей и её развитие в виде переплетённых модерностей, предложенная Майклом Дэвидом-Фоксом [Фокс, 2016]. В основе идеи переплетённых модерностей лежит теория плюрализма модерностей Шмуэля Эйзенштадта, дополненная теорией о том, что разные модерности могут взаимно влиять на процесс обретения современности друг друга [Multiple modernities, 2002].

Стоит также упомянуть подход Йохана Арнасона, находившегося в диалоге с Эйзенштадтом. Йохан Арнасон сосредотачивается на теории альтернативных модерностей как локальных цивилизаций и отказывается от бинарного представления модерновых обществ, а также отмечает различие между понятиями «модерность» и «вестернизация» [Арнасон, 2021]. Использовался подход Тимоти

Митчела к понятию «модерность», особенно в отношениях преемственности модерности между колонией и метрополией [Митчел, 2014]. Также в рамках данного исследования было выбрано направление Environmental History, поскольку экологический дискурс является одним из наиболее актуальных для Исландии, особенно в рамках туризма и проблематики эксплуатации природы [Радкау, 2014].

Основным источником исследования является телесериал «Министр» (исл. «Ráðherra»), выпущенный в 2020 году компанией Saga Film. Режиссёрами сериала выступили Арнор Палми Арнарсон и Нанна Кристин Магнусдоуттир. Главную роль исполнил исландский актёр американского происхождения – Оулавюр Дарри Оулафссон.

Из публицистических источников стоит отметить исландский интернет-журнал «Reykjavík Grapevine», в котором, обсуждаются и выкладываются рецензии на исландские фильмы, а также интервью с актёрами и режиссёрами. Также были использованы интервью режиссёров и актёров, в частности, интервью создателей сериала «Министр», опубликованное на сайте «Nordiskfilm&TV fond». Сайт представляет фонд спонсирования для производства фильмов в пяти странах севера. На сайте также выложены новости о кинопроизводстве в северных странах и интервью с режиссёрами и актёрами.

Синопсис сериала таков: в Исландии идет борьба партий за формирование нового правительства. Глава партии Независимости Бенедикт Рикардссон заявляет, что явка на выборах должна быть 90 %, аргументируя это тем, что исландцы всегда была населением с сильной гражданской позицией. На выборах по отделению от Дании в 1944 году явка была 98 % населения. Его образ «своего политика», который общается с населением на понятном языке, обеспечивает его партии победу и поддержку инициатив его правительства, а Бенедикт становится премьер-министром. Однако сам главный герой при этом болен биполярным расстройством личности, которое ухудшается с каждой серией. Подобное представление героя, которого сами создатели сериала называют популистским политиком, и которой одновременно имеет психическое заболевание, также даёт повод для размышлений: все ли инициативы главного героя стоит воспринимать серьёзно и что из них следствие его болезни.

Сериал по сути прорабатывает в каждом эпизоде определённый кризис в исландском обществе. В каждом эпизоде данный кризис облачён в некий сюжетный кейс, который является основной темой серии.

Первый эпизод в целом посвящён тому, как происходит предвыборная компания. Сериал начинается со сцены, где главы партий собираются на телевизионные дебаты, чтобы представить программу своих партий и выдвинуть обещания избирателям. Сначала всё идёт хорошо: один политик говорит вслед за другим, однако главный герой Бенедикт внезапно прерывает своего оппонента. Бенедикт говорит, что политика в том виде, в котором она существует сейчас – устарела. Деление партий на «правые» и «левые» – тоже. Герой предлагает двигаться дальше, отказаться от «демократии за закрытыми дверями» и от туманных политических обещаний, которые обычные граждане не понимают. Поэтому для своей партии он выдвигает смелый рекламный лозунг, чтобы добиться явки населения в 90 %: «Не будь идиотом – приходи на выборы». Свой лозунг он объясняет обращением к прошлому – в Древней Греции человек, имеющий избирательные права, но не использующий их, живущего в отрыве от общественной жизни, назывался «идиотом». Бенедикт применяет эту аналогию для исландцев. Постоянное обращение к прошлому – одна из характерных черт героя, которую объясняют создатели и актёр Бенедикта в одном из интервью:

Он принимает исландскую культуру и историю, много обращается к прошлому, чтобы сформировать свою политическую повестку дня.

Абсолютно. Он очень уважительно относится к прошлому, хорошо осведомлён, но довольно наивен. Когда мы обсуждали персонажа со сценаристами, я сказал: он должен быть академиком. Поэтому мы решили, что он должен быть преподавателем в университете. Благодаря своему академическому образованию Бенедикт привносит лучшее в политику.

Во втором эпизоде Бенедикт и его помощница решают довериться населению Исландии в вопросах формирования законодательства и запускают компанию в Twitter, где каждый может предложить свою инициативу в законопроекте. Те инициативы, который наберут больше всего репостов, будут внесены в законопроект. Самой поддерживаемой оказывается инициатива голливудского актёра Бена Стиллера о запрете китобойного промысла. Правительство Исландии было против, главным аргументом служило то, что китобойный промысел – часть исландской культуры и истории. «Какой-то голливудский актёр говорит нам, что нам делать в собственной стране». Эпизод также отражает исландскую действительность, поскольку по данным Вальгердур Йоханнсдоттир, Рагнара Карлссона и Рогви Олавсона исландцы – самые активные пользователи социальных сетей из всех жителей Северной Европы [Jóhannsdóttir и др., 2021. p. 102–123]. Они достаточно активно комментируют всё, что происходит в их стране.

Подобный образ исландца, вовлечённого в общественную жизнь острова, используется в данном эпизоде сериала, когда во время монтажа показываются рядовые исландцы, активно обсуждающие какое предложение выдвинуть для законопроекта.

Также стоит отметить, что в 2013 году во время парламентских выборов в Исландии, баллотирующиеся кандидаты использовали средства массовой информации, в частности, коммуникацию в Facebook. Использование социальных сетей на данных выборах также персонификации политики и сделало кандидатов более приближенными к избирателям, что также отражается в сериале [Guðmundsson, 2016. p. 47–66].

В третьем эпизоде поднимается вопрос туризма и влияния его на Исландию. Когда появляется инициатива снести старую церковь и на её месте построить отель для туристов для привлечения их в регион, высказывается мысль, что «мы не хотим видеть туристов, живущих на месте нашего культурного памятника». Одновременно с этим правительство Исландии высказывает недовольство насчёт отделения государства от церкви. Интересно, что одна из героинь сериала, министр по внутренним делам, заявляет, что соглашение отделение государства от церкви – самое запутанное соглашение в исландской истории. Также в данном эпизоде появляется сюжетная линия королевского рояля и сохранения культуры страны. Бенедикт очень озабочен покупкой королевского рояля, ссылаясь на его уникальную историю и древность, в то же самое время, как его коллеги по партии видят в инструменте рухлядь и не понимают привязанность героя к роялю.

Четвёртый эпизод останавливается на проблеме, что имидж Исландии, как страны, спасающей своё природное достояние и лозунги политических партий на выборах о сохранении природы – может быть мифом. Выбирая между застройкой птичьего заповедника и его сохранением, политический оппонент Бенедикта выбирает застройку. При этом он является членом партии Независимости, которая в своей предвыборной программе поставила сохранение экологии на первое место, а лишь на второе женские права и образование. Для главного героя история с птичьим заповедником имеет две стороны: личная, поскольку им занималась его умершая мать, и общественная, когда он призывает исландцев забыть о том, чтобы нажиться на туристах, продавая им пластиковых тупиков, а вспомнить о настоящих птицах.

Пятый эпизод затрагивает работу Бюро по делам иностранцев и проблему мигрантов, в данном случае, из Восточной Европы. Главный герой говорит, что «Мы отгораживаемся от всех, кто не является частью западного мира» и даже

называет это расизмом. На вопрос коллеги о том, говорит ли иммигрантка-врач на исландском, Бенедикт отвечает: «Язык тела не на исландском».

В шестой и седьмой серии затрагивается вопрос об историческом прошлом страны, о возвращении на родину исландкой рукописи «Мелодии». Также реакция Бенедикта, который неоднократно обращается к истории своей страны, на представителя ЕС, которая оказывается датчанкой, иллюстрирует существующий до сих пор в исландском обществе травматическую дискуссию касательно прошлого главенства Дании.

Восьмой эпизод посвящён полностью обострившемуся психическому заболеванию главного героя и его столкновению с природой Исландии. Данная серия больше всего сосредоточена на личной драме героев, а не на обществе Исландии и её проблемах.

Исландия в сериале позиционируется как страна западного мира, которая даже противопоставляется странам, например, Восточной Европы через образ «Других» в сцене обсуждения украинской иммигрантки. Данное противопоставление было характерно для Исландии до 2008 года. Когда страна, ища свою идентичность, также предоставляла себя «Другим» – в данном случае это были такие страны Восточной Европы как Польша и Литва [Лофстдоттир, 2020].

В сериальной Исландии присутствуют ярлыки модерности: урбанизация, рыночная экономика, парламент (альтинг) и демократия. Экологическая дискуссия и вопрос о сохранении природы становится ключевым для пиар-компании партий. Исландия показана даже в большей степени современной, чем любая другая страна: она опережает время в своём стремлении к буквальной демократии, когда люди начали предлагать законы с помощью Twitter. Однако в то же самое время главные герои постоянно обращаются к историческому прошлому Исландии, к её специфическим культурным и экономическим чертам (например, китобойный промысел, традиционное овцеводство). Сериал словно показывает: «Мы сделаем модерн по-своему, по-исландски». Действия политической компании Бенедикта можно сравнить с тем, как действовали исландские экономисты и финансисты до 2008 года, которых называли «экономическими викингами», согласно статье Влада Ваймона и Мар Вольфганга Микса «Викинги-индивидуалисты: культура, экономика и Исландия» [Mixa, Vaiman, 2015. p. 355–374]. С огромными рисками, но и с большими прибылями. Бенедикт и его партия представлены своего рода продолжатели этой идеи, уже как «политические викинги».

Интересно также и то, что в сериале Исландия противопоставляется Северной Европе и Дании в частности, в шестом и седьмом эпизодах, когда Бенедикт

заявляет после ЕС, что они – независимы. Также интересен тот факт, что в сериале церковь и государство до сих пор не разделены, а предложение о секуляризации церкви вызывает возмущение у исландского правительства, при том, что отделение от церкви и светский характер государства также является ярлыком модерности. При этом, несмотря на урбанизацию, в последних эпизодах сериал акцентирует внимание на традиционном хозяйстве, подчёркивая связь «простого исландца» не с современным обществом, а с традиционным. Присутствует постоянное обращение к историческому прошлому своей страны для подчёркивания уникальности нынешнего политического курса и для новаторства в исландской политической системе, которая слишком закостенела и напоминает стандартные западные демократии.

Интересен персонаж Бенедикта. Он предоставляет «человечные» инициативы, предпочитает говорить с народом на понятном языке, сетуя, что вся якобы демократичная политика на деле происходит в тайне от народа. Он критикует деление политических партий на «правых» и «левых». Он легко общается с публикой. Он выступает за сохранение исторического прошлого своей страны: выкупает королевский рояль, требует отдать рукописи «Мелодии», единственного сохранившегося музыкального памятника исландцев, который остался в Дании, потому что всех в первую очередь интересовали саги. Он артистичен, поёт, поскольку сам же и утверждает, что исландцы музыкальная нация – характеристика, который подтверждается и самими исландцами. Бенедикт кажется идеальным лидером для народа, неким концентрированным образом современного, прогрессивного исландца; политика, который является частью народа и его поддерживает большинство.

Однако у него биполярное расстройство личности. И очень многие его инициативы, который кажутся на первый взгляд отражением того, что хотят исландцы, вызваны эмоциональной нестабильностью, которую переживает герой из-за своего состояния. Идеальный исландский политик оказывается психически болен. Болезнь, по словам авторов, придаёт персонажу Бенедикта шекспировскую трагедию, однако не является ли это своеобразной критикой подобных взглядов? Когда в одном человеке, политическом лидере, соединяются крайне демократичные инициативы вместе с постоянным обращением к прошлому. Бенедикт напоминает Исландию до 2008 года, когда Исландия была одной из передовых экономических стран, уровень индивидуализма её населения зашкаливал и был сравним не со странами Северной Европы, а с США [Mixa, Vaiman, 2015. р. 355–374]. Но в риторике исландских политиков до 2008 года также активно применялись идеи обращения к историческому прошлому, к традиционности, к

образам викингов и близких к природе людей [*Icelandand Images of the North*, 2011. p. 553–582].

Авторы сериала не отвечают на вопрос: являются ли благие инициативы, исходящие от психически-нездорового человека на самом деле благими. Является ли его защита исландского культурного наследия, исландской природы и помощь мигрантам действительно его собственным желанием, а не результатом болезни? Критика современной исландской системы исходит от психически нездорового человека, и стоит задать вопрос: можем ли мы, как зрители, читать критику современного исландского общества от авторов, выжранную во взглядах человека с биполярным расстройством личности? Или же подобное стоит читать как: «подобную критику может высказать только нездоровый член общества».

Образы остальных исландских политиков приближены к своим европейским и американским коллегам. Представители других партий в первом эпизоде показаны как те, кто говорит заранее выученный размытый текст и не может ответить на провокационные вопросы Бенедикта, заданные «простым языком». С одной стороны, представлен образ типичного политика с туманными обещаниями заботы и благосостояния народа, однако всё это повторение уже давно озвученного – а с другой, политик с новыми взглядами, с понятной программой, но психически не здоровый.

Стоит также отметить, что исландское общество в сериале безоговорочно доверяет политической компании Бенедикта. При том, что ощущение безопасности и доверия к политикам и бизнесменам у исландцев резко сократились после финансового кризиса 2008 года. Во многом этому способствует харизма главного героя и его отказ от политики «за закрытыми дверями». Также этому способствуют его действия: он популист, по словам создателей сериала. И активно принимает решения, которые будут приняты положительно большинством населения. Однако Бенедикт делает это не потому что ему необходима поддержка общества, а потому что он сам искренне в это верит – как показывает дальнейший сюжет, отчасти из-за своего психического расстройства. Двойственность образа Бенедикта, как и двойственность его политики была изначально заложено в сценарии, по словам создателей сериала:

Однако идеи Бенедикта легко могут понравиться популистским движениям, которые сегодня бросают вызов традиционной политике.

Да. Кажется, мы устали от традиционных политических партий, и это создало вакуум, которым смогли воспользоваться крайне популистские и опасные движения. Мне нравится тот факт, что Бенедикт находится на грани

этого. Некоторые из его идей ценны и имеют смысл, другие причудливы и бесполезны. Я хочу, чтобы люди соглашались и не соглашались с ним.

Подводя итоги, можно отметить, что Исландия в сериале показана открытой не только западному миру, но и восточному – в отличие от своего состояния до кризиса 2008 года. В сериале присутствует критика устоявшегося облика демократии «за закрытыми дверями», а политик говорит с людьми «на равных». Главный герой использует историю страны, чтобы показать уникальность курса, которому Исландия следует в настоящее время. Экологический дискурс выражен в озабоченности политиков экологией и проблемами туризма. Колониальное прошлое страны прорабатывается в вопросах возвращения культурных ценностей на родину и охране своего исторического наследия.

Библиографический список

Арнасон Й. Цивилизационные паттерны и исторические процессы. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 304 с.

Лофтсдоттир К. Двойственность колониального опыта и руины колониализма [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. М., 2020. №166. URL:https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/166_nlo_6_2020/article/22942/ (дата обращения: 21.05.2022).

Митчел Т. Сцена «современности» [Электронный ресурс] // Неприкосновенный запас. М., 2014. № 98. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/98_nz_6_2014/article/11181/ (дата обращения: 15.05.2022).

Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М.: Litres, 2014. 472 с.

Фокс М. Д. Модерность как воображаемое, модерность как инструмент: есть ли движение вперед? [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. М., 2016. №140. URL:https://www.nlobooks.ru/magazines/novoe_literaturnoe_obozrenie/140_nlo_4_2016/article/12059/ (дата обращения: 20.05.2022).

Guðmundsson B. New Media – Opportunity for New and Small Parties? Political Communication before the Parliamentary Elections in Iceland in 2013 // Icelandic Review of Politics and Administration. Reykjavík: Stofnun stjórnsýslufræðagstjórnmála, 2016. Vol. 12. No. 1 P. 47–66.

Höglund J., Burnett L. A. Introduction: Nordic Colonialisms and Scandinavian Studies // Scandinavian Studies. Champaign: University of Illinois Press, 2019. Vol. 91. No. 1-2. P. 1–12.

Iceland and Images of the North / edit.by Sumarliði R. Í., Chartier D. Québec: Presses de l'Université du Québec, 2011. 611 p.

Loftsdóttir K. Crisis and Coloniality at Europe's Margins: Creating Exotic Iceland (Routledge Research in Race and Ethnicity). London: Routledge, 2018. 220 p.

Mixa M. W. Vaiman V. Individualistic vikings: culture, economics and Iceland // Icelandic Review of Politics and Administration. Reykjavík: Stofnun stjórnsýslufræðagstjórnarmála, 2015. Vol. 11 (2). P. 355–374.

Multiple modernities / edited by Eisenstadt S. N. London: Routledge Taylor & Francis Group, 2002. 282 p.

Pham A. The Minister questions the sanity of some people in power // Nordisk film & TV fond [Электронный ресурс]. URL: <https://nordisk-filmogtvfond.com/news/interview/the-minister-questions-the-sanity-of-some-people-in-power> (дата обращения: 27. 05. 2022).

Rangeley-Wilson I., Distill J. Demurtas A. The Minister Reviewed: The Grapevine Interns Take On Icelandic Politics // Reykjavík Grapevine [Электронный ресурс] URL: <https://grapevine.is/icelandic-culture/movies-theatre/2020/10/29/the-minister-reviewed-the-grapevine-interns-take-on-icelandic-politics/> (дата обращения: 27. 05. 2022).

Ravn-Højgaard S., Jóhannsdóttir V., Karlsson R., Olavson R., Skorini H. Particularities of media systems in the West Nordic countries // Nordicom Review. Göteborg: University of Gothenburg, 2021. Vol. 42 (2). P. 102–123.

Sæþórsdóttir A. D., Hall C. M. and Wendt M. Overtourism in Iceland: Fantasy or Reality? [Электронный ресурс] // Sustainability. Vol. 12 (18). 2020. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/12/18/7375> (дата обращения: 13. 05. 2022).

Inga Minelgaite I., Littrell R. F. Country's preferred leader behaviour profile: Does cultural homogeneity matter? // Management: Journal of Contemporary Management Issues. Split: Sveučilište u Splitu, 2018. Vol 23 (1). P. 1-27.

Vilhelmsdóttir S., Kristinsson G. H. Political trust in Iceland: Performance or politics? // Icelandic Review of Politics and Administration. Reykjavík: Stofnun stjórnsýslufræðagstjórnarmála, 2018. Vol. 14. No 1. P. 211-234.

REFLECTION OF THE SPECIFICS OF ICELANDIC MODERNITY IN THE TV SERIES "MINISTER" IN 2020

Ryshina Ksenia A.
Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
ksaenetesis@gmail.com

Abstract

Mass culture often becomes a reflection of the characteristics of the environment in which it was produced. The Icelandic TV series "The Minister" in 2020 reflects the current problems of Icelandic society: politics, economy and culture. This is shown from the in terms of the Icelandic society. The article analyzes how the problems of each of these spheres of society are shown in the series. This article uses the theory of «multiple modernities». The series presents environmental issues through the image of a bird sanctuary, examines the problem of tourism and "outdated" democracy on the example of parliamentary elections. Besides, the actual problem of migrants from Eastern Europe is shown. The series shows criticism of Iceland's closeness from the non-Western world which was before the 2008 crisis.

Keywords

Iceland; Icelandic culture; modernity; multiple modernities; TV series "The Minister"; representation of society

ПРОБЛЕМА ГЕНДЕРНОГО НЕРАВЕНСТВА В РАБОТЕ СИМОНЫ ДЕ БОВУАР «ВТОРОЙ ПОЛ»

Стельмахов Денис Александрович
Южный федеральный университет
344006, Россия, г. Ростов-на-Дону,
ул. Большая Садовая, 105/42
denis.stelmakhov@mail.ru

Аннотация

В рамках данной работы рассматривается проблема гендерного неравенства и причины его формирования. Теоретической рамкой служит работа представительницы экзистенциальной философии Симоны де Бовуар «Второй пол», в которой был выдвинут тезис о социально обусловленном характере становлении женщины, отсылающий нас к искусственному формированию неравенства в понятиях «женщина» и «женственность». Цель данной работы – анализ и оценка выдвигаемых в работе «Второй пол» положений относительно генезиса гендерного неравенства и обоснование их связи с исторически сформировавшейся социальной системой – патриархатом.

Ключевые слова

Гендерное неравенство; гендер; патриархат; социальные роли; женственность; Симона де Бовуар

Социальное неравенство между женщинами и мужчинами вызывает множество споров и дискуссий в научной среде. В первую очередь, оно связано с исторически сформировавшейся социальной системой – патриархатом, в которой власть принадлежала мужчинам и утверждалась через доминирование. Результатом тысячелетий патриархата стали мир и культура, власть над которыми имеют мужчины, а женщины находятся в худшем положении только лишь потому, что являются женщинами. Мы наблюдаем картину мира, в которой насилие и дискриминация стали нормой.

Патриархат – широко распространенный термин в западной социологии. Он включает в себя социальные структуры, образующие системы, в которых главная власть принадлежит мужчинам. Они занимают доминантное положение в системе по отношению к женщинам, занимаются эксплуатированием и угнетением последних, и, тем не менее, имеют социальные привилегии и моральный авторитет. Вся патриархальная идеология строится на культивировании различий между мужчинами и женщинами, объясняя последние как естественно возникшие. Однако патриархат не является результатом каких-то врожденных различий. Он есть социальный продукт.

Принято считать, что физиологические различия между женщинами и мужчинами обуславливают различия в их поведении и возможностях. Мужчины выполняют роль добытчика ресурсов, защитников и лидеров. Физические особенности строения тела позволяли мужчине осваивать новые земли. Женщины традиционно занимают второстепенное место в жизни общества. Они рожают потомство, заботятся о мужчине и детях, занимаются домашним хозяйством и т.д. Патриархат – причина такого разделения и, как следствие, неравных условий жизни.

До середины XX века «ученые придерживались преимущественно позиций биологического детерминизма в оценке природы отношений между полами и решении проблем гендерного неравенства» [Стрельник, 2005, с.148]. Гендер – это междисциплинарное понятие, которое было разработано с целью указать на имеющиеся различия между мужчинами и женщинами во всем их социальном и культурном многообразии, в то время как понятие «пол» (где подразумеваются биологические черты человека) уже не справлялось с этой задачей. Этот термин ввел Роберт Столлер – психоаналитик американского происхождения, в 1958 году. Его идеи о необходимости различения «биологической и культурной составляющих в изучении вопросов, связанных с полом, и дало толчок формированию особого направления в современном гуманитарном знании – гендерным исследованиям» [Пушкарева, 1998].

С возникновением термина *гендер* полностью меняется восприятие «мужского» и «женского» как чего-то естественного и присущего нам от природы. Гендер становится инструментом анализа для того, что именно мы и другие подразумеваем, когда говорим «мужчина» или «женщина» – не исходя из представления о том, что эти слова обозначают физиологию, а расшифровывая их социальное и культурное значение. Гендерные роли базируются на общественном представлении о маскулинном и феминном и оказывают колоссальное влияние на нашу социальную жизнь и привычные практики, будь то выбор одежды, профессии, хобби или же наши личные отношения. Гендерные стереотипы никуда не исчезают и продолжают бытийствовать за счет того, что передаются из поколения в поколение на протяжении всей нашей истории и насаждаются нам с малых лет. Они прочно занимают свое место в нашем видении окружающей реальности и влияют на наш образ мышления и поступки.

Проблема гендерного неравенства вошла в корпус философских проблем в первой половине XX века с возникновением феминистской философии и связана с такими именами как С. Бовуар, Дж. Батлер, Э.Бадинтер, С.Кофман, Л.Иригарей и т.д. В контексте данного исследования особенно важным нам кажется

обращение к текстам Симоны де Бовуар. Она по праву считается основоположницей феминистской теории, и даже спустя шестьдесят лет ее работы не теряют своей актуальности.

В своей книге «Второй пол» она отмечает, что причастность к полу со строго прописанной моделью поведения в социуме отнимает у женщины возможность реализовать себя как человека. Обращение к проблеме доминирования маскулинного в иерархии власти, указывает нам на причину угнетения неравенства в системе, где женщина является, как пишет Симона де Бовуар, «Другой».

Поведению женщины приписывается биологическая детерминированность, якобы все ее качества обусловлены генетикой и гормонами, однако это не так, «общество, общественное устройство принуждает женщину вырабатывать в себе определенные качества и диктует ей формы поведения, которые предопределены ее «ситуацией» [Бовуар де, 2020, с. 674]. Родается единое эталонное представление о понятиях «женщина» и «женственность», которое настолько оторвано от реальности, что больше похоже на миф. Общественность принуждает женщин соответствовать ему, игнорируя тот факт, что это невозможно.

Несмотря на факт существования множества разнообразных женщин с присущими только им индивидуальными психологическими и физиологическими качествами, общество противопоставляет этому некую мифологему в виде Вечной Женственности, «и если данному ей определению в чем-то противоречит поведение женщины из плоти и крови, виноваты в этом последние; вместо того чтобы признать Женственность отвлеченной категорией, женщин объявляют неженственными. Аргументы опыта бессильны против мифа» [Бовуар де, 2020, с. 294].

Неравенство мужчин и женщин возникает и оформляется уже в начале процесса социализации детей через знаковые коды, культурные символы, взаимодействие с родственниками и другими людьми, а также своими сверстниками. Неравенство полов можно объяснить через существующую общественную установку, согласно которой всё мужское оказывается связанным с общечеловеческим и нормальным, эталонным, в то время как всё женское закрепляется позицией «Другого». Стереотипное призвание мужчины – быть создателем, хозяином, а женщине запрещено лишь стать объектом его власти. Созданные понятия «женщина» и «женственность» и то, что они транслируют в общество имеют своей целью культивирование и сохранение неравного положения между мужчиной и женщиной, поэтому любые попытки женщины занять место активного субъекта в социуме могут стать импульсом к преодолению гендерного неравенства. Именно по-

этому понятие «женщина» оказалось встроенным (и продолжает занимать эту позицию) в доминантные отношения власти и подчинения, и это объясняет, почему женщине приписываются свойства пассивного объекта.

«Человечество создано мужским полом, и это позволяет мужчине определять женщину не как таковую, а по отношению к самому себе; она не рассматривается как автономное существо (...) Она – лишь то, что назначит ей мужчина. Таким образом, ее называют «полом», подразумевая под этим, что мужчине она представляется, прежде всего, существом определенного пола: для него она является полом, а значит, является им абсолютно. Она самоопределяется и выделяется относительно мужчины, но не мужчина относительно нее; она – несущественное рядом с существенным. Он – Субъект, он – Абсолют, она – Другой» [Бовуар де, 2020, с. 28]. Факт того, что вся наша социальная жизнь произрастает из доминантного отношения к женщине как к «Другому» становится очевидным. Всё это находится на таком глубинном уровне, что в процессе социализации данная культурная норма воспринимается даже женщинами как естественная и очень быстро перенимается.

Симона де Бовуар отмечает, что женское тело дискредитируется всем тем, что отличает его от мужского тела, оно отклоняется от общепризнанной мужской нормы, оно «иное», «другое». Ему не дозволено существовать автономно, в разрезе от мужского. Отличное от нормы женское тело становится причиной второстепенного положения женщины в обществе и поощряется властный контроль над ним и практики манипулятивного подчинения. Если брать во внимание тему сексуальности, то женщина оказывается ограничена немногочисленным количеством предоставляемых ей ролей (либо матери, либо в качестве сексуального объекта). Она не имеет права действовать, основываясь на своих желаниях.

Выдвигаемые Симоной де Бовуар положения, характеризующие гендерное неравенство, остаются актуальными и в настоящее время. В своей работе она демонстрирует, каким образом патриархальный социальный уклад стал причиной формирования гендерных ролей и передачи новым поколениям гендерных стереотипов, во многом усложняющих жизнь всем людям. Человечество сравнительно недавно предприняло попытки переосмыслить поведение обоих биологических полов и обнаружило, что во многом оно обусловлено не естественными задатками, сформировавшимися в ходе эволюции, у него есть социальные установки, а значит их можно менять. К сожалению, общественные нормы не меняются с такой скоростью, с которой нам этого хотелось бы. Но это только шаг на пути к переосмыслению и изменению положения женщин в обществе.

Библиографический список

Бацанова С. В. Проблема другого в работе «Второй пол» С. Де Бовуар // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 9(83). С. 28–30.

Бовуар де С. Второй пол. СПб.: Азбука, 2020. 928 с.

Власова О. П. Экзистенциализм и интерпретация гендерного равенства во «Втором поле» С. Де Бовуар // Антропологічні виміри філософських досліджень. 2012. № 1. С. 52–56.

Пушкарева Н. Л. Гендерный подход в исторических исследованиях // Вопросы истории. 1998. № 6. С. 76–86.

Стрельник Е. А. Гендерное неравенство: теоретико-методологические подходы к интерпретации // Социология: теория, методы, маркетинг. 2005. № 4. С. 147–154.

THE PROBLEM OF GENDER INEQUALITY IN THE WORKS OF SIMONE DE BEAUVOIR «THE SECOND SEX»

Stelmakhov Denis A.
South Federal University
344006, Russia, Rostov-on-Don,
Bolshaya Sadovaya str., 105/42
denis.stelmakhov@mail.ru

Abstract

This paper explores the problem of gender inequality and the reasons for its formation. The theoretical framework is the work of the representative of the existential philosophy Simone de Beauvoir «The Second Sex», in which the thesis was put forward about the socially determined nature of the formation of a woman, referring us to the artificial formation of inequality in the concepts of «woman» and «femininity». The purpose of this work is to analyze and evaluate the provisions put forward in the work «The Second Sex» regarding the genesis of gender inequality and substantiate their connection with the historically formed social system – patriarchy.

Keywords

Gender inequality; gender; patriarchy; social roles, femininity; Simone de Beauvoir

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОГО БЫТИЯ В РОМАНЕ А. ИВАНОВА «ПИЩЕБЛОК»

*Свечникова Екатерина Сергеевна,
Суханова Валерия Олеговна,*
Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П.Королева,
443011, Россия, г. Самара,
ул. Потапова 64/163,
svechnikovakaterina@yandex.ru,
vlrshnva@mail.ru

Аннотация

В статье исследуется специфический культурный код как совокупность социально-культурных и философско-антропологических предпосылок и факторов. С помощью анализа особенностей поэтики романа А. Иванова «Пищеблок»: пространственных образов; основных мотивов, задаваемых эпиграфами; повествовательных стратегий, авторы работы преследуют цель обнаружить отношение А. Иванова к культуре прошлого. Артефакты советского времени в романе оказываются знаками мертвой культуры, которая только на первый взгляд кажется живой.

Ключевые слова

Репрезентация; советское бытие; советская культура; культурные коды; А.Иванов; «Пищеблок».

В современной массовой культуре репрезентация советской эпохи становится все более популярным явлением. «Советское прошлое» выступает в игровом дискурсе, вызывающем эмоциональный отклик у реципиента.

«Пищеблок» – это не просто роман о подростковых приключениях, также это история о столкновении разных кодексов, ценностных систем и идеалов, о метаниях неприкаянных душ, которые не смогли найти себя ни в одном коллективе.

Цель исследования – обнаружить отношение А. Иванова к культуре прошлого, репрезентация которого осуществляется с помощью авторских повествовательных стратегий, основных мотивов и пространственных образов романа.

Автор с самого начала своего повествования погружает читателя в «прошлое» и не дает ему выхода в «настоящее». Достижение такого перехода во времени связано с основными повествовательными позициями двух персонажей – вожакого Игорь Саныча и пионера Валерки. Можно сказать, что А.Иванов репрезентирует советское бытие через героев-современников иллюстрируемой

эпохи – они полностью принадлежат этому прошлому и не имеют возможности покинуть его.

Позиция Игоря и Валерки по отношению к той среде, в которой они живут – особенная. Они изначально видят странность остальных (читатель тоже это замечает), но понимают причину своей обособленности не сразу.

Действие разворачивается в пионерском лагере «Буревестник», в Самарской области, летом 1980 года, когда в Москве проходила олимпиада. В атмосферу «советского времени» Иванов погружает читателя посредством большого количества описаний, который является основным местом действия:

«Лагерь удивил Игоря. Точнее, не лагерь, а дореволюционный дачный поселок – живописная свободная россыпь маленьких деревянных дворцов...» [Иванов, 2018];

«Одноэтажное и безликое здание пищеблока, сложенное из силикатного кирпича, выглядело как прачечная; впрочем, в прачечных окна заделывали толстыми плитками бутылочно-зеленого стекла, а пищеблок имел обычные окна с деревянными рамами» [Иванов, 2018];

«Через просторный зал тянулись ряды столов. В простенках меж окон висели поучающие плакаты: розовощекий пионер в пилотке чистил ножом картошку; пионерка с косичками, улыбаясь, мыла мочалкой блюдо; мальчик и девочка с красными галстуками, расставив руки, вдвоем тащили тяжелое ведро. Так полагалось поступать сознательным детям» [Иванов, 2018].

Описания местности как бы поддерживают основную мысль романа: советская культура – свод правил, которому обязаны следовать все обитатели лагеря. Рассмотрим следующий диалог:

«"Битлов" на русский перевести сможешь?» – спросил Игорь у Саши.

– Знаешь, я всего такого не одобряю, – Саша кивнул на самодельный значок с фоткой Пола Маккартни. – У нас же советский лагерь.

– Понял, – сухо сказал Игорь.

Но Саша против воли покосился и на джинсы Игоря» [Иванов, 2018].

Последняя фраза показывает влияние советской идеологии на человека. Для Саши все, что «не наше» – плохо. Об этом свидетельствует и другой эпизод текста: воспитанники лагеря при просмотре олимпиады спорят, правда ли, что в подарочных джинсах от американских спортсменов защиты вши, а в заморской жвачке есть маленькие бритвы.

Галина Юзефович в своей статье «Музей позднесоветской эпохи, теперь с вампирами» пишет: *«Каждое специфичное словечко, каждая бережно засаха-*

ренная пионерлагерная подробность напрямую воздействуют на области читательского мозга, отвечающие за ностальгию. А вампирская интрига, механически вживленная внутрь, не просто помогает сдвинуть с места застопорившийся сюжет, но еще и прагматично расширяет аудиторию романа за счет людей помоложе, не заставших пионерских лагерей, зато повидавших немало фильмов категории “В”» [Юзефович, 2018].

А. Иванов использует для выражения своего отношения к советскому бытию образы, заимствованные из европейской культуры, близкие современному читателю, но не близкие советской эпохе – образы вампиров. Реалистичные описания обстановки лагеря, пищеблока в этих условия не дают роману стать фантастическим, хотя в нем и идет речь о мифических существах. В пионерлагере «Буревестник» вампиры по ночам пьют человеческую кровь. Укушенные вдруг становятся образцовыми советскими пионерами: начинают носить красный галстук, дружно играть в футбол и радостно сообща трудиться.

Пятиклассник Валерка Лагунов искренне мечтает об общем деле, настоящей дружбе и чувстве локтя, но не хочет, чтобы им управляли:

«Валерка нехотя поднялся и пошел, болтая чемоданом. Учителя всегда обращали на него внимание, потому что он был невысокий, худенький и в очках. Учителям казалось, что он нуждается в опеке, иначе его затрут или потеряют. Но Валерка Лагунов в опеке никогда не нуждался» [Иванов, 2018].

Второкурсник Игорь Корзухин столкновение с лицемерием старших уже пережил и идеалистом себя уже не считает, но и приспособленцем еще не стал. Повествование ведется за счет переключения позиций видения происходящего в лагере то Валерки, то Игоря, которое происходит в те моменты, когда один из героев в какой-то мере и степени смиряется с окружающей его обстановкой:

«– Мы вместе флаг поднимем, – оборачиваясь, объявил отрядам Иеронов. Отряды взволнованно загудели: повезло же очкарику!<...>Валерка возвращался в строй, ощущая, как весь лагерь завидует ему [Иванов, 2018].

– Зашибонско, Валерьяныч! – жарко зашептал ему сзади Титяпкин.

Валерка понял, что Титяпа уже расхотел устраивать махач с человеком, который внезапно овеялся такой славой. Себе дорожке будет» [Иванов, 2018].

«Глава 7 Темное время суток

Жизнь – вещь парадоксальная. Чтобы сохранить хотя бы относительную самостоятельность, человеку надо быть в роли ведомого, то есть того, кто, по идее, вовсе не имеет никакой самостоятельности. Беречь то, чего нет, – абсурд. Но Игорь привык к абсурду. Призывают же беречь идеалы коммунизма, и никто не спятил от удивления. В общем, отрядом командовала Ирина – а Игорь

для сохранения самостоятельности просто выполнял ее указания» [Иванов, 2018].

Автор будто держит читателя в постоянном напряжении, не давая ни единого шанса найти положительные стороны жизни пионерлагеря и шире – советского бытия.

Герои делают приблизительно одинаковые выводы о мире, в котором они живут, однако Валерка замечает что-то быстрее взрослого. Стремление заставить всех жить по правилам, которые не отвечают их потребностям, отталкивает обоих героев. Изначально позиции двух героев не совсем схожи, Игорь уже успел полностью разочароваться, обстановка вокруг у него вызывает отвращение:

«Игорю стало неудобно. Он неплохо помнил свои собственные школьные годы, не такие уж и далекие, и тайно надеялся, что взрослая жизнь отодвинет эту показуху и казенщину в сторону. А нетушки. Здесь, в пионерлагере «Буревестник», багряная рука взяла его за горло так же крепко, как и прежде» [Иванов, 2018].

Валерке же эта обстановка хоть и хорошо знакома, но отвращения пока не вызывает:

«Валерка с удивлением разглядывал причудливые резные терема – какие-то приветливые, не похожие друг на друга, словно бы ни к чему не принуждающие: делай что хочешь. Это было непривычно, будто вместо смотра строя и песни предложили поиграть в прятки» [Иванов, 2018].

Иногда сюжетные линии героев пересекаются, а, следовательно, параллельное повествование сливается в единое:

«– Разочаровался в коллективизме? – спросил он. – Вам нельзя так говорить! – огрызнулся Валерка. – Вы же учитель! – Учитель, но не дурак. Валерка не ответил, сердито глядя на игру. При чем тут коллективизм? Коллективизм – это прекрасно. Коллектив всегда прав. Коллектив всегда лучше, чем один человек. Умнее, честнее, храбрее. Но там, на стадионе, разве коллектив? Разве команда? Не команда, а стая макак, дерущихся за банан!» [Иванов, 2018].

За счет этого «слияния» мы приближаемся к основной мысли романа, который представляет нам культуру, построенную на отъятии у человека его сущности, превращении его в робота, раба, не обладающего собственными желаниями. Погружая читателя в прошлое, увиденное героями романа, автор дает возможность его оценить и прийти к выводу, что это не альтернатива настоящему, такое прошлое не способно вернуть «настоящему» какую-то суть.

Эпиграфы, заимствованные из песен советской эпохи, задают основные мотивы произведения.

«Пролог Песня горна

Песней горна начинается рассвет,

Это голос пионерских звонких лет.

М. Садовский, «Песня горна». 1972 г» [Иванов, 2018].

«Часть первая След вампира

Голова обвязана, кровь на рукаве,

След кровавый стелется по сырой траве.

М. Голодный, «Песня о Щорсе». 1935 г.» [Иванов, 2018].

Пролог – история о гипсовой горнистке у ворот лагеря, по ночам она ищет хулиганов, разбивших ее напарника-барабанщика, чтобы задушить их – эту страшилку рассказывают дети друг другу. Но прочитав эпиграф первой главы «След вампира» читатель понимает, что горнистка – не самое страшное в этом лагере. Во всех эпиграфах возникает основной мотив романа Иванова – мотив крови и жертвы. Он тесно связан и с образами вампиров. Главный вампир в «Пищеблоке» получил имя «стратилат», а вампиры, приносящие стратилату выпитую кровь, обозначены мужским родом от слова «пиявка» – пиявец, что подчеркивает некоторое отличие кровососущих советских пионеров от старорусских упырей и вурдалаков. Революция не изменила все, но отдельные удобства вампирам она принесла: пиявец может спокойно функционировать и при свете дня, если у него есть красный галстук, обеспечивающий ему защиту от солнца.

Однако в «Пищеблоке» больше пугает изменение героев, которые готовы подчиняться чужим правилам и быть идеальным членом лагерного общества. Отрастающие клыки, упыря не так сильно выдают его, как это делает неспособность проявить свободную фантазию в игре «Море волнуется раз»:

«Если бы требовалось подмести территорию, собрать металлолом или поучаствовать в спортивном соревновании, пиявцы наверняка были бы в числе первых, – а играть они не умели. Нет правил, чтобы показывать кита или хотя бы герань, выброшенную капитаном за борт» [Иванов, 2018].

Горны, барабаны, вампиры, покойники в детских страшилках – это своего рода «знаки мертвой культуры», которые подчеркивают тему «живых мертвецов».

«Пятиконечные звезды, клятвы и всякие буденновки давно превратились в надоевшую, бессмысленную и обязательную глупость – и для детей, и для взрослых, – но в поднятом флаге все равно сохранялось что-то честное, чистое, настоящее» [Иванов, 2018].

«Не страшно, что есть вампиры. Не страшно, что кусают. И вампир никакой не мертвец, который боится солнца. И тот, кого укусил вампир, не превращается тоже в вампира, а ходит себе, как прежде: палка, палка, огуречик, получился человек. Эх, все как всегда. Нету больше тачанок и буденовцев, хотя есть красные флаги и горны. Нету и вампиров, хотя есть странные люди, которые пьют кровь при луне. Пятиконечные красные звезды сейчас уже ни шиша не значат, и от ночных кровопийц нынче тоже никому ни тепло ни холодно» [Иванов, 2018].

Жизнь – практически игра, правилам которой надо следовать, и это превращает ее скорее в существование, нежели в полноценную жизнь: *«Дело было в том, что мир, такой привычный, понятный и родной, оказался ненастоящим. Не пионерлагерь, а пищеблок. Не мораль, а маскировка. Не символы государства, а магические обереги. Не история, а ложь. Настоящим являлось совсем иное!.. Его дружба с Валеркой. Его любовь к Веронике» [Иванов, 2018], – размышляет Игорь.*

«Валерку охватило жесточайшее разочарование. Разочарование в ребятах, готовых молча отступить от него, если уж так сложились обстоятельства. Разочарование в людях вообще, потому что люди зачем-то нагромодили в жизни правил и законов, по которым ты всегда виноват! Где правда, где дружба, где высокие цели и общее дело? На Олимпиаде в телевизоре?» [Иванов, 2018].

Таким образом, можно отметить, что репрезентация советской эпохи в романе А.Иванова «Пищеблок» представлена на разных уровнях: уровне пространственных образов («пищеблок», «загородная купеческая дача», «церковь», «домики пионерских отрядов»); уровне мотивов («жертва», «кровь», «ложь»); уровне авторских повествовательных стратегий. Все, связанное с советским временем в романе оказывается «живым» лишь на первый взгляд, на самом деле это – знаки мертвой культуры. Ее создатели подобны вампирам: им необходима подпитка в виде крови жертв, которые, в свою очередь, становятся беспрекословными исполнителями правил, лишаются воли и становятся «правильными». Для А. Иванова обращение к советской культуре, основанной на идеологических догмах, не взгляд в спасительное будущее, а предостережение.

Библиографический список

Иванов А. В. Пищевые блок. М., 2018. URL: <https://vk.com/away.php?utf=1&to=https%3A%2F%2Fwww.litres.ru%2Faleksey-ivanov%2Fpischeblok%2F> (дата обращения: 13.10.21).

Юзефович Г. Л. Музей позднесоветской эпохи, теперь с вампирами. Медуза, 2018. URL: <https://meduza.io/feature/2018/11/17/muzey-pozdnesovetskoy-epohi-terer-s-vampirami> (дата обращения: 15.10.21).

REPRESENTATION OF SOVIET EXISTENCE IN A. IVANOV'S NOVEL "FOOD UNIT"

*Svechnikova Ekaterina S.,
Sukhanova Valeria O.,
Samara National Research University
named after Academician S.P.Korolev,
443011, Russia, Samara,
Potapova str., 64/163,
svechnikovakaterina@yandex.ru,
vlrshnva@mail.ru*

Abstract

The article examines a specific cultural code as a set of socio-cultural and philosophical-anthropological prerequisites and factors. By analyzing the features of the poetics of A.Ivanov's novel "Food Unit": spatial images; the main motives set by epigraphs; narrative strategies, the authors of the work aim to discover A.Ivanov's attitude to the culture of the past. The artifacts of the Soviet era in the novel turn out to be signs of a dead culture, which only at first glance seems alive.

Keywords

Representation; Soviet existence; Soviet culture; cultural codes; A. Ivanov; «Food Unit»

ОБРАЗЫ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО В ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

УДК 93/94

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ 1905-1907 ГОДОВ В ПЕРМИ НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Белова Александра Максимовна
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
614070, г. Пермь, ул. Студенческая, д. 38,
ambelova_2@edu.hse.ru

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению материалов периодической печати в Пермской губернии как источника по изучению революции 1905–1907 гг. и выявлению образа, сформированного в газетах представленного периода. Результаты исследования показали, что образ революции в источниках в Пермской губернии по сравнению с другими территориями страны представлен малым количеством событий, которые не несут за собой важных перемен в жизни общества. Это связано с политической ориентацией периодического издания и ориентацией на читателей, а так же восприятием различных слоев населения.

Ключевые слова

Революция 1905–1907 гг.; Пермская губерния; периодические издания; источниковедение; образ.

Первая русская революция, или революция 1905–1907 гг. является очень популярной темой для изучения среди историков. Существует масса и литературы [Баева, 2012; Горовой, 1955], освещающих события, которые происходили в Прикамье в указанный период. В советское время был сформирован определенный канон восприятия революции. Декабрьское восстание в Мотовилихе 1905 г. однозначно воспринимались как часть общей борьбы пролетариата за свободу. К примеру, музей-диорама, сейчас расположенный в районе места восстания, как раз был призван «зацементировать» данные представления. При этом не до конца ясным остается восприятие этих событий непосредственно в период революции. Для того чтобы реконструировать реальный образ революции, не

связанный с канонами советского периода, лучше всего подойдет периодическая печать, которая в тот период создавала образ, необходимый власти.

Цель исследования – рассмотреть отражение событий революции 1905–1907 гг. в Пермской губернии в периодической печати.

Проблема исследования – в советское время образ Революции в Перми на примере Мотовилихинского восстания 1905 года был сильно приукрашен.

В данном исследовании были использованы следующие *методы*:

- историко-сравнительный – для сопоставления образов Первой русской революции, репрезентуемых периодической печатью в разные периоды (дореволюционный, советский, постсоветский);

- историко-генетический – для того, чтобы рассмотреть изменения точки зрения на революцию 1905-1907 гг. в периодической печати в рамках одного хронологического периода;

- историко-типологический – для создания сводных таблиц одинаковых образов революции в разных периодах.

Данную проблему затрагивали:

- С. М. Рязанов, изучавший образ революционера С.Ф. Косецкого в периодической печати [Рязанов, 2013];

- В. С. Воронцов, писавший о распространении листовок и в целом об участии социал-демократов в периодической печати [Воронцов, 2020];

- Н. С. Сидоренко, чья статья раскрывает суть действий революционеров и взгляд на это вне контекста навязанного большевиками образа революции [Сидоренко, 2012].

Исследовательские задачи: разделение периодической печати на официальную и неофициальную части;

Гипотеза: образ революции в официальных источниках воспринимается как нечто негативное и в какой-то степени незначительное событие для жителя Перми.

В ходе исследования были использованы такие источники как: периодическая печать Пермской губернии периода 1905–1907 гг. («Пермские епархиальные ведомости», «Пермские губернские ведомости»); а так же литература: дореволюционная, советская и постсоветская историография. Использованные источники достоверны, освещают лишь политические аспекты событий, не углубляются в подробности. Новизна источников заключается в публикации разных точек зрения на одни и те же события в рамках одного хронологического периода. Основной платформой для поиска информации стала «Библиотека имени Горького», на сайте которой представлен электронный каталог с периодической

печатью. Так же для представленной работы был использован Фонд периодической печати Пермского краеведческого музея [ГКБУК ПКМ], в котором были найдены необходимые выпуски «Пермских епархиальных ведомостей».

Стоимость «Пермских губернских ведомостей» составляла семь рублей за год, для учителей и учащихся – пять. Издание было частным, печаталось в частной типа-литовской типографии, содержало в себе информацию, которая писалась простым языком, темы варьировались от заводских новостей до театральных афиш. В «Пермских губернских ведомостях» выпуски подразделялись на официальные, которые выходили 2 раза в неделю и содержали в себе статистические отчеты о прошедшем периоде, и неофициальные. Официальная часть включала в себя статистические сборки, отчеты и важные объявления, в которых даже косвенно не упоминается о революции и ее последствиях. Неофициальная часть газеты издавалась ежедневно и содержала в себе новости как Российские, так и зарубежные. Также представлены объявления, афиши и официальные обращения властей. Были изучены газеты 1905-1907 гг. Главным событием, представленным за 1905 год, являлась Русско-японская война. На протяжении всего года вплоть до августа 1905 года на титульной странице публиковались сводки новостей с фронта, а также располагались телеграммы от бойцов (они печатались в газетах и после окончания русско-японской войны). А вот тема Революции, можно сказать, обошла Пермь стороной. В «Пермских губернских ведомостях» прослеживались новости о стачках по всей России: в Петербурге в феврале, апреле и октябре. 17 октября 1905 года [Пермские губернские ведомости, 1905, 26 октября, часть неоф.] в газете был опубликован манифест Николая II о волнениях рабочего класса и стачках в Петербурге. Печаталось и о ходе революции в отдельных уездах и городах, к примеру, существовал отдельный параграф о Екатеринбурге, в котором упоминалось о восстаниях и стачках (в те же даты, что и в Москве и Петербурге).

В газете после манифеста представлен раздел «Наши партии», который уже рассказывает о политической жизни Перми и ее деятельности. В нем выдвигаются требования о карательных мерах для чиновников, о выборности, об отмене сословных привилегий, об упрощении и удешевлении судебных процессов для рабочих.

В день восстания в Мотовилихе (12–13 декабря 1905 года), в выпуске от 13 декабря 1905 года [Пермские губернские ведомости, 1905, 13 декабря, часть неоф.] в газете на титульном листе присутствует «напоминание» гражданам о запрете на использование огнестрельного оружия, а также присутствуют сводки

о пострадавших (5 убитых, 30 раненых). Последующее упоминание о Мотовилихинском восстании в газете будет только 18 декабря 1905 года в параграфе «К событиям в Мотовилихе 12–13 декабря», где будет описано произошедшая стачка. Стоит отметить, что по объему данный текст не превышает описаний стачек в Екатеринбурге, а зачастую даже меньше параграфов о событиях в Петербурге. 26 декабря 1905 года [Пермские губернские ведомости, 1905, 26 декабря, часть неоф.] упоминается о забастовке на железной дороге в Перми в районе Мотовилихи. В данном параграфе авторы задаются вопросом, чего же хотят революционеры: «Чтобы слушались больше их, чем царя».

В 1906 году революция в Перми в газетах упоминается гораздо меньше, чем в 1905. Так, в январе прослеживается запись [Пермские губернские ведомости, 1906, 3 января, часть неоф.] о еврейской газете «Бунд», в которой говорится о рабочих и их свободах. Также упоминаются стачки и восстания в Екатеринбурге, прослеживается краткое описание всех восстаний в стране (довольно кратко и больше с негативной оценкой), к тому же, представлена информация о собраниях различных партий, к примеру, русско-народной монархической партии. 27 января вновь повторяется официальное объявление губернатора Болотова о запрете использования оружия. В газете прослеживаются объявления о наборе в Госдуму, а так же некоторые размышления о революции. 9 апреля: сведения о ходе революции 20–27 марта по всей России; 15 апреля: публикуются напоминания о том, что граждане России имеют права и обязанности. Во втором полугодии газета о революции не печатает, за исключением параграфов об аграрном вопросе, а также интересном репортаже японского журналиста, который пишет о «проявлении революции» в России, не в Перми: приехал в Москву, спросил дорогу у прохожего, то его завел в темный угол и ограбил «на 1600 рублей русскими деньгами».

Первый выпуск «Ведомостей» 1907 года [Пермские губернские ведомости, 1907, 1 января, часть неоф.] отмечает главным итогом прошедшего года создание Государственной думы, но сожалеет о прекращении ее деятельности. Отмечается реализация требований крестьян, а именно свобода передвижений, наказание через суд, выкуп земель; создание условий для рабочих. В январе в 3 выпуске газеты говорится о забастовке кондукторов в Перми в поездах ради повышения зарплаты: в ответ на отказ прибавки машинисты и кондуктора стали ограничивать проход людей в вагоны, создав таким образом очереди на проезд. В записи от 9 января 1907 года в разделе газеты «Русская правда» говорится о замалчивании «ведомостями», да и в целом прессой, убийств на забастовке в Одессе, о которой упоминалось в четвертом выпуске (от 3 января).

В целом, за 1905-1907 гг. газета сформировала образ революции в Перми как незначительное событие по сравнению с иными городами России. Замалчивать информацию было невозможно, потому что существовали газеты столицы, Москвы и других городов. Но можно сделать вывод, что периодика стремилась показать революцию как событие, не имеющее серьезное последствие на дальнейший ход развития города и страны. Тем не менее, предисловие к газете с 1906 года показывает «Пермские губернские ведомости» как либеральную газету, призывающую граждан участвовать в политической жизни для процветания России.

Неофициальная часть «Пермских епархиальных ведомостей» [Пермские епархиальные ведомости. 1905–1907 гг.] выходила дважды в неделю и включала в себя молитвы, праздники, отчеты из церквей. Неофициальная часть, выходявшая 4 раза в месяц, описывала приезды и отъезды монахов, отношение церковных представителей к социальной жизни. Интересным является запись из неофициальной части от 21 декабря 1905 года в ответ на слухи о том, что Мотовилихинское восстание было поддержано церковью. В ней говорится о том, что восставшие омрачили себя, поступив неправильно, и что церковь полностью не поддерживает данное действие, напротив, она очень обеспокоена тем, что люди могли подумать, что священники пошли против власти царя. Также в декабре прослеживаются записи о том, что церковь в ответ на Манифест Николая II от 17 октября будет участвовать в Госдуме в процессе отбора кандидатов. В 1906 и 1907 году упоминания в «Пермских епархиальных ведомостях» о революции не прослеживаются.

На примере двух газет можно сделать вывод о том, что образ революции в Перми представлял «незначительное» событие. Ключевым событием 1905 года для Перми была русско-японская война, а революционные новости пишутся, в основном, о других городах, о столице. Главным событием для Перми являлось Мотовилихинское восстание, и последующие новости связаны с ним. «Епархиальные ведомости» не говорят о ходе революции, а лишь реагируют на социальные движения, поддерживают рост политичности в сознании граждан Перми, к примеру, агитировали выборы в Госдуму. Возможно, периодические издания специально замалчивали факты о революции, чтобы не поднимать панику в обществе, либо печатали их завуалировано, с долей цензуры. Но с конца 1905 – начала 1906 года в «Пермских губернских ведомостях» в предисловии о подписке печатаются пометки о независимости газеты и поддержке рабочего класса, а содержание газет на тему революции не сильно меняется. Следовательно, под образом революции в Перми на примере периодической печати подразумевается

чередa стачек и волнений без особых потрясений для общества и человеческих жертв, образ, несущий за собой некие политические изменения. С другой стороны, даже «Епархиальные ведомости», которые не писали о политике, стали говорить о политической грамотности, об участии в политической жизни общества. Появляется свобода слова, уменьшается рабочий день, печатаются упоминания о политических партиях, но по сравнению с тем же Екатеринбургом, в котором революция прошла с большим количеством стачек, и можно сказать о том, что Пермь – это консервативный город.

Библиографический список

Александров Ф. А. Декабрьское восстание 1905 г. на Урале. Молотов. 1955. 62 с.

Баева А. А. Пропаганда как средство распространения революционных образов в периодической печати Урала в 1905–1907 гг. // Известия АЛТГУ. 2012. № 4–2. С. 16–18

Воронцов В. С. Листовки Прикамской и пермской социал-демократических организаций периода первой русской революции 1905-1907 годов // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2020. № 4. С. 695–717.

Горовой Ф. С. Очерки революции 1905-1907 гг. на Урале. Молотов: Кн. Изд-во, 1955. 168 с.

Панасюк В. В., Старостина Е. А. Актуальные вопросы изучения первой русской революции 1905-1907 гг. в современной российской историографии // Наука без границ. 2021. № 4. 56 с.

Петров С. Большевики Урала в революции 1905–1907 гг. Свердловск. 1931. 120 с.

Пермские губернские ведомости: январь 1905 – декабрь 1907 гг.

Пермские епархиальные ведомости: январь 1905 – декабрь 1907 гг.

Рязанов С. М. С. Ф. Косецкий: борец с революцией и его образ в Пермской публицистике // Вестн. Перм. Ун-та. Сер. История. 2013. № 3. С. 79-88.

Сидоренко Н. С. Политический экстремизм на Урале в начале XX века // Исторический вестник. 2012. Т. 2. № 149. С. 66–89.

Ясько Т. Н. Первая русская революция 1905–1907 гг. // Россия и АТР. 2005. № 4. С. 153–156.

THE IMAGE OF THE REVOLUTION OF 1905-1907 IN PERM ON THE EXAMPLE OF THE MATERIALS OF THE PERIODICAL PRESS

Belova Alexandra M.
National Research University
"Higher School of Economics",
614070, Perm, 38 Studentskaya str.,
ambelova_2@edu.hse.ru

Abstract

The article delays to the study of the materials of the periodical press in the Perm province as a source for the study of the revolution of 1905-1907 and the identification of the image formed in the newspapers of the period presented. The results of the study showed that the image of the revolution in the sources in the Perm province, compared with other territories is represented by a small number of events that do not bring important changes in the life of society. This is due to the political orientation of the periodical and the orientation towards readers, as well as the perception of various segments of the population.

Key words

Revolution of 1905-1907; Perm province; periodicals; source studies; image

ТЕМА НАРОДНОСТИ В ВИЗУАЛЬНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ Н. С. ХРУЩЕВА В СОВЕТСКОЙ ПРЕССЕ (1957–1964)

Петрова Татьяна Михайловна
Институт российской истории РАН,
Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
105066, Россия, г. Москва, ул. Старая Басманная, 21/4, ст. 1
tmpetrova@hse.ru

Аннотация

Статья посвящена выявлению черт простоты в визуальном образе Н. С. Хрущева в конце 1950-х – начале 1960-х гг. На основании визуальных материалов центральных советских газет «Правда» и «Известия», а также источников личного происхождения и публицистики автором предпринимается попытка выявить в репрезентации Хрущева отдельные маркеры народности и закономерности их показа. Автор характеризует персональную легенду советского лидера, основанную на его ранней биографии. Именно данные сведения о Хрущеве послужили основанием для его позиционирования как народного лидера. На визуальном уровне образ Хрущева создавался посредством биологического и культурного типов категоризации. В рамках первого подчеркивались физические недостатки Хрущева, делавшие его похожим на подавляющее число советских граждан. Благодаря второму внимание акцентировалось на невербальных способах коммуникации Хрущева, его стиле одежды. Данные особенности подчеркивали крестьянское происхождение его жестов и мимики, демонстрировали успешность советской системы вертикальной мобильности. В итоге, в период активного культивирования личности Хрущева в создании его визуального образа появилась новая тема, призванная по-новому, более демократично показывать власть населению.

Ключевые слова

Н.С. Хрущев; СССР; пресса; визуальная репрезентация; народность; типы категоризации

Смерть И. В. Сталина в марте 1953 г. повлекла изменения во внутренней политике СССР, затронувшие, в том числе, образ его главы. Н. С. Хрущев позиционировался уже не как создатель советского государства или победитель нацизма, а как коммунист №1, «новый Ленин», борец за мир и выходец из народа. Последняя тема стала новой в репрезентации лидера внутри Советского Союза. Ее использование при создании официального образа Хрущева, позволяло, с одной стороны, подчеркнуть его близость населению, с другой – обозначить разрыв с предыдущей эпохой на уровне визуальности.

Однако, если образ Сталина неоднократно являлся предметом изучения [Плампер, 2010; Руцинская, 2021; Behrends, 2004], то к имиджу третьего советского лидера обращались преимущественно для иллюстрации более общих во-

просов политики «оттепели» и роли личности Хрущева [Зубкова, 1995; Шестаков, 2006; Никифоров, 2016; Crankshaw, 1966]. В результате, образ Хрущева для «внутреннего употребления» и его отдельные темы оказались обделены исследовательским вниманием. Обращение же к проблеме образа лидера на примере Хрущева, выявление в его визуальной репрезентации отдельных черт народности и закономерностей их показа может способствовать установлению связи между репрезентативными тактиками лидера и культурно-политическими процессами в стране, углублению существующих представлений о политической истории СССР середины 1950-х – начала 1960-х гг.

Основу источниковой базы данного исследования составляют материалы газет «Правда» и «Известия» за 1957 – 1964 гг., поскольку конструирование образа Хрущева как лидера народного и из народа осуществлялось в первую очередь в средствах массовой информации. Начиная с 1957 г. – сосредоточения в руках Хрущева всей полноты партийно-государственной власти – и до его отставки осенью 1964 г. редкий выпуск газет «Правда» и «Известия» обходился без упоминания советского лидера.

Для поиска и декодирования элементов простоты и доступности в фотографиях Хрущева использовались инструменты семиотического анализа Т. ван Левена и Д. Мачина [Мачин, Левен, 2010]. При этом особое внимание отводилось изучению культурной и биологической категоризации изображаемых объектов, отражению в них определенной идеологии. Первая предполагает реализацию через телесные характеристики, вторая – через одежду, поведение и т.д.

Черты народности в визуальной репрезентации Хрущева во многом основывались на его персональной легенде, где основной упор делался на «простом происхождении» [Зубков, 2007, с. 138; Зубкова, 1995, с. 108]. Особенно сильно внимание граждан акцентировалось на шахтерском прошлом Хрущева. В прессе постоянно появлялись цитаты, связанные с его работой на угольных шахтах («Работать в угольной шахте – дело не простое и не легкое. Правильно сказал Никита Сергеевич Хрущев на республиканском совещании шахтеров Украины, что горное дело – это искусство») [Правда. 1958. 5 февраля] или обращения к нему донецких шахтеров («Мы, донецкие шахтеры, хорошо знаем Никиту Сергеевича. Он работал на шахтах и заводах нашего района. Нам известна его неутомимая деятельность на благо советского народа, на укрепление могущества Родины») [Правда. 1958. 31 марта].

Однако Хрущев в ранней молодости работал не шахтером, а слесарем по ремонту оборудования, в связи с чем позиционирование его в качестве первого являлось сильным преувеличением. Тем не менее, имидж «шахтера» придавал

Хрущеву большую значимость в силу ассоциаций с тяжелым и опасным трудом, а также занятием, присущим одной из наиболее активных в годы революции групп граждан.

Именно персональная легенда Хрущева задавала тематическую рамку для биологического и культурного типов категоризации.

Биологическая категоризация осуществлялась посредством визуальной передачи информации о физических недостатках советского лидера: плохой осанке, полноте, почти полном отсутствии волос на голове (см. рис. 1) [Известия. 1960. 20, 28 сентября; 1961. 12 августа; Правда. 1958. 11 августа; 1959. 16 сентября; 1960. 26 марта; 1963. 25 мая]. Репрезентация подобных особенностей тела Хрущева имела в качестве означающего его обычность. Если физические недостатки Сталина тщательно скрывались, то изъяны Хрущева, наоборот, приближали его к народу. В середине 1950-х – начале 1960-х гг. люди могли видеть уже не идеализированный образ руководителя государства, а крупноватого, почти лысого, носящего очки «приезжего родственника, нарушившего чинный порядок застолья» [Аджубей, 1989, с. 300].

Рис. 1. Физические недостатки Н. С. Хрущева

В области культурной категоризации Хрущев наделялся атрибутами, характерными одновременно для членов партийной верхушки, рядовых граждан СССР и лично для него. Визуально в разных контекстах он выделялся при помощи средств невербальной коммуникации. Проявлением простоты и непосредственности Хрущева, например, были его приветственные и указующие жесты: взмах рукой, рукопожатие и объятия. Согласно О. Булгаковой, в правилах театральной эстетики роли дворян были малоподвижны и отличались сдержанными

жестами, в то время как амплуа крестьян предполагало наличие активных жестовых выражений [Булгакова, 2005, с. 61]. Следовательно, использование данных маркеров крестьянскости в случае с Хрущевым можно интерпретировать как проявление им рабоче-крестьянской поведенческой модели.

В соответствии с характерным для выходцев из социальных низов способом коммуникации, Хрущев довольно часто задействовал руки для передачи эмоций и/или усиления эффекта от своего выступления. Он то приветственно махал ладонью, то взмахивал руками во время публичных речей, то хитро потрясал указательным пальцем, то пожимал руку собеседника. Последний жест особенно показателен в контексте демонстрации крестьянской природы как самого Хрущева, так и его жестов. Широта данного жеста в прямом смысле достигалась советским лидером пожатием руки собеседника обеими руками или вытягиванием рук во всю длину во время объятий, что увеличивало амплитуду движения (см. рис. 2) [Известия. 1959. 20 февраля; 1960. 3 апреля, 7 сентября; 1961. 9 августа; Правда. 1958. 20 февраля; 1960. 3 мая, 8 мая, 3 октября, 6 октября; 1963. 23 июня].

Рис. 2. Невербальные способы общения Н. С. Хрущева

Одной из визитных карточек Хрущева была улыбка. Она демонстрировала людям его открытость и доброжелательность. Можно найти и снимки с улыбающимся Сталиным, однако, во-первых, они встречаются не часто, во-вторых, их ключевое различие с фотографиями Хрущева заключается в направленности улыбки. Выражение эмоций у Сталина носит адресный характер. Например, направление его эмоций в отношении передовиков производства или членов Политбюро ЦК ВКП(б) понятно и без подписи под изображением (см. рис. 3) [Известия. 1935. 15 января; Правда. 1935. 1 января; 1936. 3 января, 6 января, 15 февраля, 23 февраля, 28 февраля]. При этом лицо вождя всегда повернуто либо в

профиль, либо в три четверти, что добавляет его улыбке адресности. В данном случае она выступает в качестве либо поощрительного знака, либо разделения эмоций с собеседником.

Рис. 3. Улыбка И. В. Сталина

В случае Хрущева улыбка носит более универсальный характер. Он улыбается уже не только определенным людям, но и толпе и даже потенциальным читателям газеты. Достижению данного эффекта способствует направление взгляда Хрущева за границу снимка. В таких случаях он изображен либо в анфас и тогда его взгляд направлен прямо на зрителя, либо в три четверти, но с уведением взгляда за границу снимка. Довольно часто улыбка у Хрущева сопровождалась каким-либо жестом: аплодисментами, разведением рук и т.д., что визуально подкрепляло его положительный настрой по отношению к населению (см. рис. 4) [Правда. 1957. 25 декабря; 1959. 31 января, 5 февраля, 17 февраля, 23 сентября, 3 октября, 31 октября, 1 ноября].

Следовательно, улыбка в случае Хрущева выражала не только одобрение каких-то отдельных людей, но и подчеркивала его активную коммуникацию и эмоциональность по отношению к советским гражданам. При этом их вовлеченность в действие на фото была не важна. Улыбкой одаривались как участники изображения, так и читатели газеты.

Рис. 4. Улыбка Н. С. Хрущева

Наконец, культурная категоризация в рамках представления Хрущева как народного и демократичного лидера проявлялась в стиле одежды. В зависимости от степени официальности мероприятия советский лидер предстал то «первым» среди остальных секретарей Президиума, то выходцем из крестьян.

В первом случае Хрущев надевал строгий двубортный костюм из бостона темного или светлого оттенков с широкими (40 – 45 см) брюками, соответствовавший стилю сталинской партийной номенклатуры [Лебина, 2015, с. 308]. В холодное время года он дополнял внешний облик длинным габардиновым пальто, также переживавшим из представлений о моде предыдущего периода, шляпой или шапкой из искусственного меха. Последняя была маркером уже эпохи «оттепели» с ее лозунгом о тотальной химизации [Лицом к лицу с Америкой..., 1959, с. 98].

Подобный стиль Хрущев использовал при появлении на официальных мероприятиях. В этом случае он либо был неотличим от прочих членов партии, либо выделялся за счет звезд Героя Социалистического труда, невербальных средств коммуникации и центрального положения на снимке (см. рис. 1, 5) [Правда. 1958. 16 апреля, 19 апреля, 23 апреля, 21 июля, 8 ноября, 11 ноября]. В обоих случаях перед людьми предстал уже не лидер в мундире генералиссимуса. Перед ними находился человек в демократичном костюме, с наградами, которые имели и другие граждане СССР.

Рис. 5. «Невидимый» Н. С. Хрущев на официальных мероприятиях

На менее официальные события, например, неформальную встречу с представителями советской интеллигенции, Хрущев мог надеть рубашку-вышиванку (см. рис. 6) [Известия. 1960. 1 марта, 18 июля; Правда. 1960. 18 июля, 19 июля, 7 августа]. Она подчеркивала его происхождение из зоны Черноземья и делала его образ непосредственным, помогала заявить о том, что Хрущева можно не бояться. Иногда советский лидер выбирал такую рубашку для встреч с главами азиатских государств, которых нужно было расположить к себе, но Хрущев никогда не ездил в ней в капиталистические страны, поскольку считалось, что там нужно выглядеть «по-европейски» [Зубков, 2007, с. 143].

Рис.6. Н. С. Хрущев в рубашке-вышиванке

Таким образом, в период активного культивирования личности Хрущева в создании его визуального образа появилась тема народности, призванная подчеркнуть простоту лидера. Она создавалась под влиянием биологических характеристик Хрущева, его манеры поведения на публике, стиля в одежде. Благодаря использованию темы народности третий советский лидер репрезентировался как «наш Никита Сергеевич», то есть максимально близкий народу, что, по сравнению с предыдущим периодом, было новым, более демократичным способом показа власти населению.

Библиографический список

Аджубей А. И. Те десять лет. М.: Советская Россия, 1989. 336 с.

Булгакова О. Фабрика жестов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 304 с.

Зубков С. А. Хрущев и Запад: механизмы формирования международного имиджа советского лидера// Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. 2007. Вып. 4. С. 127–152.

Зубкова Е. Ю. Маленков и Хрущев: личный фактор в политике послесталинского руководства// Отечественная история. 1995. № 4. С. 103–115.

Известия. 1935. 15 января.

Известия. 1959. 20 февраля.

Известия. 1960. 1 марта.

Известия. 1960. 18 июля.

Известия. 1960. 18 июля.

Известия. 1960. 20 сентября.

Известия. 1960. 28 сентября.

Известия. 1960. 3 апреля.

Известия. 1960. 7 сентября.

Известия. 1961. 12 августа.

Известия. 1961. 9 августа.

Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля: Ленинград, 1950–1960-е годы СПб.: Победа, 2015. 484 с.

Лицом к лицу с Америкой: Рассказ о поездке Н. С. Хрущева в США 15–27 сентября 1959 г. / А. Аджубей, Н. Грибачев, Ю. Жуков. М.: Госполитиздат, 1959. 679 с.

Мачин Д., Левен Т. ван. Дискурсы войны// Современный дискурс-анализ. 2010. № 2. Т. 2. С. 24–54. URL: http://discourseanalysis.org/ada2_2.pdf (дата обращения: 02.02.2022).

Никифоров Ю. С. Визит Н. С. Хрущева в Ярославль в 1963 г.: образ власти в региональном измерении// Российская история. 2016. № 4. С. 56–72.

Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 496 с.

Правда. 1935. 1 января.

Правда. 1936. 15 февраля.

Правда. 1936. 23 февраля.

Правда. 1936. 28 февраля.

Правда. 1936. 3 января.

Правда. 1936. 6 января.

Правда. 1957. 25 декабря.

Правда. 1958. 11 августа.

Правда. 1958. 11 ноября.

Правда. 1958. 16 апреля.

Правда. 1958. 19 апреля.

Правда. 1958. 20 февраля.

Правда. 1958. 21 июля.

Правда. 1958. 23 апреля.

Правда. 1958. 31 марта.

Правда. 1958. 5 февраля.

Правда. 1958. 8 ноября.

Правда. 1959. 1 ноября.

Правда. 1959. 16 сентября.

Правда. 1959. 17 февраля.

Правда. 1959. 23 сентября.

Правда. 1959. 3 октября.

Правда. 1959. 31 октября.

Правда. 1959. 31 января.

Правда. 1959. 5 февраля.

Правда. 1960. 18 июля.

Правда. 1960. 19 июля.

Правда. 1960. 26 марта.

Правда. 1960. 3 мая.

Правда. 1960. 3 октября.

Правда. 1960. 6 октября.

Правда. 1960. 7 августа.

Правда. 1960. 8 мая.

Правда. 1963. 23 июня.

Правда. 1963. 25 мая.

Руцинская И. И. Иконография Сталина. Репрезентация власти в советском искусстве 1930–1950-х гг. М.: БуксМАрт, 2021. 192 с.

Таубман У. Хрущев. М.: Молодая гвардия, 2008. 850 с.

Шестаков В. А. Социально-экономическая политика советского государства в 50-е – середине 60-х годов. М.: Наука, 2006. 296 с.

Behrends J. C. Exporting the Leader: the Stalin Cult in Poland and East Germany (1944/45 – 56)// The Leader Cult in Communist Dictatorships: Stalin and the Eastern Bloc. 2004. P. 161–178.

Crankshaw E. Khrushchev. Collins Clear-Type Press, 1966. 317 p.

THE THEME OF N.S. KHRUSHCHEV'S SIMPLICITY IN THE VISUAL REPRESENTATION IN THE SOVIET PERIODICALS (1957–1964)

Petrova Tatiana M.

Institute of Russian History, RAS,
HSE University, 21/4, Staraya Basmannaya str.,
Moscow, 105066, Russia,
tmpetrova@hse.ru

Abstract

The article considers to identifying the features of simplicity in the visual image of N. S. Khrushchev in the late 1950s–early 1960s. Based on the visual materials of newspapers and ego-documents, author identifies the features of simplicity and patterns of their display in Khrushchev's representation. Author characterizes the personal myth of the Soviet leader, which based on his early biography. This information became the basis for Khrushchev's positioning as a people's leader. Visual image of Khrushchev was created due to biological and cultural types of categorizations. The first emphasized Khrushchev's physical disabilities, which made him look like the most Soviet people. The second focused on Khrushchev's nonverbal ways of communicating, his style of clothing. These features emphasized the peasant origin of his gestures, demonstrated the success of the Soviet system of vertical mobility. Ultimately, during the period of active cultivation of Khrushchev's personality, a new theme appeared in the creation of his visual image, aimed at showing the power to the population more democratic.

Keywords

N. S. Khrushchev; USSR; periodicalpress; visualrepresentation; simplicity; types of categorizations

УДК 94(470)

**РОЛЬ ГУБЕРНАТОРОВ В РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ В 1990-Е ГГ.
(НА МАТЕРИАЛАХ САМАРСКОЙ И УЛЬЯНОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Абрашкин Сергей Николаевич

Самарский национальный исследовательский
университет им. академика С.П. Королева,
443090, Россия, г. Самара, ул. Московское шоссе, 34,
abrashckin.ser@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена изучению роли губернаторов Самарской и Ульяновской областей в реализации региональной культурной политики в 1990-е гг. в условиях системного государственного и экономического кризиса. Подробно рассматривается ряд культурных инициатив, получивших свое развитие при участии глав исполнительной власти рассматриваемых регионов в 1990-е гг. Автор приходит к выводу, что подходы губернаторов рассматриваемых областей к культурным инициативам зачастую зависели от социально-экономического положения и избранной модели государственного управления в регионе.

Ключевые слова

Губернатор; культурная политика; культурная инициатива; регион; К.А. Титов; Ю.Ф. Горячев; Самарская область; Ульяновская область.

Период 1990-х гг. в новейшей истории культуры Самарской и Ульяновской области ознаменовался кардинальными изменениями. Децентрализация системы управления культурой, перевод учреждений на рыночные отношения влияли на выработку стратегии развития культурной политики, где большое значение придавалось культурному потенциалу и социально-экономическим особенностям региона. В то же время местные власти столкнулись с рядом негативных факторов: дефицит государственного бюджета привел к сокращению бюджетных ассигнований на сферу культуры, обострились финансовые проблемы государственных культурных учреждений и организаций [Григорьева, 2012, с. 150–152].

В данной работе была сделана попытка проанализировать роль главы исполнительной власти субъекта Российской Федерации в реализации региональных культурных проектов и инициатив, а также мер поддержки работников и учреждений культуры.

Выбор для сравнения глав субъектов Самарской (К. А. Титов) и Ульяновской (Ю. Ф. Горячев) областей объясняется различным социально-экономическим положением и моделью государственного управления регионов: Самарская область на протяжении 1990-х гг. придерживалась либерально ориентированной экономики, а Ульяновская область политикой «мягкого вхождения в рынок» во многом реализовывала отказ от рыночных реформ, что привело к сохранению командных методов хозяйственного управления.

Одним из первых Постановлений Главы администрации Самарской области № 54 от 5.11.1991 года здание бывшего ленинского мемориала передавалось историко-краеведческому музею [ЦГАСО.Ф.5140.Оп.1. Д.7.Л.16-17], что имело важное значение для научной и культурной жизни региона. В Самарской области на протяжении 1990-х гг. была установлена тридцатипроцентная доплата работникам культуры с сохранением всех льгот, принятых ранее, решались вопросы укрепления материально-технической базы учреждений культуры.

В ноябре 1992 года была опубликована программа К. А. Титова под названием «В российских реформах есть место каждому», где администрация Самарской области ставила своей целью добиваться через правительство введение направленных налогов на финансирование культуры. Также велась разработка областной программы охраны историко-культурных памятников и ценностей [Волжская коммуна, 1992, с.2]. В целях возрождения и развития богатых культурных традиций Самарской области Постановлением № 339 от 30 ноября 1992 г. главы администрации Самарской области 1993 год был объявлен годом Петра Владимировича Алабина (1824–1896), видного общественного деятеля России, внесшего значительный вклад в развитие экономики и культуры города Самары, в открытие школ, библиотек, музеев [ЦГАСО. Ф.5140. Оп.1. Д.45. Л.2].

В 1995 году при Академическом театре оперы и балета были открыты хоровая и хореографическая школы. Велась работа по установке в областной филармонии органа, а К. А. Титов возглавил попечительский совет симфонического оркестра филармонии. Во второй половине 1990-х гг. был обновлен зрительный зал театра «СамАрт», начиналась реконструкция сцены и замена сценического оборудования театра оперы и балета. При поддержке областной администрации создавался областной Центр российской кинематографии на базе кинотеатра «Художественный» [Иванов, 2007, с. 241–242].

В марте 1998 года губернатор Самарской области стал первым среди государственных деятелей российской провинции обладателем Национальной театральной премии «Золотая Маска» в введенной с того года номинации «Государственному и общественному деятелю, представителю делового мира-за поддержку театрального искусства в России» [Самарская область, 1998, с.20].

В феврале 1999 года благодаря усилиям К. А. Титова в Самаре состоялась мировая премьера оперы Сергея Слонимского «Видения Иоанна Грозного», для постановки которой по приглашению губернатора приехал всемирно известный виолончелист и дирижер Мстислав Ростропович [Самарская область, 1999, с.8].

Изменилось само отношение власти к культуре и интеллигенции. Вот как об этом вспоминал в своих мемуарах доктор исторических наук, профессор Самарского университета П. С. Кабытов: «Власть при Титове и Сысуеве стала сопричастна культуре. Это крайне важно. Государственный человек стал позиционировать себя в том числе двигателем культурных проектов, их опекуном, «заботником» [Кабытов, 2011, с.281].

Для главы администрации Ульяновской области Ю. Ф. Горячева (1991–2000 гг.) одной из главных целей в культурной политике стала поддержка в условиях финансовых трудностей учреждений культуры и искусства. В октябре 1992 г. Ю. Ф. Горячев подписал постановление «О мерах по сохранению и развитию Ульяновского государственного симфонического оркестра». Предусматривалось увеличение заработной платы музыкантам, разрешение квартирного вопроса (из расчета 5 квартир для оркестрантов в год, образование отдельной очереди на жилье) [Демочкин, 2004, с.143].

По инициативе главы администрации Ульяновской области и малого совета областного совета народных депутатов в июле 1993 года была учреждена Золотая книга Почета Ульяновской области. Целью ее создания являлось общественное признание и увековечение особых личных заслуг уроженцев и жителей Ульяновской области, чья жизнь и деятельность оказала существенное влияние на историю, экономику и культуру региона. Постановление о занесении в книгу принималось губернатором области на основании решения общественного комитета Золотой книги Почета. Лицу, занесенному в книгу, присваивалось звание «Почетного гражданина Ульяновской области» [Календарь, 2002, с.30].

Также на протяжении 1990-х гг. при поддержке Ю. Ф. Горячева коллективом авторов активно велась работа над изданием «Ульяновской энциклопедии», где были собраны воедино сведения об исторических событиях, выдающихся деятелях, экономике, культуре, природных и климатических особенностях края [Ульяновская-Симбирская..., 2000].

К концу 1990-х гг. администрации Ульяновской области удалось приложить немалые усилия по сохранению сети учреждений и искусства. Был начат ремонт историко-культурного центра имени В. И. Ленина, завершился капитальный ремонт училища культуры и искусства, велись подготовительные работы к капитальному ремонту Центра культуры молодежи. Был реализован ряд важных

культурных инициатив: был создан Дом дружбы народов, началась полная реконструкция Областного театра кукол [Послание, 1997, с. 6].

Тем не менее, материальное положение работников и учреждений культуры в 1990-е гг. оставалось непростым, перестали проводиться знаковые для Ульяновской области культурные мероприятия. Например, конкурс молодых баянистов Поволжья, который проводился в Ульяновске каждые два года, начиная с 1963 года, с середины 1990-х гг. перестал проводиться из-за финансовых трудностей [Симбирский-Ульяновский..., 2007, с. 254].

Таким образом, степень участия и роль губернаторов Самарской и Ульяновской областей в 1990-е гг. в формировании и реализации культурной политики определялась объективными экономическими условиями культурного развития. Социально-экономическое положение Самарской области и выстраивание либерально ориентированной экономики в 1990-е гг. позволило губернатору Самарской области реализовывать культурные инициативы всероссийского и мирового уровня (например, премьеры оперы «Видения Иоанна Грозного в Самаре»). По сравнению с Самарской областью, в Ульяновской области в 1990-е гг. культурная сфера региона почти остановилась в своём развитии [Культура Симбирского..., 2014, с.8], что во многом было связано с продолжением политики «мягкого вхождения в рынок».

Библиографический список

В российских реформах есть место каждому // Волжская коммуна. 13 ноября 1992. С. 2

Григорьева М. Р. «Перестройка государственной политики Российской Федерации в сфере культуры в 1990-е гг. // Вестник Удмуртского университета. 2012. № 3. С. 147–155.

Демочкин Г. А. Антология жизни: 1991–1996 гг. Ульяновск: Печатный двор, 2004.

Иванов В. С. Драгоценные нити. Т. 2. Самара: Издательский дом «Агни», 2007.

Кабытов П. С. Судьба-Эпоха: автобиография историка. М.: Кучково поле, 2011.

Календарь знаменательных и памятных дат: Ульяновская область / Ульян. обл. науч. б-ка, Отд. краевед. лит. и библиогр; сост. Ментова Т.В. Ульяновск: Б. и., 2002. 72 с.

Культура Симбирского-Ульяновского края: сборник документов и материалов / М-во искусства и культурной политики Ульяновской области, Гос. архив новейшей истории Ульяновской обл.; [авт.-сост. Н. В. Забалухина и др.; редкол.:

Миронов Н. В., Бурмистрова О. В., Пашкин А. Г.]. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2014. 366с.

Самарская область 1998: Официальный справочник. Самара: Информационный концерн, 1999.

Самарская область: Официальный справочник 1999. Самара: Самарский информационный концерн, 2000.

Симбирский – Ульяновский край в истории России: книга издана к 65-летию образования Ульяновской области. Ульяновск: Корпорация технологий продвижения, 2007.

Послание Главы Администрации Ульяновской области Законодательному Собранию и населению области. Ульяновск: Дом печати, 1997.

Ульяновская – Симбирская энциклопедия: В 2 т. Т. 1. Ульяновск: Симбир. кн., 2000. 397 с.

ЦГАСО.Ф.5140.Оп.1. Д.7.Л.16-17.

ЦГАСО.Ф.5140.Оп.1Д.45. Л.2

THE ROLE OF GOVERNORS IN THE IMPLEMENTATION OF REGIONAL CULTURAL POLICY IN THE 1990S. (BASED ON THE MATERIALS OF THE SAMARA AND ULYANOVSK REGIONS)

Abrashkin Sergey N.

Samara National Research University
named after Academician S.P. Korolev,

34 Moskovskoe shosse str., Samara, 443090, Russia,
abrashckin.ser@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to the study of the role of the governors of the Samara and Ulyanovsk regions in the implementation of regional cultural policy in the 1990s in the context of a systemic state and economic crisis. A number of cultural initiatives developed with the participation of the heads of executive authorities of the regions in question in the 1990s are considered in detail. The author comes to the conclusion that the approaches of the governors of the regions under consideration to cultural initiatives often depended on the socio-economic situation and the chosen model of public administration in the region.

Keywords

Governor; cultural policy; cultural initiative; region; K. A. Titov; Yu. F. Goryachev; Samara region; Ulyanovsk region

ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ПРАКТИКИ БИОПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2010-Е ГОДЫ

Боронникова Юлия Степановна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15
boronnikovay@gmail.com

Аннотация

В последнее десятилетие одним из ключевых аспектов российской политики стало усиление вмешательства государства в частную жизнь населения. Это активно выражается в законодательной практике: было создано законодательство в отношении сексуальности, репродукции, гигиены, курения, использования нецензурных слов, использования Интернета, усыновления российских сирот и т.д. Вместе с тем, вопрос о характере политического режима в России, актуализируется. Акции протеста в начале 2010-х, протестное движение 2017–2019 г. ставит для правящего режима задачу поиска новых методов собственной легитимации. Опираясь на концепцию биовласти М. Фуко как технологии власти, связанной с контролем социальных и биологических процессов на уровне населения, была предпринята попытка проанализировать текущий политический режим в России и характер использования биополитических практик. Предполагается, что биополитика – один из методов собственной легитимации для правящего режима в Российской Федерации в 2010-е гг.

Ключевые слова

Биополитика; биовласть; биополитические практики; политический режим; электоральная автократия; легитимация; рациональное управление; дискурс.

За последние десять лет исследователи отмечают нарастание авторитарных тенденций [Gel'man, 2015]. Ряд специалистов характеризуют политический режим современной России как электоральный авторитаризм [Gel'man, 2012, Голосов, 2008]. Растет число новых законопроектов и уже принятых нормативно правовых актов, касающихся телесности, так или иначе ограничивающих свободу и права человека. К последним относятся, например, поправки в Конституцию Российской Федерации, принятые летом 2020 года. Особое внимание стоит уделить поправке, касающейся защите института брака как союза мужчины и женщины. Такая практика может служить ярким примером ограничения гражданской свободы населения. В целом, визуально-событийный ряд 2010–2020-х сопровождаются кадры людей в клетках в залах суда, подробности женского обрезания, подробности пыток, допинговые скандалы, отравление Сергея и Юлии Скрипалей, а затем Алексея Навального. Такое множество событий неизбежно

разрастается до размеров политического дискурса, в рамках которого исследователи говорят о политизации телесности. Именно об этом пишет Мишель Фуко в своих поздних работах, называя данный феномен биополитикой.

Интересным представляется то, что использование практик биополитики связано с природой политического режима [Makarychev, Medvedev, 2015, p. 46]. В России так называемый биополитический поворот происходит в 2011–2012 года [Makarychev, Medvedev, 2015, p. 45]. В это же время формируется спрос на перемены среди россиян: результаты выборов в Государственную Думу 2011 года и последовавшие после массовые протестные акции стали для режима первыми тревожными звонками. Возвращение Путина на пост президента в 2012 году в ходе несвободных выборов, сопровождавшихся масштабными фальсификациями, также породило протестные выступления в Москве и других городах страны [Гельман, 2013, с. 16]. Таким образом, массовые протестные акции начинают иметь все большее значение для политического режима, отчасти формируя политическую повестку. В то же время, в подобных условиях многочисленных акций протеста, режим ищет методы укрепления собственной легитимации.

В подобном контексте актуализируется вопрос о факторной роли биополитических практик в легитимации политического режима в современной России. Используются ли биополитические практики как инструменты для легитимации и укрепления существующего политического режима.

Биополитика является актуально обсуждаемой в текущей политической повестке проблемой. Вместе с тем, эта проблема касается не только политической науки, но и этики (зачастую стоит вопрос об этичности применяемых практик), биологии (затрагивает телесность человека), юриспруденции (напрямую выражается в нормативно правовых актах). Стоит отметить, что феномен не нов, однако в Российской Федерации получил свое распространение, как было указано выше, с конца 2010-х годов и является частью авторитарного дрейфа [Makarychev, Medvedev, 2015]. В этом смысле новым и интересным представляется анализ уже существующих и только находящихся в разработке биополитических мер.

Биополитика как технология власти и управления, направленная на такие аспекты общественной жизни как здравоохранение, гигиена, рождаемость и сексуальность, нуждается в практико-ориентированном исследовании. Основываясь на концепции биополитики, предложенной Мишелем Фуко, настоящее исследование фокусируется на попытке операционализации биополитики в современной Российской Федерации, посредством оценки законодательства и форма-

лизованных политических решений, и обращается к анализу взаимосвязи институционализации биополитических практик и динамики современного российского политического режима.

Что такое биополитические практики?

Идея биополитики и биовласти – оригинальная концепция Мишеля Фуко. Его идеи получили широкое распространение: дальнейшее концептуальное развитие тема получает в работах таких философов и исследователей как Джорджо Агамбен [Агамбен, 2011], Фрэнсис Фукуяма [Фукуяма, 2004], Антонио Негри [Негри, 2008] и др. Сам Фуко пишет о биополитике как о результате смены парадигмы власти: дисциплинарный тип власти сменяется биополитическим (как формой управления населением) [Фуко, 2011]. В свою очередь Дж. Агамбен считает, что любой современный политический режим по своей сути режим биополитический, а его главный субъект – фигура *homo sacer*, того, кого можно безнаказанно убить, введя режим чрезвычайного положения на локализованной территории – лагере [Агамбен, 2011]. А. Негри определяет биополитику как современную форму экономического управления. Внутри такого управления существуют процессы сопротивления власти со стороны субъектов – индивидов, а, следовательно, процессы субъективации, которые ведут к увеличению прибыли [Негри, 2008].

Перечисленные исследования внесли серьезный вклад в осмысление биополитики, однако по-прежнему актуальной остается проблема возрастания роли биополитических практик и их операционализации, а также нерешенность вопроса о соотношении авторитарных тенденций к практике применения подобных мер.

Биополитические практики представляют собой набор воспроизводимых действий политического характера, направленных не на индивида, а на коллективное человеческое тело. Биополитические практики могут воспроизводиться формально неполитическими (и деполитизированными) акторами (вроде медицинских, образовательных, пеницитарных учреждений). Вместе с тем, решения по поводу институционализации биополитических практик исходят исключительно от политических акторов, формирующих национальное законодательство. Стоит отметить, что инициативы биополитики могут исходить от различных субъектов общественной жизни, таких как РПЦ, но подобные инициативы никогда не станут институционализированными биополитическими практиками, пока не получат выражение в политическом значении. Так, например, Русская православная церковь в 2011 году лоббировала запрет абортов (и/или согласие мужа на аборт), если женщина находится замужем [Löhlein, 2020].

Отследить биополитические практики иногда бывает затруднительно. В этом смысле в РФ сложились две условных категории биополитических практик. Первую категорию формируют институционализованные практики – принятые нормативно-правовые акты, касающиеся телесности, сексуальности, вопросов семьи, воспитания. К первой категории относятся закон о запрете пропаганды нетрадиционной сексуальной ориентации, закон Димы Яковлева, вышеупомянутый закон об абортах (2011 г.), концепция семейной политики (2014 г.), поправки в Конституцию Российской Федерации 2020 года, касающиеся семьи и детства. Вторую категорию составляют неформальные биополитические практики. Они сложно поддаются фиксации и исследованию ввиду их неформального непубличного характера. Затруднение в данном вопросе касается также и обоснования причастности политического режима к формированию подобных неформальных биополитических практик. Среди подобных практик можно отметить отравление Алексея Навального** [Медиазона*, 2020], допинговый скандал [BBC News*, 2015], отравление Сергея Скрипаля [Interfax, 2018] и другие подобные.

В настоящем исследовании фокус исследования смещен на формальные практики. С одной стороны, это объясняется сложностью фиксации самих неформальных биополитических практик в современном политическом контексте. С другой стороны, институционализованные формальные биополитические практики позволяют оценить связь их установления с динамикой политического режима.

Вместе с тем, одна из ключевых проблем предметного поля биополитики (и ее измерения) состоит в том, что понятие биополитики как таковое не операционализировано. Следовательно, анализировать биополитические практики необходимо ввиду их фактического применения.

Институционализация биополитических практик в Российской Федерации в 2010-ые годы

В статье акцент сделан только на тех формах биополитики, которая находит сильный отклик в российских политических дискурсах и формирует повседневную политическую практику. Биополитические практики могут принимать разные формы поэтому необходимо распределить применяемые биополитические практики в РФ по категориям в соответствии с содержательным тематическим критерием.

Сексуальность и гендер. Гомосексуальность была декриминализована только в 1993 году при Ельцине в результате давления со стороны Совета Европы [Löhlein, 2020]. Как болезнь, гомосексуальность перестала существовать уже при Путине с 1999 года [Löhlein, 2020]. В настоящее время в России нет отдельных

законов, запрещающих дискриминацию по признаку сексуальной ориентации. Конституция РФ запрещает любую дискриминацию вообще. Несмотря на это, гомосексуальность не одобряется большинством россиян. В апреле 2020 года Левада-Центр опросил россиян, на предмет того, что «нужно делать с геями и лесбиянками» [Левада-Центр, 2020]. По его данным, почти каждый пятый россиянин считает, что ЛГБТ следует «ликвидировать» – 18% опрошенных дали ответ, означающий небольшое смягчение отношения к членам ЛГБТ-сообщества, в то время как в 2015 г. за их «устранение» высказались 21%. Точно так же 32% заявили, что геи и лесбиянки должны быть «изолированы от общества» [Левада-Центр, 2020]. В 2013 году были внесены изменения в федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», [ФЗ 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», 2010] также известный как закон о запрете пропаганды гомосексуализма. Пропаганда «нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних карается административными санкциями. Заявленная российским правительством цель закона – защитить детей от воздействия гомосексуализма аргументом стало то, что это противоречит традиционным семейным ценностям. Фактически закон запрещает детям доступ к информации о жизни ЛГБТ, включая информацию, предоставляемую через прессу, телевидение, радио и Интернет. В 2017 году Европейский суд по правам человека постановил, что закон нарушает права человека, свободу выражения мнений и свободу от дискриминации, гарантированной Европейской конвенцией о правах человека. Эффектом от применения закона о запрете гей-пропаганды стало закрепление стигмы и предрассудков, ведущих к дискриминации и насилию [Bochenek M.G., 2018].

Планирование семьи и брак. Первые годы после распада СССР ознаменовались снижением уровня рождаемости и количества аборт, а также расширением доступа к профилактическому контролю рождаемости и его использования. Союз в момент его распада был сторонником планирования семьи, хотя контрацептивы, как правило, были недоступны для широкого потребления, оставляя большинство женщин наедине с аборт как единственным способом регулирования рождаемости внутри семьи. Вследствие чего ненадежное качество и отсутствие средств контрацепции частично замедлили снижение уровня аборт в России в начале 1990-х годов [Gadasina, 1997, pp. 40-42]. В 1990 и 2000 годах количество ежегодных аборт в России сократилось вдвое, но соотношение аборт к рождаемости (с 2,04 в 1990 году до 1,92 в 1996 году) снизилось. Это означает, что было проведено не только меньшее количество аборт, но и то, что в целом забеременело меньше женщин. Поэтому, начиная с 2000-х гг., опасения по поводу сокращения населения России уменьшились и добавили новую

составляющую к диалогу об абортах. Так, 21 октября 2011 года Госдума приняла закон, ограничивающий аборт в первые 12 недель беременности, за исключением 22 недель, если беременность была результатом изнасилования, а по медицинской необходимости его можно проводить в любой момент во время беременности [Центр репродуктивных прав, 2012]. Парламент принял эти ограничения применения абортов в законе для борьбы с «падением рождаемости» и «резким сокращением населения» [Kishkovsky, 2011]. Вместе с тем, в дискуссию об абортах был добавлен религиозный компонент, стигматизирующий аборт и женщин, прибегающих к прерыванию беременности.

Однополые браки, ни гражданские союзы однополых пар недопустимы в России. В июле 2013 года Патриарх Кирилл назвал однополые браки «апокалиптическим симптомом» [Lenta.ru, 2013]. Кроме того, президент Путин предложил зафиксировать в Конституции РФ, что брак – это союз мужчины и женщины. Также Путин высказался, что пока он президент, в России традиционное представление о матери и отце не будет подорвано тем, что он назвал как «родитель номер один» и «родитель номер два» [Osborn, 2020].

Важным нормативно-правовым актом является «Концепция семейной политики» [КСП, 2014]. Концепция представляет собой биополитический механизм, который применяется ко всему комплексу семейных вопросов, а также вводит понятие «нормальная семья», а брак понимается «исключительно как союз между мужчиной и женщиной [...] и осуществляемый супругами с целью увековечения их родства, рождения и совместного воспитания детей» [КСП, 2014]. Вместе с тем, на тот момент, российское законодательство прямо не определяло «брак» или «семью» как союз между двумя гетеросексуальными людьми разного пола. Однако, согласно введенной КСП, нуклеарная гетеросексуальная семья имеет не менее трех детей и два поколения, живущих в общей семье и домашнее хозяйство.

Это вмешательство государства в частные сферы имеет явно религиозное основание, характеризуя семью как «маленькую церковь», поддерживающую идею бессмертия, понимаемую как «продолжение нации». Этим законом Кремль придал особую роль Русской православной церкви. Церковь делится своим опытом в законодательных актах, в вынесении решений по вопросам семьи и преступности несовершеннолетних. Это открыло дверь для локализации таких предложений, как количество официальных браков человека до трех или же облагать развод серьезным налогом. Ссылка на РПЦ отражает ее растущее влияние в политической и социальной жизни.

Процедура усыновления. Отправной точкой в биополитическом повороте в РФ стал принятый в 2013 закон о запрете усыновления российских сирот американскими семьями, [ФЗ № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации», 2012] более известный как «Закон Димы Яковлева». Законодатели ссылались на 20 случаев трагической гибели российских усыновленных детей в США (статистически незначительный процент на фоне около 60 000 усыновленных детей, живущих в американских семьях) [Makarychev, Medvedev, 2015, p. 48].

Общественная гигиена. В них входят закон о запрете курения в общественных местах (2013 г.), использование нецензурной лексики (2020 г.) и возрастные ограничения в СМИ, законы о шуме (2013 г.) и др. Подобные практики также являются биополитическими, хотя оценить эффекты от их применения оказывается довольно сложным. Необходимо подчеркнуть, что обозначенные формальные (институционализованные) биополитические практики являются наиболее яркими примерами.

Динамика биополитики и динамика российского политического режима: анализ биополитических практик в РФ

Для осуществления аналитических процедур была проведена операционализация переменных.

Механизм фиксации биополитических практик: который был обозначен выше предполагает институционализованных биополитических практик посредством обращения к нормативно-правовой документации по данному вопросу. Операционализация режимной политики проводится посредством агрегированных индексов Democracy Index [Economist Intelligence Unit, 2020] и Freedom House [Freedom House, 2020], а также посредством показателей динамики протестной активности (количество акций, количество участников, количество задержанных) и данных о фальсификациях выборов [Kobak, Shpilkin, & Pshenichnikov, 2018].

Согласно индексу Economist Intelligence Unit: Democracy Index, учитывающему открытость и соревновательность выборов, политическое участие, контроль над полномочиями исполнительной власти, в 2020 г. Россия набрала 3,31 балла из 10 и характеризуется как автократия [Economist Intelligence Unit, 2020]. В соответствии с индексом Freedom House [Freedom House, 2020], который концентрируется на оценке уровня гражданских и политических свобод, Российская Федерация набирает 20 баллов из 100 и считается несвободной страной [Freedom House, 2020]. Оба агрегированных индекса фокусируют внимание на российском политическом режиме как несвободном и гибридном (см. рис. 1).

Индексы демократии и политических свобод в России

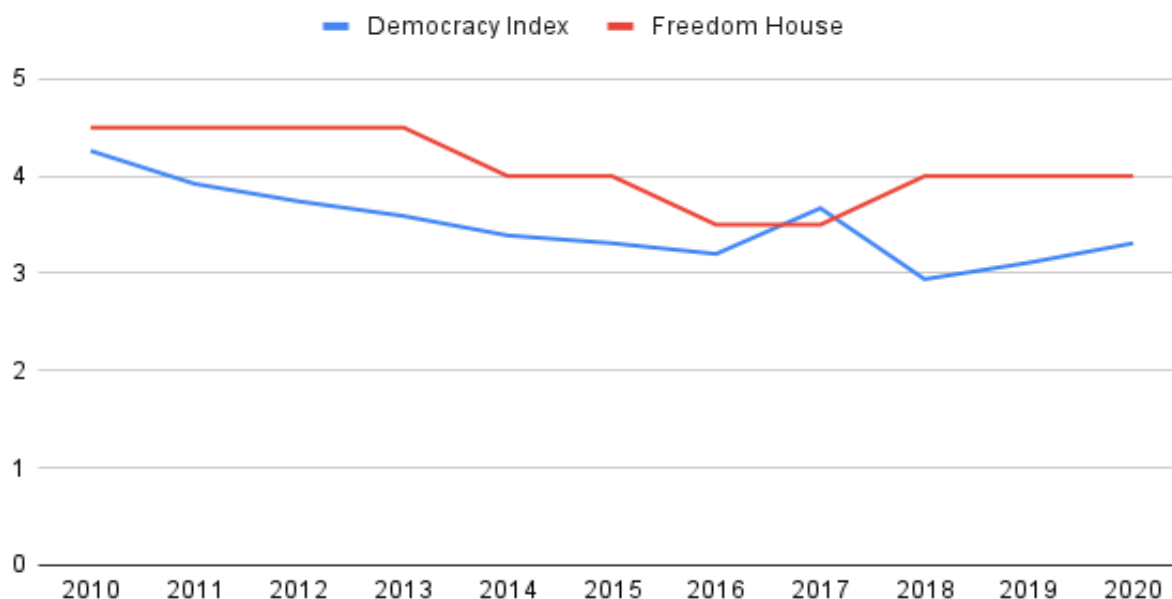

Рис. 1. Индексы демократии и политических свобод в России 2010-2020 г.

Еще одним маркером недемократического режима являются массовые фальсификации на выборах. Одними из наиболее важных показателей, описывающих результаты выборов, являются процент явки избирателей и процент результата победителей. Рассмотрим президентские выборы в России в 2018 года. Ряд исследователей утверждают, что на выборах 2018 года имел место ряд фальсификаций: манипуляция с явкой избирателей и процентом результата лидера [Kobak, Shpilkin, & Pshenichnikov, 2018]. Официальная явка составила 67,5%, а В.В. Путин получил 76,7% голосов. Авторы находят целочисленные пики для результатов выборов 2018 года [Kobak, Shpilkin, & Pshenichnikov, 2018]. Вероятность получения на практике множества «круглых» значений очень мала поэтому подобные пики являются иллюстрацией фальсификации.

Также в рамках исследования был выявлен перечень протестных акций за 2010-2020 гг. выбраны акции протеста, имеющие политический характер от 1000 тыс. чел. Что касается количества участников той или иной акции, то рассмотрены данные МВД РФ, данные организаторов, данные ряда СМИ и установлено среднее между ними (ввиду объективной неполноты информации). Протестные акции также отобраны по тематике – политический протест. Факт протеста зафиксирован с помощью данных ОВД-инфо* [ОВД-инфо*, 2021]. Также были взяты данные о применении задержаний и репрессий в условиях протестной активности [ОВД-инфо*, 2021]. Теоретические ожидания, в данном случае, соответствуют теории Девенпорта: чем авторитарнее режим, тем он более репрессивный [Davenport, 2004].

На временном отрезке 2010-2020 годов самыми масштабными по численности участников стала волна протестного движения «За честные выборы» в 2011-2013 годов. Второй всплеск протестной активности в 2017–2019 годах, что наглядно иллюстрирует рис. 2.

Крупные акции протеста 2010-2020

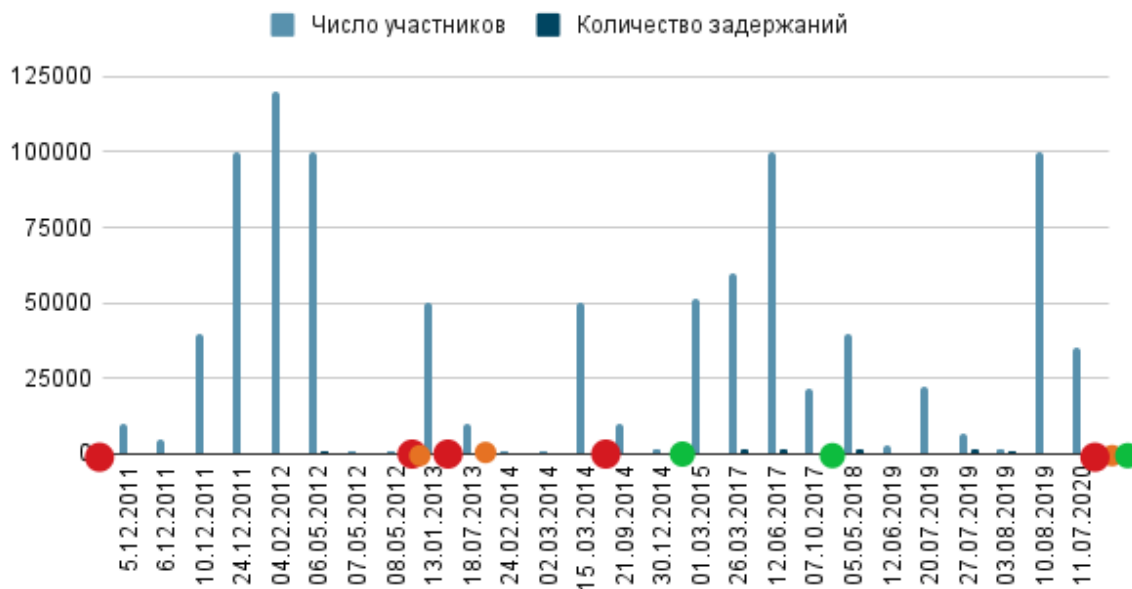

Рис. 2. Протестная активность в Российской Федерации (2010-2020 гг.)

Точками на диаграмме показана частотность применения биополитических практик. Красным обозначены (в хронологическом порядке): закон об абортax (2011 г.), закон Димы Яковлева (2012 г.), закон о гей-пропаганде (2013 г.), концепция семейной политики (2014 г.), поправки в Конституцию РФ (2020 г.). Оранжевым обозначены: закон о возрастном ограничении в СМИ (2012 г.), закон о курении в общественных местах (2013 г.), закон о запрете нецензурной лексики в соц. сетях (2020 г.). Зеленым обозначены неформальные биополитические практики: допинговый скандал (2015 г.), отравление Скрипалей (2018 г.), отравление Навального** (2020 г.).

Нужно отметить, что в первую волну 2011-2013 годов ареной крупного политического протеста, преимущественно, являлась столица (большее количество участников и их задержаний именно в Москве). В то время как «вторая волна» 2017-2019 годов расширяет границы протеста – акции проходят не только в Москве и Санкт-Петербурге, но и в большинстве регионов России. Актуализируется вопрос о растущей потребности в легитимации политического курса/режима.

На первый взгляд, институционализация биополитических практик никак не связана с протестной активностью. Наоборот, наблюдается, что биополитические практики – это не жесткие методы борьбы за режим, а наоборот мягкие (латентные, скрытые) методы укрепления режима. Однако, если углубиться в тематику практик, они носят, преимущественно, консервативный характер. Формирующийся консервативный дискурс согласуется с нарастающими авторитарными тенденциями.

Взлет и падение протестного движения в России в 2011–2012 гг. выявили продолжающиеся скрытые оппозиционные настроения среди населения в крупных городских центрах, что подтверждается выступлениями в поддержку оппозиционера Алексея Навального** на выборах мэра Москвы в сентябре 2013 года. До тех пор, инакомыслие было успешно маргинализировано. Однако далее наблюдается рост протестной активности в 2017-2019 годы и территориальное расширение протеста: протест в эти года перестает быть столичным, в регионах люди все больше выходят на улицы, растет количество задержаний как в столице (по сравнению с протестным движением 2011-2013 годов), так и в регионах. Оппозиционные выступления, активизируясь, растворяют собственную маргинальность шаг за шагом. Однако биополитические практики могут использоваться для подавления индивидуальной оппозиции (например, законы о пропаганде гомосексуализма могут быть использованы против тех, кто говорит о дискриминационном характере этого закона) [Makarychev, Medvedev, 2015, p. 49]. Вместе с растущими протестными настроениями, срабатывает механизм «анатомополитики пыток» [Colta, 2018]: жесткие задержания, подробности пыток становятся известны с помощью технологий (мобильной съемки, Интернета). Подобные практики также подрывают легитимность существующего режима.

В этом ключе, биополитика оказывается полезным инструментом для отвлечения политических и социальных волнений по поводу фальсификации выборов, коррупции и болезненных социальных реформ в борьбе с мнимыми моральными угрозами. Подобный кейс наблюдается в 2013 году, когда в пик протестной активности в декабре 2012 года принимается закон Димы Яковлева. Подобная практика несколько отвлекла протестующих от темы нечестных выборов: уже 13 января 2013 года состоялось шествие с требованием отмены «антимагнитского» закона [BBC News*, 2013].

Вместе с тем, начиная с 2014 года, на фоне снижения протестной активности растет число неформальных биополитических практик. Они все также влияют политическую повестку, но используются ситуативно или даже хаотично (см. рис 2). Актуализируется повестка (как публичная, так и административная)

противопоставления традиционных русских ценностей, ценностям Запада. Теперь биополитические практики касаются не только детей, но и института семьи. Происходит расширение суверенитета, не территориального, но телесного [Makarychev, Medvedev, 2015]. Такое расширение отнимает у людей зону приватности. Более того, институционализованные практики, такие как поправка в Конституцию РФ о составе семьи и КСП, продолжают биополитический дискурс.

Таким образом, в 2011-2013 г. биополитика институционализируется как нормализация после протестного движения 2011-2013 г. и играет инструментальную роль: путем отвлечения от актуальной проблемы фальсификаций, коррупции и т.д. С 2014 продолжается воспроизводство биополитического дискурса, но практики приобретают иное выражение – все чаще используется неформальное выражение биополитики.

Заключение

Проблема биополитического регулирования остается одной из самых дискуссионных в современной политической науке. Несмотря на большую теоретическую разработанность, отсутствуют практико-ориентированные исследования: имеется лишь несколько работ, посвященных исследованию биополитических практик в Российской Федерации. ПВ то же время целый ряд связанных с биополитическими практиками вопросов, в том числе и методологических, остается мало разработанным. К этим вопросам можно отнести, прежде всего, вопрос факторной роли биополитических практик в конкретном политическом режиме.

Исходя из концептуального осмысления понятия биополитики, было сформулировано его операциональное определение для последующего выявления биополитических практик в рамках российского политического режима: биополитика – это относительно мягкая (но довольно распространенная) технология власти и управления, направленная на такие аспекты общественной жизни как *здравоохранение, гигиена, рождаемость и сексуальность*; в рамках биополитического дискурса человеческая жизнь становится объектом политических расчетов и механизмов осуществления власти.

Изучение соотношения динамики биополитики и динамики современного российского политического режима осуществлено с помощью анализа применения биополитических практик и количества крупных протестных акций и репрессий за период 2010-2020 годов. Политический режим также иллюстрируют индекс демократии и индекс гражданских свобод, а также данные о фальсификациях на выборах президента в 2018 года.

Результаты проведенного анализа позволяют сделать некоторые частные выводы, представляющие интерес для дальнейшего исследования. Первый – политический режим в современной России использует биополитические практики ситуативно, не системно, импульсивно, лишь опосредованно используя этот инструмент для собственного укрепления. Второй – за период первой волны протестного движения (2011-2013 гг.) биополитические практики используются как инструмент регуляции протестной активности, также на этом временном промежутке используются только институционализированные практики. Третий – с начала 2014 года и во время второй крупной волны протестного движения начинают активно использоваться неформальные биополитические практики. Четвертый – также за период второй волны протестной активности возрастает количество задержаний: в столице (по сравнению с прошлой волной протестной активности) и в регионах (в связи с разрастанием протестного движения).

Можно предположить, что подобные выводы демонстрируют рост потребности политического режима в легитимации посредством биополитических практик, что частично подтверждает тезис о прямой зависимости репрессивности режима от его авторитарности. Косвенно это также подтверждается динамикой режимных индексов: за 10 лет наблюдается снижение показателей индекса демократии и индекса политических свобод.

Вместе с тем важно отметить, что использование институционализированных биополитических практик в Российской Федерации в период 2010-2020 годов не является системной и четкой политической стратегией. В связи с этим актуализируются несколько дополнительных исследовательских вопросов. Во-первых, вопрос операционализации неформальных биополитических практик является ярким примером синтеза теоретической и практической проблемы, которые необходимо разрешать для дальнейшего исследования. Во-вторых, несистемный характер биополитических практик в недемократическом политическом режиме (на примере Российской Федерации) ставит вопрос о использовании биополитических практик различными режимами, начиная от либеральных демократий и заканчивая самыми закрытыми автократиями. Очевидно, что различия в институционализации и применении биополитических практик будут наблюдаться (например, в вопросе гендера и сексуальности). Однако, вопрос о корреляции политического режима и формата институционализации и применения биополитических практик (которые в современной теоретической интерпретации является неизменным свойством любой политики) актуализируется.

Библиографический список

Биополитика авторитарного транзита// Colta.ru*. 14 декабря 2018 г. URL: <https://www.colta.ru/articles/society/20042-biopolitika-avtoritarnogo-tranzita> (дата обращения: 20.06.2021).

Гельман В. Я. Из огня да в полымя: российская политика после СССР. СПб: БХВ-Петербург, 2013. 257 с.

Голосов Г. В. Электоральный авторитаризм в России // Pro et Contra. 2008. URL: <http://www.intelros.ru/readroom/2306-pro-et-contra-1-janvar-fevral-2008.html> (дата обращения: 01.06.2021).

Допинговый скандал: что установила комиссия WADA// BBC News*. 10 ноября 2015 г. URL: https://www.bbc.com/russian/sport/2015/11/151106_doping_scandal_points (дата обращения: 25.06.2021).

Задержания на публичных акциях// ОВД-инфо*. 2021. URL: <https://data.ovdinfo.org/detentions/> (дата обращения: 25.06.2021).

Концепция семейной политики Российской Федерации на период до 2025 года. URL: <http://www.komitet2-6.km.duma.gov.ru/site.xp/050049124053056052.html> (дата обращения: 20.06.2021).

«Марш против подлецов» оказался неожиданно многолюдным // BBC News.* 13 января 2013 г. URL: https://www.bbc.com/russian/russia/2013/01/130113_moscow_march (дата обращения: 25.06.2021).

Негри А. Труд множества и ткань биополитики. Синий диван. URL: <https://polit.ru/article/2008/12/03/negri/> (дата обращения: 17.06.2021).

Осужденный за измену экс-офицер ГРУ отравлен неизвестным ядом в Великобритании // Interfax. 5 марта 2018 г. URL: <https://www.interfax.ru/world/602526> (дата обращения: 25 июня 2021).

Отравление Навального**// Медиазона*. 15 сентября 2020 г. URL: https://zona.media/chronicle/navalny_omsk (дата обращения: 25.06.2021).

Патриарх Кирилл назвал гей-браки «апокалиптическим симптомом» // Lenta.ru. 21 июля 2013 г. URL: <https://lenta.ru/news/2013/07/21/gaaay/> (дата обращения: 25.06.2021).

Социальная дистанция// Левада-Центр. 2020. URL: <https://www.levada.ru/2020/04/20/sotsialnaya-distantsiya-2/> (дата обращения: 17.06.2021 г.).

Федеральный закон 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». (29 декабря 2010 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/ (дата обращения: 25.06.2021).

Федеральный закон № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан

Российской Федерации». (28 декабря 2012 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/ (дата обращения: 20.06.2021).

Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977-1978 учебном году. Москва: Наука, 2011. 544 с.

Фуко М. Нужно защищать общество. Курс лекций в Коллеж де Франс в 1975-1976 учебном году. Москва: Наука. 2005. 312 с.

Фуко М. Рождение биополитики. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978-1979 учебном году. Москва: Наука. 2010. 448 с.

Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. Последствия биотехнологической революции. Москва: АСТ. 2004. 349 с.

Bochenek M. G., K. K. Russia: 'Gay Propaganda' Law Endangers Children: Discriminatory Measure Targets Students, Mental Health Professionals. URL: <https://www.hrw.org/news/2018/12/11/russia-gay-propaganda-law-endangers-children> (дата обращения: 25.06.2021).

Economist Intelligence Unit. 2020. Democracy Index. URL: http://www.eiu.com/public/topical_report.aspx?campaignid=Democracy0115 (дата обращения: 21.06.2021).

Freedom House. 2020. URL: <https://freedomhouse.org/> (дата обращения: 25.06.2021).

Gadasina A. Struggling to Survive in Russia. Planned Parenthood Challenges, 1997. P. 40-42.

Gel'man V. Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press. 2015. 208 p.

Gel'man V. The Rise and Decline of Electoral Authoritarianism in Russia // Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization. 2012. P. 503-522.

Kishkovsky S. Russia Enacts Law Opposing Abortion. URL: <https://www.ny-times.com/2011/07/15/world/europe/15iht-russia15.html> (дата обращения: 25.06.2021).

Kobak D., Shpilkin S., & Pshenichnikov M. Putin's peaks: Russian election data revisited. URL: <https://rss.onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/j.1740-9713.2018.01141.x> (дата обращения: 25.06.2021).

Löhlein A. Biopolitical Conservatism: Identity-Making Projects in Poland and Russia vis-à-vis gender and sexuality. Aalborg, Denmark. 2020.

Makarychev A. & Medvedev S. Biopolitics and Power in Putin's Russia. // Problems of Post-Communism. 2015. P. 45-54.

Osborn A. Russian constitution must define marriage as heterosexual, Putin says. URL: <https://www.reuters.com/article/us-russia-putin-marriage/russian-constitution->

[must-define-marriage-as-heterosexual-putin-says-idUSKBN20P2PI](#) (дата обращения: 25.06.2021).

Yatsyk A. Biopolitical conservatism in Europe and beyond: the cases of identity-making projects in Poland and Russia // *Journal of Contemporary European Studies*. 2019. P. 463-478.

* решением Министерства юстиции Российской Федерации признан иностранным агентом.

** внесен в перечень террористов и экстремистов.

LEGAL SUPPORT AND PRACTICES OF BIOPOLITICS IN THE RUSSIAN FEDERATION IN THE 2010S

Boronnikova Yulia S.
Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
boronnikovay@gmail.com

Abstract

In the last decade, one of the key aspects of Russian policy has been the increased interference of the state in the private life of the population. This is actively expressed in legislative practice: legislation has been created regarding sexuality, reproduction, food and drink, hygiene, smoking, the use of obscene words, the use of the Internet, the adoption of Russian orphans, etc. At the same time, the issue of the political regime in Russia is being updated. Protest actions in the early 2010s, the protest movement of 2017-2019 sets the task for the ruling regime to find new methods of its own legitimation. Based on Foucault's concept of biopower as a technology of power associated with the control of social and biological processes at the population level, an attempt was made to analyze the current political regime in Russia and the nature of the use of biopolitical practices. It is assumed that biopolitics is one of the methods of its own legitimization for the ruling regime in the Russian Federation in the 2010s.

Key words

Biopolitics, biopower, biopolitical practices, political regime, electoral autocracy, legitimation, rational governance, discourse.

СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС США И ПОДХОДЫ К ЕГО ИЗУЧЕНИЮ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Казаков Илья Викторович

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»,

101000, Россия, г. Москва, Мясницкая, 20;

Псковский государственный университет,

180000, Россия, г. Псков, пл. Ленина, д.2,

i.v.kazakov@list.ru

Аннотация

Задача статьи – определить сильные и слабые стороны доминирующих в современной науке подходов к исследованию знания в политике и предложить понимание знания, которое позволит более эффективно изучать современный политический дискурс США с учётом его особенностей. Проблемы многих современных исследований связаны с концептуальными недостатками доминирующих подходов к знанию, не позволяющими в полной мере использовать особенности современного политического дискурса в качестве преимуществ исследования.

В основе предлагаемого понимания лежат междисциплинарный подход к идеологии Тена А. ван Дейка, теория «worlddisclosure» (С. Уайт и др.), постструктуралистский постпозитивистский дискурс-анализ М. Фуко. В статье актуализируются предлагаемые в рамках этих подходов элементы концептуализации в применении к современному политическому дискурсу США.

Ключевые слова

Дискурс; США; фактчекинг; медиа; знание; дискурсивная стратегия.

В качестве проблем современного политического дискурса США (Соединенных Штатов Америки) в научной литературе указываются такие явления, как его нарастающая поляризация, рост популизма, снижение качества информации, представляемой общественно-политическими акторами в качестве достоверной (фейковые новости, пост-правда и т.д.).

Когда новые медиа и, в частности, социальные сети только начинали обретать популярность, в общественно-политических и общественно-научных кругах по этому поводу господствовала эйфория: ожидалось, что новые возможности для широкой общественной коммуникации позволят людям разных взглядов лучше договориться друг с другом. Ожидалось, что будут наведены мосты между разными группами общества, отношения между которыми ранее были омрачены недоверием и недопониманием. Эти надежды оказались ошибочными.

На смену эйфории пришел страх: теперь наблюдатели и комментаторы выражают опасения, что развитие и распространение новых медиа приведет к нежелательным последствиям, вплоть до полного краха демократии [*Tuckeretal,*

2017]. Причем эти опасения касаются не только нестабильных государств «демократического транзита», но и устоявшихся демократий, таких как Соединенные Штаты Америки.

Понятно, что сама терминология, которую используют комментаторы, выражающие подобные опасения (напр., «дезинформация» и «мисинформация») указывает на объективистский характер доминирующих среди этих комментаторов подходов к знанию. Хотя мы не разделяем эти подходы, следует признать их в качестве доминирующих, и отсюда сделать первый важный вывод, касающийся проблемного поля: в политических спорах стороны претендуют на объективную истинность своих заявлений. Политики для подкрепления таких претензий ссылаются на научные и околонучные тексты, содержащие такие же претензии.

Считается, что в распространение дезинформации и мисинформации вносят значительный вклад такие категории акторов, как *независимые тролли, нанятые тролли, боты, сайты с фейковыми новостями, конспирологи, партийные СМИ, политики, иностранные правительства*. Поскольку каждый из этих акторов существует и действует в сложной медиа-системе, требуется их комплексное изучение – вместе с теми акторами, с которыми они взаимодействуют, на которых оказывают влияние и под влиянием которых находятся. Таких всеобъемлющих исследований исчезающе мало, большинство исследований сосредоточены на чем-то одном, в результате исследовательское поле в целом расплывается и теряется в большом объеме эмпирических данных [Farisetal, 2017].

Отмечается, что политическая поляризация значительно выросла в американском обществе (как в элитах, так и в массах) начиная с середины XX века и продолжает расти вплоть до настоящего времени включительно. Это приводит к «непредвиденным негативным последствиям» [Stukal, Nyhan, 2018] для американской демократии. На массовом уровне глубокие разногласия между политическими партиями порождают особую враждебность по отношению к представителям противоположного лагеря, это приводит к распространению радикальных политических взглядов и не оставляет пространства для компромисса, в прошлое уходят правила вежливости и хорошего тона в политических дискуссиях. Как показывают исследования поляризации, эти тенденции увеличивают уязвимость политической системы к «дезинформации», которая продвигается усилиями поляризованной элиты среди сочувствующей пристрастной аудитории. Распространение соцсетей и растущее недоверие к традиционным медиа усиливают эти тенденции.

Ответственность за проблематизацию политического дискурса также возлагают на рост популизма [Gidron, Bonikowski, 2014]. Интерес к популизму и количество исследований этого явления неуклонно растут, в то же время из-за недостатка точности определений не всегда можно понять, о чем идет речь. Слишком часто исследователи уделяют много внимания отдельным кейсам и без достаточных оснований экстраполируют выводы, полученные при их исследовании, на глобальные процессы. Исследования популизма, как правило, касаются США и Латинской Америки, а также отдельных стран Европы, и может показаться, что за пределами этих регионов проблема отсутствует. Лишь относительно недавно это явление стало объектом полноценной концептуализации и теоретизирования, и здесь проявилось несколько противоречивых тенденций: одни исследователи рассматривают популизм как идеологию, другие – как дискурс, третьи – как определенный набор практик.

Все описанные вызовы привели к распространению в последнее десятилетие практики фактчекинга (проверки фактов). Имеется ввиду проверка фактов *ad hoc*, осуществляемая экспертами из журналистского сообщества и претендующая на объективность. Исследования фактчекинга – почти исключительно количественные, они ставят задачу через операционализацию фактчекинга и связанных с ним понятий выявить причинно-следственные связи между практикой проверки фактов и ее предполагаемыми причинами и результатами. Не только сам фактчекинг, но и исследования фактчекинга основываются на объективистской предпосылке, согласно которой уполномоченные на это институты имеют моральное право и моральную обязанность выносить вердикты о том, кто прав и кто лжет (или заблуждается) в политических спорах. Мы считаем эту предпосылку самым слабым местом как фактчекинга, так и его исследований, и именно с ней связываем противоречивость результатов количественных исследований фактчекинга и «пост-правды» в целом. Например, задача выяснить, помогает ли фактчекинг изменить представления людей о реальности или имеет обратный эффект, ставилась во многих исследованиях, и результаты этих исследований противоречат друг другу, несмотря на близость методологий. Так же обстоит ситуация с другими похожими исследовательскими вопросами [Nieminen, Rapeli, 2018].

Описанные проблемы создают сложности не только для практикующих политиков и журналистов, но и для исследователей; их характер заставляет пересматривать сложившиеся теоретико-методологические подходы к изучению американской политики.

Доминирующие в современной американской политической науке подходы, основанные на различных вариантах объективизма, показывают по отношению к указанным проблемам ограниченный объяснительный потенциал, что часто отражается в противоречивых результатах количественных исследований. Благодаря количественным методам мы можем измерить какие-то отдельные показатели, причем измерение будет тем точнее, чем более узкий показатель мы измеряем, но это, как показывает практика, не приближает нас к решению вопроса по существу.

Прежде всего, поясним, в чем мы видим главную проблему доминирующего в науке и в общественной мысли подхода. Исследователи объективистской направленности склонны экстраполировать свой позитивистский подход на политическую сферу. То есть априори предполагается, что в политической сфере знание производится (или по крайней мере *должно* производиться) по тем же законам, что и в науке, то есть с опорой на строгий метод, в свою очередь, уходящий корнями в некую стройную эпистемологию и онтологию. Соответственно, это ведет либо к тому, что мы начинаем *ожидать* от политиков, чтобы они опирались при определении истины на научный метод, либо, вероятно, чтобы они обращались к научным исследованиям. Понятно, что оба эти ожидания неоправданны. В самой науке объективизм не является единственным теоретико-методологическим направлением, ему противостоят конструктивизм и субъективизм, которые особенно влиятельны именно в исследованиях дискурса. Поэтому политическая наука в целом не может дать однозначный ответ на вопрос о том, что есть знание и как отличить правду от лжи или заблуждений. Такие ответы могут давать отдельные научные школы, но не наука в целом.

Практика показывает, что даже когда создаются специализированные институты, основанные на идеалах объективизма, для того чтобы «проверить факты», то методология, которая применяется этими институтами для проверки фактов, хоть она и вдохновлена научным объективизмом, но на практике даже с позиций объективизма не выдерживает критики (см. например критический обзор наивной методологии Дж. Усцински и Р. Батлера [*Uscinski, Butler, 2013*]). Если же мы обратим внимание на то понимание дискурса, которое сложилось в конструктивистском и постструктуралистском дискурс-анализе, то увидим, что расхожие представления о знании и правде вообще никак не соприкасаются с теми, которые свойственны представителям этих научных школ, что не удивительно, ведь занимаются фактчекингом не ученые, а журналисты, и у них своя мотивация, отличная от той, которая свойственна исследователям.

Это означает, что для начала, чтобы хотя бы начать подходить к решению проблемы, нам стоит признать очевидное: что факты в политике и факты в науке

это не одно и то же. Это может показаться очевидным, но обзор научных исследований, посвященный данной проблеме, заставляет думать, что очевидно это для немногих. Знание в науке и в политике выполняет разные функции, производится с разными целями и по разным законам, а значит, и подход к тому, что называется фактами в политическом дискурсе, должен быть другой. Нам нужно выяснить, как понимают знание и как его производят политические акторы.

И здесь мы приходим к качественным исследованиям политического дискурса, которые должны заниматься именно этим. Но у этих исследований есть свои проблемы, что, в частности, отмечают критики, например, указывая на излишний крен в сторону нормативизма, а также на тенденцию уделять повышенное внимание грамматической структуре текста в ущерб содержащемуся в нем смыслу [Chilton, 2012].

Мы приходим к необходимости выяснить, чем по существу политическое знание отличается от научного и других видов знания.

Нужно признать, что у «политического» и научного знания, конечно, есть много общего. Прежде всего, оба вида знания имеют склонность претендовать на объективную истинность. Это объясняется для политического знания его подчеркнута утилитарной природой – производство такого знания служит, прежде всего, задачам борьбы за власть. Это значит, что чисто эпистемологическая составляющая в производстве политического знания приблизительно соответствует той, которую мы наблюдаем в науке.

Здесь наш подход сближается с методом М. Фуко, который деконструировал элементы дискурса и показывал, что в конечном итоге все сводится к борьбе за власть. Здесь мы идем от определения: если мы определяем политику как нечто, завязанное на вопрос о власти, то приходится признать, что власть это главная цель политики. Форма знания, связанная с борьбой за власть, в концептуализации междисциплинарного подхода Тена А. ван Дейка называется *идеологией*. Ван Дейк дает такое определение идеологии: это «основа представлений об обществе, разделяемая членами группы, позволяющая людям как членам группы организовывать набор убеждений о том, что соответствует действительности, что хорошо или плохо, правильно или неправильно *для них*, и действовать в соответствии с этими убеждениями [van Dijk, 2000, p. 8].

Важно помнить и о таком отличии политического знания, как его выраженность с помощью риторических топосов. Изучением этой стороны политического дискурса занимается конкретно риторический анализ, и представители этого направления склонны давать расширительное понимание сферы риторики. В некоторых существенных аспектах риторический анализ сближается с критическим дискурс-анализом [Finlayson, 2007].

Именно сочетание трех основных элементов – эпистемологии, идеологии и риторики – и порождает политическое знание. Такое сочетание позволяет отличать политическое знание от других видов знания и отказаться от некоторых неоправданных ожиданий, когда мы имеем дело с политическим дискурсом. Отсюда следует практическая необходимость пересмотреть подходы к знанию в политике: правильное понимание его природы выдвинет новые требования к постановке исследовательских вопросов, его касающихся.

В связи с этим мы предлагаем выделить механизм, по которому производится знание в политике. Он неизбежно будет отличаться от научного метода, хотя и будет иметь с последним нечто общее. В качестве отправной точки мы считаем полезным дискурс-исторический подход Рут Водак, в особенности концепцию «дискурсивной стратегии». Рут Водак выделяет пять элементов – номинация, предикация, аргументация, фрейминг, интенсификация, которые она называет дискурсивными стратегиями [Wodak, Meyer, 2001, p. 94]. Мы предлагаем рассматривать эти составляющие как необходимые элементы больших дискурсивных стратегий, которые будут комплексно отличаться от таких же больших стратегий, применяемых другими акторами. А отличаться они будут – и в этом отличие нашего подхода от дискурс-исторического – в той мере, в которой различаются те общие предпосылки, к которым они восходят, то есть предпосылки эпистемологические, идеологические и риторические, изначально характеризующие соответствующих акторов. Практическое применение предлагаемого подхода выходит за рамки данной работы.

Выводы. Современный политический дискурс США своими особенностями, в том числе высокой степенью поляризации, ставит под вопрос эффективность подходов, применяемых для его изучения. Проблемы доминирующих подходов восходят к объективистской научной парадигме, на которой они основаны, и недостаточно полном понимании природы знания в политике. Для решения этих проблем мы предлагаем концептуализацию политического знания, элементы которой содержатся в субъективистских подходах к исследованию дискурса.

Библиографический список

Chilton P. A. «Critical» in Critical Discourse Analysis. 2012. [Электронный ресурс] // URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9781405198431.wbeal0280> (дата обращения 31.05.2022).

Dijk T. van. Ideology: A multidisciplinary approach. London: SAGE Publications Ltd, 2000. 365 p. doi: 10.4135/9781446217856

Gidron N., Bonikowski B. Varieties of Populism: Literature Review and Research Agenda // SSRN Electronic Journal. 2014, 28 Jun. doi: 10.2139/ssrn.2459387

Faris R. M., Hal R., Etling B., Bourassa N., Zuckerman E., Benkler Y. Partisanship, Propaganda, and Disinformation: Online Media and the 2016 US Presidential Election. Berkman Klein Center for Internet & Society Research Paper. 2017. [Электронный ресурс] // URL: <http://nrs.harvard.edu/urn-3:HUL.InstRepos:33759251> (дата обращения: 31.05.2022)

Finlayson A. From Beliefs to Arguments: Interpretive Methodology and Rhetorical Political Analysis // British Journal of Politics & International Relations. 2007. Vol. 9(4). P. 545–563. doi: 10.1111/j.1467-856X.2007.00269.x

Nieminen S., Rapeli L. Fighting Misperceptions and Doubting Journalists' Objectivity: A Review of Fact-checking Literature // Political Studies Review. 2018. 17(3). P. 296–309. [Электронный ресурс] // URL: <https://doi.org/10.1177/1478929918786852> (дата обращения: 31.05.2022).

Stukal D., Nyhan B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature // SSRN. March 19, 2018. doi: 10.2139/ssrn.3144139

Tucker J. A., Yannis T., Roberts M. E., Barberá P. From liberation to turmoil: social media and democracy // Journal of democracy. 2017. Vol. 28 (4). P. 46–59.

Tucker J. A., Guess A., Barbera P., Vaccari C., Siegel A., Siegel A., Sanovich S., Stukal D., Nyhan B. Social Media, Political Polarization, and Political Disinformation: A Review of the Scientific Literature // SSRN. March 19, 2018. doi: 10.2139/ssrn.3144139

Uscinski J. E., Butler R. W. The Epistemology of Fact Checking // Critical Review. 2013. Vol. 25(2). P. 162–180. doi: 10.1080/08913811.2013.843872

Wodak R., Meyer M. (eds.) Methods of critical discourse analysis. Vol. 1. SAGE Publications Ltd, 2001. doi: 10.4135/9780857028020

MODERN US POLITICAL DISCOURSE AND APPROACHES TO ITS STUDY: PROBLEMS AND PROSPECTS

Kazakov Ilia V.

National Research University «Higher School
of Economics», 11, Myasnitskaya str.,
Moscow, 101000, Russia,
Pskov State University,
2, Lenina. Square, Pskov, 180000, Russia,
i.v.kazakov@lissr.ru

Abstract

The aim of the study is to identify the strengths and weaknesses of the approaches to the study of knowledge in politics that are dominant in modern science, as well as to offer an understanding of knowledge that would make it possible to more effectively study the modern US political discourse, taking into account its features. Difficulties in many modern studies are related to the conceptual shortcomings of the dominant approaches to knowledge, which do not allow the full use of the features of modern political discourse as the advantages of the study.

The proposed understanding is based on the interdisciplinary approach to the ideology of Tön A. van Dyck, the theory of "world disclosure" (R. Cox, S. White, etc.), post-structuralist post-positivist discourse analysis of M. Foucault. In the study, the author actualizes the elements of conceptualization offered within the framework of these approaches, as applied to the modern US political discourse.

Key words

Discourse; the United States; fact-checking; discursive strategy; media; knowledge

ДЕЦЕНТРАЛИЗОВАННЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАССОВЫЕ АКЦИИ ПРОТЕСТА: КРОСС-НАЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Коровин Дмитрий Владимирович
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
Dmitrii-korovin@mail.ru

Аннотация

Структура организации массовых политических протестов претерпевает изменения в связи с развитием цифровых технологий и падением уровня доверия граждан к политической власти. Появляются политические протесты, которые в отечественной и зарубежной науке получили название «децентрализованные». Такой вид протестов является слабо изученным, также ведутся дискуссии о самой возможности существования децентрализованной структуры организации протестов. В данном исследовании проведен индексный и кросс-национальный анализ восьми массовых политических протестов на предмет выявления в процессе их организации децентрализованных характеристик. Исследование показало, что среди выбранных случаев представлены централизованные и смешанные (содержащие разные характеристики) протесты. Децентрализованных протестов среди рассмотренных кейсов не наблюдается. В то же время некоторые политические протесты частично можно описать с помощью децентрализованных характеристик. Ключевой особенностью организации таких протестов является использование новых цифровых технологий. Но даже если отсутствует единый центр организации протеста, он не обязательно приобретет совокупность «децентрализованных» характеристик в силу того, что отдельные лица и организации могут стихийно брать на себя разные организационные функции, что будет создавать организационную асимметрию среди участников.

Ключевые слова

Децентрализация; индекс организации протеста; массовая акция протеста; политический протест; структура организации

Политические массовые акции протеста всегда существовали в жизни обществ. Обычно в их основу входит структурированная программа действий, выработанные технологии и методы борьбы, конкретные цели и задачи. Главным элементом протестов, без которого их сложно представить, являются организаторы (лидеры) акций.

В настоящее время на структуру массовых политических протестов могут оказывать влияние два глобальных тренда. Первый тренд заключается в повсеместном развитии и распространении цифровых технологий. С помощью электронных платформ люди могут самостоятельно коммуницировать друг с другом, решать собственные проблемы, информировать свою аудиторию об актуальных новостях, оказывать адресную финансовую поддержку, проводить социологические опросы и другое [Кештибан, 2018].

Второй тренд заключается в снижении доверия граждан к государственным политическим институтам власти. Во многих странах мира явка на электоральных процессах снижается или является неустойчивой, избиратели часто меняют предпочитаемые политические партии, выбирают непрофессиональных политических деятелей. Такие изменения происходят из-за того, что национальные правительства и межправительственные организации становятся в меньшей степени способны разрешить национальные и глобальные проблемы [Росс, 2011].

Именно эти тренды могут оказать влияние на структуру организации массовых политических протестов. По мнению политических деятелей и исследователей, некоторые изменения уже давно произошли в организации политических протестов, а часть только приходит в жизнь протестующих. Каждый человек стал автономным и независимым от политических организаций центром принятия решений.

Соответственно, появляются новые виды политических протестов, которые можно охарактеризовать как децентрализованные. Такие протесты являются слабо изученными, при этом также ведутся дискуссии и споры в научных сообществах о потенциальном существовании такой структуры организации протестов. Часть ученых на конкретных кейсах демонстрируют, что такие протесты могут существовать за счет современных технологий коммуникации, когда людям не требуется какой-либо посредник, например, организация или объединения. Другая часть исследователей считает, что в любых политических протестах есть более опытные люди, которые будут так или иначе брать на себя ответственность за принятие решений.

Выявление возможного существования современных децентрализованных массовых политических протестов предлагается осуществить через детализированный анализ кейсов по параметрам децентрализации и централизации.

В работе представлено восемь кейсов, отобранных на основании глобального трека протестов Фонда Карнеги за международный мир: протест против «рабского закона», 2018 год (Венгрия); протест за проведение повторного референдума по выходу из Европейского Союза, 2018 год (Великобритания); протест против закона об экстрадиции, 2019 год (Гонконг); протест против мошеннических действий на выборах, 2019 год (Малави); протест против результатов выборов президента, 2020 год (Белоруссия); протест против законопроекта о полиции, 2020 год (Франция); протест против закона о гражданстве, 2020 год (Индия) и протест против жестокости полиции, 2020 год (США).

Для перечисленных протестов характерные следующие черты: (1) Время начала политических протестов – с 2018 года; (2) Время окончания политических протестов – 2021 год; (3) Причина начала протестов – неудовлетворенность политической деятельностью властей; (4) Количество участников политических протестов – от 100 тысяч человек; (5) Продолжительность протестов – от 5 месяцев.

Концепт «децентрализованные массовые политические протесты» используется в рамках анархической теории организации Питера Маршалла [Маршалл, 2009]. В исследовании мы определяем децентрализованные массовые политические протесты как совокупность форм действий самоорганизованных и многочисленных групп людей, требующих изменения проводимой государством политики и действующих независимо от институционализированных и неинституционализированных организаций.

Характерные черты децентрализованных протестов: (1) Отсутствие вертикальной иерархической структуры организации; (2) Отсутствие организаций и объединений, занимающихся реализацией протестной кампании; (3) Использование современных веб-ресурсов и мобильных приложений для выполнения ряда функций по подготовке и проведению массовых акций протеста; (4) Использование автономных методов поддержки участников протеста; (5) Высокий уровень фрагментированности культурных и духовных символов; (6) Наличие множества несвязанных между собой действий участников протеста.

Для изучения децентрализованных массовых политических протестов используется индексный анализ. Методическая рамка формировалась на основе методики измерения президентской власти А. Кроувела [Зазнаев, 2005]. Основываясь на дихотомическом делении (централизация и децентрализация), методика позволяет рассчитать индексы централизации (ИЦ) и децентрализации (ИД) для любого политического протеста во всех странах мира, независимо от формы правления и политического режима. При вычислении индекса централизации массовых политических протестов признакам, которые однозначно ассоциируются с централизацией, присваивается значение «1», а признакам не свойственным данной форме организации протестов – «0». Аналогичным образом кодируются переменные и применительно к индексу децентрализованных политических протестов. Смешанные характеристики получают значение «0,5». Всего при расчете индексов используются восемь переменных, которые приведены ниже.

После определения ИЦ и ИД (путем суммирования числовых показателей) вычисляется индекс организации протестов (ИОП) по формуле: $ИОП = ИЦ - ИД$.

Чем выше числовое значение индекса, тем больше в организации протестов централизованных характеристик, чем ниже – тем больше децентрализованных. Нулевое значение ИОП свидетельствует о гибридной форме организации.

Перейдем к результатам анализа кейсов по параметрам индексного анализа, который позволил нам определиться с видом структуры организации каждого рассмотренного массового политического протеста:

Актор, организующий протесты и разрабатывающий программу действий.

Массовые акции протеста, прошедшие в Венгрии (2018) и Малави (2019) имели схожие черты в организации демонстраций. Протесты были централизованы зонтичными организациями, которые были созданы за несколько лет до оппозиционных массовых акций. В Венгрии роль организатора протестов взяла на себя конфедерация «Альянс венгерских профсоюзов», в случае Малави главным организатором протестов была «Коалиция правозащитников Малави».

Похожая система организаций протестов была выявлена в Великобритании (2018) и во Франции (2020). Массовые акции также были централизованными, благодаря зонтичным организациям. Однако такие объединения не имели долгой истории существования и соответственно упорядоченной структуры деятельности с разветвленной сетью ячеек организации по всей территории страны. Во Франции за разработку программы деятельности и организации протестов отвечало объединение «Stop Global Security Law». В Великобритании организацию протестов осуществляло объединение «People's vote».

В Республике Белоруссии массовые акции протеста в 2020 году также имели централизованный характер. За разработку стратегии борьбы, программы политических действий и, непосредственно, организацию протестов отвечал Telegram канал «NEXTA». Представители данной организации неофициально взаимодействовали с Координационным Советом Беларуси, зонтичной организацией, созданной в 2020 году кандидатом в Президенты Светланой Тихановской.

В отличие от предыдущих акций протеста, демонстрации в Индии (2019) и США (2020) имели сразу несколько центров разработки политических решений и организаций политических протестов. В Индии в каждом штате и городе были представлены различные конфигурации организации массовых акций протеста. В одних населенных пунктах ответственность за разработку программы протестов брали на себя конкретные организации, в других территориях организации объединялись в одну коалицию для проведения совместных действий. В США хотя и существовало большое движение, называемое «Black lives matter», однако

оно не организовывало протесты на всей территории страны. В большинстве штатов ячейки движения самостоятельно проводили протесты и не согласовывали свою программу действий с каким-либо центральным актором.

Наконец, массовые политические протесты в Гонконге в 2019 году имели как большое количество центров организации, так и множество платформ, на которых люди самостоятельно разрабатывали стратегию, тактику и программу сопротивления, что непосредственно имело черты децентрализации. Данные центры организации протестов не согласовывали между собой действия, но при этом могли оказать друг другу поддержку. Существовали чаты в мессенджере Telegram и форумы на платформе LIKHG, благодаря которым протестующие могли проголосовать и определить большинством голосов действия, которые они предпримут в ходе акций протестов.

Актор, координирующий действия общественных протестных масс.

На территории стран Индии, США и Гонконга координацией протестующих занималось множество различных организаций, а также отдельно взятые демонстранты. Акторы направляли протестующих в формате реального времени с помощью социальных сетей. Активисты, в свою очередь, следовали той или иной тактике организаций или советам других протестующих, а также сами делились с ними актуальными новостями, для того чтобы была возможность внести изменения в программу действий.

Система координации протестующих в Венгрии, Франции и Малави отличалась от системы координации предыдущих стран. Демонстрантов направляли местные отделения центров организации протестов, а также все партнеры, которые входили в коалицию.

Централизованная координация демонстрантов также была представлена в Белоруссии и Великобритании. За информирование о тактике и программе действий отвечали конкретные акторы, которые не имели разветвленную систему ячеек. В Белоруссии данную функцию выполнял Telegram канал «NEXTA», в Великобритании координацию выполняло объединение «People's vote». Для работы с протестующими был запущен сайт, где каждый зарегистрировавшийся получал актуальную программу действий в ходе протестов и подготовки к ним.

Актор, мобилирующий сторонников и общественные массы на акции протеста.

Наиболее популярная система мобилизации граждан на массовые акции протеста – это использование кадровых ресурсов членов объединения (зонтичной организации), организующего протесты при поддержке различных обще-

ственных, экономических и политических партнеров. Такая конфигурация использовалась на акциях протеста в Венгрии, Малави, Франции и Великобритании.

Похожая система мобилизации была использована в Белоруссии. Значимую роль также играла зонтичная организация – Координационный Совет Белоруссии, благодаря которой члены объединения призывали на протесты сторонников и приверженцев оппозиционной политики.

Мобилизация на массовые политические акции протеста в США, Индии и Гонконге проводилась большим количеством организаций, которые редко согласовывали действия между собой, а также самостоятельно людьми в социальных сетях. Организации, проводившие большие акции протеста, мобилизовали своих сторонников с помощью собственных каналов, на которых призывали жителей поддержать протестующих.

Актор, занимающийся обработкой и анализом информации о ходе массовых политических протестов.

Наиболее распространенной моделью является деятельность групп, сообществ и каналов в социальных сетях и мессенджерах, куда протестующие передают информацию о местонахождении сотрудников правоохранительных органов, о персональных данных задержанных и раненных активистов, а также о личных данных полицейских. Сообщества агрегируют и анализируют информацию. Такой деятельностью занимались акторы в Гонконге, Белоруссии, Индии и США. В данных странах насчитывались десятки таких площадок в интернет-пространстве, которые самостоятельно вели свою деятельность.

Другая модель наблюдалась в Великобритании и Малави, где институционализированные организации, занимающиеся протестами, самостоятельно осуществляли анализ событий в рамках акций протеста. Акторы занимались подсчетом количества протестующих, изучали стратегию полицейских, обрабатывали информацию по потерпевшим и другое.

Наконец, во Франции и Венгрии организации, занимающиеся проведением протестов и разработкой программы действий, не выполняли функцию анализа и обработки информации о ходе массовых протестов. Такой деятельностью занимались независимые правозащитные организации стран, а также международные организации, которые не входили в протестную коалицию.

Канал коммуникации с участниками массовых акций протеста.

Наиболее централизованная модель коммуникации с протестующими наблюдается на демонстрациях во Франции, Малави, Великобритании, Венгрии

и Белоруссии. В каждой стране за организацию протестов формально и неформально отвечали конкретные акторы, которые использовали собственные каналы коммуникации. Чаще всего это был их официальный сайт, а также аккаунты в различных социальных сетях. Информация, которая транслировалась на официальных каналах организаторов протестов была распространена в группах социальных сетей партнеров, а также их сторонников.

На массовых акциях протеста в Индии отсутствовал единый официальный канал коммуникации в связи с тем, что организацией протестов занималось большое количество акторов на всей территории страны.

В Гонконге и США также функционировало большое множество каналов коммуникации, контролируемых различными организациями, непосредственно принимающих участие в разработке акций протеста. Однако в отличие от предыдущих кейсов, в данных демонстрациях большую роль в коммуникации с протестующими играли отдельные активисты, а также неформальные объединения в социальных сетях.

Актор, оказывающий поддержку участникам массовых акций протеста.

Зонтичная модель организации протестов в Малави, Великобритании, Франции и Венгрии способствовала оказанию помощи участникам протестов. На акциях протеста во Франции и Венгрии коалиционные члены-организаций помогали пострадавшим и задержанным активистам бесплатными юридическими консультациями. В Малави и Великобритании кроме юридической помощи организации-партнеры оказывали финансовую поддержку.

Другая модель помощи наблюдалась в США, Гонконге и Белоруссии. Поддержку участникам массовых акций протеста оказывали сразу несколько акторов, которые не занимались координацией действий между собой. Демонстранты могли получить юридическую и финансовую поддержку от различных правозащитных организаций и фондов. Кроме этого, помощь оказывали волонтеры-медики, а также обычные жители городов.

Наконец, в Индии из-за высокой фрагментированности организации протестов помощь оказывали только правозащитные организации.

Взаимодействие общественно-политических акторов между собой в ходе массовых акций протеста.

В связи с тем, что в Великобритании, Венгрии, Малави, Гонконге, Белоруссии и Франции в организации протестов участвовали зонтичные организации, это и способствовало взаимодействию акторов, которые входили в объединенную коалицию. Организации-партнеры обеспечивали совместную координацию протестов и мобилизацию своих сторонников.

Частичное взаимодействие между акторами массовых протестов наблюдается в Индии и США. Из-за того, что отсутствовал единый государственный актор, организации в штатах и городах самостоятельно проводили протесты. В одних территориях стран организации реализовывали совместные акции протесты, в других – взаимодействие отсутствовало.

Единство культурных и духовных символов участников массовых акций протеста.

Наиболее культурное и духовное единство продемонстрировали активисты на акциях протеста в Гонконге, Белоруссии и США. Демонстранты транслировали одинаковые лозунги и слоганы, вместе пели гимны и песни, в одежде у них присутствовал ключевой цвет протестов, также они использовали конкретные жесты и символы. Например, в Гонконге был распространен черный цвет, в США – черный и желтый, в Белоруссии – белый. Символом массовых акций протеста в США был кулак «Black power», в Белоруссии – красно-белый флаг, в Гонконге – цветок баухиния на черном фоне. Наиболее популярным лозунгом в Белоруссии был «Жыве Беларусь», в Гонконге – «No extradition», в США – «Black lives matter».

Также культурное и духовное единство проявили участники массовых акций протеста в Великобритании, Индии и Франции. Протестующие использовали одинаковые флаги и лозунги, на плакатах рисовали конкретные лица людей. Например, в Великобритании активисты акций использовали флаг Европейского Союза, во Франции и Индии – национальный флаг государств. Демонстранты в Великобритании изображали на плакатах лица Макрона и Дарманина, в Индии – лицо Ганди, а в Великобритании – лицо Мэй и Джонсона. Наиболее популярным лозунгом во Франции был «Who will protect us from the police?», в Великобритании – «Stop Brexit», в Индии – «Hindustan is not somebody's private spoils».

На акциях протеста в Малави и Венгрии культурные и духовные символы не имели широкого распространения. Не было единых песен, цветов одежды, символов, системы жестов, флагов и другого.

Исходя из полученных результатов, с помощью разницы индекса централизации и индекса децентрализации, мы получили итоговый индекс организации протестов: Великобритания – 8; Франция – 7; Малави – 6; Венгрия и Беларусь – 5; Гонконг – 0; США и Индия имеют значение – 1.

График 1. Результаты индекса организации протестов

Рассмотренные кейсы можно объединить в два кластера по значениям индекса организации протестов: в первый кластер относятся массовые политические протесты в Великобритании, Франции, Малави, Венгрии и Белоруссии, а во второй кластер – Гонконг, США и Индия.

Политические протесты первого кластера можно определить как централизованные. Во-первых, в этих странах существовали акторы, которые организовывали и координировали политические протесты, а также мобилизовали граждан на демонстрации. В одних странах организационной деятельностью занимались зонтичные организации: Франция, Великобритания, Малави и Венгрия, а в других союз двух акторов – Белоруссия.

Во-вторых, организации, участвующие в акциях протеста, имели высокую степень взаимодействия между собой. Как ранее было описано, осуществлялось это за счет объединения, в которые они входили.

В-третьих, коммуникация с участниками протеста и их поддержка была обеспечена за счет собственных каналов и ресурсов акторов-организаторов протестов. В каждой стране связь с активистами обеспечивалась с помощью официальных веб-сайтов и аккаунтов организаторов и их партнеров в социальных сетях.

Поддержка протестующим оказывалась за счет организаций, которые входили в объединения. Однако в Белоруссии поддержка не была столь централизованной, так как осуществлялась сразу несколькими организациями, которые не согласовывали действия друг с другом. Различаются кейсы по двум параметрам: анализ хода протестов и единство культурных и духовных символов.

Политические протесты второго кластера можно определить как смешанные (гибридные). Связано это с тем, что организация и координация массовых акций протеста, а также мобилизация участников демонстраций обеспечивалась благодаря деятельности нескольких организаций, которые редко согласовывали действия между собой. Также сюда можно еще отнести функцию по поддержке участников демонстрации, однако в Индии она была ограничена и не обеспечивалась в том объеме, как в кейсах в США и Гонконге.

Если в Индии и США взаимодействие между различными организациями и объединениями отличалось в зависимости от штатов и городов, то в Гонконге оно обеспечивалось за счет зонтичной организации «Гражданский фронт за права человека», а также благодаря различным сообществам и форумам в социальных сетях.

В США и Гонконге большую роль в коммуникации между участниками протеста сыграли аккаунты в социальных сетях и мессенджерах, которые не были подконтрольны какой-либо организации. Люди самостоятельно объединялись в сообщества и обменивались актуальной и значимой информацией по происходящему протесту. В Индии же за реализацию данной функции отвечали аккаунты в социальных сетях различных общественно-политических акторов страны, проводивших протесты.

Не менее важно, что кейсы этого кластера дополнительно включают как централизованные, так и децентрализованные черты массовых политических протестов. Например, в этих странах на демонстрациях участники продемонстрировали единство культурных и духовных символов. А что касается анализа хода протестов, то в этих кейсах данной деятельностью занимались активисты самостоятельно с помощью использования аккаунтов в социальных сетях.

Децентрализованные характерные черты связаны с использованием цифровых технологий, представленных социальными сетями, мессенджерами и мобильными приложениями. Именно эти инструменты не только повлияли на организацию и проведение политических протестов, но и вошли в их структуру.

Цифровые технологии в некоторых случаях заменили лидеров протестов и организации как акторов, реализующих функции по осуществлению массовых демонстраций. Каждый человек выступил как самостоятельный центр принятия решений, неподконтрольный институционализированной или неинституционализированной организации.

Перечисленные действия были обеспечены за счет социальных сетей Instagram, Facebook и Twitter, мессенджера Telegram, форума LINKG, приложений Airdrop и Bridgefy, веб-ресурса Hkmap.live. Участники массовых акций протеста обменивались сообщениями друг с другом, делились актуальной информацией, устраивали мозговые штурмы, информировали жителей и граждан зарубежных стран о ключевых новостях протестов, делились информацией об арестованных и раненых, подсчитывали количество участников демонстраций, формировали базу данных полицейских, а также фиксировали факты жестокого обращения со стороны полиции.

Кейсы Индии, США и Гонконга, в которых представлены характерные черты децентрализованной структуры организации, все же не являются децентрализованными протестами.

Децентрализованных акций протеста, которые могли быть расположены в зоне графика по результатам ИОП от -8 до -4, в исследовании выявлено не было.

Предполагаем, что такие результаты могут быть связаны с тем, что в любой акции протеста будут принимать участие активисты, которые имеют по сравнению с другими людьми больший опыт организации, координации и мобилизации протестов. Сознательно или бессознательно, они будут брать больше обязанностей и, соответственно, ответственности за проведение протестов. Так же себя будут вести общественные и политические организации, так как политическое пространство – это поле их деятельности. Они будут организовывать демонстрации или присоединяться к ним, приглашать сторонников и партнеров поддерживать позицию протестующих, анализировать ход протестов, оказывать поддержку участникам протеста и другое. Соответственно, возможности организации и проведения полностью децентрализованных массовых политических протестов ограничены.

Библиографический список

Глобальный трекер протестов [Электронный ресурс]: Фонд Карнеги за международный мир. URL: <https://car-negieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker> (дата обращения: 31.05.2022).

Зазнаев О. И. Измерение президентской власти // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. №1. С. 4-21.

Кештибан Э. А. Лидерство, безлидерство и группы без лидерства: пример движения «Захвати Лондон». Колчестер: Эссекский университет, 2018. 212 с.

Маршалл П. Требуя невозможного: история анархизма. К: ПМ Пресс, 2009. 840 с.

Росс К. Революция без лидера: как простые люди придут к власти и изменят политику в двадцать первом веке. Нью-Йорк: Блу Райдер Пресс, 2011. 224 с.

DECENTRALIZED POLITICAL MASS PROTESTS: CROSS-NATIONAL ANALYSIS

Korovin Dmitriy V.
Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
Dmitrii-korovin@mail.ru

Abstract

The organization structure of mass political protests is changing because of the digital technologies development and the fall in the level of citizens trust in political power. There are political protests, which in domestic and foreign science are called «decentralized». This type of protest is poorly understood, moreover, scientists discuss the possible existence of a decentralized structure for organizing protests. In the study used an index and cross-national analysis of eight mass political protests to identify decentralized characteristics. There are no decentralized protests among the considered cases. At the same time, some political protests partly reflect decentralized characteristics. A key feature of organizing such protests is the use of new digital technologies. The decentralized cluster may be absent because of the political participation peculiarities actors and autonomous activities of organizations.

Key words

Decentralization; protest organization index; mass protest action; political protest; organization structure

ГЕНДЕРНЫЙ ВОПРОС В СОВРЕМЕННОЙ БРАЗИЛИИ

Штейникова Ирина Васильевна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614068, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
irinashteynikova01@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена исследованию гендерного вопроса в современной Бразилии. Гендерная ситуация рассматривается с точки зрения интерсекционального подхода. На основе теории интерсекциональности анализируются проблемные аспекты современной гендерной ситуации в Бразилии. На примере ряда известных бразильских женщин-руководителей автор иллюстрирует особенности положения женщин в зависимости от места рождения, цвета кожи, социального статуса, наличия высшего образования, начала карьерного пути, наличия брака и детей, должности. Исследование показало, что гендерное неравенство в Бразилии продолжает оставаться актуальным: существует очевидная корреляция между социально-экономическим положением индивида, его расовой и гендерной принадлежностью в Бразилии. Гендерный вопрос тесным образом переплетается с политическими, социальными, экономическими, культурными и этническими аспектами жизни бразильского общества.

Ключевые слова

Латинская Америка; Бразилия; гендер; раса; социальное неравенство; женщины-руководители.

Актуальность исследования. Одним из наиболее обсуждаемых вопросов XXI века является вопрос гендерного равенства – справедливого отношения к возможностям и правам людей независимо от их пола. Повсеместно во всем мире из-за разного рода причин сложилась ситуация, дискриминирующая положение женщин в обществе, которая проявляется в неравной оплате труда, «стеклянном потолке», оскорбительных и унижающих высказываниях, в навязывании тривиальных и неактуальных обязанностей. Проблема гендерной дискриминации поднимается и обсуждается во властных структурах большинства стран мира, однако решить ее в полном объеме еще ни одному правительству не удалось. Из наиболее распространенных вариантов борьбы с гендерным неравенством являются гендерная политика, принятие законов и подготовка и реализация национальных планов по обеспечению гендерного равенства, наличие специализирующихся на этом институтов в органах власти и наличие представителей угнетенного класса (в этом помогают гендерные квоты) там же, а также поддержка и развитие деятельности феминистских организаций и освещение проблемы в СМИ.

Если обращаться к решению гендерного вопроса в мире, то наиболее интересным здесь представляется регион Латинской Америки, характеризующийся обновлением гендерной повестки во второй половине XX века. Еще в начале прошлого века вопросы гендерного равенства в Латинской Америке не имели никаких перспектив для развития, но ситуация начала значительно улучшаться с 1990-х годов: так в 16 государствах региона был принят так называемый закон о гендерных квотах, регулирующий и стимулирующий участие женщин в политике. Таким образом, в политическом аспекте Латинская Америка существенно оптимизировала продвижение гендерного равенства в регионе, и в настоящее время гендерный баланс на континенте по некоторым оценкам уже достигает 72,1% (для сравнения, в России он составляет 70,8%) [Взнуздаева, 2021]. Однако, политический аспект является не единственной трудностью, сказывающейся на полоролевом уравнении населения – помимо политического притеснения в регионе всегда преобладали и расовые, и социальные, и экономические трудности.

Типичным случаем в латиноамериканском регионе является Бразилия – страна, находящаяся на востоке материка, крупнейшее и по площади, и по численности населения государство Южной Америки. Закон о гендерных квотах в Бразилии был принят в 1997 году, благодаря мощным женским движениям, которые начали активно проявляться еще в 1970-е годы на волне демократического транзита в период политического открытия при президенте Эрнесте Гайзеле. И до сих пор имеют большое значение на этой территории, но сосредотачиваются уже главным образом на искоренении гендерной дискриминации и на закреплении отдельных прав женщин.

Основная деятельность женских движений лежит в плоскости репродуктивных, экономических и трудовых, и, конечно же, политических прав» [Борик, 2017]. Если говорить точнее, женщины-бразильянки сейчас продолжают бороться за равные с мужчинами возможности, в частности, в трудовой сфере: возможность получать одинаковую заработную плату за равные условия и виды работы; и к примеру, в репродуктивной сфере – возможность принимать решения по использованию или неиспользованию контрацептивов. Не менее животрепещущими запросами оказываются также право на медикаментозное прерывание беременности, защиту от домашнего насилия.

Отдельно следует затронуть тему расовой дискриминации, которая усугубилась в Бразилии в связи с эпидемией Covid-19: «темнокожие люди в Бразилии реже имеют доступ к социальной защите, в основном проживают в районах с меньшим числом больниц» [Бразилия: Борьба с двойной эпидемией расизма и

COVID-19, 2020]. Нередки случаи применения насилия к темнокожим бразильцам со стороны сотрудников полиции.

Не менее тяжело в Бразилии обстоит дело и с нищетой – около 6% человек от 200 млн. населения [Савенко, 2020] проживают в трущобах. Положение бедных улучшилось, когда президентом стала Дилма Русеф, которая реализовала ряд социальных программ в период своего президентства. Тем не менее, с приходом к власти Мишела Темера условия для нищей части населения страны вновь оказались жалкими, и это привело к росту бедности. Поэтому темнокожим бедным женщинам в Бразилии живется особенно некомфортно. Исходя из вышесказанного, изучение гендерного вопроса в Бразилии представляет собой достаточно актуальную тему для исследования.

Теоретический аспект. В основе исследования лежит теория интерсекциональности, предполагающая «подход к идентичности, признающий, что разные ее категории могут пересекаться и сосуществовать в одном человеке, создавая качественно иной опыт, нежели тот, который дает отдельно взятая особенность идентичности» [Смит, 2012–2016, с. 67–101]. Термин ввела Кимберли Креншоу в 1989 году в своем эссе «Демаргинализация пересечения расы и пола: черная феминистская критика антидискриминационной доктрины, феминистской теории и антирасистской политики», рассматривая угнетение афроамериканских женщин. В данном случае акцент ставится на пересечении таких характеристик идентичности, как раса, пол и класс. Исторически эти черты рассматривались по отдельности и приводили к выводам относительно каждой категории. Только с начала 1980-х годов стало актуально рассматривать класс, расу и пол в совокупности. Так Куадрас и Уттал в одной из своих работ подытожили, что «раса, класс и пол являются взаимосвязанными категориями опыта, влияющими на все аспекты человеческой жизни; одновременно структурирующих опыт всех людей в обществе» [Belkhir, Barnett, 2001, p. 157–174].

Вообще, если рассматривать класс, расу и пол в сочетании, то можно привести рассуждения марксистско-феминистской критической теории, склоняющиеся к тому, что угнетение людей, определенных класса, расы и пола, исходит из капиталистического уклада в обществе. Таким образом, расовое угнетение связано с периодом колониализма и работорговли в США, Европе и Африке, когда капиталисты эксплуатировали труд чернокожих, а также имели право совершать действия с ними, как с товаром – обменивать, продавать их. Гендерная же дискриминация складывается с развитием классовой борьбы и патриархатом, призванным подчинить женщину мужскому господству [BERBEROGLU, 1994, p. 69–77]. Таков и случай Бразилии, где в начале XVI века начались испанская и португальская колонизации латиноамериканского региона – прибрежная полоса

страны была превращена в колонии преимущественно переселенческого типа с преобладанием плантационного рабства, а позже Латинскую Америку затронул колониализм и Великобритании, Франции, Нидерландов. Бразилия получила свою независимость от Португалии лишь в 1822 году.

Важно здесь отметить и работу Патриции Хилл Коллинз «Черная феминистская мысль: знание, сознание и политика расширения прав и возможностей», в которой автор доносит мысль, что угнетения не могут сводиться к одному фундаментальному типу, а работает, объединяя их, порождая несправедливость. Кроме того, она упоминает матрицу доминирования, через нее объясняя каким образом строятся эти пересекающиеся угнетения, и фиксируя разное влияние на человека таких категорий, как раса, класс и гендер в разрезе разного географического положения, социально-экономического статуса, времени [Collins, 2000].

Характеристика гендерной ситуации в современной Бразилии. Анализируя гендерную ситуацию в современной Бразилии, следует в первую очередь отметить, что в стране обеспечивается национальный механизм гендерного равенства благодаря, в первую очередь, существующему институту – Министерству по делам женщин, расовому равенству, молодежи и правам человека. Этот институт занимает высокое положение в иерархии государственных структур и подчиняется президенту. Он был учрежден в 1997 году президентом Фернандо Энрике Кардозо (1995–2003), а в 2003 году президентом Лулой да Силвой (2003–2010) были созданы Специальный секретариат по политике в отношении женщин (СПЖ) также при Президенте Республики и Специальный секретариат по политике продвижения расового равенства (Seppir).

Для Бразилии создание таких институтов было важным шагом, так как впервые за всю историю латиноамериканского региона гендерная и расовая проблематика пересеклись в государственной повестке [Abramo, 2008]. Кроме того, в период президентства Лулы да Силвы были введены расовые квоты на поступление в университеты страны, что позволило многим представителям дискриминированных слоев населения получить качественное образование [Summa, 2022]. В 2004 и 2007 гг. были проведены Национальные конференции по политике в отношении женщин, а в 2005 году состоялась Национальная конференция по политике поощрения расового равенства. Все вышеперечисленное способствовало разработке идей по реализации государственной политики в отношении гендерного и расового равенства в Бразилии [Abramo, 2008].

В 2011 году Лула да Силва поддержал кандидатуру женщины в качестве своего преемника на президентском посту. При новом президенте Дилме Русеф (2011–2016) были созданы Министерство по делам женщин и Управление по расовому равенству и правам человека. Позже с помощью министерской реформы

нынешнего президента Бразилии Жаира Болсонару (2019 – н.в.) уже было образовано Министерство по делам женщин, семьи и прав человека в Бразилии. Сейчас оно является одним из министерств, входящих в состав исполнительного кабинета федерального правительства Бразилии, и отвечает за реализацию, продвижение и обеспечение в стране прав детей и подростков, пожилых людей, защиту прав гражданства людей с ограниченными возможностями, чернокожих и женщин, способствующие их включению в общество.

Большую роль в становлении гендерного равенства в Бразилии играет Федеральная конституция, которая провозглашает гражданство и достоинство человеческой личности основными принципами демократического государства и закона и декларирует необходимость содействовать всеобщему благу без ущерба для происхождения, расы, пола, цвета кожи, возраста и любых других форм дискриминации. В Конституции узаконено продление отпуска по беременности и родам с 90 до 120 дней, введение отпуска для отцов и права на пенсию для домашних работников, а также равные права мужчин и женщин в супружеском обществе и право женщин на владение землей в случае аграрной реформы [Abramo, 2008].

Кроме того, поддержка женщин в правовом поле продолжается с 1995 года, когда был принят закон № 9.100, устанавливающий 20-процентную квоту в избирательных списках муниципального законодательного собрания. Через 2 года приняли новый закон № 9.504, по которому минимум 30% и максимум 70% мест для кандидатур обоих полов должно было быть зарезервировано в Палате депутатов, Законодательной палате, Законодательном собрании и муниципальных палатах каждой партии или коалиции.

В 2009 году был принят закон № 12.034, согласно которому минимум 5% партийного фонда и минимум 10% времени программы партии должны были быть потрачены на программы по продвижению и распространению участия женщин в политической жизни.

Защита женщин от домашнего и семейного насилия зафиксирована в законе № 11.340 (Закон Марии да Пенья) от 2014 года. Национальный план государственной политики в отношении женщин (2013–2015 гг.), который был утвержден в 2004 году подтверждает такие руководящие принципы Национальной политики в отношении женщин, как обеспечение автономии женщин во всех сферах жизни; стремление к эффективному равенству между мужчинами и женщинами во всех областях; уважение разнообразия и борьба со всеми формами дискриминации; гарантия светского характера государства; универсальность услуг и льгот, предлагаемых государством; активное участие женщин на всех этапах государственной политики [Leyes, n.d.].

Говоря о равенстве в трудовой сфере, стоит отметить, что в Бразилии запрещена гендерная дискриминация при приеме на работу, при этом уровень участия женщин на рынке труда увеличился с 46,31% в 1992 году до 59,51% в 2005 году, а уровень участия мужчин упал с 86,3% до 82%. В результате этого двойного движения разрыв в уровнях участия мужчин и женщин сократился с 33 до 23 процентных пунктов. В тот же период повысился уровень занятости женщин. Следовательно, разница в уровне занятости женщин и мужчин значительно сократилась – с 33 до 24 процентных пунктов [Abramo, 2008]. В том числе заработная плата у женщин такими же темпами стала увеличиваться – если в 1992 году женщины получали в среднем эквивалент 61,5% заработной платы мужчин, то в 2006 году эта доля возросла до 70,7%. А в 2018 году средняя заработная плата женщин составила уже 79,5% [Las mujeres ganaron un 20,5 % menos que los hombres en Brasil durante 2018, 2019] от заработной платы мужчин. Хотя этот показатель и увеличивается, все же этот аспект, имея большое значение для обеспечения равенства между мужчинами и женщинами в Бразилии, особенно ухудшает общую картину. Также здесь стоит учитывать, что помимо времени, затрачиваемых на работу – 34,7 часа в неделю, женщины выполняют домашние дела, на которые у них уходит около 21,8 часа в неделю, по исследованию 2006 года, что говорит о большей занятости женщин в Бразилии в целом по сравнению с мужчинами и в сфере неоплачиваемого труда так же [Abramo, 2008]. В 2019 году уровень экономической активности женщин повысился до 61,89%, сохраняя тенденцию последних лет в увеличении этого показателя [Tasa de participación en la fuerza laboral, mujeres (% de la población femenina entre 15–64 años) (estimación modelado OIT) – Brazil].¹

Острым вопросом в Бразилии является и применение насилия к женщинам. В 2017 году Бразилия занимала 5 место по количеству убийств женщин в сравнении с 83 другими странами.² Анализируя динамику количества убийств женщин с 2009 года по 2019 год, можно отметить сравнительно одинаковые показатели в этот период с наибольшим ростом в 2017 году и с наибольшим понижением в 2019 году.³ Однако с пандемией уровень убийств женщин вновь стал набирать обороты. В 2021 году Верховный суд страны принял решение о том, что "защита чести" впредь не может служить смягчающим обстоятельством при феминциде – убийстве женщин в связи с их гендерной принадлежностью.⁴ «В 2019 году в Бразилии было зарегистрировано более 1300 случаев феминцида – почти на восемь процентов больше, чем годом ранее» [Жуков, 2021].

---

¹ По данным Global Gender Gap Report 2021.

² По данным Mapa da Violência

³ По данным Mapa da Violência

⁴ По данным агентства AFP

Отличительной чертой гендерной ситуации в Бразилии является управление домохозяйств женщинами – в 2015 году они возглавляли около 30 миллионов домашних хозяйств, что более чем вдвое превышает показатель 2001 года [Garcia, 2020]. Этот показатель, несмотря на неутешительную гендерную ситуацию в целом, иллюстрирует стремление бразильянок к независимости.

1 января 2019 года пост президента Бразилии занял политик с крайне правыми взглядами (впервые после правления военной хунты) – Жаир Болсонару, который достаточно свободно высказывает свою позицию по серьезным актуальным вопросам, в том числе связанным с гендерной дискриминацией. Например, в 2011 году в интервью программе «Во что бы то ни стало» на вопрос, что бы он сделал, если бы узнал, что его сын влюбился в чернокожую девушку, Болсонару ответил: «Мне это не грозит, потому что мои дети хорошо воспитаны...» [«Я не ультраправый. Я поклонник Трампа». Главные цитаты Жаира Болсонару, 2018]; а в 2015 г. в интервью журналу «Полночь» сообщил, что «женщины должны получать меньшую зарплату из-за ухода в декретный отпуск» [«Я не ультраправый. Я поклонник Трампа». Главные цитаты Жаира Болсонару, 2018]. В 2021 году его и некоторых членов правительства оштрафовал федеральный суд Бразилии за сексистские высказывания в сторону женщин – а именно Паулу Гедеса (министра экономики Бразилии), который на экономическом форуме в городе Форталеза в 2019 году назвал супругу президента Франции Бриджит Макрон «безобразной» (со слов президента Бразилии) и согласился с этим [Назарова, 2021]; а также под обвинение попала министр по вопросам женщин, семьи и защиты прав человека Дамарес Алвес за фразу о том, что «женщина должна подчиняться мужчине» [Назарова, 2021].

Сам Жаир Болсонару выступает против легализации аборт – этому свидетельствует его реакция на соответствующую меру, принятую в Аргентине в 2020 году: «Жизнь аргентинских детей теперь может быть закончена в утробе их матерей, с согласия государства, – заявил он. – Мы всегда будем бороться, чтобы защитить жизнь невинных» [Президент Бразилии выразил сожаление легализацией аборт в Аргентине, 2020], при том, что сейчас аборт в Бразилии являются незаконными, за исключением случаев, когда что-то угрожает жизни матери и когда было совершено изнасилование. В стране защищаются аборт даже на уровне населения – большинство опрошенных Бразилии (33%) проголосовали за запрет аборт, кроме некоторых обстоятельств, однако, приверженцев полного разрешения аборт тоже внушительное количество (31%) [América Latina: opinión pública acerca del aborto por país 2021, 2021], вероятно это происходит из-за конфессиональных предпосылок – Бразилия исповедует традиционно католические ценности, по которым аборт считается убийством ребенка. В то же время

есть данные, позволяющие сказать, что законное табу на совершение аборта приводит к серьезным последствиям – в Бразилии распространены подпольные аборты, повышающие смертность и проблемы со здоровьем у женщин. «В Бразилии ежегодно производится 500 000 подпольных абортов, из которых почти 200 000 приводят к осложнениям, а 500 заканчиваются смертью» [Miklos, Lavinhas, 2018].

Таким образом, особую роль в улучшении гендерной ситуации в Бразилии сыграл период правления президента Лулы да Силвы, который характеризовался пристальным вниманием к интересам населения, важными реформами в области гендерного и расового уравнивания прав и возможностей. Значительных изменений на практике удалось достичь, благодаря появлению возможности для женщин в трудовой сфере реализовывать те виды деятельности, которые ранее были доступны только мужчинам. Необходимо также отметить, что с приходом к власти президента Жаира Болсонару в Бразилии вновь появилась тенденция к консерватизму и замедлению процесса улучшения гендерной ситуации.

Биографический анализ. Для проверки гипотезы о том, что социально-экономическое положение и цвет кожи женщин влияют на их профессиональную позицию в Бразилии, был проведен биографический анализ в отношении пяти наиболее известных женщин-руководителей Бразилии (см. таблицу 1). Сравнение проводилось на основе семи основных показателей: места рождения; цвета кожи; социального статуса; наличия высшего образования; начала карьерного пути; наличия брака и детей; должности.

Таблица 1. Данные биографического анализа женщин-руководителей Бразилии

Имя/ Фактор	Место рожде- ния	Цвет кожи	Социаль- ный статус	Высшее образо- вание	Карьер- ный путь	Семейное положение	Должность
Дилма Русеф	крупный город	светлый	обеспечен- ная	есть	40 лет	разведена, есть ребенок	президент страны (2011- 2016)
Кристина Палмака	крупный город	светлый	необеспе- ченная	есть	28 лет	замужем, есть ребенок	президент ИТ-компании (с 2013)
Мария дас Грасас Сильва Фостер	неболь- шой город	светлый	необеспе- ченная	есть	34 года	замужем, есть дети	президент компании (2012-2015)
Соня Хесс де Соуза	неболь- шой город	светлый	необеспе- ченная	есть	23 года	замужем, есть дети	президент компании (2003-2015)
Клаудиа Сендер	крупный город	светлый	обеспечен- ная	есть	15 лет	замужем, де- тей нет	ген. директор ком- пании (с 2013)

Выводы и заключение. В результате исследования получены следующие выводы. Исторический фактор имеет решающее значение для современной гендерной ситуации в Бразилии – ее колониальное прошлое и расовое смешение, в результате которых региону еще долгое время было необходимо восстанавливаться и формулировать собственные принципы политики (в том числе гендерной); значимая роль католической церкви, ограничивающие поле возможностей для женщин, и другие значимые маркеры латиноамериканского региона оказывают сильное влияние на гендерное равенство здесь.

Раса, гендер и класс в соответствии с интерсекциональным подходом анализируются в неразрывном единстве. В практическом смысле это означает, что существует очевидная корреляция между социально-экономическим положением индивида, его расовой и гендерной принадлежностью.

Библиографический список

Борик А. Непраздний вопрос: роль женщин в современной Бразилии. 2017. BRASIL.RU. URL: <https://brasil.ru/articles/nezprazdnyj-vopros-rol-zhenshhin-v-sovremennoj-brazilii> (дата обращения: 21.11.2021).

Бразилия: Борьба с двойной эпидемией расизма и COVID-19. 2020. ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА. URL: <https://www.ohchr.org/RU/NewsEvents/Stories/Pages/DalilaNegreiros.aspx> (дата обращения: 21.11.2021).

Взнуздаева М. Как работают гендерные квоты и для чего они нужны. 2021. rbc.ru. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/social/613b66f99a794764c6bad6f62> (дата обращения: 21.11.2021).

Жуков Е. В Бразилии «защита чести» – более не смягчающее обстоятельство при фемicide. 2021. URL: <https://www.dw.com/ru/brazilija-zashhita-chestibo-lee-ne-smjagchajushhee-obstojatelstvo/a-56866449> (дата обращения: 06.12.2021).

Назарова К. В Бразилии суд оштрафовал государство за сексистские высказывания президента. 2021. LENTA.RU. URL: <https://lenta.ru/news/2021/06/26/bolsonaro/> (дата обращения: 02.03.2022).

Президент Бразилии выразил сожаление легализацией абортов в Аргентине. 2020. ИА Красная Весна. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/7b8bce9e> (дата обращения: 02.03.2022).

Савенко Д. Роскошь и нищета под бразильским солнцем. Петербурженка – о Рио-де-Жанейро. 2020. Аргументы и Факты. URL: https://spb.aif.ru/society/krepkie_pocelui_vmesto_rukopozhatiy_sovremennik_o_nravah_v_brazilii (дата обращения: 21.11.2021).

Смит Б. Интерсекциональная дискриминация и реальное равенство: сравнительно-теоретическая точка зрения. 2012-2016. Журнал the Equal Rights Review. URL: <https://www.equalrightstrust.org/ertdocumentbank/%D0%91%D0%B5%D0%BD%20%D0%A1%D0%BC%D0%B8%D1%821.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

«Я не ультраправый. Я поклонник Трампа». Главные цитаты Жаира Болсонару. 2018. ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5732682> (дата обращения: 02.03.2022).

Abramo L. Un tema presente en la agenda brasileña. 2008. NUEVA SOCIEDAD. Fasc. 218. URL: <https://nuso.org/articulo/un-tema-presente-en-la-agenda-brasilena/> (дата обращения: 06.12.2021).

América Latina: opinión pública acerca del aborto por país 2021. 2021. Statista. URL: <https://es.statista.com/estadisticas/1057681/opinion-aborto-america-latina-pais/> (дата обращения: 02.03.2022).

Belkhir J.A., Barnett B.M. Race, Gender and Class Intersectionality. 2001. Race, Gender and Class journal. Vol. 8. URL: <https://www.jstor.org/stable/41674988?readnow=1&refreqid=excelsior%3A90de57ee815ace0a51abc0927e66e1d8&seq=1> (дата обращения: 18.03.2022).

BERBEROGLUB. Class, Race and Gender: The Triangle of Oppression. 1994. Race, Sex and Class. Vol. 2, fasc. 1. URL: <https://www.jstor.org/stable/41680097?readnow=1&refreqid=excelsior%3Ac7dfd344f4cb052011c46f5f152af013&seq=1> (дата обращения: 18.03.2022).

Collins P.H. Black Feminist Thought: Knowledge, Consciousness, and the Politics of Empowerment. 2000. Routledge. E. d. 2nd. URL: <https://uniteyouthdublin.files.wordpress.com/2015/01/black-feminist-thought-by-patricia-hill-collins.pdf> (дата обращения: 18.03.2022).

Garcia Raphael Tsavkko. While murder rates fall in Brazil, femicide remains on the rise. 2020. URL: <https://womensmediacenter.com/women-under-siege/while-murder-rates-fall-in-brazil-femicide-remains-on-the-rise> (дата обращения: 06.12.2021).

Las mujeres ganaron un 20,5 % menos que los hombres en Brasil durante 2018. 2019. URL: <https://www.efe.com/efe/america/economia/las-mujeres-ganaron-un-20-5-menos-que-los-hombres-en-brasil-durante-2018/20000011-3919273> (дата обращения: 06.12.2021).

Leyes. Observatorio de Igualdad de Género. URL: <https://oig.cepal.org/es/laws/3/country/brasil-7> (дата обращения: 06.12.2021).

Miklos L. Aborto en Brasil: la historia interminable. 2018. OpenDemocracy. URL: <https://www.opendemocracy.net/es/el-eterno-tema-del-aborto-en-brasil/> (дата обращения: 02.03.2022).

Summa G. El regreso de Lula a un Brasil de rodillas. 2022. URL: <https://nuso.org/articulo/regreso-lula-brasil-rodillas/> (дата обращения: 18.03.2022).

Tasa de participación en la fuerza laboral, mujeres (% de la población femenina entre 15-64 años) (estimación modelado OIT). Brazil. URL: <https://datos.bancomundial.org/indicador/SL.TLF.ACTI.FE.ZS?locations=BR> (дата обращения: 06.12.2021).

GENDER ISSUE IN MODERN BRAZIL

Shteynikova Irina V.
PermStateUniversity, 15, Bukireva str.,
Perm, 614068, Russia,
irinashteynikova01@gmail.ru

Abstract

The article is devoted to the study of the gender issue in modern Brazil. The gender situation is considered from the point of view of the intersectional approach. Based on the theory of intersectionality, the problematic aspects of the current gender situation in Brazil are analyzed. On the example of a number of well-known Brazilian women leaders, the author illustrates the peculiarities of the position of women depending on the place of birth, skin color, social status, higher education, the beginning of a career path, the presence of marriage and children, and position. The study showed that gender inequality in Brazil continues to be relevant: there is an obvious correlation between the socio-economic status of an individual, his race and gender in Brazil. The gender issue is closely intertwined with the political, social, economic, cultural and ethnic aspects of Brazilian society.

Keywords

Latin America; Brazil; gender; race; social inequality; female leaders

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЭКГРАУНД МЕСТНЫХ ГЛАВ ПОСЛЕ ВВЕДЕНИЯ КОНКУРСНОЙ МОДЕЛИ ИЗБРАНИЯ (СЛУЧАЙ ПЕРМСКОГО КРАЯ)

Субботина Анна Александровна
Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
annasubbotina1000@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена ответу на вопрос: как введение конкурсной модели повлияло на изменение политического бэкграунда местных глав по сравнению с политическим бэкграундом глав, избираемых посредством прямых выборов? Этот вопрос был рассмотрен на примере муниципалитетов Пермского края (2014-2021 гг.). На основании институционализма рационального выбора проанализированы четыре аспекта предшествующей политической карьеры мэров. В результате на основании построения таблиц сопряженности не выявлено различий в депутатском опыте и опыте работы в местной администрации среди избираемых напрямую и избираемых по конкурсу глав. Однако с введением конкурсной модели отмечен рост доли мэров-выходцев из региональных органов власти и уменьшение доли мэров с электоральным опытом.

Ключевые слова

Местное самоуправление; местные главы; предшествующая политическая карьера мэра; выборы; конкурсная модель; региональная власть; губернатор.

В 2014–2015 гг. были внесены изменения в законодательство о местном самоуправлении (сокр. МСУ). Во-первых, право определять модель избрания мэра было передано на региональный уровень власти. Во-вторых, была введена новая модель рекрутирования местного главы – конкурсная, которая подразумевает избрание главы местным представительным органом из числа кандидатов, отобранных конкурсной комиссией [№ 8-ФЗ, 2015, ст. 2; № 131-ФЗ, 2003, ст. 36, п. 2].

Модель рекрутирования мэра может влиять на характер предшествующей карьеры, с которой кандидаты успешно избираются на должность главы. Исследования, сравнивающие прямые выборы и модель с сити-менеджером, демонстрируют, что избранные напрямую главы и сити-менеджеры отличаются по ряду социальных характеристик [Тев, 2010; Туровский, 2015; Buckleyetal., 2014]. Конкурсная процедура рекрутирования отличается как от прямых выборов, так как глава не избирается напрямую населением муниципалитета, так и от модели с сити-менеджером, так как при конкурсной модели мэр совмещает пост главы муниципалитета и главы администрации. Следовательно, избрание по конкурсу

тоже может привести к изменениям в политических и социальных характеристиках рекрутируемых мэров, что менее изучено по сравнению с моделью «сити-менеджер». О влиянии этой модели на карьерные траектории глав уже проводились систематические исследования на выборке муниципалитетов в масштабах всей страны [Тев, 2010; Buckley et al., 2014]. Данная работа фокусируется только на политических карьерных характеристиках мэров. Как введение конкурсной модели избрания повлияло на изменение политического бэкграунда местных глав по сравнению с политическим бэкграундом глав, избираемых посредством прямых выборов? Этому вопросу посвящено исследование.

Теоретическая рамка

В статье вопрос рассматривается сквозь призму институционализма рационального выбора. Эта теория опирается на тезис о рациональности политических акторов: они стремятся к максимизации выгоды и минимизации издержек. Совершая выбор, акторы «взвешивают» альтернативы с точки зрения выгоды и издержек и выбирают наиболее оптимальную. Но возможности их выбора ограничены существующими институтами. Институты – ««правила игры» в обществе, ограничительные рамки, которые организуют взаимоотношения между людьми» [Норт, 1997, с. 17]. Они очерчивают границы возможных действий индивидов, тем самым делают их более предсказуемыми для других участников социальных отношений. Институты создают стимулы для определённых действий политических акторов – формируют «систему побудительных мотивов» [Норт, 1997, с. 17]. Изменение или появление нового института задаёт новую систему стимулов. Вследствие этого меняются модели поведения акторов. Теоретически предполагается, что они подстраиваются под произошедшие институциональные изменения и как рациональные игроки выбирают наиболее оптимальную для себя альтернативу действий с учётом новых институциональных возможностей и ограничений.

Модель избрания глав местного самоуправления можно рассматривать как политический институт. В 2014 г. была законодательно закреплена новая модель избрания, получившая название конкурсной. Условно процесс избрания главы по конкурсной модели можно разделить на два этапа. На первом этапе формируется конкурсная комиссия, которая осуществляет отбор кандидатов на должность местного главы. Это комиссия наполовину состоит из представителей муниципальной власти, а вторая её половина формируется губернатором. На втором этапе из отобранных конкурсной комиссией кандидатов депутаты местного представительного органа выбирают мэра [№ 8-ФЗ, 2015, ст. 2].

Изменение правил избрания – переход от прямых выборов к конкурсу – создаёт новые стимулы как для региональной власти, так и для мэра. Можно заметить, что конкурсная модель предоставляет больше институциональных возможностей губернатору влиять на избрание местного главы: продвигать одобряемую кандидатуру и не допускать нежелательных кандидатов до депутатского голосования благодаря работе конкурсной комиссии [Гилев, Шевцова 2021; Мухаметов, Позднякова, 2019; Мэттью, Сельцер, 2015]. Можно предположить, что избрание по конкурсу, при котором потенциальному мэру важно заручиться поддержкой губернатора, требует от него иных навыков и опыта, чем прямые выборы. Следовательно, смена модели избрания с преимущественно прямых выборов на конкурсную модель повлияет на то, с каким политическим бэкграундом кандидаты успешно избираются на должность главы.

Под политическим бэкграундом понимается предыдущая политическая карьера мэра в муниципальных и региональных органах власти. В работе рассматриваются 4 аспекта политического бэкграунда: опыт работы в исполнительных органах местного самоуправления, опыт работы в законодательных органах МСУ, опыт работы в региональных органах власти, участие в избирательных кампаниях.

1. Опыт работы в исполнительных органах МСУ (местная администрация)

Местная администрация выступает одним из основных каналов рекрутирования на должность местного главы. Часть мэров либо ранее уже занимала этот пост, либо занимала иные должности в структуре местной администрации [Гринева Д. Д. и др., 2019; Мархинин, Ушакова, 2021; Тев, 2010; Туровский, 2015; Шкель, 2017]. При этом исследователи отмечают тенденцию увеличения числа мэров, ранее работавших муниципальными чиновниками [Гринева Д. Д. и др., 2019; Тев, 2010; Шкель, 2017]. Исследование Комитета гражданских инициатив демонстрирует, что количество местных глав с опытом работы в местной администрации с 2008 по 2019 гг. увеличилось с 29% до 39% [Гринева Д. Д. и др., 2019, с. 24]. Такая тенденция связывается с уменьшением числа прямых выборов мэров и переходом к модели с сити-менеджером, а затем и к конкурсной модели [Гринева Д. Д. и др., 2019; Тев, 2010]. Можно ожидать, что введение избрания по конкурсу создаёт условия для продвижения на должность главы наиболее статусных представителей местной администрации: местные чиновники потенциально имеют самые тесные связи как с муниципальными депутатами (часто представители администрации контролируют процесс избрания местного совета

[Шкель, 2018, с. 677]) и другими муниципальными чиновниками, так и с региональными органами власти, так как местная администрация выступает основным каналом взаимодействия между муниципалитетом и регионом. Эти связи способствуют избранию представителей местной администрации в условиях конкурсной модели. Кроме того, исследователи отмечают, что наиболее успешные с точки зрения электоральной мобилизации мэры ранее имели опыт работы в структурах местной исполнительной власти [Гилев А. В. и др., 2017]. Региональная власть заинтересована в мобилизации избирателей и голосовании за партию власти [Beazer, Reuter, 2022; Reuter et al., 2016], поэтому в условиях избрания по конкурсу регионалы могут быть склонны продвигать на должность главы кандидата, имеющего опыт работы в структурах местной администрации.

H1: Среди избранных по конкурсу больше глав, имеющих опыт работы в исполнительных органах МСУ, чем среди избранных посредством прямых выборов.

2. Опыт работы в представительном органе МСУ (депутатский опыт на местном уровне)

Еще одним каналом рекрутирования местных глав выступают муниципальные легислатуры. Исследователи отмечают сокращение числа мэров, ранее имевших депутатский опыт, как на примере отдельных регионов, так и в целом по России [Гринева Д. Д. и др., 2019; Шкель, 2017]. Согласно данным Комитета гражданских инициатив, количество мэров-бывших депутатов с 2008 по 2019 гг. сократилось с 32% до 16%. Авторы связывают эту тенденцию с отказом от прямых выборов глав, как следствие, снижением востребованности опыта публичного политика на местном уровне [Гринева Д. Д. и др., 2019, с. 24–25]. Однако в исследовании Бакли и др. не была зафиксирована статистически значимая связь между опытом работы мэра в местной легислатуре и моделью избрания (прямые выборы и модель с сити-менеджером) [Buckley et al., 2014, с. 105]. Применительно к конкурсной процедуре тоже можно ожидать отсутствие значимых различий по критерию наличия депутатского опыта между избранными напрямую и избранными по конкурсу мэрами, так как кандидаты, ранее являвшиеся местными депутатами, имеют связи с местным представительным органом, что может быть важно в условиях конкурентного конкурса и политически субъектной легислатуры (нелояльная легислатура, ситуация конфликта местного совета и администрации). Кроме того, сам губернатор в случае конфликтов внутри местной администрации может быть заинтересован в избрании на должность нейтрального авторитетного депутата или спикера местного совета, чтобы снизить уровень конфликтности на территории.

H2: Среди избранных напрямую и избранных по конкурсу мэров не будет различий в опыте работы в местном представительном органе.

3. Опыт работы в региональных органах власти

В условиях отмены прямых выборов и переходу к модели с сити-менеджером исследователи отмечают увеличение числа мэров с опытом работы на уровне региона [Гринева Д. Д. и др., 2019, Тев, 2010; Туровский, 2015]. При конкурсной модели отсутствие прямых выборов и усиление механизмов влияния регионалов на результаты конкурсной процедуры тоже создают условия для избрания на должность местного главы представителя региональной власти. Ранее какое-то время работавшие в региональных органах власти кандидаты могут иметь связи с региональной элитой, что дает им больше возможностей выиграть конкурс, по сравнению с не работавшими ранее в региональных органах. Кроме того, сам губернатор в некоторых случаях может быть заинтересован в продвижении на должность мэра выходца из региональных структур. Во-первых, приход мэра из региона рассматривается как способ усиления контроля губернатора за муниципалитетом [Тев, 2010; Туровский, 2015]. Такой кандидат более подконтролен региональной власти, так как не располагает социальным капиталом на территории, следовательно, склонен больше полагаться на поддержку губернатора. Во-вторых, кандидат-регионал может выступать арбитром в конфликтах местных элит, в разрешении и предотвращении которых тоже заинтересован губернатор.

H3: Избранные по конкурсу кандидаты будут отличаться от избранных путём прямых выборов предшествующим опытом работы в региональных властных структурах: среди избранных по конкурсу будет больше глав с опытом работы в органах власти на уровне региона.

4. Опыт участия в избирательных кампаниях

С введением конкурсной модели отменились прямые выборы мэра, а значит, в целом сократилось количество местных избирательных кампаний. Также параллельно с введением конкурсной модели в Пермском крае реализовывался процесс преобразования муниципальных районов в городские и муниципальные округа. Был ликвидирован уровень поселений, а значит, и избирательные кампании на поселенческом уровне. Следовательно, ранее не избиравшиеся главы, но получившие этот пост по конкурсу могут иметь электоральный опыт только в кампаниях по выборам в местные советы и, возможно, в региональный парламент.

Кроме того, в условиях избрания по конкурсу для кандидатов на должность мэра уже не столь значимы навыки взаимодействия с избирателями и умение побеждать в электоральных кампаниях. В рамках новых правил особенно важны межэлитные связи с наиболее статусными представителями региональной власти, которые могут помочь успешно пройти отбор конкурсной комиссии.

Н4: Избранные по конкурсу главы будут отличаться от избранных путём прямых выборов опытом участия в избирательных кампаниях: у первых этого опыта будет меньше.

Выборка, данные и метод

В работе рассматривается случай Пермского края, так как в рамках этого субъекта во всех муниципалитетах в 2015 г. была введена конкурсная модель избрания местных глав [458-ПК, ст.1]. Такое условие позволяет сравнить глав всех муниципалитетов, избранных на прямых выборах с главами этих же муниципалитетов, только избранных по конкурсу. Рассмотрение муниципальных образований одного региона, с одной стороны, не даёт возможности делать выводы о всех российских муниципалитетах, но с другой стороны, позволяет элиминировать фактор социально-экономического и политического регионального контекста, который влияет на практики МСУ, но при этом варьируется от региона к региону.

Единицей наблюдения является глава муниципалитета. В выборку включены местные главы, которые какое-то время занимали этот пост с – конца 2014 г. по 2021 г., что позволяет учесть, как избранных напрямую, так и избранных по конкурсу мэров. К 2021 г. с введения конкурсной модели прошло около 7 лет, поэтому можно проследить возможные изменения, произошедшие за это время (в муниципалитетах в среднем прошло 2 конкурса). Из выборки исключены главы г. Перми (региональная столица) и ЗАТО Звёздный (муниципалитет с особым статусом). Также не рассматриваются главы муниципалитетов, в которых до введения конкурса функционировала модель с сити-менеджером, так как исследование её эффектов выходит за рамки данной работы и может исказить результаты.

Исследуемый временной промежуток включает как «идеальные» группы глав: избранных только на прямых выборах или избранных только по конкурсу, так и «гибридную» группу – успешно избранных и на выборах, и по конкурсу. Эту категорию мэров можно рассматривать как сначала ориентированную на процедуру выборов, но затем успешно приспособившуюся к новой конкурсной модели. Распределение глав по категориям представлено в таблице 1.

Распределение мэров по трём категориям

Категория	Количество
Мэры, избравшиеся только на прямых выборах	18
Мэры, избравшиеся только по конкурсу	39
Мэры, избравшиеся и по конкурсу, и на прямых выборах	25
Всего	82

Информация о политическом бэкграунде глав собирается и кодируется на момент перед их последним успешным избранием, поэтому у переизбранных учитывается их предыдущий опыт в должности главы, а у избранных впервые на прямых выборах не учитывается данное участие в электоральной кампании, так как для целей исследования важно зафиксировать именно тот опыт, с которым они начинали процесс продвижения на должность главы (и с каким политическим бэкграундом мэры, возможно, вступали в коммуникацию с региональной властью).

Все переменные в исследовании принимаю категориальный вид. Независимая – модель избрания – прямые выборы/ конкурс/ и выборы, и конкурс. Зависимые переменные: есть опыт работы/ нет опыта работы в исполнительных органах МСУ; есть опыт работы/ нет опыта работы в представительных органах МСУ; есть опыт работы/ нет опыта работы в региональных органах власти; есть электоральный опыт/ нет электорального опыта. В качестве метода исследования применяется описательный метод построения таблиц сопряжённости (кросс-табуляция), который позволяет заметить какие-либо тенденции и изменения между группами, но при этом не позволяет фиксировать каузальные связи и статистически значимые различия.

Источниками данных о биографических характеристиках мэров послужили официальные сайты муниципальных образований Пермского края, материалы территориальных избирательных комиссий Пермского края, региональные и местные СМИ.

Результаты

Результаты исследования представлены в таблицах 2,3,4,5.

1. Опыт работы в исполнительном органе МСУ (табл. 2).

**Таблица сопряжённости: модель избрания и опыт работы мэра
в исполнительных органах МСУ**

Модель избрания	Ранее работали в исполнительных органах МСУ		Ранее не работали в исполнительных органах МСУ		Всего
	Число	Процент	Число	Процент	
Только выборы	14	78%	4	22%	18
И выборы, и конкурс	25	100%	0	0%	25
Только конкурс	27	69%	12	31%	39
Всего	66	80%	16	20%	82

Как видно из таблицы 2, подавляющее большинство рассматриваемых мэров (80%) ранее работали в исполнительных органах МСУ, что ещё раз подтверждает фиксируемое ранее наблюдение: местная администрация выступает одним из основных бассейнов рекрутирования на должность главы независимо от модели избрания [Тев, 2010; Туровский, 2015]. Можно заметить, что большинство избранных напрямую и избранных по конкурсу мэров имели опыт работы в местной администрации (78% и 69%, соответственно) и разница между этими группами небольшая (9%), чтобы делать выводы о видимом значительном различии между избранными напрямую и избранными по конкурсу. Наличие опыта работы в исполнительных органах МСУ у всех мэров в категории «избираемых напрямую, и по конкурсу» можно объяснить методикой сбора и кодировки данных: мэры из этой категории ранее уже были главами, а данные по их политическому опыту собирались и кодировались на момент перед последним успешным избранием, поэтому предыдущий опыт в должности главы в данной категории уже учитывался. Увеличение доли мэров, ранее работавших в местной администрации в «гибридной» категории (100%) по сравнению с категорией «только избираемых напрямую» (78%), и при этом уменьшение доли мэров с таким же опытом в категории «избранных только по конкурсу» (69%) по сравнению «с избираемыми напрямую» (78%) не позволяет отметить какие-либо тенденции. То есть переход к конкурсной модели не привёл к видимому изменению доли глав, ранее имевших опыт работы в местной администрации, что согласуется с результатами подобного исследования на примере другого региона [Мархинин, Ушакова, 2021]. Это можно объяснить уже отмеченной доминирующей ролью местной администрации как бассейна рекрутирования мэров.

2. Опыт работы в представительном органе МСУ (табл. 3).

**Таблица сопряжённости: модель избрания и опыт работы мэра
в представительном органе МСУ**

Модель избрания	Ранее работали в представительном органе МСУ		Ранее не работали в представительном органе МСУ		Всего
	Число	Процент	Число	Процент	
Только выборы	8	44%	10	56%	18
И выборы, и конкурс	4	16%	21	84%	25
Только конкурс	14	36%	25	64%	39
Всего	26	32%	56	68%	82

Применительно к депутатскому опыту мэров можно отметить, что с введением конкурсной модели доля ранее работавших в местных советах немного сократилась (44% среди избираемых напрямую против 16% и 36% в категориях мэров, выигрывавших конкурс), что соответствует общероссийскому тренду в местной политике [Гринева Д. Д. и др., 2019]. Однако доля бывших местных депутатов среди избираемых только посредством выборов» и «избираемых только по конкурсу» изменилась незначительно (44% и 36%, соответственно), следовательно, введение конкурсной модели существенно не изменило соотношение глав с депутатским опытом и без такового в рассматриваемом регионе.

3. Опыт работы в региональных органах власти (табл. 4)

Можно заметить, что для политиков и чиновников Пермского края не характерен переход из региональных структур на должность местного главы: только 8 из 82 рассматриваемых глав ранее работали на уровне региона. При этом большинство мэров, пришедших из региональных органов власти, были избраны по конкурсу (6 из 8).

**Таблица сопряжённости: модель избрания и опыт работы мэра
в региональных органах власти**

Модель избрания	Ранее работали в региональных органах власти		Ранее не работали в региональных органах власти		Всего
	Число	Процент	Число	Процент	
Только выборы	0	0%	18	100%	18
И выборы, и конкурс	2	8%	23	92%	25
Только конкурс	6	15%	33	85%	39
Всего	8	10%	74	90%	82

Как и ожидалось, с введением конкурсной модели наметилась тенденция на увеличение числа выходцев из региональных структур в корпусе местных глав: среди избранных только на прямых выборах регионалов не было, в группе «избранные и на прямых выборах, и по конкурсу» – 8%, в группе «избранные

только по конкурсу» – 15%. Вероятно, это связано созданием благоприятных институциональных условий для продвижения регионалов на должность местного главы: не включённому в местные политические и социальные процессы кандидату выиграть выборы сложнее, чем стать главой по конкурсу, где ему в первую очередь, важно заручиться поддержкой губернатора. Кроме того, сам губернатор в некоторых случаях, например, в условиях конфликта в важном для региона муниципалитете, может быть заинтересован в продвижении на должность главы представителя региональных структур, а конкурсная модель делает для него эту процедуру более контролируемой и предсказуемой. Но следует подчеркнуть, что даже в условиях избрания по конкурсу наличие опыта работы в региональных органах власти не является широко распространённым явлением среди местных глав (только 6 из 39 мэров в категории «избранных только по конкурсу» ранее работали на уровне региона). Выходцы из местной администрации и местного совета продолжают доминировать в корпусе местных глав (см. табл. 2, 3).

4. Опыт участия в избирательных кампаниях (табл. 5).

Таблица 5

**Таблица сопряжённости: модель избрания
и опыт участия мэра в избирательных кампаниях**

Модель избрания	Ранее участвовали в избирательных кампаниях		Ранее неучаствовали в избирательных кампаниях		Всего
	Число	Процент	Число	Процент	
Только выборы	16	89%	2	11%	18
И выборы, и конкурс	25	100%	0	0%	25
Только конкурс	17	44%	22	56%	39
Всего	58	71%	24	29%	82

Как следует из таблицы 5, среди избранных только по конкурсу почти в два раза сократилась доля ранее участвовавших в избирательных кампаниях по сравнению с группой мэров, избираемых напрямую (44% и 89%, соответственно). Как и предполагалось, введение конкурсной модели ведёт к уменьшению доли мэров с электоральным опытом, что может быть объяснено сокращением избирательных кампаний на местном уровне, а также отсутствием необходимости в способности кандидата выигрывать в электоральной борьбе в условиях избрания по конкурсу. Для потенциальных мэров важнее неформальное взаимодействие с региональными элитами, а не навыки публичного политика. Как и в случае с опытом работы в исполнительных органах МСУ, наличие электорального опыта у всех мэров в категории «избираемых напрямую, и по кон-

курсу» объясняется методикой сбора и кодировки данных: мэры из этой категории ранее уже были избираемыми главами, а значит, участвовали в избирательных кампаниях.

Заключение

Применительно к Пермскому краю введение конкурной модели рекрутирования глав нашло отражение в изменении их политического бэкграунда, но не по всем рассматриваемым аспектам. Теоретически ожидаемо сократилась доля мэров с электоральным опытом и увеличилась доля глав, ранее работавших на уровне региона, что можно объяснить механизмов функционирования конкурной модели и теми стимулами, которые она как институт формирует у региональных органов власти, органов МСУ и кандидатов на должность местного главы. Однако даже в условиях функционирования конкурной процедуры в Пермском крае наличие опыта работы в региональных органах власти среди местных глав является скорее исключением, чем широко распространенным явлением. Одним из доминирующих бассейнов рекрутирования мэров продолжают оставаться органы МСУ: местные советы и администрации. С введением конкурной модели доля мэров, имеющих депутатский опыт или опыт работы в структурах местной администрации, практически не изменилась. Следовательно, распространённость опыта работы в органах МСУ в предшествующей карьере мэров не связано с моделью избрания, что также отмечают другие исследования [Мархинин, Ушакова, 2021; Тев, 2010; Buckleyetal., 2014].

Следует отметить ограничения исследования. Во-первых, концентрация на одном регионе не позволяет делать выводы о муниципалитетах в масштабах всей страны. Полученные результаты на эмпирическом материале Пермского края в виду гетерогенности российских регионов можно распространять только на схожие субъекты РФ. Во-вторых, данная работа в силу выбранного метода носит описательный характер. Полученные результаты не дают возможности делать каузальные выводы, лишь позволяют фиксировать частоты и соотношения и говорить о некоторых тенденциях.

Библиографический список

Businessclass, персоны URL: <https://www.business-class.su/persons> (дата обращения: 17.04.2021).

Гилев А. В., Семенов А. В., Шевцова И. К. «Политические машины» и их «водители»: электоральное администрирование на местном уровне // Журнал политической философии и социологии политики «Полития. Анализ. Хроника. Прогноз». 2017. №. 3 (86). С. 62–80.

Гилев А. В., Шевцова И. К. Бесконфликтная арена? Эффекты введения процедуры конкурсного отбора глав местной власти в крупных городах России // Политическая наука. 2021. №. 2. С. 260–281.

Гринева Д. Д., Коротеева П. П., Максимов А. Н., Соснин Д. П., Трудолюбов А. С. Особенности ротации корпуса мэров в современной России: доклад // М.: Комитет гражданских инициатив. 2019. С. 49.

Единый портал избирательных комиссий Пермского края // URL: <http://59tik.permkrai.ru/> (дата обращения: 16.11.2021).

Закон Пермского края от 19 марта 2015 458-ПК «О внесении изменений в Закон Пермского края «О порядке формирования представительных органов муниципальных образований Пермского края и порядке избрания глав муниципальных образований Пермского края», ст.1. URL: <https://zakon.zsperm.ru/data/docs/229658> (дата обращения 24.04.2022).

ИСКРА Кунгур, публикации за 2016–2017 гг. URL: <https://iskra-kungur.ru/> (дата обращения: 18.04.2021).

Коммерсантъ Прикамье, публикации за 2009–2021 гг. URL: <https://www.kommersant.ru/regions/59> (дата обращения: 17. 04.2021).

Мархинин В. В., Ушакова Н. В. Электоральные и неэлекторальные механизмы рекрутирования профессионалов для местного самоуправления в России (на примере регионов Тюменской области) // Общество: политика, экономика, право. 2021. №. 11 (100). С. 17–28.

Мухаметов Р. С., Позднякова Ю. А. Модели перехода на конкурсную систему избрания мэров: опыт муниципалитетов Свердловской области // Муниципалитет: экономика и управление. 2019. №. 3 (28). С. 41–48.

Мэттью К., Сельцер Д. Г. «Свои» vs. «Чужие», «Местные» vs. «Варяги»: политические конфликты в России на локальном уровне // Вестник Тамбовского университета. Серия: Политические науки и право. 2015. №. 3 (3). С. 5–15.

Новый компаньон, публикации за 2011, 2014, 2018–2021 гг. URL: <https://www.newsko.ru/> (дата обращения: 12.04.2021).

Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики // М.: Фонд экономической книги «Начала». 1997. 180 с.

Парма-Новости, публикации за 2020 г. URL: <https://parmanews.ru/> (дата обращения: 17. 04.2021)

Сайт муниципальных образований Пермского края URL: <https://www.permaarea.ru/> (дата обращения: 26.12.2021)

Тев Д. Как рекрутировались мэры региональных столиц в 2000-е годы // Общество и экономика. 2010. №. 1. С. 125–141.

Туровский Р. Ф. Местное самоуправление в России и эволюция политического режима // Пропуск. Современные политические процессы. 2015. №. 1 (14). С. 82–98.

Федеральный закон от 06.10.2003 N 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст. 36, п. 2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/4c7cecd112a1dd858dae337d8c734afa11954b2e/ (дата обращения 05.05.2022).

Федеральный закон от 3 марта 2015 N 8-ФЗ «О внесении изменений в статьи 32 и 33 федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан российской федерации" и федеральный закон "об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», ст.2. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174852/b004fed0b70d0f223e4a81f8ad6cd92af90a7e3b/#dst100021 (дата обращения: 05.05.2022).

Шкель С. Н. Рекрутирование локальных элит в условиях субнационального авторитаризма: опыт Республики Башкортостан // Политическая наука. 2017. №. 4. С. 137–160.

Шкель С. Н. Почему депутаты не бунтуют: политический потенциал ассамблей в малых городах Республики Башкортостан // ArsAdministrandi (Искусство управления). 2018. Т.10, № 4. С. 667–686.

Beazer Q. H., Reuter O. J. Do Authoritarian Elections Help the Poor? Evidence from Russian Cities // The Journal of Politics. 2022. Vol. 84, No. 1. P. 437–454.

Buckley N, Garifullina G., Reuter O. J., Shubenkova A. Elections, appointments, and human capital: the case of Russian mayors // Demokratizatsiya. 2014. Vol. 22, No. 1. P. 87–116.

Reuter O. J., Buckley N., Shubenkova A., Garifullina G. Local elections in authoritarian regimes: An elite-based theory with evidence from Russian mayoral elections // Comparative political studies. – 2016. Vol. 49, No. 5. P. 662-697.

**POLITICAL BACKGROUND OF LOCAL HEADS AFTER
THE IMPLEMENTATION OF COMPETITIVE ELECTION MODEL
(A CASE OF PERM KRAI)**

Subbotina Anna A.
Perm State University, 15, Bukireva str.,
Perm, 614990, Russia,
annasubbotina1000@gmail.com

Abstract

The article focuses to answering the question: how has the implementation of the competitive model influenced the change in the political background of mayors as compared to the political background of mayors elected through direct elections? This question was considered on the example of Perm Krai municipalities (2014-2021). Author analyzed four aspects of the political career of mayors based on the institutionalism of rational choice. As a result, the construction of contingency tables revealed no differences in the deputy experience and work experience in local administration among directly elected mayors and elected by competitive model ones. However since the implementation of the competitive model there is an increasing trend of the share of mayors from the regional government and there is a decreasing trend of the share of mayors with electoral experience.

Key words

Local self-government; mayors; political background of mayor; elections; competitive model; regional government; governor

УДК 930.2

**ДИСКУССИИ О РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 Г.
В ПЕРИОД 100-ЛЕТНЕГО ЮБИЛЕЯ РЕВОЛЮЦИИ:
МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ВЕБ-ФОРУМОВ**

Соколов Юрий Вячеславович
Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского,
603022, Россия, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23,
sapsan118@yandex.ru

Аннотация

В статье апробируется методика исследования веб-форумов на материале онлайн-дискуссии о революции 1917 г. В частности, используются компьютерные методы анализа («дальнее чтение») в среде программирования R, такие как латентное размещение Дирихле, латентно-семантический анализ. Проверяется соответствие результатов компьютерной обработки и простого медленного чтения материалов. Исследование показало, что с помощью автоматических алгоритмов анализа нам удалось выявить тематики обсуждений на форумах с небольшим количеством участников дискуссии, при обработке же материалов форума с большим количеством участников данные методы не позволили выявить тематики сообщений пользователей.

Ключевые слова

Публичная история; революция 1917 г; цифровая гуманитаристика; латентно-семантический анализ; латентное размещение Дирихле.

Вместе с цифровизацией средств массовой коммуникации в начале 90-х годов XX в., исследователи публичной истории получили в свое распоряжение новый вид источников – интернет-источники. Интернет-источники сегодня оказывают значительное влияние на формирование общественного мнения об исторических событиях, причем в еще большей степени, чем профессиональные издания [Бородкин, 2015, с.57], а также собственно и содержат информацию о функционировании исторического знания в обществе. Представляется, что эти вводные подчеркивают важность обращения историка-профессионала к производству исторического знания в любительской среде.

Интернет-контент, генерированный в социальных сетях, форумах и в интернет-пространстве в целом и посвященный исторической проблематике, неоднократно изучался в работах исследователей. Ученых на материале этих источников интересовал дискурс об Отечественной войне 1812 г., Второй мировой войне; история российско-американских отношений во второй половине XX – начале XXI в. [*Белых, 2017; Зверева, 2011; Промыслов, 2021; Keith, 2012; Trubina, 2010*].

Один из самых перспективных интернет-источников для публичной истории, по нашему мнению, является – веб-форум. Исследователь А. С. Махов выделяет два важных его преимущества:

1. Уникальность данных о повседневном историческом знании о прошлом, которое образуется без вмешательства со стороны исследователя.

2. Источник отражает многие сферы повседневного взаимодействия людей – от обсуждения новостей до межличностных отношений. Т.е. историческое знание здесь находится в контексте совокупного повседневного знания, что дает возможность увидеть, с какими сторонами социальной жизни оно связано. Именно такой подход может дать понимание специфики повседневного исторического знания [*Махов, 2015*].

В данной статье мы представляем результаты апробации «дальнего чтения» (т.е. чтения с использованием количественных методов, информационных технологий, в противоположность «медленному чтению») [*Moretти, 2016*] в среде программирования R при изучении интернет-форумов. Необходимость использования таких методов вытекает из огромного массива данных в сети Интернет. Кроме того, многие алгоритмы анализа текста можно реализовать только в среде программирования.

Объектом анализа стала дискуссия о революции 1917 г. в России на веб-форумах в 2017 г. – в период столетнего юбилея этого события. Особенность этого юбилея в том, что отсутствовали государственные мероприятия, посвященные юбилею, государство, по сути, не вмешивалось и не участвовало в коммеморации революции [*Колоницкий, Мацкевич, 2018, с.78-80*]. В том числе в связи с этим представляет интерес выявить, как воспринималась революция в массовом сознании в 2017 г.

Электронный текст предполагает использование различных методов работы с ним, ведь с одной стороны это классический текст, что предполагает его чтение и формулирование выводов с помощью традиционных для историков методов. С другой стороны, масштабы онлайн-дискуссий, а также возможность

цифровой обработки материалов, делают необходимым, на наш взгляд, применение методов компьютерной обработки этих текстов. Здесь историкам, по нашему мнению, подойдут как простые приемы для визуализации данных, такие как построение облака слов, так и более сложные алгоритмы латентно-семантического анализа (LSA), и латентного размещения Дирихле (LDA), которые можно реализовать на языках программирования R и Python.

Таким образом, в рамках этой работы мы постарались выявить необходимое соотношение «дальнего» и «медленного» чтения, при работе с отечественными веб-форумами в 2017 г. Задачи исследования включают в себя:

1. Проверку различных методов чтения на материале тематик отечественных веб-форумов, посвященных революции 1917 г. в России.

2. Анализ совпадения или несовпадения результатов дальнего (с опорой на среду программирования R) и «медленного» чтения.

Для апробации методики анализа исторических форумов мы изучим при помощи «дальнего» и «медленного» чтения дискуссию о революции 1917 г. на четырех отечественных веб-форумах, в которых есть соответствующие тематические ветки. Форумы выбирались исходя из наличия либо тематической ветки о революции 1917 г., либо большого числа сообщений по этой теме в рамках других разделов форума.

Первый форум для обзора – strategium.ru [Strategium.ru, 2017] – крупнейший русскоязычный ресурс о стратегических компьютерных играх.

К столетию Октябрьской революции 4 ноября 2017 г. была создана одноименная тема, получившая значительный отклик – 415 сообщений.

Подавляющая часть сообщений была написана в ноябре 2017 г., еще несколько сообщений в конце октября – начале ноября 2018 г., и единичные сообщения в 2019-2021 гг.

В шапке темы размещено голосование по 3 вопросам. Приведем вопросы со статистикой ответов (всего 74 голоса).

1. Знали ли вы о юбилее обсуждаемого события?

Да, знал – 95,89%

Нет, узнал сейчас – 4,11%

2. Считаете ли вы это событие важным для себя, своей страны, мировой истории?

Да – 86,3%

Нет – 10,96%

3. Как вы оцениваете данное событие?

Позитивно – 38,36%

Негативно – 42,47%

Затрудняюсь ответить – 19,18% [Strategium.ru, 2017].

Проанализируем при помощи «медленного чтения», как шла дискуссия, какие вопросы вызвали наибольший отклик.

В начале состоялся обмен мнениями о революции 1917 г. – об экономических последствиях революции, ее влиянии на культуру, науку, грамотность и образование в целом и т.д.; о проблемах и перспективах в Российской империи к концу ее существования, о Первой мировой войне. Проводились параллели с другими странами и событиями.

Первый вопрос, который вызвал длинную дискуссию, это земельный вопрос. Изобразим дискуссию графически (рис. 1). На инфографике мы будем вводим два понятия – «Обсуждение», которые состоят из нескольких сообщений, и «Сообщение» – пост, который вызвал реакцию других пользователей, «узловое» сообщение в дискуссии.

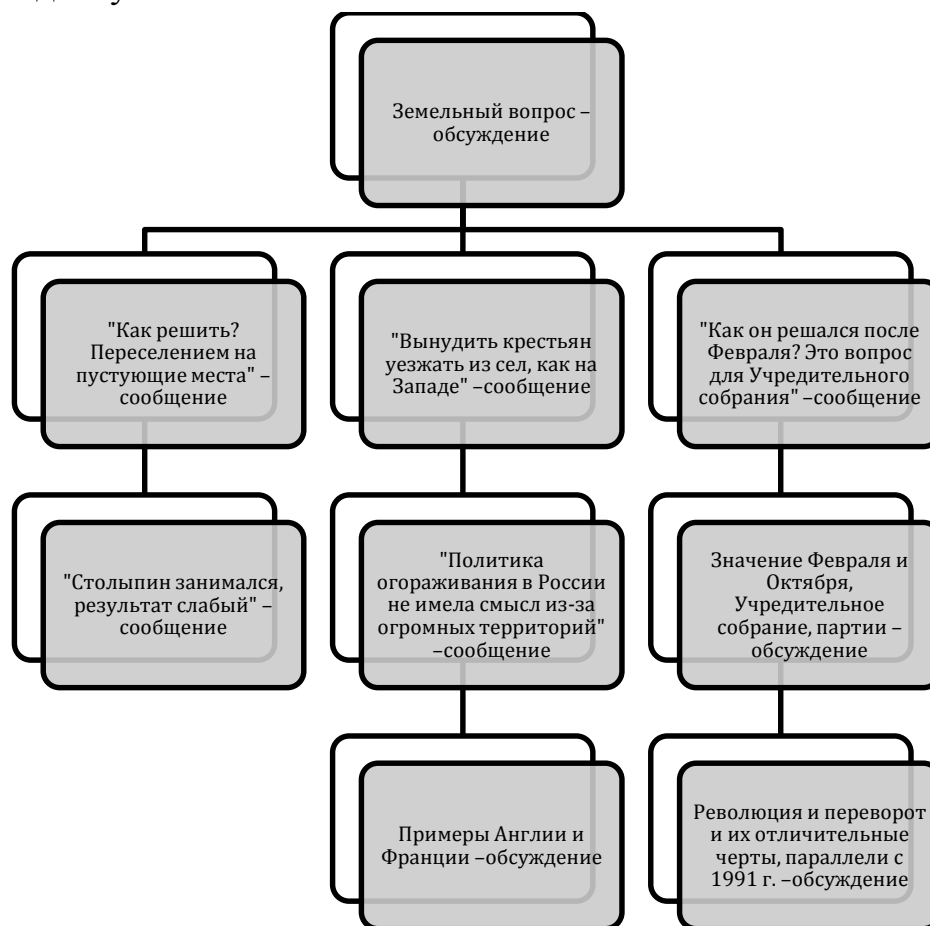

Рис. 1. Обсуждение земельного вопроса на форуме «Strategium»

Значительной по объему и эмоциональной была дискуссия между двумя пользователями о значении Февраля и Октября в развитии страны.

Ещё одна линия дискуссии о революции 1917 г. – идеологические вопросы – коммунизм, социализм, фашизм.

Большой отклик вызвал развернутый пост одного из пользователей с версией альтернативной истории российского политического деятеля Егора Холмогорова. Отправной точкой версии является «удаление» Октябрьской революции из истории («если бы Ленина задержали и не отпустили») [Strategium.ru, 2017].

В целом, анализ дискуссии показал, что участники дискуссии для любительского уровня компетентны в вопросах Отечественной истории XX в., иногда ссылаются на научную литературу. Как мы помним, название темы: «Столетие Октябрьской революции», однако, как и следовало ожидать, дискуссия вышла за более широкие рамки, отклонялась за рамки основной темы. Дискуссия затрагивала события XX в. и незначительно XXI в., но не период до XX в. Исходя из этого, можно сделать предположение, что пользователи, участвовавшие в дискуссии в этой теме, интересуются именно событиями XX и XXI в. Отечественной истории. Сама революция обсуждалась в экономических, политическом, идеологическом измерениях, в русле альтернативной истории. Анализ при помощи «медленного чтения» участия самых активных авторов в других темах также показывает, что они в основном дискутируют по современным экономическим и политическим проблемам в России и на Украине, а также в темах по отечественной истории XX в. Сам ход дискуссии во многом, но не полностью определялся тремя самыми активными пользователями, не все из выявленных нами обсуждаемых вопросов были инициированы тремя активными авторами.

Следующий форум для анализа – форум «Historyforum».

25 октября 2017 г. на форуме «Historyforum» была создана тема «Октябрьская социалистическая революция 1917-года. К столетию». В 2017 г. тема существовала до 8 декабря, насчитывает 2,5 страницы дискуссии. Затем тема возрождается только в феврале 2020 г. и продолжается до 2021 г. (43 страницы). Но наша работа ограничена хронологическими рамками 2017 г.

Один из пользователей форума начал тему, приведя свои взгляды на Октябрьскую революцию, которые состояли из 5 пунктов [Historyforum, 2017].

1. События октября 1917 г. это именно революция, а не переворот.
2. Царскую власть свергли не большевики, а либералы, демократы и члены царской фамилии в феврале (марте) 1917 г.
3. Главным двигателем обеих революций была Первая мировая война.
4. «Империя стала тонуть и разваливаться в результате буржуазно-демократической революции и большевики подобрали то, что плохо лежало».
5. «Одна из причин обрушения царской империи это огромные долги, которые сделал царь Николай II».

6. Осколки империи большевики собирали по кусочкам находясь в состоянии кровопролитной войны, которую питал и поддерживал Запад.

Наибольший отклик вызвала экономическая тематика, которая началась с тезиса автора темы о том, что Николай II вступил в Первую мировую войну из-за долгов перед французскими банками. Изобразим дискуссию графически (рис. 2).

Рис. 2. Финансовые факторы Первой мировой и Гражданской войн

Обсуждался и вопрос о соотношении Февральской и Октябрьской революций, какая революции что дала и что отняла у России. Значительная часть всей дискуссии занимал спор об этом между автором темы и одним из пользователей.

Наблюдение за дискуссией показывает, что участники обсуждают только события XX и XXI вв. В обсуждениях не замечено дискуссии по идеологическим вопросам.

Проанализируем, в каких других темах проявляли активность два пользователя. Интересы автора темы охватывают широкий круг исторических и политических тем, от древней Индии до современной повестки, но наибольшее по сравнению с другими темами количество сообщений было написано им в темах о присоединении Крыма к РФ, иудейской Хазарии, древний евреях, Христианстве.

Анализ сообщений другого пользователя показывает похожую картину, поэтому можно предположить, что на форуме в разные моменты времени актуализируются разные тематики, однако судя по количеству сообщений, прослеживается интерес пользователя к современной политике.

Проанализируем дискуссию на форуме «Playground». В отличие от предыдущих форумов, в повестке этого форума полностью доминируют компьютерные игры, структурированного исторического раздела нет. Тема под названием «Нужна ли была революция 1917-го года?» была открыта в 2009 г., в разделе «Болталка», в том же году прервана. 10 октября 2017 г. тема была возобновлена. Далее пользователь, «инициировавший» продолжение темы, в дискуссии не участвовал.

Дискуссия в основном велась несколькими пользователями.

Анализировать участие пользователей в других темах бессмысленно, поскольку форум практически полностью посвящен компьютерным играм, а тема про революцию стоит в ряду совершенно разных тем в разделе «Болталка».

Приведем примерную схему дискуссии на форуме о революции, ее причинах и последствиях, построенную при помощи «медленного чтения» (рис. 3).

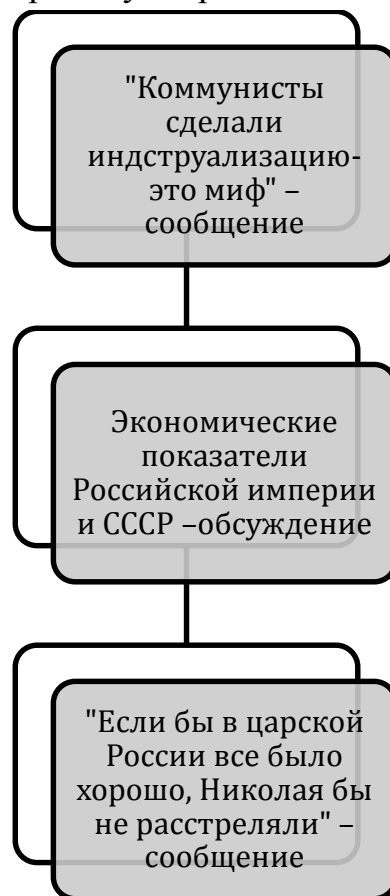

Рис. 3. Обсуждение экономических показателей Российской империи и СССР

Еще две линии обсуждения это:

1. Идеологические вопросы: социализм, коммунизм, фашизм.

2. Современные культурно-цивилизационные проблемы на Западе и экономические в России и роль левых идей в этих проблемах.

В целом, компетентность пользователей в исторических вопросах на форуме ниже, чем на других двух – больше резко оценочных суждений, нецензурной лексики, хотя есть и подробные сообщения со статистикой и ссылкой на источники.

Следующий форум для анализа – «Игромания». Тема под названием «Революция 1917 года. Николай II –тиран или жертва?» была запущена в 2006 г., находится в подразделе «История», которая в свою очередь создана в разделе «Беседка».

Дискуссия шла практически непрерывно с 2009 по 2017 гг., за исключением 2014 г., когда сообщений не было.

Самой узловой точкой дискуссии по количеству сообщений был вопрос о законности отречения Николая II, или его «фейковости». Проиллюстрируем дискуссию об этом и других вопросах на инфографике (рис. 4, 5).

Рис. 4. Обсуждение отречения Николая II на форуме «Игромания»

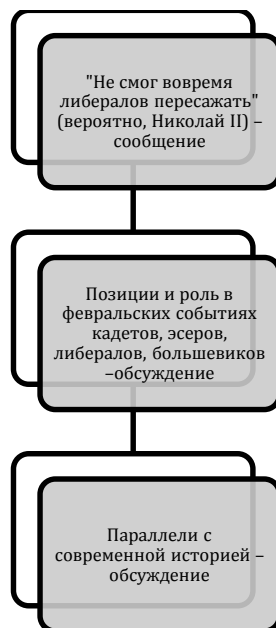

Рис. 5. Обсуждение причин Февральской революции на форуме «Игромания»

По итогам дискуссии на четырех форумах мы видим следующие закономерности, касающиеся авторов:

1. Участники дискуссии в основном мужского пола.
2. Многие играют в стратегические компьютерные игры, в сюжете которых фигурируют события мировой истории.
3. Интересуются современной политической ситуацией в России и целом в мире.
4. Строят параллели и логические цепочки между революцией 1917 г. и другими, более поздними событиями – Второй мировой войной, распадом СССР.
5. Строят альтернативные истории, базирующиеся на другом стечении обстоятельств в 1917 г.
6. Практически не обсуждают историю до XX в., по крайней мере судя по активности в соответствующих темах.
7. Не соглашаются с оппонентами в ходе дискуссии;
8. Обсуждают идеологические вопросы, связанных с понятиями коммунизма, социализма, фашизма, либерализма, также обсуждают экономическую тематику.
9. Более конструктивные, подробные и «компетентные» сообщения на форумах, в которых разветвленный исторический раздел, и наоборот – на форумах, где исторические темы в разделах «Болталка» и «Беседка».
10. В дискуссии часто обращаются к статистике и приводят прямую речь участников событий 1917 г., иногда приводят ссылки на научную литературу.
11. В качестве приема дискуссий часто используют разную трактовку понятий.

В связи с обильностью материала, представляет интерес использовать автоматические алгоритмы анализа текста.

Мы проведём анализ текстов при помощи «дальнего» чтения. Мы используем несколько методов, в частности, латентное размещение Дирихле (LDA), латентно-семантический анализ (LSA).

Методика тематического моделирования при помощи алгоритма LDA прописана на электронном ресурсе [TextMiningwithR: ATidyApproach, 2022], при её помощи могут быть проанализированы тексты из разных областей знания.

Один из примеров обращения историков к алгоритму LSA – работа А. В. Кузнецова, где исследователь провёл латентно-семантический анализ латинских текстов в среде программирования R для проверки гипотез о наличии у автора текстов Исидора Севильского представлений об определённой иерархии варварских народов [Кузнецов, 2020].

Тексты тем о революции 1917 г., относящиеся к 2017 г., были загружены в текстовые документы в формате «ТХТ» при помощи технологии парсинга сайтов, реализованной в программе Rstudio в среде программирования R.

Латентное размещение Дирихле (LDA) является одним из методов тематического моделирования. В рамках концепции, на которой базируется этот метод, документ представляет собой смесь тем, а тема – смесь термов (слов). Базой для выполнения LDA является терм-документная матрица, столбцы которой соответствуют документам, а строки – термам. Значения в матрице обозначают частоту встречаемости определенных термов в каждом документе.

Приведем фрагмент матрицы (табл. 1).

Таблица 1

Терм-документная матрица (фрагмент)

Термы	Документы			
	Historyforum	Форум Playground	Форум strategium	Форум игромания
американский	2	0	0	0
английский	3	4	0	0
англия	3	4	0	1
антанта	11	4	20	0
армия	1	2	80	17
большевик	17	8	120	32
германия	18	2	0	5
китай	2	0	100	0

Мы выполнили на матрице алгоритм LDA в программе Rstudio в среде программирования R. При помощи пакета tm тексты были предварительно очищен от стоп-слов (малозначительные слова не несущие смысловой нагрузки), переведены в нижний регистр, был удалены цифры. Был задан поиск четырех тем по числу документов в подборке (один документ соответствует одному форуму). Был получен следующий набор тем (рис. 6).

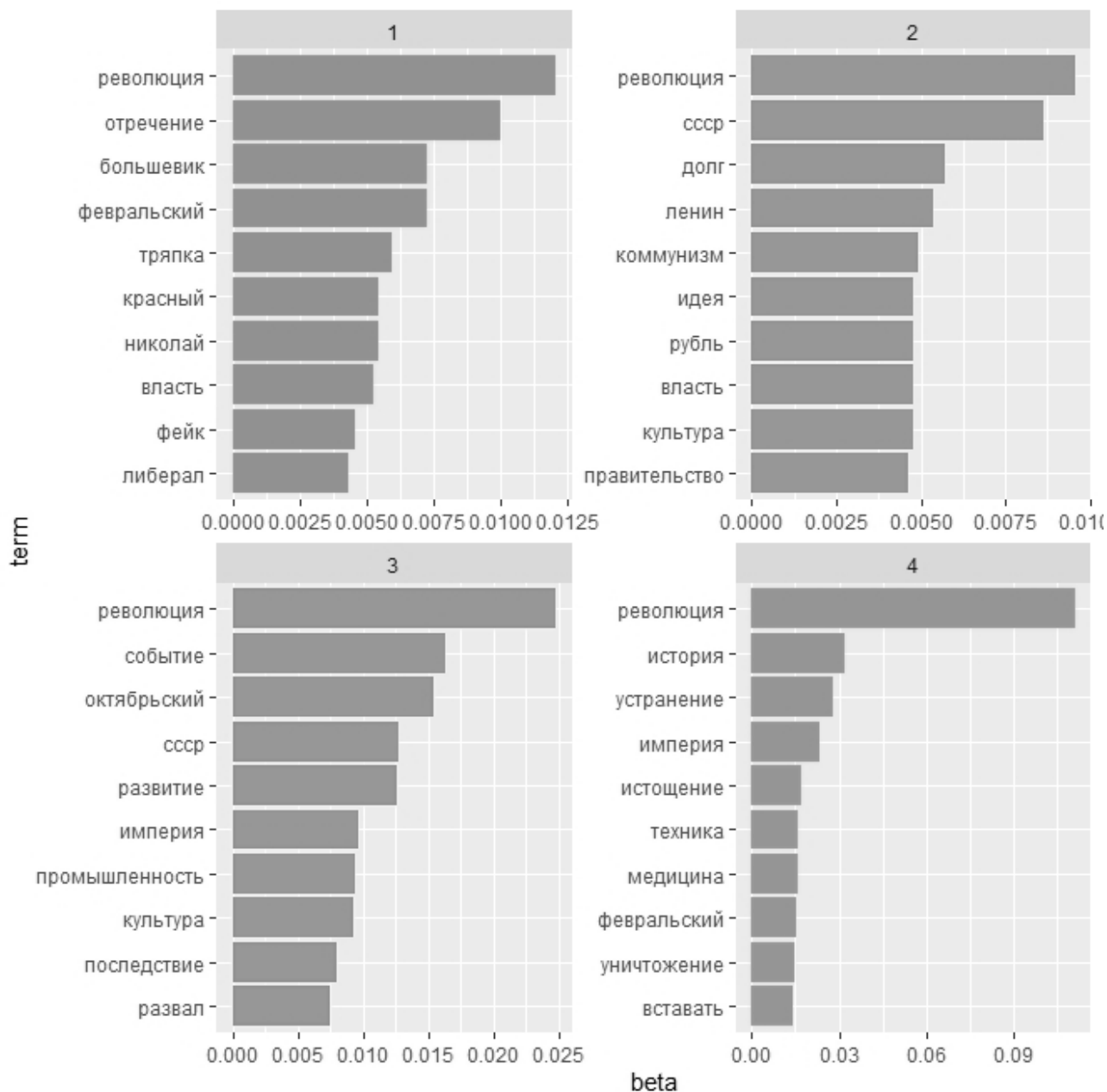

Рис. 6. Тематики, выявленные алгоритмом LDA (2 темы)

Как мы указывали, LDA моделирует темы как набор слов, что приведено выше, но также и документы как набор тем. Необходимо рассчитать показатель «Вероятность темы в документе», который покажет долю слов в документе из определенной темы. Приведем таблицу (табл. 2):

Вероятность темы в документе (4 темы)

№	Форум	Тема	Значение
1	History	1	0,0000114
2	Playground	1	0,00000926
3	Strategium	1	0,00000192
4	Игромания	1	1
5	History	2	1
6	Playground	2	1
7	Strategium	2	0,00000192
8	Игромания	2	0,00000755
9	History	3	0,0000114
10	Playground	3	0,00000926
11	Strategium	3	0,855
12	Игромания	3	0,00000755
13	History	4	0,0000114
14	Playground	4	0,00000926
15	Strategium	4	0,145
16	Игромания	4	0,00000755

Данный расчет показывает, что текст форума «Игромания» на 100% состоит из темы 1 (строка № 4). Обсуждения на форумах «History» и «Playground» на 100% состоят из темы 2 (строки № 5, 6), а на форуме Strategium – на 86% из темы 3 (строка № 11) и на 14% из темы 4 (строка №15). Таким образом, тема 4 мало фигурирует в документах, поэтому имеет смысл повторно запустить алгоритм LDA и выявить 3 темы (рис. 7).

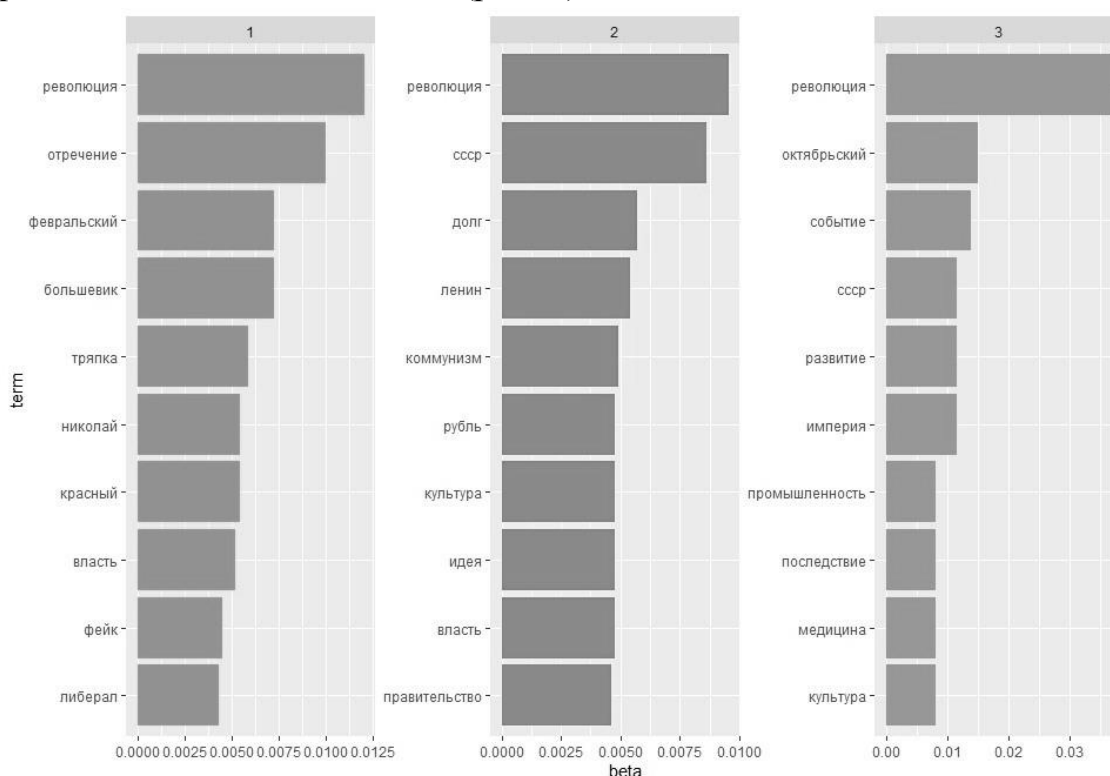

Рис. 7. Тематики, выявленные алгоритмом LDA (3 темы)

Произведем повторную проверку по показателю «Вероятность темы в документе» (табл. 3).

Таблица 3

Вероятность темы в документе (3 темы)

	Форум	Тема	Значение
1	History	1	0,00000832
2	Playground	1	0,00000676
3	Strategium	1	0,00000141
4	Игромания	1	1
5	History	2	1
6	Playground	2	1
7	Strategium	2	0,00000141
8	Игромания	2	0,00000552
9	History	3	0,00000832
10	Playground	3	0,00000676
11	Strategium	3	1
12	Игромания	3	0,00000552

После данной операции каждый документ принадлежит к определенной теме, а материалы форумов «History» и «Playground» состоят из одной темы – темы 2, таким образом у нас нет «лишней» темы.

Если сопоставить результаты анализа LDA с результатами «медленного чтения», то получится несовпадение. Анализ LDA в случае с форумом «Strategium» не выявил интерес пользователей к земельному вопросу, обсуждения идеологических вопросов, а также альтернативной истории революции, а в случае с форумом «History –напротив, результаты «дальнего» и «медленного чтения» совпали. Материалы форума Playground алгоритм отнес к той же теме, что и материалы форума History. Тут, на наш взгляд, автоматические и традиционные результаты частично совпали – в обоих форумах значительная доля экономической тематики, на форуме Playground значительная часть обсуждений также посвящена проблеме культурного «вырождения» на Западе, алгоритм это практически не выявил (был выявлен терм «идея»). В случае с форумом «History» алгоритм LDA показал хорошие результаты – удалось выявить ряд самостоятельных тематик в обсуждении: выявлена тематика отречения Николая II, обсуждение самого последнего царя, Февральской революции – эти тематики и были главными в обсуждении.

На базетерм-документной матрицы, использованной при анализе по алгоритму LDA, запустим также в среде программирования R алгоритм LSA (латентно-семантического анализа), который позволит выявить степень семантиче-

ского сходства документов: произведем расчет косинусного сходства документов в латентно-семантическом пространстве. Приведем температурную карту косинусного сходства текстов форумов (рис. 8).

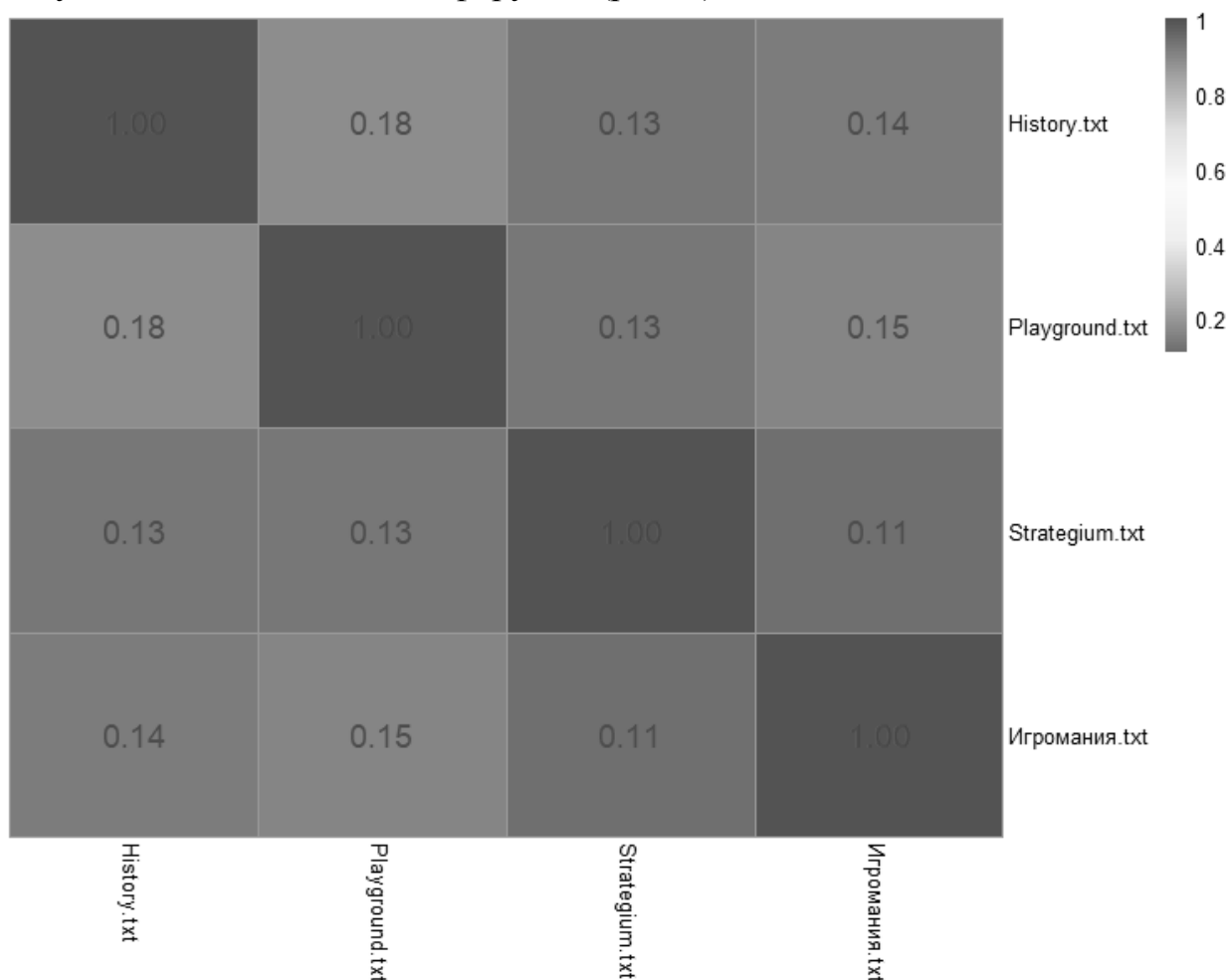

Рис. 8. Температурная карта косинусного сходства материалов форумов

Данный алгоритм в меньшей степени, чем LDA, оценивает сходство тематик текстов, однако бесспорно сходство есть, причем наибольшее оно у текстов форумов «History» и «Playground», что показал и LDA.

Таким образом, по нашим наблюдениям, методы «дальнего» чтения» сработали на форумах, в которых основное количество сообщений генерировалось небольшим количеством пользователей. Форум «Strategium», на котором автоматические алгоритмы не сработали, отличается большим количеством участников дискуссии, написавших большое количество сообщений. В связи с этим имело место разнообразие лексики разных людей, поэтому основные тематики могли «затеряться» для алгоритма. А на форумах, в которых основных участников обсуждения несколько, алгоритмы показали хороший результат и совпадение с традиционными методами медленного чтения. Для проверки гипотезы имеет смысл отобрать наиболее активных участников дискуссии на форуме

«Strategium» и проанализировать их дискуссию отдельно от остальных участников форума, тем более, что эти пользователи и определяли направление дискуссии.

Таким образом, при работе с текстами форумов показали некоторые ограничения алгоритм LDA – при их помощи не были выявлены темы обсуждения на форуме с большим количеством участников, но при помощи этих же алгоритмов мы корректно выявили темы на других форумах, где основных участников обсуждения было не больше 5. На наш взгляд, для данных алгоритмов представляли сложность как объём материала, так и разнообразная на лексика на форуме с большим количеством участников.

В качестве направления дальнейшей работы может быть настройка оптимального списка стоп-слов для более качественной работы алгоритма LDA, а также дробление большим материалов на несколько частей и анализ их алгоритмом LDA по отдельности.

Библиографический список

Белых О. Л. Интернет-периодика как источник для изучения российско-американских отношений: дис. канд. ист. наук. Иркутск, 2017. 303 с.

Бородкин Л. И. «Цифровой поворот» в дискуссиях на XXII международном конгрессе исторических наук (Китай, 2015 г.) // Историческая информатика. информационные технологии и математические методы в исторических исследованиях и образовании. 2015. № 3–4 (13–14). С. 56–67.

Зверева В. В. Дискуссии о советском прошлом в сообществах сети «В Контакте» // Вестник общественного мнения. 2011. № 4 (110). С. 97–112.

Игромания [сайт]. Jelsoft Enterprises Ltd., 2000 – 2022. URL: <http://forum.igromania.ru/showthread.php?t=78610&page=117> (дата обращения: 10.03.2022)

Колоницкий Б. И. Десакрализация революции и антиреволюционный консенсус в современной России: юбилей 2017 года и его политическое использование/неиспользование // Мир России. Социология. Этнология. 2018. № 4. С. 78–101.

Кузнецов А. В. Компьютерный анализ текстов на латинском языке: латентно-семантический анализ «Истории готов, вандалов и свевов» Исидора Севильского // Историческая информатика. 2020. № 2. С. 178–190.

Махов А. С. Повседневное знание о прошлом в дискуссиях на веб-форуме // Новая и новейшая история. 2015. № 1. С. 141–154.

Моретти Ф. Дальнее чтение/ пер. с англ. А. Вдовина, О. Собчука, А. Шели. Науч. ред. перевода И. Кушнарера. М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. 352 с.

Промыслов Н.В. Отечественная война 1812 года в русскоязычном сегменте сети Интернет // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. №5 (38). С. 1–5.

History-forum.ru [сайт]. URL: <https://history-forum.ru/viewtopic.php?t=1308> (дата обращения: 15.03.2022).

Keith S. Forgetting the Last Big War: Collective Memory and Liberation Images in an Off-Year Anniversary // *American Behavioral Scientist*. 2012. № 56(2). P. 204–222.

Playground [сайт]. 2001–2022. URL: https://forums.playground.ru/talk/society/nuzhna_li_byla_revolyutsiya_1917_go_goda-562484/ (дата обращения: 22.03.2022).

Strategium.ru: [сайт]. Invision Community, 2008 – 2022. URL: <https://www.strategium.ru/forum/topic/85647-stoletie-oktyabrskoy-revolyucii/> (дата обращения: 25.03.2022).

Text Mining with R: A Tidy Approach [сайт]. Julia Silge and David Robinson. URL: <https://www.tidytextmining.com/topicmodeling.html>.

Trubina E. Past Wars in the Russian Blogosphere: On the Emergence of Cosmopolitan Memory // *War, Conflict and Commemoration in the Age of Digital Reproduction*. 2010. P. 63-85.

DISCUSSIONS ABOUT THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 DURING THE 100TH ANNIVERSARY OF THE REVOLUTION: METHODS OF STUDYING RUSSIAN ONLINE FORUMS

Sokolov Yuri V.

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, 603022, Russia,
sapsan118@yandex.ru

Abstract

The article tests the methodology for researching online forums on the material of an online discussion about the revolution of 1917. In particular, computer analysis methods are used in the R programming environment, such as latent Dirichlet placement, latent semantic analysis. Compliance of results of computer processing and simple reading of materials is checked. The results of the study showed that automatic analysis algorithms performed better on forums with a small number of participants in the discussion and worse when processing discussions with a large number of participants.

Keywords

Public history; 1917 revolution; digital humanities; latent semantic analysis; latent Dirichlet placement

«АТАКА МЕРТВЕЦОВ» В МУЗЫКАЛЬНЫХ КОМПОЗИЦИЯХ: АНАЛИЗ ПОПУЛЯРНЫХ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ ВТОРОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

*Винник Алексей Андреевич,
Воронцов Юрий Александрович,
Субботин Максим Александрович,
Субботина Наталья Александровна*

Пермский государственный
национальный исследовательский университет,
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15,
montewar@mail.ru
ura1550@mail.ru
max.subb.14@yandex.ru
nat37005820@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена репрезентации самого известного мифа Первой мировой войны – «атаке мертвецов». В данной работе исследуются произведения таких групп и отдельных исполнителей как Авентайл, Ария, Арктида, Sabaton, Radio Tarok, В. Стрижак. Каждое музыкальное произведение анализируется в совокупности. Отдельно рассматривается видеоряд (в случае его наличия), текст, музыка. Для изучения видеоряда авторы ориентировались на подходы к изучению визуальных образов П. Штомпки. Музыкальное сопровождение исследуется с точки зрения музыкальных теорий, которые объясняют ритмику и стиль музыки, позволяют рассмотреть воздействие любого музыкального произведения на человека. Текст был проанализирован с помощью контент-анализа. Внимание было уделено анализу образов, тем, героев, событий, хронологии повествования. Каждый куплет песен разобран на отдельные символы и сюжеты. Миф об «атаке мертвецов» прошел сквозь время и сейчас активно репрезентируется в медианпространстве различными способами. Проникает он не только в тексты, но и в музыку, задавая определенный тон сюжетам и произведениям в целом. Руководствуясь идеями А. Ассман, мы можем рассмотреть «работу» мифа в культурной памяти, его цели и задачи, его бытование в публичном пространстве. На основе детального изучения творчества выбранных для анализа музыкальных групп делается вывод о различной направленности изучаемых произведений. Некоторые произведения направлены на укоренение мифа, некоторые просто используют миф, как удобную форму общения с потребителем. Кто-то воспроизводит миф почти буквально, слово в слово, кто-то убавляет детали в угоду музыкальному произведению. Но в центре композиции все равно остается великий миф об «атаке мертвецов».

Ключевые слова

Крепость Осовец; 6 августа 1915 года; «Атака мертвецов»; анализ музыкального произведения; Первая мировая война; химическое оружие; исторические мифы.

Взаимодействуя с прошлым, государства и граждане нуждаются в героических страницах истории. Еще в XIX Э. Ренан отмечал, что национальная идея

основывается на героическом прошлом, славе, желании совершить подобное в будущем [Ассман, 2014]. В постсоветской России, нуждающейся в объединительных нарративах, романтизированные сюжеты военных конфликтов прошлого активно интегрируются различными акторами в мемориальную культуру.

«Атака мертвецов» – популярное название художественно осмысленного эпизода Первой мировой войны – обороны крепости Осовец. Примерное содержание бытующего нарратива гласит: после газовой атаки немецких войск на русские позиции 6 августа 1915 года. Где уступающие численно, отравленные газом солдаты полка 226-го Землянского полка Российской императорской армии под крепостью Осовец (в тот момент немногочисленного), возглавляемые молодым поручиком В. Котлинским (несколько десятков человек, иногда называются другие цифры), несмотря на тяжелое состояние, обратили в бегство численно превосходящий 18-й германский ландверный полк (называется число в 7000 человек). В годы войны был одним из многочисленных героических эпизодов, о которых упоминали в публичном пространстве [Пахалюк, с. 51].

Советская историография довольно поверхностно рассматривала «империалистическую войну», акцентируя на наиболее важных военных и политических событиях с точки зрения большевиков и подчиненной государству советской исторической науки. События Великой Отечественной войны окончательно «убрали из повестки» любые упоминания о Первой мировой. Считается, что впервые термин «атака мертвецов» было употреблен в 1939 году военным историком С. А. Хмельковым в работе, посвященной Осовцу [Пахалюк, с. 48–49], [Ренан, с.76–80].

В современной историографии истории обороны Осовца, генезису мифа об «атаке мертвецов» 6 августа 1915 г. в современной России и проникновению его в публичное пространство посвящена статья К. А. Пахалюка. Используя концепцию мифа Р. Барта и опираясь на корпус источников, автор доказал, что большинство современных публикаций имеют мало общего с тем, что происходило в боях за Осовец в 1915 году и направлены на укрепление героико-патриотического дискурса в публичном пространстве по отношению к прошлому [Пахалюк, 2016].

Можно сделать вывод, сюжет «атаки мертвецов» упоминается в историографии скорее в качестве культурного конструкта и не используется для обозначения произошедшего исторического события.

В постсоветском пространстве термин «атака мертвецов» впервые употребляется и в публицистической статье журналиста издания «Совершенно секретно» В. В. Воронова [Воронов, 2009]. Позже, сюжет о «мертвецах», героически

победивших врага, поддерживается в статье А. Денисова из журнала для российского спецназа «Братишка» [Денисов, 2011]. Там можно встретить такую фразу: «...Они не могли, не могут и не смогут умирать за Родину, "за други своя". Не смогут ложиться на амбразуру дзота, вызывать огонь на себя. А наш солдат сможет! Даже сейчас, когда его усиленно инфицируют деньгоманией и пофигизмом. Потому что это – хромосомный набор, и у нас он иной, нежели у них» [Денисов, с. 38].

Можно сделать вывод, что сконструированный нарратив о героях – «мертвецах» появляется трудами публицистов и постепенно интегрируется в историко-культурный патриотический дискурс, что и отметил исследователь К. А. Пахалюк [Пахалюк, 2016].

В рамках данной работы под термином «миф» понимается одно из его значений, употребляемое в работах А. Ассман: «взгляд на историческое событие «через призму идентичности»; в этом варианте миф означает аффективное усвоение собственной истории. В этом смысле миф служит исторической основой; эта основа не может быть опровергнута научными исследованиями, ибо постоянно обогащается толкованиями, которые, сохраняя для социума прошлое в настоящем, дают данному социуму ориентацию на будущее» [Ассман, 2014]. В итоге миф преподносится публике и укрепляется в кино, литературе, музыке. Далее мы рассмотрим именно музыкальные композиции.

«Атака мертвецов» получила своё отражение в песнях таких исполнителей, как Авентайл, Ария, Арктида, Sabaton, Radio Tarok, В. Стрижак. Все представленные песни выпущены в 10-х годах XXI века и являются наиболее популярными в своем сегменте. Об этом говорят просмотры у данных роликов в различных социальных сетях. Выбранные нами музыкальные произведения являются репрезентативными, в будущем по их примеру можно будет проанализировать большее количество материалов по данной тематике.

Музыкальным произведением, посвященным тематике «осады Осовца», является песня экстрим-пауэр-метал группы «Авентайл» под названием «Атака мертвецов (Осовец)», выпущенная в 2012 году [Тексты песен Авентайл..., 2012]. Жанр экстрим-пауэр-метал характеризует быстрый темп музыки и сложность гитарных партий. Однако вокал здесь очень агрессивен, что не всегда свойственно так называемому «жизнерадостному» пауэр-металу. Группа «Авентайл» не сняла клипа на эту песню, поэтому здесь представлен лишь анализ текста.

В данном произведении создается образ жестокой войны, где русские солдаты загнаны в угол, в «бетонных стенах», которые являются их последним оплотом. Присутствуют метафоры и сравнения «ад на земле», «в стенах как в петле».

В песне по принципу дихотомии определены свой/чужой. Смелые русские защитники, жертвующие собой и немцы-враги, делающие все возможное для их истребления, прослеживаются мотивы исключительности русского народа «Осады такой не смог еще выдержать в мире никто», героизируется смерть на поле боя. От лица погибших русских солдат авторы говорят о презрении к врагу, вечной памяти поражения немцев и смелости защитников крепости и преемственности героизма их отцов [Тексты песен Авентайл..., 2012].

В 2013 году вышла песня «Атака мертвецов, или русские не сдаются» в исполнении Варвары Стрижак, молодой исполнительницы песен патриотической направленности. Ритмический рисунок произведения по сравнению с остальными исполнителями достаточно спокоен, упор делается скорее на красивый вокал, передачу эмоций через интонацию, чем на инструментальный отыгрыш.

В видеоклипе используются различные образы: «хитрого демона войны» – «едкого хлора» солдата с окровавленным куском белой ткани на лице [*Варя Стрижак. Атака Мертвецов...*, 2013], [*Варя Стрижак. Песни...*, 2013].

Клип сопровождается качественно оформленным видеорядом, созданным военно-патриотическим клубом «Пехотинец». Авторы клипа утверждают, что немцы были готовы к применению газа, оснащены противогазами, в отличие от русских войск, у которых не было средств химической защиты. Весьма спорно выглядит реакция русских солдат на поражение газом – в видеоряде он действует практически мгновенно, под воздействием газа солдаты падают, теряют всякую координацию и чувство пространства. В видеоклипе уменьшена численность как русских, так и немецких солдат. В конце видеоклипа показывается свеча и подпись: «Тогда появилась крылатая фраза "Русские не сдаются!"», что является художественным вымыслом [*Пахалюк, с.52*].

В видеоклипе присутствуют два противоборствующих образа: русские солдаты, которые характеризуются через героизм и мужество, атакующие в полный рост, и противопоставленные им немцы, которые «трусливо» бегут с поля боя. Отдельный акцент делается на религиозности русских, которые крестятся и молятся перед атакой.

В произведении отражён патриотический миф. В данном случае уместна отсылка к практике формирования мифа-нарратива, исследованных историком К.А. Пахалюком: «...назовем практикой локализации, которая насыщает определенный боевой эпизод символической значимостью. Ему приписываются дополнительные смыслы, которые могут быть релевантными для ситуации в целом, но вовсе не "локализованным" в данном месте событиям. Вся сложность события

(оперативная и стратегическая обстановка, разрозненные боевые действия, процесс принятия оперативных решений штабами разного уровня, личностное измерение событий и пр.) не может быть полностью во всем многообразии изложена в ограниченном медийном формате, а потому она сжимается ("локализуется") до одной точки, в нашем случае этой точкой является крепость Осовец» [Пахалюк, с.44–45]. Говоря терминами А. Ассман, память побеждённых трансформируют в память победителей её в доминирующий военно-героический мемориальный дискурс России.

Представления об «Атаке мертвецов» в творчестве групп «Ария» и «Арктида» довольно схожи между собой. Песня «Арии» «Атака мертвецов» вышла в 2014 году в альбоме «Через все времена». На официальном канале группы в сервисе «YouTube» есть видеоролик, в котором В. А. Кипелов говорит, что эта песня о солдатах Первой мировой войны, ставших позже белогвардейцами, которых советское общество вычеркнуло из памяти, поэтому исполнители хотели “воспеть” этот солдатский подвиг [Атака Мертвецов. Через все времена..., 2015].

Текст песни «Атака мертвецов», написанный для группы М. Пушкиной имеет упорядоченный сюжет: оборона под ударами артиллерии, газовая атака, подвиг, гибель и память. Героями песни являются солдаты 226 Землянского полка, которые в «раскалённом урагане» артиллерийского обстрела защищают Крепость (Осовец):

«Рев железа, языки огня,

Раскаленный ураган...» [Атака Мертвецов. Через все времена..., 2015].

Достаточно прозаично представлен образ смерти: «газ – враг смертельный без лица». Солдаты демонстрируют стойкость и непоколебимость перед лицом неизбежной гибели. Повествование в одном из моментов даже ведётся от их лица. Прослеживается дихотомия добра и зла, смешавшихся в этой войне. За свои страдания солдаты попадают в рай. Стоит отметить, что германские солдаты не упоминаются в каком-то негативном ключе.

В песне группы «Арктида» «Атака Русских Мертвецов» (2017 год) сюжет затрагивает непосредственно момент «атаки мертвецов». После прослушивания песни можно сделать следующий вывод: покинутые Богом солдаты-мертвецы с остатками Землянского полка, ведомые дьяволом, совершили подвиг.

Драму песне придаёт использованная дихотомия Бог/дьявол:

«...пусть русский Бог нас позабыл, быть может, занят был немного,

И в этот день, и в этот миг к нам всё равно пришла подмога». [Арктида. Атака русских..., 2017]

Возможно, не без иронии авторы назначают русским солдатам другого помощника – дьявол, который «точно русский» [Арктида. Атака русских..., 2017]. В данных строках можно прочитать Первую мировую войну как ад, для выживания в котором хороши все средства и любые союзники. Схожий сюжет присутствует у «Арии», где солдаты перед смертью как бы задают вопрос:

«Кровью харкали врагу в лицо,

Дьявол вел нас или Бог?

Враг бежал от нас, от мертвецов,

К Смерти, за её порог» [Атака Мертвецов. Через все времена..., 2015].

В песне «Арктиды» фигурирует понятие «долг». Примечательна апелляция к прошлому, к предкам, за память которых сражались солдаты «во имя дедов и отцов». Слушателю предлагается почтить память павших героев: «Поклонимся за смертный бой героям Первой Мировой».

В клипе съёмка музыкантов чередуется с кадрами хроники, в которых показаны атакующие солдаты, бомбардировки артиллерии, распыление газа, солнце и море [Текст песни Арктида..., 2017], [Арктида..., 2017].

Отдельным объектом изучения в данной статье становится песня шведской группы «Sabaton» – «The Attack of the Dead Men». Хэви-пауэр-метал группа, исполнившая данное произведение, берет свое начало в 1999 году. Буквально с первых песен тематика группы оставалась неизменной – война. Каждая песня данной группы рассказывает о сражениях, баталиях, войнах в целом. Не является исключением и эта песня 2019 года (входит в альбом «The Great War»). Так что говорить о том, что данная песня особенно выделяется среди всего творчества группы, нам не приходится. К тому же она даже не получила никаких наград и не входила в топы. Не говорим мы и о том, что группа «Sabaton» поддерживает и полноценно воспроизводит миф об атаке мертвецов. В тексте песни большее внимание уделяется не только и не столько событиям 1915 года, сколько чувствам, эмоциям. В тексте чаще присутствуют пространные описания военных действий вообще:

«Под градом пуль атакуют вновь

Сто человек, и гибнут вновь!» [Перевод текста песни «The Attack...», 2019].

Авторы будто не пытаются влезть в сферу мифа, героики, а просто рассказывают очередную, пусть и славную историю.

Главным образом в песне остается смерть. Она здесь имеет множество различных воплощений. От смерти героической (в битве), бесславной (при бегстве немцев), несостоявшейся (после газовой атаки). Важным, ярким образом является здесь также популярный персонаж американской культуры – зомби. Именно

поэтому страх как эмоция, как чувство сопровождает нас от начала до конца песни. Ощущение непобедимого врага остается с нами на протяжении всей песни.

Главным героями в песне, несмотря на ее несильную мифологизированность остаются русские военные, давшие бой 6 августа 1915 года в районе крепости «Осовец». Присутствует и командование русских и немцев, названное в песне как «Гинденбург» и «царь». И это интересно: главнокомандующий Гинденбург назван в тексте своим именем, а император Николай II – просто царь. При более детальном рассмотрении мы можем увидеть, что так происходит, скорее всего, из-за рисунка рифмы:

«Two combatants spar

Hindenburg against the Tsar» [Перевод текста песни «The Attack...», 2019].

Стоит заметить, что на момент битвы император Николай II еще не был верховным главнокомандующим, хотя поставлен в один ряд с Гинденбургом. Несомненно, что текст песни – это полноценный продукт группы. Допускаются некоторые исторические условности ради сложения рифмы.

У данной песни нет клипа как такового. Существует лишь так называемое «official lyric video» [SABATON – Атака..., 2019] – форма презентации творчества, при которой потребителю демонстрируется некий визуальный ряд, сопровождающийся текстом песни. Визуальный ряд произведения состоит из исторических фотографий с полей Первой мировой войны и иллюстрированных исторических справок. Таким образом перед слушателем рождается новая интерпретация, которая дает ему новые аудиовизуальные образы события в восприятии авторов музыкального произведения.

Что касается стиля музыки, ее звучания и ритма, то это произведение грубо воздействует на слушателя, имеет ритмику так называемого «военного марша». Исходя из слов и ритма песни, слушатель не начинает сочувствовать героям или гордиться ими, скорее появляется некий страх и удивление.

На песню шведской группы Sabaton есть российский кавер – песня «Атака мертвецов» от исполнителя Radio Tapok (2019 год). Кавер не ограничивается переводом песни на русский. Исполнитель изменил и текст, пересоздал песню.

В данном произведении важной метафорой является именно «мертвые» солдаты, поскольку это центральная черта данного мифа:

«Осовец, смерть, трупы, яд

В атаку шёл мёртвый отряд

Они шли, чтоб победить

Что мертво, то уже не убить...» [Radio Tapok. The Attack..., 2019].

Исполнитель в очередной раз образно приукрашивает действие хлора на организм, вызывая слушателя на эмоции: «Их всех рвёт ... кровью».

Видеоряд под песню был позаимствован из короткометражного фильма от игровой студии «Wargaming19», который отличает масштабность съемки, использование компьютерной графики, и, почему-то, перенесение действия из крепости на равнину, усыпанную следами от снарядов и пересеченную колючей проволокой. Крепость представляется в виде насыпи, небольшого возвышения, что, конечно, может создавать ложное впечатление об обстоятельствах сражения [Атака мертвецов: Осовец..., 2019].

Использование отсылок к историческим личностям активно работает на укрепление данного мифа в сознании.

Подводя итоги, хочется отметить, что миф об «атаке мертвецов» является ключевым в данных музыкальных произведениях. Однако, изображение самой атаки, а также влияние каждого произведения на человека уникально в каждом из исследуемых случаев. Безусловно, имеются и централизованные мотивы. Почти в каждом из них атака героизируется, используются различного рода конструкции, которые восхваляют русских и придают мифу еще большее значение. Однако, с точки зрения истории, миф в этих песнях остается мифом, без какой-либо серьезной критики. Авторы показывают и рассказывают нам о том, как русские солдаты «харкали кровью», «плевались кусками легких», чего не происходит при попадании хлора в организм человека [Вредные вещества в промышленности, 1977, с. 21–22]. Также авторы произведений не вдаются в точную хронологию и не пытаются установить порядок событий, но это абсолютно нормально для творческой обработки. В видеорядах произведений часто можно увидеть кадры исторических хроник, которые все же не самостоятельно рассказывают историю, а лишь только иллюстрируют все вышесказанное. То же самое делают и съемки (например, у В. Стрижак). Все перечисленные авторы музыкальных произведений (в том числе шведская группа «Sabaton») художественно осмыслили мифологизированный нарратив сражений за Осовец и дали множество романтизированных образов войны и Российской императорской армии, расширив поле «героического прошлого» России.

Таким образом, представленный в популярных музыкальных композициях миф о героических подвигах в проигранной войне, безусловно, работает на героизацию и романтизацию прошлого. Какие-то из произведений действительно создавались только ради увековечения славного боевого подвига, а какие-то ради коммерческого успеха. Однако, и те, и другие, позволяют в полной мере посмотреть, как раскрывается миф в изучаемой среде.

Библиографический список

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Бориса Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

Воронов В. В. Русские не сдаются // Совершенно секретно. 2009. № 8. <https://www.sovsekretno.ru/articles/russkie-ne-sdayutsya/> (дата обращения 14.06.2020)

Вредные вещества в промышленности / под ред. Н. В. Лазарева и И. Д. Гадаскиной. М., 1977. Т. 3. 608 с.

Денисов А. Осовец. Атака мертвецов// Братишка. 2011. № 1. С. 34 – 40.

Пахалюк К. А. Оборона крепости Осовец: о генеалогии одного героического нарратива // Свободная мысль: международный общественный журнал. 2016. № 2. С. 43-58.

Ренан Э. Что такое нация? http://az.lib.ru/r/renan_z_e/text_1882_что_такое_natzia.shtml (дата обращения 26.06.2020)

Хмельков С. А. Борьба за Осовец. М.: Воениздат НКО СССР, 1939. 96 с. <https://textypesen.com/aventail/ataka-mertvecov-osovec/>; дата обращения 14.06.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=wQ5EKBmrthg>; дата обращения: 13.06.2020.

<http://varyastrizhak.ru/songs/1457>; дата обращения 13.06.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=FcDiwgNk5sk>; дата обращения: 14.06.2020.

<https://music.yandex.ru/album/10766253/track/66165333>; дата обращения: 14.06.2020.

<http://songspro.ru/1/ArktidA/tekst-pesni-Ataka-Russkih-Mertvetsov>; дата обращения: 14.06.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=bE64QHnw63w>; дата обращения: 14.06.2020

https://www.amalgam-lab.com/songs/s/sabaton/the_attack_of_the_dead_men.html; дата обращения: 14.06.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=-AFdwoyNT24>; дата обращения 14.06.2020.

<http://ru.musinfo.net/lyrics/radio-tapok/the-attack-of-the-dead-men-sabaton-cover>; дата обращения: 14.06.2020.

<https://www.youtube.com/watch?v=U518G8fUk6o>; дата обращения: 14.06.2020

«ATTACK OF THE DEAD MEN» IN MUSICAL COMPOSITIONS: ANALYSIS OF POPULAR MUSICAL WORKS OF THE SECOND DECADE OF THE XXI CENTURY

Vinnik Alexey A., Vorontsov Yuri A.
Subbotin Maxim A., Subbotina Natalia A.
Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia,
montewar@mail.ru
ura1550@mail.ru
max.subb.14@yandex.ru
nat37005820@yandex.ru

Abstract

The article provides a thorough analysis of the musical works of various modern artists about the famous historical myth – "attack of the dead men". This work examines the songs of such groups and individual artists as Aventyle, Aria, Arctida, Sabaton, Radio Tapok, V. Strizhak. Each piece of music is analyzed in its entirety. The video sequence (if any), text, and music are considered separately. For the study of the visuals used the theory of the study of visual images, for example, by Sztompka. Musical accompaniment is studied from the point of view of musical theories that explain the rhythm and style of music, and allow us to consider the impact of any music on a person. The text is analyzed more carefully, using various methods of text analysis. Detailed analysis of emerging images, themes, characters, events, and chronology. Each verse of the songs is divided into separate characters and stories. The main theory used by the authors is the theory of myth. The myth of the "attack of the dead men" has passed through time and is now actively represented in the media space in various ways. It penetrates not only into the texts, but also into the music, setting a certain tone for the plots and works as a whole. Guided by the theory of A. Assman, we can consider the "work" of the myth, its goals and objectives, its existence as a whole. Based on a detailed study of the creativity of the selected musical groups for analysis, the conclusion is made about the different directions of the studied songs. Some songs are aimed at rooting the myth, some simply use the myth as a convenient form of communication with the consumer. Someone reproduces the myth almost literally, word for word, someone reduces the details in favor of a musical work. But the great myth of the "attack of the dead men" remains at the center of the composition.

Key words

Osovet's fortress; 6 August 1915; "Attack of the dead men"; analysis of a musical composition; The First World War; chemical weapons; historical myths

Научное издание

АПРЕЛЬСКИЕ ТЕЗИСЫ

Социогуманитарные проблемы прошлого и настоящего

Под общей редакцией *А. В. Заморяхина*

Материалы
всероссийской научной конференции
(г. Пермь, ПГНИУ, 8–9 апреля 2022 г.)

Издается в авторской редакции
Техническая подготовка материалов: *Д. А. Ренев, А. В. Заморяхин*

Объем данных 3,22 Мб
Подписано к использованию 27.12.2022

Размещено в открытом доступе
на сайте www.psu.ru
в разделе НАУКА / Электронные публикации
и в электронной мультимедийной библиотеке ELiS

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15